

"Охота на волков (Живым не брать)"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

* * *

08.12.1999

Москва, Старая площадь

На заседании Совета безопасности Российской Федерации председательствовал, как и следовало ожидать, глава федерального правительства.

Повестка дня не вызывала особых вопросов: Северный Кавказ, злокозненная Чечня, долбаная-передолбаная Ичкерия... Прогнозируемым оказалось также заранее согласованное и теперь единодушно поддержанное всеми решение продолжить маленькую победоносную войну, не форсируя, впрочем, чрезмерно ход чеченской кампании.

На первый, поверхностный, взгляд нынешний Совбез ничем особенным не отличался от всех предыдущих. Заседание по «кавказскому вопросу» было не первым по счету и вряд ли могло стать последним, итоговым, судьбоносным. Отсутствие на нем главы государства также не являлось чрезвычайным событием, иногда он доверял «порулить» очередному фавориту из числа премьеров, но чаще всего его попросту подводило здоровье.

Но в таких случаях подразумевалось, что «гарант» как бы незримо присутствует среди участников толковища, пусть даже его физическая оболочка на тот момент находилась в резиденции Горки-9, в палате ЦКБ или у черта на куличках. Грубую, неприкрытую лесть «царь-батюшка», что бы про него ни наговорили, не переваривал. Но не упомянуть главу при обсуждении важных государственных дел тоже никак нельзя, не по-нашенски это будет, не по-византийски, а потому в ход шли некие ритуальные фразы: «Президент поставил перед нами четкую задачу...», «Мы уже не раз обсуждали данный вопрос с Самим...» — или нечто в таком же роде.

Сегодня же Б.Н. был помянут лишь единожды, да и то вскользь, сугубо по протоколу, когда премьер, открывая мероприятие, сообщил, что повестка дня Совбеза согласована с Президентом.

Собрались здесь, кстати, люди информированные и далеко не глупые. Может показаться циничным, но кремлевский долгожитель многими из них на данный текущий момент времени воспринимался как политическая абстракция, уходящая в небытие. А на Руси, как водится, о покойниках принято говорить либо хорошо, либо ничего.

Поэтому неудивительно, что взгляды присутствующих примагничивала к себе фигура молоджавого немногословного мужчины, в чьем неброском облике был заключен — и кое-кто уже успел в том убедиться — немалый заряд внутренней энергии, чья манера поведения, хотя это и тщательно маскировалось, все еще сохраняла в себе некие черточки и детальки, присущие только выходцам из отечественных спецслужб.

Что они видели перед собой? Что видели перед собой большинство из этих облеченных немалой властью людей?

Они видели типичного выскочку, чей молниеносный карьерный взлет казался им явлением в высшей степени странным и даже подозрительным. Если честно, то довольно скользкую личность с куцей биографией, где главное упрятано между строк. Персону, чье личное дело, закрадывалось подозрение, является самой большой и строго охраняемой государственной тайной. Про него даже толком неизвестно, в каких он числится званиях-чинах — то ли ушел в кадровый резерв подполковником запаса, то ли успел прищипандорить на китель, если таковой

имел, полковничьи погоны... Невразумительная «родословная» у человека — ни тебе военного училища за плечами или Высшей школы КГБ, ни института им. Андропова или разведфакультета Академии им. Фрунзе, ни тем более Академии Генштаба — ну это был бы уже высший пилотаж. Короче, объявился у престола еще один «наследник» из числа малозаметных и малоизвестных, чего не скажешь о двух его предшественниках — Академике и Пожарнике.

А здесь, в зале заседаний бывшего цеховского здания на Старой площади, если не брать в расчет двух беспородных «штатских» вице-премьеров, присутствовали силовые министры и руководители элитных спецслужб страны, сплошь маршалы и многозвездные генералы, выражаясь армейским языком, уважаемые «дедушки», куда против них всяким там салабонам.

Но если в чьих-то головах и роились подобные, не слишком лестные для престолонаследника оценки и характеристики, то внешне это никак не проявлялось. Во-первых, приходится считаться с выбором Семьи, по крайней мере, на первых порах. А во-вторых, и это самое главное, нынешний российский премьер отнюдь не давал повода числить себя эдаким зашуганным тонкошеим салагой. Он уже дал ясно понять: роль «стрелочника» или очередного «временщика» его, в сущности, не удовлетворяет.

Крутость подтверждалась как эффектной — порой афористичной — риторикой, так и наглядными, конкретными делами.

Такими, например, как нынешняя «правильная» и «справедливая» война в Чечне, гальванизовавшая пребывавший в коме государственный организм.

Россия вновь воевала на Северном Кавказе.

Внутри страны также происходило что-то очень и очень важное, возможно, судьбоносное.

У многих людей даже возродился интерес к будущему.

Имя В.В.П. по многим причинам стало в обществе сверхпопулярным. Грядущие выборы грозились превратиться во всеобщий плебисцит.

Но хотя армия и спецназ МВД сражались в Чечне достойно, было бы величайшим заблуждением полагать, что и эта война не может быть кем-то сдана и проиграна.

* * *

Обсуждение хода чеченской кампании заняло от силы полтора часа. О чем говорилось на нынешнем Совбезе, знать совершенно неинтересно. Гораздо любопытнее другое, то, о чем не было сказано ни слова.

Двумя сутками ранее состоялась расширенная коллегия Министерства обороны. Но и в данном случае больший интерес представляет не собственно официальное мероприятие, на которое был приглашен глава правительства, а его закулисная сторона.

Сразу по окончании коллегии имел место деловой разговор, участниками которого (помимо главы правительства и курирующего оборонку вице-преьера) были четверо: министр, начальник Генштаба, командующий ОГФС [1] и начальник финуправления Минобороны.

Несколько удивил и обеспокоил поток обвинений в адрес «товарищей» из МВД — этот настрой превалировал и на коллегии. Получалось, что армия несет на себе основную тяжесть второй

чеченской кампании. В тылу у федералов творится бог знает что. Зачистка в освобожденных населенных пунктах, по сути дела, не проводится. Во временных райотделах — фактически под крылышком МВД — свили гнездышко боевики, которых вдобавок снабжают оружием. Отъявленные бандиты за определенную мзду без проблем проходят регистрацию и остаются вместе со своим оружием в селах. На блокпостах царит произвол, милицейские же сотрудники в открытую занимаются поборами, что еще больше озлобляет чеченцев. Через республику по-прежнему осуществляется транзит наркотиков, и возобновили свою работу подпольные типографии, специализирующиеся на изготовлении «зелени».

1

ОГФС — Объединенная группировка федеральных сил на Северном Кавказе.

И так далее, и тому подобное.

Особый разговор — о внутренних войсках. Армейская элита настаивает на том, чтобы ВВ были переданы целиком в подчинение МО и Генштаба.

И уже как бы на десерт оставили финансовые вопросы, в том числе необходимость увеличить объем ГОЗов [2] как минимум в полтора раза. У военных явно разыгрался аппетит...

Тон обсуждения был предельно спокойным и деловитым. Премьеру ясно дали понять: армия понимает, сколь большое значение для успеха — или же, наоборот, неуспеха — в предстоящей президентской кампании приобретает ход кавказской войны. Армия однозначно поддерживает В.В., но у нее, то есть у армии, имеются и собственные интересы. И если они, эти интересы, будут соблюдены, что, кстати, пойдет на пользу обществу и государству, то за успех акции в Чечне можно не беспокоиться — какие бы ляпы ни допускали коллеги из МВД и какие бы мерзости они там ни творили.

Особую обеспокоенность у премьера вызвало следующее обстоятельство: подобные речи, только с точностью до наоборот, ему уже довелось слышать — на расширенной коллегии МВД, состоявшейся несколько дней назад, в самом начале декабря.

А в промежутке между двумя этими знаменательными событиями, в выходные дни, В.В. провел несколько часов в Барвихе, где окончательно обговорили условия, на которых процедура передачи власти может состояться уже в ближайшее время.

Прежде чем покинуть здание Совбеза — заседание проводилось на нейтральной территории, поскольку встречаться с силовиками в Кремле, при живом и действующем «гаранте», В.В. счел нетактичным, — премьер изъявил желание спуститься на несколько минут в Ситуационный центр, помещения которого находились в подземной части здания. Там ему уже не раз доводилось бывать, и именно оттуда он намеревался переговорить с генералами в Моздоке и Махачкале.

Свиту отсеки еще при прохождении «шлюза». Возле премьера оставались только его помощник и секретарь Совбеза — статный пятидесятилетний мужчина с благородной сединой на висках, в свое время довольно долго руководивший Главным разведуправлением (ГРУ) Генштаба.

— Виктор Константинович, — слегка понизив голос, говорил визитер, — существует круг вопросов, которые я хотел бы с вами обсудить.

— Где и когда? — осведомился секретарь Совбеза.

— Здесь, у вас, на Старой площади. Ждите меня в субботу, после шести вечера.

— Какого рода материал мне следует подготовить?

— Обсудим вашу докладную на мое имя. Я вам кое-что сообщу. Если же наши выводы совпадут, тогда, генерал, нам придется реанимировать Антикризисный центр.

2

ГОЗ — государственный заказ обороны.

Часть 1

Пятничный намаз

Глава 1

Селение Чихи-Юрт, если кто-то не знает, находится на самом краю земли. На краю заметно всхолмленной Терским и Сунженским хребтами равнинной части Чечни, у северной подошвы Кавказских гор.

Само село с высоты 212,5 просматривается лишь фрагментарно. Помехой обзору служит еще одна возвышенность, смахивающая с той точки, где притихарилась «группа товарищей», на отбросившего копыта двугорбого верблюда. Они были лысыми, склоны этих холмов, и какими-то даже потертыми, как шкура околешего от старости бактриана.

Бушмин переменял позицию, решив устроиться покомфортнее. Он стоял в полный рост, поскольку никакой надобности «шухериться» сейчас не было. Упором для спины служил наклонный ствол горной сосны, на одну из нижних лап которой он для удобства положил согнутую в локте руку.

В голове Андрея Бушмина, помимо полезных для профессии сведений, хранилась — как бы про запас — масса всякой иной информации. Где-то он вычитал, что этих самых бактрианов, в их диком, естественном состоянии, почти не осталось, сохранились лишь отдельные особи. Поэтому пришлось этих животных срочно заносить в Красную книгу, дабы они совсем не исчезли с лица земли.

Применительно к конкретной ситуации было бы весьма отрадно видеть нохов [3], а заодно с ними и вахов [4], если и не в гробу в белых тапочках, то, по крайней мере, на страницах Красной книги. Нельзя, конечно, допустить, чтобы целиком исчез весь местный люд. Было бы негуманно... Но пусть они в своем диком, естественном состоянии среди нормальных людей встречаются как можно реже.

Видимость сегодня — пять баллов. Правда, в рассветные часы на фоне оттепели наблюдался густой туман, но ближе к полудню сменилось направление ветра — он в клочья разорвал плотное белесое полотно, а затем погнал отдельные клубы в сторону Аргунского ущелья.

В восьмикратный бинокль Андрею хорошо была видна северо-западная окраина Чихи-Юрта — примерно полтора десятка добротных строений, с хозпостройками, садами и огородами. В проеме между двумя холмами просматривались крыши домов центральной части села — как оцинкованные, бликовавшие в лучах солнца, так и крытые шифером или черепицей. Хорошо был виден и выгон для крупного рогатого скота, разграфленный жердяной изгородью на неровные геометрические фигуры — квадраты, ромбы и треугольники. Домашней живности — ни крупной, ни мелкой, включая собак и кошек, — не наблюдалось: наверное, все съели голодные чеченские волки.

Не наблюдалось и движения на дороге, связывавшей село с равнинной частью мятежного края. Ни тебе пешех, ни конных, ни даже моторизованных чеченцев, никого не видать...

Но это и понятно. Стоит только на небо посмотреть, почти свободное от облачности, — и все вопросы разом отпадают. Хорошая там картинка, радующая взор. Называется «Грачи прилетели»...

Собственно, по селу штурмовая авиация не работает. Ракетно-бомбовый удар нынче наносится по базе боевиков, расположенной в средней части дефиле [5], километрах в восьми к юго-западу. Позже в сводке сообщат, что авиация работала по «заранее разведанным целям», уничтожены такие-то объекты, отправлено к Аллаху столько-то боевиков. Иногда сведения, попадающие в сводки, правдивы, чаще преувеличены, порой насквозь лживы. Но в одном можно быть уверенным: широкая общественность не скоро узнает, если узнает когда-нибудь вообще, кто добывает в этой войне на стороне федералов существенную долю разведанных. И едва ли кто-либо узнает, какими способами порой приходится их добывать.

* * *

Бушмин покрутил головой, высматривая нужного ему человека.

— Леший, ты где заныкался?

Алексей Подомацкий, один из двух штатных снайперов группы, вырос перед ним словно из-под земли. В своем маскировочном балахоне «йоуи» он и впрямь смахивал на лешего.

— Я здесь, командир.

— Что скажешь?

— "Чичики" как вымерли сегодня. Ни в селе, ни на «перекрестке» никаких шевелений.

— Это меня радует... Я тоже ничего подозрительного не обнаружил.

— Пока «грачи» и вертушки будут работать по укрепрайону в дефиле, ни одна морда из села не выглянет.

— Я тоже так думаю, — сказал Бушмин. — Но ты, Леший, пока мы тут не пошабашили, держи село и дорогу под наблюдением.

Бушмин убрал бинокль в полевую сумку. В селе, по его прикидкам, находится нынче до сотни

«чехов» вкупе с наемниками. Это не считая пяти или шести сотен мужских особей в том возрасте, который позволяет свободно обращаться с оружием. Далеко не все они готовы сражаться за «свободную Ичкерия», но русских ненавидят все поголовно. Всеми фибрами своей чеченской души.

Из другого отделения сумки Андрей достал карту и заранее составленные наметки маршрута, а также блокнот с записями.

Вскоре он оторвался от своего занятия. Вскинув на шум голову, успел заметить, как из-за невысокой гряды пологих холмов, густо поросших буковыми и дубовыми рощами, вымахнули две стремительные серебряные птички. Штурмовики «Су-25», равномерно отстреливая ИК-ловушки, смахивающие в небе на яркие звездочки, нагло рассекли воздух над селом и, заложив вираж, ушли на север.

За последний час это была уже третья пара штурмовиков. Из села по ним не стреляли. Но со стороны «зеленки», откуда, собственно, и перебрался сюда Бушмин, не так давно отчетливо доносилась стрельба крупнокалиберных пулеметов, перемежаемая частыми резкими хлопками зенитной установки.

— Наши летуны, по-моему, накрыли «Чичиков», — подал голос Леший. — И закрыли пасть ихним пэвэошникам.

— Похоже, что ты прав, — сказал Бушмин. — Что-то не слышно, чтобы они огрызались.

Андрей удовлетворенно покивал головой. О том, что укрепрайон прикрывается местными подразделениями ПВО, авиаторы были заблаговременно предупреждены. У «духов» здесь имеется до полудюжины «ДШК» и «ДШКМ», а также пара «золушек», то бишь зенитных установок 37-23-2. Летчики, пользуясь данной им наводкой, обязаны были местную ПВО подавить. По-видимому, так и произошло. Это тоже радует. Потому что примерно в 16.00 здесь должны нарисоваться две вертушки — родненький «Ми-8МТ» в сопровождении «двадцатьчетверки». И очень не хотелось бы, чтобы в момент посадки — либо уже на взлете — возникли непредвиденные сложности. К примеру, вот такая «золушка» начнет долбить по вертолетам или невесть откуда взявшиеся нохи станут забрасывать площадку минами из своих «васильков».

3

Вахи — сокр. от «ваххабиты».

4

Нохи — сокр. от «нохни», одно из самоназваний чеченцев.

5

Дефиле — проход, ущелье (воен.)

Бушмин вновь склонился над картой. Он знал то, что неизвестно было остальным: высота 212,5 является конечной точкой маршрута.

Довольно важная в тактическом отношении высота, поэтому чеченцы еще в девяносто пятом оборудовали здесь опорный пункт, позволяющий контролировать огнем подходы к селу и участок дороги с равнины, включая перекресток — еще одна рокадная [6] дорога проходит почти параллельно условной линии фронта, она вьется по дну котловины от самого Аргунского ущелья.

Бушмин сверил то, что увидел собственными глазами на этой высоте, с записями в блокноте, которые, в свою очередь, были им заблаговременно выписаны из картотеки Разведупра при штабе ОГЗ в Моздоке. Ничего принципиально нового он здесь не обнаружил. Равно как и чеченцев или наемников — они сюда уже давненько не наведывались. А на кой хрен, спрашивается, им сейчас занимать данный опорный пункт, если ближайшее подразделение федеральных войск находится в двадцати пяти верстах южнее? И пригребутся славяне сюда вместе со своими обозами в лучшем случае через неделю.

Да и не факт, что «чехи» и на этот раз будут сажать на высоту гарнизон. Многое зависит от местного тейпа. Может случиться и так, что войны, в ее, так сказать, грубой и неприкрытой форме, здесь не будет. Чеченцы слегка покочевряжатся, потом сдадут село — в обмен на обещание не делать «жесткой зачистки». Часть боевиков переберется в укрепрайон, оборудованный на крутых южных склонах дефиле, или в другие близлежащие села, а многие останутся на месте. И тогда начнется самое паскудное, то, что лишь отчасти характеризуется терминами «сопротивление» и «партизанская война».

Но никому не дано заглянуть в будущее. Не то что на неделю, а даже на час вперед. Безоткатные орудия, «ДШК», «золушка» или «васильки» могут быть установлены на огневых позициях так быстро, что и глазом не успеешь моргнуть. По просеке от рокадной дороги сюда может свободно подняться колесная или гусеничная техника, те же бэтээры, к примеру, благо здесь были вырыты для них некогда капониры [7]. И тогда придется вышибать отсюда противника при помощи тяжелой артиллерии и авиации, а зачем, спрашивается, тратить на всякую ерунду народные денежки?

Лучше загодя установить подрывной фугас. Радиоуправляемый фугас, довольно мощный, на который не жалко пустить оставшуюся в заначке взрывчатку — не везти же ее, в самом деле, домой? Фугас следует тщательным образом замаскировать, чтобы «чехи», если они здесь вздумают окопаться, своим звериным нюхом не обнаружили наличие сюрприза. И в подходящий момент отправить всех басурманов к Аллаху, дав команду на подрыв дистанционно, при помощи радиосигнала.

Установкой фугаса занимаются Минер и Заяц. Всего на высоте находятся восемь человек, включая Бушмина. Трое бойцов выставлены в охранение по эту сторону рокады. Остальные шестеро, группа прикрытия, расположились в полукилометре отсюда, на южном склоне дефиле. Их задача — наблюдать за передвижениями по рокадной дороге, а коль возникнет необходимость, они обязаны поддержать огнем своих товарищей, которым вскорости предстоит пересечь дефиле в обратном направлении. В арсенале — бесшумные стволы, но с «абаканов» и «АКСУ» в случае нужды можно снять глушаки. Есть также два «РПК», каковые тоже можно пустить в ход, если уж совсем приспичит.

Но разумнее всего — не шуметь. В глубоком тылу у нохов следует вести себя предельно скромно. Если, конечно, начальство вдруг не поставит перед тобой прямо противоположную задачу.

Итого: семнадцать штыков. Трое из них — контрактники, два сержанта и прапор. Остальные — офицеры, в званиях от лейтенанта до майора.

Впрочем, Бушмин если и упоминался в штабных документах с грифом «совсекретно», то исключительно как «капитан Андреев». Это отнюдь не означало, что его понизили в звании. Как и прежде, он был майором — повысили в звании его этим летом. Родился же Андрей в Тульской области тридцать лет назад, и рост его, как и прежде, составляет сто девяносто сантиметров, цвет глаз — серо-зеленый.

Но существуют правила игры, и их следует четко придерживаться. Ради дела, для собственного же блага, во имя безопасности своей семьи.

Командовал Андрей небольшим по численности подразделением ГРУ, приписанным в отличие от обычных разведывательно-диверсионных групп непосредственно к штабу ОГФС в Моздоке. По ходу нынешней «тихой» акции — не слишком эффективной из-за отсутствия прямых боестолкновений с «чичиками», но зато вполне эффективной — команда «капитана Андреева» именовалась в сводках разведывательно-диверсионной группой «Терек».

— С установкой фугаса закончили? — спросил Минера Бушмин. — Вещички свои никто не забыл? Добро, двинулись в обратный путь.

— Командир, может, курнем, пока рокаду не перешли? — донесся откуда-то сзади, из-за спины, голос Подомацкого. — Ближайший нох километрах в трех, а то и дальше.

— Нет, Леший, — усмехнулся Бушмин. — До самого дома забудь! И вообще, здоровее будем...

Глядя в затылок Маркоше, тащившему на хребте не слишком-то легкий СКС [8] «Барьер», он негромко добавил:

— Знаю я вас. Дай только волю, так тут же полезете из рюкзаков водку и закуску доставать.

В этот момент из динамика «Кенвуда», прикрепленного поперек «разгрузки», донесся голос Черепанова, старшего шестерки:

— "Наемник", тут показались грузовик... и джип, кажется...

— Понял, — отозвался Бушмин. — Пусть себе едут.

— Добро, пропускаем... Но, похоже, они притормаживают...

Бушмин, находившийся в полусотне метров от рокады, уловил шум автомобильного движка. И тотчас же поднял вверх руку. Затем развел руки в стороны, приказывая группе развернуться в цепь.

Ничего чрезвычайного пока не произошло. Ну, тормознули — так и что из того? Заметить бойцов водила вряд ли способен. Главное, не дергаться. А вот притихариться да держать уши на макушке — это будет по-умному.

Хорошо, что он не обмолвился насчет вертушек. Череп, как его зам, в курсе, что рейд подходит к концу, а остальным, дабы не расслаблялись, знать о том не обязательно.

Рокадный — параллельный линии фронта (воен.)

7

Капонир — оборонительное сооружение, укрытие (воен.).

8

СКС — спутниковый комплекс связи.

Черт, вроде не так много сегодня бродили, а ноги гудят. Но это и неудивительно. С такой поклажей, как у них, любой прыщик на теле земли покажется высоченной горой.

Грузовик, шатко переваливаясь на неровной каменной дороге, прополз еще несколько десятков метров, после чего застыл на обочине.

Шли шестые сутки разведрейда в предгорьях Северного Кавказа.

И была пятница, время — около полудня.

Глава 2

Две машины, серо-оливковый «КамАЗ» и раскрашенный в пятнистый камуфляжный цвет открытый пикап «Тойота», остановились прямо напротив лесистого склона, заросшего орешником и буковыми деревьями.

Одиннадцать командос залегли практически у обочины грунтовой дороги, проложенной по дну дефила от самого Аргунского ущелья. Поверх пятнистых «альпийских» курток на каждом был спецназовский комплект «Командос-С», совмещающий функции бронезилета и «разгрузки». Экипировку довершал маскхалат из плотной водоотталкивающей ткани, с липучками, фиксирующими рукава на запястьях, с регулируемой завязками длиной полы. Капюшоны надвинуты на головы по самые брови, тесемки затянуты под подбородком. Морды же у всех зеленые — боевой окрас. А оружие «забинтовано» длинными лоскутами из камуфляжной ткани, дабы не демаскировало смахивающий на призрак силуэт.

Хорошо, что грянула оттепель и сошел снег. Хотя экипировка двусторонняя, с белой зимней изнанкой, все же на фоне зимнего ландшафта работать сложнее. Если холодно, пар валит изо рта. Снег предательски скрипит под ногами. И масса прочих неудобств.

Но и сейчас, когда снег почти повсеместно растаял, слиться с местностью не так просто. Деревья стоят голые. Кустарник — тоже плохая защита. Поэтому приходится прикидываться составной частью ландшафта — замшелой корягой или бревном, наростом на дереве или просто бугорком. И при этом не шевелиться, даже не дышать.

Бушмин, находившийся в центре цепи, устроился в ложбинке, всего метрах в семи от обочины. Командир группы решил пока не дергаться, ограничиться ролью наблюдателей.

Еще до того, как машины остановились — «КамАЗ» стоял всего в полутора десятках метров от него, — Бушмин успел рассмотреть самое существенное.

Нет сомнения, что перед ними «духи». Это во-первых. А во-вторых, судя по всему, он сейчас видит мобильное подразделение чеченской ПВО. И зрелище это Бушмину очень не нравилось.

На шасси грузовика была установлена «золушка». Оба ствола зенитной установки — в чехлах. Борт же посечен осколками, часть его с кормовой стороны разбита в щепки. Переднюю часть шасси закрывает тент, закрепленный на каркасных дугах. В кабине отсутствует боковое стекло со стороны водителя. Его либо выбило осколками, либо выставило взрывной волной. Сама же зенитная установка, кажется, не пострадала.

Пикап казался вполне исправным. Как и крупнокалиберный «ДШКМ», установленный в его открытой кормовой части.

Если хорошенько пораскинуть мозгами, то все становилось на свои места. Это были те самые зенитчики, что прикрывали базу боевиков в дефиле. Именно они злобно огрызались на «грачей» в ходе недавнего налета. И это им сошло с рук. Если и не всем, то, по крайней мере, тем, за которыми сейчас следили боевики ГРУ.

События тем временем принимали странный оборот. «Душки» все разом выбрались на волю — некоторые вылезли из кабины, а трое, укрывавшиеся под тентом, спрыгнули на землю через пролом в борту грузовика. Шестеро... Нет, семеро... Один — пацаненок лет пятнадцати, остальные же — бородачи. Все в разномастном камуфляже. И совершенно не таятся, галдят, как на базаре... А кого, спрашивается, им здесь следует опасаться?

Бушмин всех их прекрасно видел. В принципе разобраться с этой публикой не составит особого труда. Но стоит ли?.. До села всего лишь три километра. И хотя этот участок дороги со стороны Чихи-Юрта не просматривается, чувствовать себя в полной безопасности все же нельзя. Если что-то сорвется — а такие вот неподготовленные импровизации частенько грешат сбоями, — то уже через полчаса, от силы через час, на хвост группе может сесть целая свора преследователей.

А еще нельзя забывать о тех ногах, по которым сегодня работала авиация. После удара по базе какая-то часть из них рассеяна; в одиночку и группами они будут выбираться в близлежащие населенные пункты.

Но главное не это. Рейд, в котором группе пока сопутствовала удача — один боец подвернул ногу, еще двое страдают от высокой температуры, но это, в сущности, пустяки, — должен стать последним. Не последним в этой войне, потому что завершится она не скоро, если вообще когда-нибудь закончится. А последним в двухмесячной «командировке», по окончании которой их ждет долгожданная ротация и отпуск. Мыслями они уже дома, где каждого из них кто-то ждет и где за них молятся самые близкие на свете люди.

Они, конечно, вернуться, ибо они там нужны. Но это будет потом, когда-нибудь, в будущем. А сейчас каждый думает о другом. О том, например, что за грядой невысоких холмов, на склоне ближайшего из которых расположилась группа прикрытия, находится просторная, довольно ровная, свободная от растительности площадка. Если двигаться в хорошем темпе, то всего на час ходу. И хотя командир хранит молчание, совершенно ясно: группу будут снимать сегодня, ближе к сумеркам, а посадку на вертолет, дабы не светиться перед чеченцами, удобнее всего

осуществить с вышеназванной площадки.

Поэтому в душе бойцы дружно материли зенитчиков. Какого хрена они здесь тормознули?! Им что, места на земле мало? Убирались бы они поскорее! А то, не ровен час, у командира лопнет терпение, придется этих семерых мочить, и тогда неизвестно, чем вся эта история закончится.

* * *

Бушмин по-прежнему не дергался — наблюдал за ногами. Но пока не понял, что нужно здесь этим людям. К тому же, как и все остальные, он втайне надеялся, что они вскорости уберутся, освободив для группы проход по дну котловины.

Но вскоре кое-что стало проясняться.

Как минимум двое из этой публики, судя по говору и другим отличительным признакам, были арабами. А один, тот, что с отсутствующим видом перекуривал у капота «КамАЗа», одетый в стандартного образца армейский камуфляж, был, похоже, славянином. На голове у него красовалась черная вязаная шапочка; когда же он снял ее, чтобы утереть пот со лба, обнаружилось, что волосы у него цветом отличались от щетины и были светло-русыми.

По другую сторону грунтовой дороги, по каменистому ложу, протекала речушка. Собственно, даже не речушка, а ручей. Его можно было перейти, ступая по валунам, даже не замочив ног. Именно к ручью подались две личности, смахивающие на афганских моджахедов. А вслед за ними, как бы нехотя, тронулись трое нохчей, включая щенка, который явно пытался «откосить», за что был награжден легкой затрещиной.

Они разулись, обмыли ноги в ледяной воде. Затем вытерли руки о бушлаты и дружно опустили коленями на импровизированный коврик — в качестве такового служила полоса брезента.

Один же из группы правоверных возился с переносным магнитофоном. Наконец ему удалось вставить должным образом кассету и нажать нужную кнопку. Поставив включенный магнитофон на капот, он поторопился присоединиться к остальным, уже начавшим усердно отбивать поклоны.

По округе разносился гнусавый голос муэдзина.

Славянин бросал в сторону молящихся недовольные взгляды. Швырнув в их сторону окурок, он зашагал в сторону подступающего к самой дороге леса.

— Козлы черножопые, — проворчал он довольно внятно. — По пять раз на дню молятся, тоже мне, вояки...

Рассупонившись, он присел на корточки, намереваясь справить большую нужду. И только сейчас, когда с расстояния полутора метров в лицо ему посмотрел черный зрачок автомата, он понял, что в лесочке он не один.

Этот тип, конечно же, не прав, подумал Бушмин. Мусульмане вояки неплохие. И по пять раз на дню, как того требует ислам, они не молятся, потому что у войны нет перерыва на молитвы.

Но сегодня пятница, священный для мусульман день.

Время полуденного намаза. Час, когда души правоверных напрямую общаются с небесами.

Инш Аллах...

* * *

— Собрать оружие, проверить карманы, изъять документы, — распорядился Бушмин. — Трупы погрузить в «КамАЗ»! Обе машины на просеку, с глаз долой! Леший, следи за дорогой из села! И давайте в темпе, бойцы, пока нас не засекали!

Правоверные отправились в «сады эдемские» раньше, чем им того хотелось бы. Автоматная очередь сбила щенка в ручей, и ледяная вода окрасилась кровью. Однако угрызений совести никто не испытывал — отправляясь за взрослыми, пацан оставил свой подсумок и автомат в кабине, следовательно, Волчонок был убит по делу.

— В грузовике, под брезентом, еще два трупа, — доложил Минер. — Похоже, что эти во время налета погибли...

Бушмин забросил «абакан» за спину.

— Транспорт подготовишь вместе с Зайцем к подрыву. Придумайте что-нибудь похитрее, ясно?

— Гарантирую «эксклюзив», — заверил Минер. — Трупы минировать будем?

— Нет, я против беспредела... Только долго не возитесь! Поставите для нохов «сюрпризы» — и в темпе обратно. Мы без вас с места не тронемся.

Андрей с беспокойством глянул по сторонам — нет ли признаков опасности? Акция носила «тихий» характер, так что вроде бы должно обойтись. Но ему следовало решить судьбу еще одного участника событий.

Славянин находился на прежнем месте. И почти в той же позе. Только теперь, сидя на корточках, ему еще приходилось держать руки на затылке.

— Сидеть, сволочь! — Иван Гарас, заметив приближающегося командира, решил продемонстрировать служебное рвение. — Держать руки на затылке!

Иван, державший Славянина на мушке, был детиной двухметрового роста. За свою гвардейскую статью и за полулитовское происхождение он удостоился прозвища Сабонис, сокращенно Сабас.

Пленник кряхтел, уж больно неудобной была поза, но подчинялся. Ему было чуть за тридцать. Лицо бледное; глаза потупил. Как угораздило его оказаться в такой компании?

— Ну что, тварь, прогадился? — спросил Бушмин. — Кто такой?

— Я гражданин Грузии, — с трудом разлепив губы, сказал пленник. — Паспорт в бушлате, во внутреннем кармане...

— Еще одно слово не по делу, и ты сдохнешь на куче собственного дерьма!

Бушмин задумался. Что прикажете делать с таким субчиком? Прихватить «языка» с собой? А надо ли? Зачем ему эти хлопоты? Только лишняя бумажная волокита. Ведь не только людей из разведотдела придется подключать, но и особистов.

Опять же — свидетель... Если оставить жизнь и передоверить его в Моздоке особистам, то неизвестно, какими сказками он начнет их потчевать. В таких делах, как нынешнее, лучше избавляться от очевидцев.

— Зенитчик?

— Нет.

— Не соврал. — Бушмин усмехнулся. — Пару-тройку секунд еще поживешь... Знаешь, как поступают с наемниками?

— Да. Но я не наемник.

Бушмин чуть отступил в сторону, чтобы его не забрызгало кровью. Славянин, мигом врубившись в ситуацию, заголосил:

— Мужики, не губите! Лучше вам взять меня с собой...

— Зачем? — удивился Бушмин. — На хрена ты мне сдался?

— У меня ценная информация...

— Говори.

Пленник облизал пересохшие губы.

— Если все расскажу, вы меня здесь же и кончите.

— Умный, — похвалил Бушмин. — Но все равно говори.

— Два важных совещания... Полтора суток назад собирались в Шатели, а прошлой ночью была сходка в Итум-Кале...

Только сейчас, повернув голову, он заметил, что еще один боец снимает допрос на видеокамеру.

— Басаев на совещании в Сванетии присутствовал? — спросил Бушмин.

— Нет, но был его представитель.

— Кто был из полевых командиров в Итум-Кале?

Пленник скороговоркой выпалил десятка полтора фамилий, известных и не очень.

— Ты тоже там был?

— Н-нет, но я в курсе. Знаю кое-какие подробности от одного из участников совещания.

— Что там решили?

— Намечается крупная акция...

— Не смей меня, — перебил Бушмин. — И не отнимай время!

— Но я честно... По Чечне кое-что планируется, в Шалях и Аргуне — точно... Но не это главное.

Есть намерение повернуть акцию в Москве...

Бушмин тут же насторожился:

— Отвечаешь за свои слова?

— Да.

— Что намечается? Новые теракты?

— Не совсем... Точно знаю, что принято решение по Хитмэну, но кто возьмется... Короче, у меня найдется что в этом плане подсказать.

— Кто такой Хитмэн?

— Под этим прозвищем зашифрован один известный человек.

— Русский или чеченец?

Пленный покачнулся, но все же умудрился восстановить равновесие.

— Все, начальник... Ты только учти, что от дохлого от меня не будет никакого прибытку.

В этот момент Бушмина окликнули. Со стороны дороги к нему спешил Маркоша. В руке у него был трофейный «Кенвуд», мощная портативная многоканальная УКВ-рация. Примерно такая же наисовременнейшая рация была и у «капитана Андреева».

— Свяжи руки засранцу! Заткни ему пасть кляпом! — приказал прапорщику Бушмин. — А ты, урод, особо не радуйся, потому что окончательного решения по тебе я еще не принял.

Вдвоем с радистом они отошли в сторону.

— Где ты эту станцию надыбал?

— В кабине «КамаЗа». Включил на сканирование, и тут р-раз... Ну, думаю, ни фиги себе...

— Короче и яснее.

— Прослушал фрагмент чужих переговоров. На русском. Позывные «Горец» и «Энигма». «Горец» сообщил, что примерно через полчаса будет на месте. Место встречи в пяти километрах севернее села. Какого именно села, он не сказал.

— Что еще?

— "Энигма" сказал следующее: «Коридор для тебя готов. Я лично тебя встречу и сопровожу до места».

К ним подошел еще один боец. Он продемонстрировал Бушмину новые трофеи: бинокль «Лейка» с дальномером — очень крутая и дорогостоящая штукавина — и не менее крутой снайперский винтарь английского производства «AW», хранившийся в разобранном виде в продолговатом чемоданчике.

Бушмин в изумлении присвистнул. В таких вещах он разбирался, поскольку и сам считался

неплохим стрелком. Среди семерых «духов» был снайпер, причем, судя по инструменту, виртуоз своего дела.

— Ладно, потом с этим разберемся. — Бушмин вновь посмотрел на Маркошу: — Как слышимость была?

— На пять баллов! Очень мощные сигналы... Зуб даю, что обе станции работали где-то поблизости.

Бушмин неопределенно хмыкнул:

— А этот «Энигма»... Никак кто-то из федералов?

— Ну! Я в таких делах редко когда ошибаюсь. Ей-богу, работал с «Горцем» кто-то из наших.

Приподняв нижний край шлема, Бушмин в задумчивости поскреб заросший многодневной щетиной подбородок. Ну и дела... Что это еще за «Энигма»? Еще одна разведгруппа? Не может быть... Бушмин совершенно точно знал: в радиусе двадцати пяти километров в данной местности нет ни одного российского солдата. Кроме пленных и заложников, естественно.

— "Энигма" поинтересовался: «Сколько у тебя осталось людей?» — продолжал Маркоша. — «Горец» ответил, что трое. А потом уточнил свое нынешнее местонахождение...

— И где же он находится, этот «Горец»?

— Сказал, что выехал на рокаду и движется по ней.

— Что ж ты докладываешь задом наперед?! — Выругав, Бушмин направился к «Тойоте», которую еще не успели убрать подальше. — Лещенко, это ты здесь копаешься?! Прыгай в кабину — и «Тойоту» немедленно с глаз долой! С минуты на минуту чечены должны появиться, а вы здесь дурку валяете!

Из его собственной рации донесся встревоженный голос Черепанова:

— К нам новые гости... Джип черного цвета. За ним никого не видать.

Бушмин уже и сам заметил движущийся по дефиле транспорт.

— Отставить, — сказал он Лещенко. — «Тойота» остается на дороге. Будем работать под «чехов».

Бушмин нахмурился. Вот с таких досадных мелочей и нестыковок чаще всего начинаются крупные неприятности.

Глава 3

Поначалу абреков было четверо. Эдакие отборные особи из чеченского генофонда. Мощное телосложение, накачанные шеи, бритые черепа. Публика наглая и дерзкая. И очень опасная.

Таких любят снимать на камеру операторы западных и некоторых отечественных СМИ. Глядя на картинных чеченских боевиков, так и хочется сказать: российские солдаты и офицеры выглядят рядом с ними жалкими заморышами.

Водитель «Лендкрузера», естественно, заметил одинокую «Тойоту» на обочине дороги. И, конечно же, заметил приподнятый капот и фигурку человека в кожаной куртке и камуфляжных брюках, копавшегося в движке машины.

Очевидно, водитель, как и его пассажиры, ничего не заподозрил. И стал притормаживать лишь тогда, когда до «Тойоты» остались считанные метры.

Одновременно с этим скользнули вниз боковые стекла. Два боевика, расположившиеся на заднем сиденье, синхронно выставили в образовавшиеся проемы стволы. В руках у них были пулеметы «ПК» с обрезанными прикладами. Но это была всего лишь мера предосторожности, и не более.

Водитель джипа, приоткрыв дверцу, что-то прокричал на своем гортанном языке. Возможно, он не расслышал негромкие хлопки снайперских винторезов, бивших с двух сторон по кормовой части салона, потому что не удосужился приглушить автомагнитою. Но это уже ничего не могло изменить.

Мужчина в кожанке оторвался от своего занятия. Под капотом до поры скрывались не только его руки, но и короткоствольный автомат. И теперь «сучка» злобно уставилась на ошеломленного водилу, а заодно и на человека, сидевшего рядом с ним.

Джип окружили люди, смахивающие в своих одеяниях на леших. Водитель и пассажир так и не оказали сопротивления. Их мигом выволокли из «Лендкрузера» и разоружили.

Теперь предстояло выяснить, кто из этой парочки являлся «Горцем».

* * *

До появления вертушек осталось час с четвертью. Выставив дозор и дав цэу своему заму Черепанову, Бушмин решил накоротке пообщаться со своими новыми знакомыми.

Общение происходило в дубовой рощице в полусотне метров от площадки. Руки пленников были связаны за спиной. Их усадили на землю, но спиной они могли привалиться к стволам деревьев. «Засранец» и двое чеченцев могли наблюдать не только друг за дружкой, но и за некоторыми приготовлениями, которыми был занят двухметровый верзила в маске.

Бушмин еще на переходе связался по «Барьеру» с Моздоком. Следовало уточнить, нет ли в данном районе каких-либо подразделений федеральных сил. Если же таковые имелись, подлежало выяснить: известно ли им о существовании «команды Андреева». И кроме того, надо было узнать координаты точки, из которой вертолетчикам предстояло осуществить плановую эвакуацию РДГ «Терек».

Ответ на запрос Бушмина был отрицательным.

Что касается «Энигмы», то в федеральных радиосетях с таким позывным никто не работал. В частях и подразделениях федералов в последнее время количество портативных раций резко возросло, и здесь нередки импровизации. Но в сводной таблице радиобмена позывной «Энигма» отсутствовал.

Все это, вместе взятое, означало: кругом одни враги. Речь в первую очередь о боевиках. Все вооруженные лица, чьи дорожки пересеклись с РДГ «Терек» в указанном районе, расцениваются как противники, которых надлежит либо ликвидировать, либо, если

бое столкновение невыгодно, обойти, занеся сведения о них в картотеку.

Возможно, запрос «капитана Андреева» в самом Моздоке сочли блажью или попыткой перестраховаться. Бывает, что в ходе таких вот акций под нож попадают мирные чеченцы, хотя подобные случаи единичны. Но в принципе никто нынче на такие мелочи не реагирует. Вооруженные люди по другую сторону условного «фронта» воспринимаются как бандиты и террористы. То есть мочить их следует по полной программе. Потому что закон на твоей стороне. И ты действуешь на полном законном основании.

Кстати, о законах РФ.

На «Лендкрузере» отсутствовали госномера. Техпаспорта на транспортное средство у водителя не было. Разрешения на ношение оружия — тоже. Стволы не лицензированы. Да еще посмели этими самыми пулеметными стволами из окон грозиться. И так далее, и тому подобное.

Воистину, преступное поведение. Налицо целый букет правонарушений. За что на них и был наложен крупный штраф.

И последнее, о чем подумал Бушмин, прежде чем приступить к «собеседованию».

Данная территория находится под юрисдикцией Российской Федерации. Как и грунтовая дорога, на которой был остановлен джип с четырьмя вооруженными чеченцами. И есть, в сущности, одна простая вещь, которую должны четко усвоить нохчи: либо они будут жить, сообразуясь с российскими законами, либо превратятся в стаю загнанных волков, с которыми рано или поздно будет покончено навсегда.

В дубовой роще остались пятеро человек, трое из которых связанные. Лишние глаза и уши сейчас ни к чему. Никогда заранее не знаешь, какого рода сведения удастся вытянуть из допрашиваемых. Своим людям Бушмин доверял. Но в его профессии есть определенные правила, которых следует неукоснительно придерживаться.

Поэтому штатного оператора он решил не привлекать, сам вооружился видеокамерой. Кому, как не ему самому, лучше всего знать, какие эпизоды допроса следует заснять на пленку, а в каких местах благоразумнее будет нажать кнопку «стоп».

Но он нуждался в помощнике. И в качестве такового он решил привлечь Ивана Гараса. Прапорщика он знал лет семь-восемь, еще по прежнему месту службы, а потому доверял во всем: Иван мастер на все руки. Специалист по допросам. Палач. И еще душегубец.

Но Иван не садист, что очень важно. Чрезмерную жестокость Бушмин не приветствовал и не поощрял. Даже в такой подлой войне, как нынешняя, есть свой предел для жестокости. Очень важно всегда помнить об этом. Иначе можно превратиться в животное.

Бушмин наметанным глазом определил, что эти трое, чью судьбу ему предстоит вскорости решить, — крепкие орешки. Особенно чеченцы. Из них правду клещами не вытащишь. Будут либо молчать, демонстрируя презрение к врагам, либо, пытаясь перехитрить, наврут с три короба. А поставишь такого к стенке, кроме «Аллах акбар!», ничего не добьешься.

Но «колоть» их следует сейчас, пока они в глубоком трансе. Может так статься, что в Моздоке от них ни черта не добьешься. Когда очухаются, придумают какую-нибудь легенду. И не исключено, что уже вскорости их вытащат на волю. Если в фильтр определят, то уже через несколько дней будут на свободе. Потому как сразу видно, что все трое располагают кое-

какими связями и возможностями. Не исключено даже, что по обе стороны фронта.

Мрачные пленники наблюдали за двумя боевиками, чьи лица были скрыты под масками. Особое беспокойство у них вызывали действия громилы — тот перебросил веревку с петлей через сук крепкого на вид дубка.

Они все прекрасно понимали. И понимали, что люди в масках шутить не намерены. Могут приговорить любого — или всех чохом отправить на тот свет. И ничего им за это не будет. Потому что сила и закон сейчас на их стороне.

— Я могу взять с собой только одного из вас, — сказал Бушмин. — Думаю, что возьму вот этого...

Он указал рукой на Славянина.

— На долгие объяснения нет времени. У вас, уроды чеченские, шансов маловато, но кто знает... Сами соображайте, я вам кашку разжевывать не обязан!

Бушмин сделал знак своему подручному, чтобы тот вытащил кляп изо рта одного из чеченцев. Начать представление следовало с водителя, следующий — Славянин, а потом — «Горец».

Включив камеру, он по очереди заснял всех троих, выбирая такие ракурсы, чтобы в кадр не попала веревка. Потом временно отключил, потому что ему следовало еще кое о чем сообщить этой неблагодарной публике.

— Один из вас будет повешен. Иными словами, сдохнет страшной для «муслима» смертью и точно не попадет в ваш вонючий рай. Я бы повесил обоих, но веревка у меня только одна.

Он показал рукой на «Горца»:

— Полагаю, висельником будешь ты.

Затем, включив камеру, навел объектив на водителя:

— Имя, фамилия, год рождения...

Минут через пять картинка более или менее прояснилась. Как и предполагал Бушмин, водитель врал, юлил, изворачивался и даже пытался грозиться. Каждый третий пойманный чечен утверждает, что он заслан федеральными властями, что у него крутые полномочия и т.д. и т.п. Эту песенку он уже не раз слышал. А потому Гарас заткнул водиле пасть и, взяв за шиворот, поволок в сторонку. Вскоре прозвучал глухой выстрел, Гарас вернулся.

Бушмин внимательно наблюдал за реакцией двух оставшихся участников представления. Особенно его интересовала личность «Горца». Этот чеченец, как и водитель, в отличие от двух убитых боевиков, не носил бороду, на лице у него была лишь щетина. Если верить паспортным данным, Умаров Тимур Бекмарсович, 1970 года рождения. На свет появился в Казахстане, г. Кустанай. С 1986 года прописан в г. Грозный, через два года выписан и вновь прописан, но уже в Москве.

Насколько было известно Бушмину, среди сколько-нибудь известных полевых командиров человека с такой фамилией нет. Из чеченской диаспоры, проживающей в Москве, он знал лишь пяток наиболее известных личностей — здесь в его образовании имелись пробелы. Не исключено, впрочем, что паспорт липовый, чеченцы мастера фабриковать поддельные

документы.

У «Горца» и водителя, кроме российских паспортов, других документов не было. Зато они имелись у двух убитых бородачей: у этих обнаружили новехонькие турецкие паспорта, а вдобавок к ним ксивы сотрудников Департамента госбезопасности Ичкерии довоенного образца.

Умаров, если это его настоящая фамилия, хотя и был, как все прочие, довольно крепкого телосложения, все же отличался своим обликом от остальных. Заметно было, что ему одинаково идут как армейский камуфляж, так и гражданский костюм. Он заметно побледнел, лицо покрылось испариной, нос с горбинкой заострился и стал напоминать клюв хищной птицы. А в глазах нет-нет да промелькнет тщательно скрываемый волчий высверк.

Когда настала очередь Славянина, он нехотя сообщил свои паспортные данные и еще раз напомнил, что является гражданином Грузии. После этого запер рот на замок и не произнес более ни слова.

У Бушмина сложилось впечатление, что Славянин если даже не знает Умарова, то догадывается, кто перед ним. А потому не хочет, возможно, даже опасается говорить что-либо существенное при этом человеке.

Похоже, что Умаров, он же «Горец», далеко не рядовой чеченец. По всей видимости, также является участником тех совещаний в Шатили и Итум-Кале, о которых стало известно от Славянина — если тот, конечно, не соврал.

И еще крайне важно вытащить из «Горца» информацию, узнать, кто из его знакомых выходит в эфир под позывным «Энигма» и почему для него должны делать «коридор» в районе прифронтовой полосы.

— Ну а ты, «Горец», что скажешь?

Пока Бушмин снимал на пленку показания Славянина, прапорщик Гарас успел поставить чечена в исходную позицию подле дуба, через могучую ветку которого была переброшена та самая веревка с петлей. Руки у пленника, как и прежде, были связаны, но кляп изо рта Гарас вытащил.

Чечен облизал пересохшие губы.

— Скажу, что ты влип... Но еще есть возможность все... исправить. Мой водитель сказал чистую правду...

Гарас набросил ему на шею петлю. Как-то даже заботливо поправил «галстук», слегка затянув узел. Сделав несколько шагов в сторону, он потянул за свободно свисающий с ветки кончик веревки.

— Кто такой Хитмэн? — спросил Бушмин.

Андрею показалось, что чечен в этот момент бросил взгляд на Славянина, который по-прежнему сидел, привалившись спиной к дереву.

— Не горячись, командир, — сделав над собой усилие, сказал Умаров. — Ты пойми меня правильно. Откуда мне знать, кто ты такой? Вы, наверное, федералы?

Подчиняясь жесту командира, Гарас усилил натяжение веревки. Веревку прапор намылил, то есть все сделал как положено.

— С кем ты связался по рации? Около полудня? Кто работает под позывным «Энигма»?

Чечен что-то лихорадочно соображал. По всему было видно, что ему очень не хочется раскрывать «Энигму». Оно и понятно, ведь «Энигма» на русский переводится как «тайна».

— Ты был в Итум-Кале, так? — продолжал давить на чеченца Бушмин. — А до этого в Шатили, верно? Какого рода акции планируются? Кто такой Хитмэн? Почему его следует ликвидировать? Где и когда?

Соображать «Горцу» приходилось, уже стоя на цыпочках, поскольку Гарас свое дело знал. Лицо Умарова налилось кровью, не то от чрезмерных умственных усилий, не то из-за нехватки кислорода.

— Не дури, — прохрипел он с натугой. — У меня полномочия от самой Москвы... Х-р-р... Если хоть один волосок упадет с моей...

Бушмин так и не узнал, какие кары падут на его голову в таком случае, потому что к месту событий подоспел его заместитель Черепанов.

— Командир, — понизив голос, сказал Черепанов, — вертушки уже вылетели с базы. Будут здесь примерно через двадцать минут.

На потенциального висельника он глянул лишь мельком, без видимого интереса. Хороший чеченец — мертвый чеченец. Но решать в данном случае командиру.

Бушмин пожал плечами. Скорее всего «Горец» гонит пургу, иначе говоря, лжет, пытаясь набить себе цену и таким образом спасти свою шкуру. Но чем черт не шутит...

— Добро, — кивнул Бушмин, — этих тоже возьмем с собой.

* * *

Примерно через полтора часа они были уже в Моздоке. Десантно-транспортный «Ми-8МТ» с группой «Терек» на борту приземлился на территории военной базы, в ее самой охраняемой части, где расквартированы полк спецсвязи и одно из подразделений ФАПСИ. Одну из двухэтажных казарм закрытого военгородка занимала спецгруппа ГРУ, подчиняющаяся напрямую командованию Объединенной группировкой.

Помимо экипажа и боевиков ГРУ, на борту вертолета находились «Горец» и Славянин. Был здесь и водитель Умарова, вовсе не расстрелянный, как оказалось.

Бушмин очень надеялся, что их встретит Сергей Шувалов, спецпредставитель военной разведки в Моздоке, непосредственное начальство, а еще толковый мужик и, можно даже сказать, хороший, надежный товарищ. Но Шувалов связался с ним по закрытой связи с базы в Ханкале. Не вдаваясь в детали, он дал понять Бушмину: случилось непредвиденное, так что «команда Андреева» — скорее всего уже в ближайшие часы — будет переброшена в район Грозного.

О предстоящей ротации не было сказано ни слова. Но это в порядке вещей, и сетовать на судьбу здесь бесполезно.

Бушмин и Черепанов почти до полуночи проторчали в разведотделе, занимаясь рутинными делами. Все пленники, как сговорившись, наотрез отказались делиться информацией, а Умаров даже попытался качать права. Но когда понял, что ему сейчас элементарно набьют морду и опустят почки, — тоже заглох.

С некоторым опозданием заявили фээсбэшники. Сдали им под расписку супостатов. Сделали для особистов копию видеоматериалов по этой троице. Еще один дубликат Бушмин оставил себе — иногда лучше перестраховаться, хотя порой при этом приходится нарушать должностные инструкции.

Добравшись до своей койки, Андрей уснул как убитый. А на следующий день он и еще девять боевиков разведывательно-диверсионной группы «Терек», нагруженные оружием, боеприпасами и спецснаряжением, вылетели на вертолете в направлении Грозного.

Глава 4

Когда черный правительственный лимузин, проехав через ворота в сопровождении джипа с охраной, припарковался у служебного подъезда здания Совбеза, была суббота (шесть часов вечера).

Трое мужчин, воспользовавшись служебным лифтом, спустились в подземную часть здания, где были оборудованы помещения «малого» Ситуационного центра РФ.

Один из визитеров прекрасно ориентировался в лабиринтах этого огромного сооружения. Еще сравнительно недавно он сам занимал должность секретаря Совбеза. И был знаком со многими ключевыми сотрудниками данного учреждения — некоторых же лично привел на Старую площадь. Именно при нем было создано мощное Информационно-аналитическое управление СБ РФ, связанное невидимыми нитями с аналогичными службами аппарата Президента и правительства, силовых структур и ведущих научных учреждений страны. Он же, находясь на ближних подходах к власти, лоббировал в Кремле и на Краснопресненской набережной идею создания Антикризисного центра; когда же достиг своей цели, вернее, почти достиг, сам распорядился упразднить эту сверхсекретную организацию, хотя на ее счету к тому времени уже было несколько успешных акций.

Упразднен А-Центр, в сущности, по очень простым соображениям. Нынешняя высокая должность, как это ни парадоксально звучит, не позволяет В.В.П. уверенно контролировать руководство силовых структур. Президент, которому напрямую подчиняются «силовики», уже давно слаб, а сравнительно недавно назначенный председатель правительства пока недостаточно силен.

Надежно контролировать А-Центр, не будучи притом его непосредственным руководителем, просто-напросто невозможно.

Потому что АЦ — это отнюдь не государственное учреждение, хотя учрежден он был некогда сверхсекретным Указом Президента, вопреки нормам Конституции и существующему в стране законодательству. Но АЦ и не спецслужба, хотя для достижения цели могли осуществляться специальные мероприятия, в том числе и силового характера.

Антикризисный центр РФ был задуман как некая программа, или, если угодно, «матрица», тайно вживленная в государственный организм. В случае запуска этой программы можно было

оперативно, без долгих согласований и проволочек, вмешаться в ту или иную ситуацию, скорректировать в нужном направлении сложные и противоречивые процессы, протекающие внутри страны, локализовать нарождающиеся повсюду конфликты, свести их последствия до минимума.

Столь перспективный проект был разработан и, по существу, уже воплощен в жизнь двумя людьми, и оба они являлись не только незаурядными организаторами, но и блестящими аналитиками.

Один из них теперь занимал должность главы правительства и находился в одном шаге от цели. Второй же занял — не без настойчивых увещаний первого — освободившееся кресло в апартаментах на Старой площади.

* * *

Помещение, в которое они прошли через «шлюз», миновав короткий коридор, напоминало одновременно небольшой просмотровый зал и зал для заседаний. Три стены помещения занимали внушительных размеров электронные жидкокристаллические экраны, посередине же зала находился овальной формы стол с расставленными вокруг него креслами, пустующими в данный момент.

Отсюда, из «бункера» СЦСБ, в случае возникновения какого-нибудь ЧП можно не только следить за развитием ситуации в том или ином регионе страны, но и отчасти повлиять на ситуацию. Еще большими техническими возможностями располагает президентский Ситуационный центр, оборудованный в Кремле, но здесь — и это было хорошо известно премьеру — находился более квалифицированный персонал.

К тому же порой возникала необходимость провести конфиденциальные встречи с нужными людьми, посекретничать, а Белый дом для подобных переговоров — не самое удобное место. Здесь же, на своей, так сказать, вотчине, премьер мог безбоязненно встречаться с кем угодно и обсуждать какие угодно вопросы, не опасаясь притом утечки конфиденциальной информации.

Личный помощник премьера остался дожидаться в операционном зале, а двое из визитеров, кивнув на ходу «режиссеру», восседавшему за пультом рабочего терминала, скрылись за одной из дверей.

Кабинет, в котором они уединились, представлял собой несколько уменьшенную копию апартаментов секретаря СБ, расположенных на поверхности. Оба уселись в кресла, и премьер сразу приступил к делу:

— Виктор Константинович, я внимательно прочел вашу докладную. Вы обрисовали по Чечне довольно тревожную картину. Кстати, кто помогал вам составить докладную?

— Наши аналитики, Игорь Борисович Мануилов и двое ведущих сотрудников Информационного управления.

— Это те, что входили ранее в состав группы «Мерлон»?

— Да. Причем они были там на первых ролях.

Премьер придвинул к себе кожаную папку, которую принес с собой, но раскрывать ее пока не стал. Он ненадолго задумался. Виктор Константинович — чрезвычайно способный человек. И от него при нынешнем раскладе будет зависеть многое. А в таких случаях люди, наделенные

большой властью, ведут себя очень по-разному. Поэтому не хотелось бы сейчас думать о том, что Эм, так его прозвали сотрудники ГРУ, способен на предательство.

— Очень много взаимных обвинений, — проговорил наконец премьер. — У меня давно уже возникло ощущение, что дела на Кавказе складываются не лучшим образом.

— Владимир Владимирович, есть такой действенный инструмент, как кадровая политика.

Премьер пожал плечами — он пока что не хотел раскрывать все свои карты. И не собирался информировать Эма о результатах переговоров с Семей. Проблема же заключалась в том, что на кадровые перемещения в силовых структурах наложен мораторий. Месяца через три или четыре он волен будет перетасовать колоду по своему усмотрению, но сейчас такой возможности не имелось.

Снять одного или двух генералов не проблема. Но это ничего не решит. А значит, нет пока смысла начинать зачистку.

— Коней на переправе не меняют, — сказал премьер, будучи уверенным, что собеседник поймет его правильно. — Я сейчас жалею, что не взял вас с собой на коллегию МВД... С вашими бывшими коллегами на Арбатской у меня тоже состоялся непростой разговор. Чтобы вы были в курсе гм... взаимных обид и претензий, я вкратце перескажу вам самое существенное...

Виктор Константинович, не теряя нить разговора и четко фиксируя в памяти все сказанное премьером, думал все же о своем.

То, о чем он сейчас размышлял, было напрямую связано с личностью человека, сидевшего в кресле напротив. Очень важно понять не только то, что В.В.П. намерен делать на Северном Кавказе, но и другое, еще более важное: какие перемены ждут страну?

Благо появилась пища для размышлений.

Так, например, на недавнем совещании по ТЭКу, где руководство «Газпрома», по обыкновению, попыталось скостить объемы поставок газа на внутренний рынок, В.В.П. совершенно спокойно заметил: «Очень хорошо. Тогда армия выйдет на трубопроводы, ФСБ берет под контроль перегонные станции, руководство „Газпрома“ арестовываем...» После этой двусмысленной шутки у некоторых довольно влиятельных персон долго сохранялся бледный вид.

Когда на стол премьеру лег проект постановления правительства, завизированный двумя вице-премьерами, в котором шла речь о переплавке «устаревшего» военного имущества, В.В.П. наложил на подсунутый ему документ красноречивую резолюцию: «Это саботаж. Я вас самих в переплавку отправлю!» Случай этот, ставший достоянием гласности, заставил крепко задуматься многих обитателей коридоров власти.

Как только нефтяные компании попытались с приближением зимы саботировать поставки мазута для электростанций и котельных — во многом повторилась ситуация с «Газпромом», — председатель правительства, вместо того чтобы со своими замами и министрами часами корпеть над «разнарядкой», проводить многочасовые совещания, упрашивать, заклинать, взывать к совести приподнявшихся на нефти барыг — именно так поступали все его предшественники, — распорядился «временно» поднять пошлины на экспорт нефтепродуктов. Стоило раз-другой щелкнуть этим кнутом, инструментом, кстати, вполне рыночного свойства, и все, кого это касалось, стали более покладистыми, согласились, хотя и стиснув зубы, «войти в

положение».

И еще. Всякого рода прощелыги, призванные лоббировать во властных структурах интересы отечественных магнатов, вдруг повсюду стали натекать на невидимую стену. На дверях многих кабинетов в госучреждениях поменялись именные таблички. Добрейшие, понятливые, милые сердцу коррупционеры, с кем было так приятно и взаимовыгодно сотрудничать во времена Степаныча, Мальчиша и Пожарника, в озабоченности паковали вещички, а многие уже покинули насиженные места. Их кресла теперь занимали довольно молодые еще люди, предпочитающие неброский деловой стиль в одежде, немногословные и неулыбчивые, — говорили, что среднее и руководящее звено управленцев пополняется кадрами из столичного и питерского УФСБ, других спецслужб, перспективными кадрами МИДа, оборонки и некоторых институтов.

Ногой, как прежде, не получалось — приходилось стучаться в нужную дверь точно простому смертному. Но это еще полбеды. Новички, как выяснилось, совершенно не владели новорусским диалектом. Такие ласкающие слух слова, как «льготный кредит», «сумма отката» и «оффшорная зона», почему-то не вызывали у них душевного трепета. А попытки проявить настойчивость, как правило, заканчивались тем, что лоббиста посылали... на Колыму, на Чукотку, на Северный Урал, в Удмуртию или в другие столь же отдаленные места, где, собственно, и зарыты в недрах большие деньги. Очень вежливо, надо сказать, посылали, на первых порах ограничиваясь советом развивать собственное производство: «В казне денег для вас нет, господин такой-то. Поэтому — свободен. Пока свободен...»

Те, кого принято называть олигархами, пока не дергались. Много, если не все, в их руках. Именно с их подачи, и во многом за их деньги, модный нынче «бренд» раскручен до небес. Сейчас некоторые теряют сверхприбыли, но это тоже своеобразная игра, ведь предвыборный популизм стоит недешево. Сразу после выборов обновленная власть вынуждена будет заплатить по выставленным счетам. Не только власть будет платить, и не столько она, сколько вся страна, все вместе и каждый по отдельности.

Ну а если что-то сложится не так, последует команда мочить. Всенародная любовь может мигом трансформироваться в ненависть. На смену несбывшимся надеждам придет глубочайшее разочарование. Властолюбца выставят в глазах общественности негодяем — однозначно. Через капилляры информационных сетей в общественный организм будет дозированно вливаться яд, далее наступит интоксикация, а потом пойдет процесс отторжения. Все это будет продолжаться до тех пор, пока новая власть не пойдет на попятную и не перестанет в ущерб делу заниматься всякими патриотическими глупостями.

Все вышеизложенное, конечно, следует рассматривать в контексте событий на Кавказе, где Россия наконец-то взялась отстаивать свои кровные интересы, отстаивать при помощи силы, пусть даже это кому-то и не нравится.

Вопрос о том, кому будет вскоре принадлежать верховная *власть* в стране, становился все менее актуальным. Серьезной конкуренции В.В.П. на президентских выборах не предполагалось.

И если этот человек не совершит какой-нибудь фатальной ошибки, то через три-четыре месяца, от силы через полгода, он заполучит, в полном соответствии с текстом нынешней Конституции, такую власть и такие полномочия, которым позавидовали бы некоторые известные в прошлом диктаторы.

* * *

— Меня очень беспокоят события на Кавказе, — еще раз выразил свое беспокойство премьер. — И даже не столько ход военной кампании, сколько сопутствующая ей закулисная сторона событий.

— Это и есть самое главное, Владимир Владимирович. Именно по этой причине я счел своим долгом обратиться к вам с докладной запиской. В принципе ситуация в Чечне находится пока под контролем. Но есть немало признаков того, что вскоре позиции там пошатнутся.

Премьер кивнул в знак согласия. Он сейчас во многом зависел от «партии войны». Как у одного из сказочных персонажей, у В.В.П. имелся свой секрет жизни и смерти. Так называемая «Кошечья игла». Эта самая «игла», как понимают многие, запрятана где-то в Чечне. А если смотреть правде в глаза, она в руке «партии войны». И в любой момент «иглу» могут сломать, причем не важно, умышленно ломают или нет.

Если дела в Чечне — или вокруг этой мятежной республики — ухудшатся самым кардинальным образом и если эти неприятности произойдут до выборов, то премьеру не видать верховной власти. И тогда вместо почти гарантированного восьмилетнего президентского срока — политическая смерть.

— Виктор Константинович, я считаю целесообразным сформировать заново группу «Мерлон». Надеюсь, для этого не требуется издавать закрытый Указ Президента?

На губах Эма появилась едва заметная усмешка.

— Вполне достаточно вашего указания и моих собственных полномочий.

Пальцы премьера выбили дробь на столешнице. Затем ладонь его легла на папку, как раз поверх тисненой надписи «Документы для Совбеза».

— Группа «Мерлон», в состав которой следует включить только тех аналитиков, которым, Виктор Константинович, вы доверяете, как самому себе, должна осуществлять тщательный мониторинг всех ключевых событий, имеющих отношение к нашей военно-политической акции в Чечне. Ежедневно готовьте сводку, к началу рабочего дня документ должен лежать у меня на столе. Выделите двух надежных офицеров для осуществления связи, контакт для них — с моим личным помощником. Если появится срочная информация в контексте нашей с вами беседы, можете связываться со мной в любое время дня и ночи.

— Будет исполнено, Владимир Владимирович. Но если возникнет нужда возродить другие структуры А-Центра, например, тот же подотдел активных мероприятий, то для этого одного вашего устного указания будет недостаточно.

— Я помню об этом, — кивнул премьер. — Кстати, где сейчас проходят службу лица из названного вами подразделения?

— большей частью это сотрудники ГРУ, — сказал Эм. — Все возвращены, скажем так, по своей служебной принадлежности. Где они сейчас? В Чечне... преимущественно. Вы же сами распорядились, чтобы «лучшие кадры» отправили на Северный Кавказ.

— Гм... это для них вы требовали, как бы это поточнее выразиться... лицензии на убийство?

— В ходе той нашей давней беседы я говорил о другом. О том, что некоторые из наших сотрудников в ряде случаев вынуждены действовать... вне правового поля. В таком случае они

должны быть неподсудны с точки зрения существующего законодательства. Другими словами, за свои действия они не могут быть подвергнуты уголовному преследованию. Я ставил также вопрос о повышенных окладах для спецов подобного класса и о том, что их жизни следует застраховать на достаточно крупные суммы.

— Если они, то есть непосредственные исполнители указаний А-Центра, неподсудны, то кто возьмет в таком случае на себя всю ответственность? В случае, скажем так, провала?..

Эм пристально посмотрел на собеседника:

— В Израиле, США и ряде других стран этот вопрос уже давно разрешен. Как именно — думаю, вам известно. В нашей стране пока никто из правителей — о прежних я не говорю — не решается взять на себя такого рода ответственность. И поэтому мы до сих пор лишены возможности воздействовать на негативные для нас процессы жестко, молниеносно, самым решительным образом.

Теперь уже губы премьера дрогнули в усмешке.

— Я подумаю над вашими словами... Хотел только уточнить одну деталь. Если кто-то из ваших... наших людей, обладающих такими своеобразными «лицензиями», вдруг наломает дров, совершит серьезную ошибку, отклонится от сценария... Что тогда прикажете делать?

— Думаю, это понятно, — спокойно проговорил Эм. — У того, кто совершит фатальную ошибку, будет отобрана... «лицензия».

Председатель правительства покинул здание на Старой площади примерно через четверть часа. Папку вместе с ее содержимым он увез с собой.

Ситуация последних дней хотя и тревожила его, но не настолько, чтобы он решился передать «матрицу» в чужие руки.

Глава 5

Пригородный поселок Ханкала был отбит у федералов после мощного контрудара, предпринятого в утреннюю предрассветную пору. В результате дерзкой акции чеченским сепаратистам удалось вновь занять базу российских войск, оборонительные сооружения которой позволяли контролировать огнем южные и восточные подступы к осажденному городу. При этом нападавшими было уничтожено большое количество бронетехники, а также захвачены богатые трофеи в виде военного имущества. На аэродроме же сожжены два штурмовых вертолета «Ми-24». Потери федералов исчислялись многими десятками убитых, раненых, взятых в плен солдат и офицеров.

Это сообщение, брошенное с утра пораньше в западные СМИ кем-то из числа «стрингеров», вольных якобы и независимых журналистов, работающих в действительности на стороне нохов, не исключено даже, что по наводке из-за «бугра», вдобавок было растиражировано, пусть даже с нотками сомнения в его достоверности, в утренних сводках новостей некоторых отечественных телекомпаний.

Когда вертушка с бойцами ГРУ приземлилась после полудня на территории базы в Ханкале, Бушмин смог воочию убедиться, что «сенсационное» сообщение о «мощном контрударе» на деле является полной туфтой. И это еще мягко сказано.

Поселок и его окрестности запружены разнообразной военной техникой, хотя она вроде бы сожжена. Палаточный городок и уцелевшие строения заняты подразделениями Минобороны и МВД. Здесь и волгоградцы, и 33-я бригада внутренних войск, и десантники из 45-го разведполка ВДВ, и разрозненные подразделения ОМОНа и СОБРа, а также артиллеристы, летчики, связисты и еще много всякого военного люда.

До передовой отсюда в принципе рукой подать. Отчетливо слышна стрельба, где-то километрах в четырех завязалась довольно оживленная перестрелка. По окраинным кварталам Октябрьского и Ленинского районов бьют самоходные установки, от них не отстают минометчики и дивизион гаубиц «Д-30». В воздухе постоянно находится пара «двадцать четвертых». Они производят залпы НУРов [9] над самой окраиной поселка — до противника рукой подать — и тут же садятся на «дозаправку». После чего штурмовые «Ми-24» по новой взмывают в воздух. Из подбрюший вертолетов вырываются дымные стрелы — всего в комплекте двенадцать ракет, дюжина гостинцев для нохов и наемной швали.

...Опять приземлились на площадку, перезарядились, приподнялись, загребая воздух лопастями винтов, выпустили ракеты по целям в осажденном городе. Сели, перезарядились, поднялись. Залп!..

Такая вот карусель. Все работают, все заняты, каждый при деле. Как и на любом другом хорошо отлаженном производстве.

9

НУР — неуправляемая ракета.

Но кое-кого такая картинка не радует. Так и норовят сыпануть песок в шестеренки и сочленения военной машины федералов. У этой войны есть немало темных сторон. Подлая деза, распространенная нынче в СМИ, — один из таких грязных приемов. Людей, участвующих в «информационной войне» на стороне чеченских бандитов, распространяющих по всему миру насквозь лживые сведения, следовало бы рассматривать как террористов со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Успокоившись этой мыслью, Бушмин погрузился вместе со своими бойцами в присланный за ними тентованный «Урал», после чего они отправились на поиски своих, взяв курс на восточную окраину поселка.

Володю Мокрушина, командира РДГ «Город», он обнаружил в одном из кунгов, в компании знакомого офицера из разведотдела «северных».

Густой мат был слышен в радиусе доброй сотни метров. В знании тончайших нюансов ненормативной лексики упражнялся именно «капитан Володин», что уже само по себе казалось удивительным.

Когда Бушмин заглянул в кунг, эти двое его даже не заметили. Он вышел. Вытащил из пачки сигарету, закурил. Зачем мешать «светской беседе»? Третий здесь явно лишний.

Должно быть, случилось что-то из ряда вон. Потому что по жизни Мокрушин человек очень спокойный и сдержанный. Нервы у него — точно стальные тросы. Вывести его из душевного

равновесия — дело почти безнадежное. Но кому-то это удалось.

И теперь Володя на чем свет стоит костерил неких «мудаков», причем это было самым мягким из определений. Доставалось и собеседнику Мокрушина, хотя тот был в подполковничьем звании, а Мокрушину, как и Андрею, майора присвоили сравнительно недавно.

Володю Мокрушина Бушмин знал как облупленного. Знакомы еще с курсантской поры. На пару служили в Дорогомиловской бригаде. В первую чеченскую воевали бок о бок. В зиму 95-го — здесь, в Грозном, а летом, в ходе второй командировки, — у Аргуна и в предгорьях. Володя тогда командовал разведзвездом. Бушмин же был ротным. Оба они служили в частях морской пехоты и даже не предполагали тогда, сколь извилистой окажется линия их жизни, не предполагали, что суждено им стать сотрудниками ГРУ, командовать подразделениями элитного армейского спецназа и в конечном итоге снова оказаться в Чечне, в этом проклятом богом и людьми месте.

Короче, Володя — самый близкий друг, и этим все сказано. Командировка у него, кстати, тоже подходит к концу. Отпуск им обоим сейчас не светит, но все равно приятно было бы оказаться в Москве, подальше от чеченского пекла. Трудно сказать, какие виды на них имеет руководство. До настоящей поры, черт знает почему, оба ходили в любимчиках у своего начальства. В промежутке между дагестанской и нынешней командировками они занимались «научной работой». Числились же в аппарате Совбеза в качестве прикомандированных сотрудников ГРУ. Бушмина, поскольку у него имеется опыт штабной работы и плюс к этому он занимается «очно-заочно» в Академии им. Фрунзе, заставили написать некий труд, обобщив в нем уроки событий в Дагестане. Книжонку издали для начала тиражом в полсотни экземпляров, снабдив грифом «ДСП». По словам Шувалова, ее пролистал сам Эм, который по прочтении бушминского «произведения» заметил, что эта штука будет посильнее «Фауста» Гете.

Таким образом, они на пару с Мокрушиным почти полтора месяца откровенно валяли дурака. Володька даже чуть не женился, но так и не смог из нескольких своих подружек выбрать единственную — говорит, мол, они все ему милы. Бушмин, как примерный семьянин, каждый день появлялся дома — у них с Леной служебная квартира в «закрытом» городке Балашиха-2. Редкой красоты женщина, его Лена. Ума палата. Море обаяния. Никто из друзей и знакомых не понимает, зачем она вышла замуж за такого отпетого головореза, как известный в узких кругах Андрей Бушмин по прозвищу Кондор. А теперь один крутой товарищ начинает задумываться о разных там памперсах и прочих подобных вещах. Готовится стать отцом. Потому что у него и его раскрасавицы жены скоро будет ребенок. Их первенец. Лена беременна, на седьмом месяце.

Такие вот мысли пронеслись в голове Бушмина, пока он курил сигарету.

Перепалка тем временем закончилась. Штабник выбрался наружу, сопровождаемый напутствием Мокрушина: «Передай им от меня, что все они козлы!»

Бушмин снова зашел.

— Кто это здесь грозитя снять с себя погоны?!

— Да пошли они все... — Заметив, кто появился в кунге, Мокрушин осекся. — О-о! Здорово, Андрюха!

— Рад тебя видеть, Рейндж!

Обнялись, похлопали друг дружку по спине, отстранились, сохраняя на лицах довольные ухмылки. Мокрушин был всего на несколько сантиметров ниже своего дружка. Одет же в камуфляж без знаков отличия. Волосы у него темные, почти черные. Поскольку он последние два месяца усиленно отращивал бороду, видок у него тот еще. Выглядит как самый натуральный чечен.

Но чувствуется, что устал. Хотя Володька — мужик двужильный. Похоже, что и его допекло. Весь какой-то закопченный, словно его все это время над жаровней держали. Посмотришь на такого — то ли «чичик» перед тобой, то ли араб из саудовских. И глаза налились кровью, наверное, уже забыл, когда нормально спал.

— Трезвый? — на всякий случай поинтересовался Бушмин.

— Ты че? Когда тут пить? Я и не помню, когда последний раз стопарь принимал.

— А чего тогда разоряешься? Орешь так, что даже «чичики» в городе переполошились...

Криво усмехнувшись, Мокрушин придвинул другу табуретку, сам тоже уселся. Оглядевшись, Бушмин понял: в кунге они не одни, кто-то спал в углу, накрывшись с головой одеялом.

— Шувалов рассказывал, что ты со своими наемни с гор спустился... Как сходили? Что хорошего видел? Что в клювике начальству принес?

Немного помолчав, Бушмин ответил:

— Нормально, в общем-то, прогулялись. Шесть суток в рейде были. Ни мы нохов не напрягали, ни они нас. Мы повсюду ужиком, ужиком... Не борзели, короче. Что видели? Разведали вход в Аргунское ущелье...

— Дуба-Юрт? Чишки?

— Ну да. Еще окрестности Варанды и Дачу Борзой. Серьезные у них там укрепления... Нохи кишмя кишат. И арабы тоже там из «Фаттаха». Напоследок навели авиацию на укрепрайон в дефиле, возле Чихи-Юрта. А вчера под вечер нас сняли двумя вертушками... Если совсем коротко, то все у меня тип-топ. А где, кстати, Шувалов?

— Был в штабе, сейчас к особистам пошел. Там сейчас всех «духов» до кучи собрали, тех, кого за последние сутки на окраинах отловили. Надо кое-какую информацию из них выбить... Двоих я приволок. Потерял тоже двоих этой ночью. С утра вот их в госпиталь провожали...

— Не насмерть?

— Тьфу-тьфу, — сплюнул суеверный Мокрушин. — Наши же, кстати, обстреляли, вэвэшники, на обратной дороге, мать их перемать!

— Далеко ходили?

Протянув сигарету товарищу, Бушмин чиркнул зажигалкой, потом сам прикурил.

— Не-а... — Пыхнув дымом, Мокрушин энергично помотал головой. — Неделю назад мы прошли до самого моста через Сунжу — и нормально вернулись. А сейчас все, на хрен, перекрыли. До «крестовой» больнички сбегали — тут же назад...

— А пошто «Чичиков» пытаются? И вообще, что у вас тут творится?

Задав вопрос, Бушмин вдруг вспомнил о тех троих «языках», которых доставил в Моздок. Удалось ли вызнать у них что-либо полезное? Где они сейчас находятся? В Моздоке? Или повезли в какое-то другое место?

Но в принципе ему глубоко наплевать на этих субчиков. Он свое дело сделал, пусть ими другие занимаются, те, кому это положено по службе. А потому дальнейшая судьба этой троицы Андрея Бушмина совершенно не волновала.

— А ты что, Андрей, не в курсе? — удивился Мокрушин. — Не знаешь, что у нас тут случилось?

— Откуда мне знать? — пожал плечами Бушмин. — Ты же сам сказал, что я только намедни с гор спустился. Ну, так что у вас здесь приключилось? И с чего это вдруг ты вздумал больших начальников козлами обзывать?

Мокрушин кивнул в сторону входа, туда, где за мгновение до этого возник чей-то силуэт.

— Начальник наш вернулся. Вот он тебе, Андрюша, сейчас все популярно и объяснит.

Глава 6

— Что, «дембеля», небось на чемоданах уже сидите? — проворчал Шувалов. — Ну, и какие планы? Где оторваться надумали, у нас? Или за бугор махнете, на берега теплых морей? У меня, кстати, есть для вас хороший туристический маршрут. В город Джохар. Приходилось о таком слышать?

— Лучше не надо, — усмехнулся Бушмин. — Как-нибудь в другой раз. И теплых морей не надо. Лично у меня запросы скромные. Я хочу в Балашиху. А город Джохар пусть пропадет пропадом, к тому же я там уже не раз бывал.

Он обменялся с Шуваловым крепким рукопожатием. «Подполковник Сергеев», таков его оперативный псевдоним, принадлежал к тому славному поколению «летучих мышей», которое проходило профессиональную подготовку еще в пору мощной сверхдержавы. Шувалову тридцать шесть лет. Что касается физических кондиций, то он в полном порядке, Бушмину уже доводилось не раз видеть этого элитного бойца в деле. Шувалов — авторитетнейшая личность в ГРУ, крупный спец по активной силовой разведке. Сравнительно недавно он был назначен спецпредставителем военной разведки при ОГФС, которому вменяется в обязанности координировать действия подразделений ГРУ в зоне военного конфликта — одних лишь РДГ в Чечне, Ингушетии и Дагестане насчитывается почти полтора десятка. В силу занятости, а также по причине наложенного сверху запрета в последних активных разведпоисках непосредственного участия он не принимал.

— Молодцом, Андрей. — Черты лица Шувалова заметно смягчились. — Хорошо сработал в горах, качественно. Но поговорим об этом позже.

Он повернулся к Мокрушину:

— А ты, плут полосатый, зачем в штабе кипеш поднял? Я ж тебе говорил: буду связываться с Москвой, чтобы оттуда помогли перерешить вопрос в нашу пользу! А ты чуть все не испортил!

Володя поскуучнел. Даже как-то притихарился, будто бы эти слова и не к нему относятся. На Мокрушина, если он выйдет из себя — а такое случалось крайне редко и по очень серьезному поводу, — повлиять было очень сложно. Осадить его в таких случаях мог, пожалуй, только Бушмин. И еще Шувалов, которого Рейндж считал заместителем господина по спецназу.

— Знаешь, что учудил твой приятель? — сказал Шувалов, обращаясь к Андрею. — Вызвал меня к себе сегодня командующий и этого деятеля сказал с собой привести. Разговор у нас был секретный. Ставит, значит, генерал нам задачу. Типа того, что достаньте мне луну с неба. Чистое самоубийство. Но не успел я рта открыть, как тут Рейндж поперед бабки в пекло лезет... Вы, говорит, товарищ генерал, если вам так припекло, сами идите в... Грозный! Вместе со своим гребаным штабом. А я своих бойцов на такое дохлое дело не поведу. Мы, говорит, не скот бессловесный, и нечего нас гнать на убой...

Невесело усмехнувшись, Шувалов вкратце обрисовал реакцию на эти слова самого командующего. Бушмин, слушая пересказ, озадаченно покачал головой. Рейндж, кажется, на сей раз перегнул палку. Так недолго и погон вообще лишиться. Хорошо еще, что до настоящего момента он ходил у начальства в большом фаворе, а любимчиком, как известно, многое сходит с рук.

— Я думаю, — неожиданно изрек Мокрушин, решив, очевидно, уйти от неприятной для него темы. Он даже наморщил лоб от усилий. — Мне тут одна мысль в голову залетела...

— Ты придумал, как сподручнее выполнить задание командования? — заинтересовался Шувалов. — Говори.

— Нет, я о другом... Сейчас обеденное время, вот я и думаю: не послать ли нам гонца?

— Гм... — Шувалов в задумчивости поскреб подбородок. — Идея, в общем-то, неплохая. Фронтная «сотка», полагаю, умственному процессу не повредит. Ладно, хозяин, вели накрывать на стол.

Выпили по махонькой, закусили. Затем выставили из кунга Тимоху, то есть заместителя Мокрушина по фамилии Тимофеев — именно он дрых на раскладушке, — а уж после этого устроили «секретное» совещание.

— Слушай сюда, Андрей, — расстелив на столе карту города, сказал Шувалов. — Не этой ночью, прошедшей, а позапрошлой в город была послана разведгруппа с заданием перепроверить сведения, доставленные ранее группой «Город»...

— Понял, Андрей, эту фишку? — воспользовавшись паузой, вклинился Мокрушин. — Получается, что нам уже не доверяют.

— А кто ходил? — поинтересовался Бушмин. — Чья команда? Никак «полосатые»?

— Да мужики из разведполка ВДВ, — сказал Шувалов. — С ними отправились двое наших в качестве проводников. Вот здесь они прошли...

Он показал на карте маршрут следования разведгруппы.

— И должны были выйти к самой «крестовой» больнице... Нохи до недавних пор держали там «мирных», согнав их туда с окрестных домов. Соорудили себе живой щит, короче. И сами там укрепились как следует. Без поддержки авиации и артиллерии выкурить их оттуда пока не

получается. Долбить по больнице запрещено, по «гуманным, понимаешь, соображениям»... Продвижения вперед здесь нет, потому что из корпусов больницы весь район простреливается... В начале этой недели предприняли вылазку, и Мокрушин доложил, что в «крестовой» засели боевики, что «мирных» он там не обнаружил.

— Сейчас всех, кто может держать в руках лопату и кирку, гоняют на принудительные работы, — дополнил Мокрушин. — «Чичики» новые укрепления сооружают, поэтому им сейчас нужны рабочие руки. Этих, которых держали в больнице, куда-то увели, может, в район стадиона или в «правительственный квартал», сейчас у них там основное «строительство» ведется.

— Обычная, в общем-то, вылазка. У нас почти каждую ночь рейды по окраинам проводятся, — продолжал Шувалов. — В поиск ушли двенадцать вэдэвэшников и двое наших. Всего в группе было четырнадцать человек.

— И что? — поинтересовался Бушмин, он уже успел врубиться в ситуацию. — Кто-нибудь из них обратно вышел? Или все накрылись с концами?

Шувалов подавил тяжкий вздох.

— Все обстоит куда хуже. Тела троих вчера сами десантники обнаружили. Здесь, ты, наверное, в курсе... гуляет здесь линия фронта. То есть с утра, как развиднеется, мы идем вперед, зачищаем помаленьку кварталы и доходим почти до больничного комплекса, а уже к сумеркам отходим на исходные. Этих троих — от одного только туловище осталось — чечены, видимо, не смогли с собой прихватить либо в спешке забыли о них...

— Это еще цветочки, — сказал Мокрушин. — Расскажи ему, командир, какое нам «кино» местные «Геббельсы» недавно показывали.

Шувалов кивнул:

— У нохов здесь есть передвижной телепередатчик. Иногда врубают по ночам, транслируют свои «новости». В основном, конечно, это делается в расчете на Запад, мол, дух наш не сломлен, в осажденном городе даже телевидение имеется. В эфире они работают минут семь-восемь, от силы десять, чтобы ракетой по наводке на излучение не получить... Показали сюжет о своих новых свершениях. Так, мол, и так, уничтожили подразделение федералов... Цифры наших потерь они умножили примерно на десять, но факт есть факт: на пленке засняты трупы вэдэвэшников, семь трупов уложены в рядок. Четверых им удалось заполучить живьем...

— Если судить по картинке, все они ранены, — дополнил Мокрушин. — Вот из-за этой «геббельсовской» пленки и разгорелся сыр-бор... А тут еще передали сообщение, что чечены у нас Ханкалу отбили, и наверху такое закрутилось... По слухам, нашим «полководцам» должны на днях в Кремле звездочки вручать. Сам понимаешь, Андрей, какую свинью всем нам нохи подложили, награды-то могут тью-тью... Опять же мода пошла на разные спасательные мероприятия. Я все понимаю, и, когда летчика в горах всем миром спасали, все было по делу. Андрей знает, у нас и в морпехах закон такой был: своих убитых и раненых на поле боя не оставлять. Но надо же и голову иметь на плечах!

Мокрушин в сердцах сплюнул под ноги.

— Ты думаешь, чего генералы задергались? Сколько уже народа накрылось, сколько пропало с концами, и ничего, они это как-то пережили... Дергаются они потому, что кто-то уже успел в Москву настучать! Может, и пленку уже успели по «ящику» прокрутить, по забугорному или

нашему, мы ж тут не смотрим телевизор целыми днями! Представь, награды из рук уплывают, новые звания могут накрыться! Как такое допустить?! Значит, надо совершить что-нибудь героическое! Оборотку нохам устроить! Желательно даже что-нибудь серьезное в самом центре города затеять, показать, что мы люди деловые и этот сраный городишко вот-вот возьмем! И своих из плена надо выручить, это ж дело чести! Мы ж все из себя такие благородные...

Понимая, что его занесло, что он наговорил лишнего, Мокрушин умолк, махнул рукой.

— Напрасно только людей положим, вот и все, — добавил он, не удержавшись.

— Вы закончили? — ледяным тоном произнес Шувалов. — Или еще накинуть несколько минут?

— Виноват, товарищ... подполковник.

— Раз виноват, тогда помалкивай, — смягчился Шувалов. — А теперь самое главное. Этой ночью решено ничего серьезного не предпринимать. Чеченцы явно провоцируют нас и если ждут чего-то, то именно этой ночью. У нас будет время подготовиться, продумать все как следует. Сейчас служба радиоперехвата прослушивает все переговоры противника, от пленных тоже кое-какую любопытную информацию успели получить. То, что надо попытаться наших ребят из плена вытащить, — однозначно! Установить бы только надежно, где их держат... И чеченских волков надо приложить как следует, здесь я с командованием согласен. Только по-умному надо действовать, а не так, чтобы без толку людей положить.

— Из моих по-чеченски только один говорит, — в задумчивости проговорил Бушмин. — Да и то на грозненском диалекте.

— Я этой ночью со своими бойцами на «нейтралке» куковал, — подал голос Мокрушин. — До черта подвалов, есть где спрятаться.

— Говорите, на ночь наши к поселку отходят? — Бушмин поскреб в затылке. — Линия фронта гуляет?

Шувалов утвердительно кивнул головой.

— Вот видите, друзья мои? Если захотим, то можем не только командование по матушке послать, но и какую-нибудь дельную акцию проверить.

* * *

Мокрушин, поскольку он едва держался на ногах, завалился спать. Шувалов отправился в штабной модуль — сообщить руководству составленный вчерне план предстоящей акции. Андрей, проверив, как разместились его люди, решил подышать свежим воздухом, а заодно, пока не смеркалось, посмотреть сверху, с холмов, на осажденный федералами город Джохар.

Да, именно так. Населенный пункт, известный некогда как город Грозный, перестал существовать. Такого города больше нет, хотя его до сих пор упоминают десятки раз на дню — в официальных документах, в разнообразных сводках, в телерепортажах и в прессе. Город Грозный умер, как умирает человек, которому нанесли тяжкие телесные повреждения, как умирает жертва разбойного нападения, которую забили до смерти.

Трудно сказать, когда он умер, этот город. Возможно, это случилось в девяносто пятом, когда

были разрушены почти все здания. Но, по-видимому, это все же случилось раньше, когда к власти пришел Дудаев, когда нохи, очень многие из них, вернулись в свое первоначальное состояние, то есть превратились в стаю волков.

Умерший город, однако, захоронить не удосужились. Возможно, следовало бы изобрести по такому случаю некий ритуал. Но никто не знает, что в таких случаях нужно делать, какие молитвы читать. Нет прецедентов. А если и были в истории, то все примеры уже напрочь забыты.

Да и недосуг. Некогда хоронить. Чеченские боевики и федеральные войска все еще яростно сражаются на бранных останках города.

«Усопший», так и не захороненный, нынче смердит на весь мир, вызывая на лицах цивилизованных народов гримасу отвращения.

«Что такое Грозный? Это камни. Плачущие камни под ногами...»

Нет, камни — это уже не Грозный, а чеченский Джохар. Заблуждается тот, кто считает, что это город. Или город-крепость. Надо посмотреть правде в глаза. И попытаться понять хоть малую толику из того, что здесь происходит — здесь и сейчас.

Дыра — вот что это такое. Нечто запредельное, с отчетливо распознаваемым инфернальным душком. Черная дыра на лике земли, язва на теле человечества, огромная воронка, куда засасывает не только чеченский народ, но, кажется, и всю огромную Россию.

Вот что такое Джохар.

За спиной раздалось покашливание.

— Решил подышать свежим воздухом? — спросил Шувалов. — Или надумал полюбоваться панорамой города?

Бушмин пожал плечами. После чистейшего воздуха предгорий местная атмосфера казалась смрадом. Панораму эту он видел уже десятки раз. Нет, Андрей просто стоял и думал о своем, вот и все.

— Как начальство отнеслось к нашей задумке? — спросил, обернувшись.

— В принципе одобрило. Но сам понимаешь, план еще нужно шлифовать, продумать все как следует.

Бушмин покачал головой. Выходит, он не просто должен ходить по краю пропасти, но еще и тщательно продумать, как ему половчее грохнуться на самое дно.

— Ты сам виноват, Андрей.

— В чем? В чем я виноват?

— Тем, что классный спец, хотя хвалить в данной ситуации... гм... непедагогично. Тем, что фартовый мужик — тьфу-тьфу, чтобы не сглазить! Короче, командующий уперся, и все тут: один «Город» не управится, привлекай десантников и вызывай в Грозный группу «Терек». Вот такие дела...

— Это наша работа, Михалыч. Все будет тип-топ.

— Кстати, меня попросили выйти на связь с Моздоком... Федулов из разведотдела побеспокоил — ты ведь ему «языков» передал? Или напрямую особистам?

— Нет, Федулову, а он уже связался с фээсбэшниками.

— Там какое-то высокое начальство его побеспокоило, из ведомства МВД. Говорит, только вы вылетели вертушкой в Грозный, ему позвонили и стали интересоваться разными подробностями: кто захватил чеченов, где, когда и при каких обстоятельствах это случилось?.. Федулов им объяснил, что, мол, закрытая информация, ну, и так далее...

— А что, есть какие-то вопросы ко мне? — осведомился Бушмин. — С захваченными мною ногами что-то не так?

— Не знаю пока, — пожал плечами Шувалов. — Может, само по себе все рассосется. Вернемся в Моздок, и я все выясню. А пока забудь, у нас здесь и без того есть над чем голову ломать.

Когда эти двое ушли по своим делам, ничего в округе не изменилось. Черная дыра продолжала засасывать в себя залпы артиллерийских орудий — все эти тысячи снарядов всех существующих калибров, кровавые подарки «шмелей», «градов», «буратино»; и, разумеется, самих стреляющих и сбрасывающих бомбы людей, плохих и хороших, бритых и бородатых, безусых юнцов и отцов семейств, атеистов и религиозных фанатиков вкупе с начальниками всех рангов и званий, в компании с теми, кто затеял весь этот кошмар и кого никогда не осудят.

Сотни и тысячи судеб засасывает бездонная воронка.

И даже не верится, что из этого ада когда-нибудь можно вырваться, можно спастись.

Глава 7

Последние две недели пригородный участок шоссе на Первомайское федералы не обстреливали.

Серое дорожное полотно с сохранившимся фрагментами асфальтовым покрытием все изъезжено рытвинами и колдобинами — траки тяжелой гусеничной техники содрали с него кожу. Правда, полотно покрылось корочкой грязи, затвердевшей с наступлением холодов. Вполне можно проехать на легковушке. Вот только машин в городе осталось мало. Транспорт, уцелевший после бомбежек и артобстрелов, почти весь конфискован защитниками чеченской столицы. Поэтому беженцы передвигаются по серой ленте пригородного шоссе пешком.

Нагруженные, как мулы, они толкали перед собой тележки со своим нехитрым скарбом. Тянулись с сумками, чемоданами, свертками... Двигались небольшими группками, накапливаясь на границе кварталов частной застройки, в районе Старой Сунжи. Все, кто уцелел в грозненской мясорубке, выходили по «гуманитарному коридору» в расположение федеральных войск, выбирая из двух зол меньшее. Дорога, состоявшая из одних подъемов, вела к терским холмам, где был оборудован крупный блокпост внутренних войск, а также небольшой транзитный лагерь для беженцев. Оттуда их вывозили на транспорте МЧС в другие крупные лагеря, преимущественно в Ингушетию и Северную Осетию.

В районе блокпоста было малоллюдно и сравнительно тихо. До окраин города отсюда километров семь или восемь. Дымка тумана мешает разглядеть, что там творится, но

отчетливо доносится гул канонады. Впрочем, на подобный шум здесь давно уже никто не обращает внимания.

В светлое время суток федералы дорогу не обстреливали. Днем тут сравнительно безопасно, зато по ночам, как и повсюду, под носом у федералов скрытно передвигались разрозненные «духовские» бандгруппы, а кое-где они наносили жалающие уколы. В темное время суток нужно быть начеку, чтобы «чичики» врасплох не захватили. И когда срабатывала «сигналка» или среди темени чудились подозрительные шумы и какое-то шевеление, гарнизоны блокпостов открывали огонь, расстреливая все опасные сектора и направления.

Так что ночью «гуманитарный коридор», по существу, не действовал. Те люди, что покидали Грозный, пешком преодолевали нелегкий путь и выходили к ближнему «блоку» федералов утром или днем: они знали, что в это время дорога сравнительно безопасна.

— И что, у вас нет при себе никаких документов?

Вопрос задал офицер внутренних войск. Обращался он к женщине, прибывшей к блокпосту с полчаса назад вместе с пацаненком лет десяти.

И женщина, и малец походили на погорельцев в своем тряпье, закопченном и пропахшем дымом. Возраст женщины без документов определить очень трудно. Лет тридцать, наверное. Или под сорок. Но вряд ли больше пятидесяти. Когда ее заставили снять платок, то выяснилось, что голова у нее коротко острижена. Почти под «нулевку». Волосы после стрижки не успели отрасти, и теперь голову беженки покрывал короткий светлый пушок. На лбу — ссадина; губы потрескались и покрылись мелкими чешуйками; на покрытом копотью и грязью лице промоины от стекавших ручейками слез.

— Ну хватит вам рыдать! — поморщился старлей. — Слезам здесь никто не верит. Так что с документами? Мне нужно установить вашу личность. Я должен внести вас в нашу картотеку, понимаете?

Наверняка она русская, решил он про себя. Чеченки почти все черные, как вороны. Есть среди них и с рыжеватыми волосами, даже темно-каштановыми, но светловолосые — большая редкость.

— Документы все сгорели, — всхлипнув, сказала женщина. — Могу я покрыть голову? Мне холодно. И как-то неловко...

Заметив утвердительный кивок, она набросила на «ежик» пестрый платок и туго завязала его концы под подбородком. Сверху надела капюшон темно-зеленой куртки, изрядно забрызганной, со следами рыжеватых подпалин. Наряд довершали мешковатые брюки мышинового цвета и черные ботинки с облупленными носами. Мальчик, жавшийся к ней и ни на миг не отпускавший ее руку, одет был примерно так же. И тоже напоминал пугало. Разница только в том, что на голове у него была черная вязаная шапочка. И он до сих пор не произнес ни слова.

— Вот так р-раз — и сгорели, да? — с сомнением в голосе произнес старлей. Он посмотрел на солдата, который несколько минут назад обыскивал этих двоих, но тот лишь пожал плечами. — Как такое могло случиться? Надо было хоть что-то захватить с собой... Диплом какой-нибудь, водительские права, служебный пропуск... Хотя бы письма с собой взяли и семейные фотографии!

Женщина вновь зашмыгала носом.

— Мы из Второго микрорайона... В пятиэтажке у нас квартира, где внизу аптека, знаете, да? На первом этаже аптека, а мы жили на втором... Дом, конечно, пострадал, еще в прошлую войну пострадал, но у нас в принципе еще ничего... Стены целы, кое-что из обстановки сохранилось. Пока нас не обстреливали, мы в подвал даже не спускались...

Заметив нетерпение, написанное на лице офицера, она торопливо добавила:

— Когда начался налет, мы выскочили в подвал полуголые... В спешке забыла взять документы. То, что осталось от квартиры, остатки нашего имущества — все сгорело дотла. Добрые люди вот помогли одеждой... Неделю хоронились в развалинах, потом добрались до Старой Сунжи, а потом прошли по «коридору» до вас...

— А почему раньше не вышли?

— Вы думаете, это так просто? — В голосе женщины — удивление. — Мы бы уже давно оттуда сбежали, если бы не боялись...

— Чеченка?

— Нет, русские мы.

— В боевых действиях участвовала?

Беженка, как очумелая, затрясла головой:

— Нет, что вы?! Какой из меня боевик...

— Все так говорят, — жестко произнес старлей. — Откуда мне знать, что ты за штучка? Может, ты с «эсвэдэшкой» по развалинам бегала и в наших ребят с винтаря гвоздила?! А пацана этого чисто для прикрытия с собой таскаешь.

Понимая, что она бессильна что-либо сейчас доказать, женщина только горестно покачала головой.

— Ладно, — смягчился офицер. — Давай по порядку. Фамилия, имя, отчество?

Он кивнул стоявшему рядом солдату:

— Тетрадь для черновых записей у тебя? Ручку не потерял? Тогда записывай.

Пока боец опрашивал беженку, старлей осмотрел ее «багаж». Все, что смогли вынести с собой из Грозного эти двое, поместилось в небольшой дорожной сумке, да и она оказалась наполовину пустой — все содержимое в трех пластиковых пакетах. Едва скрывая брезгливую гримасу, он двумя пальцами поочередно приоткрыл все пакеты... Пара комплектов нижнего белья, майка, свитер... Еще какую-нибудь заразу от них подцепишь... В третьем пакетике — зубная щетка, одна на двоих, выходит. Тюбик зубной пасты, почти целиком выдавленный, брусок мыла, зеркальце и расческа, хотя расчесывать дамочке еще долго будет нечего...

Вот и все их личные вещи. И ни крошки съестного.

Отставив сумку в сторону, старлей спросил:

— А этот мальчик, он ваш сын?

— Сын? — растерянно переспросила женщина. — А кто же еще! Конечно, он мой сын... — Она покрепче прижала к себе мальчугана. — Родной мой сынуля.

Старлей опустил на корточки. Пацан был такой чумазый, что мамаша казалась на его фоне просто чистюлей. Если бы не пронзительные синие глаза, можно было бы заподозрить, что он — чеченское дитя.

— Как тебя зовут? — спросил офицер. — Ты что, язык проглотил?

Он попытался взять мальчика двумя пальцами за подбородок, но тот неожиданно ловко уклонился, зыркнув при этом на военного очень серьезно, неодобрительно.

— Зовут его... Иваном, — поспешно говорила женщина. — Иван Алексеевич Дольников. Так и запишите!

— Он что у вас, глухонемой?

— Нет, он все слышит. Но... Но не говорит.

— Ясенько...

Старлей выпрямился, задумался. Эта «мадам» вместе со своим неразговорчивым чадом находилась целиком и полностью в его власти. Он мог поверить ей на слово и, внося те сведения, что она сообщила, в картотеку, без лишней волокиты присовокупить к беженцам, ожидавшим отправки в лагерь «Северный». А мог, к примеру, отправить ее в фильтр. Что такое фильтр в Чечне, нормальному обывателю лучше не знать.

— Нас в Дагестан повезут? — спросила беженка. — А у меня... у нас есть родственники в Ставрополе. Даст бог, как-нибудь доберемся до них.

Военный покачал головой. В Дагестан? А в концлагерь ты не хочешь? В сельцо Чернокозово, к примеру? Там из тебя мигом признание вышибут. Даже если ты и вправду на стороне нохов не воевала. Могут, конечно, отпустить без особого ущерба для здоровья, но это если крупно повезет и если сможешь подтвердить свои голословные заявления чем-нибудь весомым и материальным.

— Нет, Дагестан для беженцев сейчас закрыт. Вот что, Анна Сергеевна... Как сына зовут, забыл... Да, Иван Алексеевич, и ты тоже.

Офицер показал на расположенную в сотне метров от них большую палатку, куда время от времени заходили не только военные, но и гражданские лица.

— Там у нас столовая. Работает полевая кухня, наверняка что-то осталось, вас там накормят. Помещение с туалетом и умывальниками чуть дальше, за палаткой. Что же вы стоите? Идите, а то столовка скоро закроется!

Верно говорят: мир не без добрых людей.

Этот старший лейтенант, довольно молодой еще парень с простоватым русским лицом, совершил доброе дело. И если бы на его месте оказался кто-то другой, не обязательно даже злой человек, просто формалист и буквоед, то уже здесь, на «блоке» в Первомайском, у

беженки могли бы возникнуть весьма крутые проблемы.

Два «КамАЗа» с эмблемами ведомства МЧС на дверцах кабины и на бортах, приспособленные для перевозки людей, катили в направлении чечено-ингушской границы.

— Я же говорила тебе, Иван, что все будет хорошо, — шепнула она на ухо мальчику. — Расслабься, миленький, самое страшное уже позади.

Дорога была неважная, грузовик на ней пошатывало, как пьянчугу после попойки. На лавочках тоже сидеть было не очень удобно, но все это — сущие пустяки в сравнении с тем, что им довелось пережить.

Особенно Ивану.

А теперь и вправду можно расслабиться. Надо же, не у всех на этой войне души черствеют... Старлей не только поверил ей на слово, а даже, можно сказать, проникся... Он сам определил их в партию, которая уже грузилась на транспорт, а напоследок, когда «эмчээсовские» машины уже готовы были тронуться в путь, передал им пакет со снедью.

Это в довесок к тому, что их в столовой сытно накормили.

Она даже не подозревала, что будет так радоваться самым обычным продуктам: в пакете оказались две банки тушенки, одна сгущенки, батон и буханка хлеба и — о чудо — круг полукопченой колбасы и плитка шоколада.

И еще он сунул ей в руку две или три мятые купюры — видно, долго лежали в кармане; может, подумал, что у нее совсем нет денег.

Одно только плохо: напрасно назвала свою фамилию — Дольникова. Могла бы назвать любую другую, только не эту. Но она побоялась. Если бы соврала, этот старлей чутьем мог бы уловить что-то, заподозрить в ней неискренность.

Кажется, это прокол.

Грузовик стал притормаживать. Затем и вовсе остановился.

— Блокпост, — сказал кто-то из беженцев. — Могут проверить.

Чеченцы — а их среди этой группы было сравнительно немного — хранили угрюмое молчание, как будто все, что происходило вокруг, абсолютно их не касалось.

Дольникова встревожилась. Поморщившись от боли в плече, ушибленном обломком стены, она обняла мальчика за худенькие плечи и еще крепче прижала к себе.

— Сержант, может, пропустишь без шмона?

Эту реплику явно подал водитель «КамАЗа». Его тут же поддержал коллега, выбравшийся из кабины другой машины, той, что шла замыкающей.

— Скоро будет смеркаться, а нам еще два «блока» надобно проскочить!

— Успеется, — раздался в ответ сиплый голос. — Давайте, господа бандиты, все на выход! Вещи оставьте в машине! И приготовьте документы для проверки!

Блокпост, занятый небольшим подразделением внутренних войск, был оборудован на изгибе шоссе Ростов — Баку, в точке, равноудаленной от станицы Ассиновской и села Новый Шарой.

Функционировать режимный пост начал сравнительно недавно, поэтому служба здесь никому медом не казалась. С наступлением холодной, ненастной погоды немногочисленный гарнизон страдал от неустроенности жизни. Приземистое каменное сооружение, частично разрушенное, по-видимому, еще в первую чеченскую, отдали в распоряжение солдат-срочников. Все — или почти все — были жутко простужены, двух бойцов пришлось даже отправить на лечение в госпиталь. Хотя «мохоры», как именовались несколько презрительно срочники, круглосуточно топили «буржуйку», тепло через многочисленные щели свободно утекало наружу. Так что внутри было холодно и сыро, как в могильном склепе.

«Отцы-командиры» облюбовали себе вагончик. У этих быт более или менее устроен. В вагончике тепло, и печка не так коптит, как в казарме. Койка опять же у каждого своя, а «молодым» приходится спать по очереди.

Вместе с летехой в вагончике квартируют трое контрактников. Вот они-то здесь, на «блоке», реально и командуют, эти крепкие, почти тридцатилетние мужики, а вовсе не лейтенант внутренних войск Завидеев.

Этот самый Завидеев, хотя в лицо ему такого, конечно, никто не скажет, — натуральный раздолбай. У него вечно какие-то приключения: то понос, то золотуха... Недавно, например, зубами маялся. Так его, горемычного, припекало, что чуть не на стенку кидался, достал, короче, всех окружающих... Потом ему письмо из дома пришло, от молодой женушки. Что там она прописала своему мужику, героически сражающемуся с международным терроризмом, можно только догадываться, потому что письмецо по прочтении было изорвано в клочки и отправлено в пылающее чрево «буржуйки». Наверное, какие-то мерзости там содержались, иначе летеха, которому только недавно стукнуло двадцать четыре годка, не лежал бы на койке часами с потухшим взором — опасались даже, что он надумал застрелиться, а потому прятали от командира все стволы.

Замкомвзвода Гонтарь, контрактник в звании старшего сержанта, решил излечить командира от смертной тоски одним из самых известных и распространенных на Руси способов. Благо здесь, на «режиме», разжиться спиртным не проблема. Но лучше бы он этого не делал. Завидеев мало того, что ударился в запой, так нашел еще себе достойного собутыльника на соседнем «блоке», где командует его однокашник по милицейской школе. Ездит он туда на броне, снимая с поста «бээмпэшку», и случается, что возвращается только под утро. Людей и без того некомплект, а он с собой еще двух или трех солдат берет — в качестве личной охраны.

Раздолбай, короче. И добавить тут больше нечего.

Но ничего этого, естественно, беженцы не знали. Да и незачем, своих проблем хватает. Большинство из них — в ступоре. Лиха им пришлось хлебнуть полной мерой, и еще неизвестно, что каждого ждет в будущем. Усталые и почти равнодушные ко всему, они мало обращают внимания на окружающую действительность. Их трудно чем-либо удивить. Людей с оружием они видели в своей жизни предостаточно.

Двое молодых парней в камуфляжной форме, в бронежилетах, с автоматами за спиной осуществляют проверку документов. Поскольку среди беженцев исключительно женщины,

дети и старики, дело у них спорится.

Еще двое, по всему видно, что контрактники, принялись досматривать крытые кузова «КамАЗов». Вряд ли они надеялись обнаружить там укrywшихся среди тряпья боевиков или заныканные в узлах и баулах стволы и взрывчатые вещества. Просто, пользуясь оказией, почти внаглую рылись в чужих вещах, и среди чеченок по этому поводу прокатился глухой ропот.

Сотрудники МЧС ни во что не вмешивались. Они курили в стороне, делая вид, что все это их не касается. Каждый здесь отвечает сам за себя и предпочитает не лезть в чужие дела. Нередко случается, что на «блоках» задерживают людей, представляющихся беженцами. На то и существует «режим», чтобы нохи хребтом усвоили новые порядки. А поскольку бандиты наловчились выдавать себя за «мирных», то при подобных проверках нужна бдительность и еще раз бдительность.

На столбе, вкопанном в землю возле шлагбаума, — полоска жести с предупредительной надписью:

СТОЙ!

ПОСТ ОХРАНЫ ПОРЯДКА

МОБИЛЬНАЯ ГРУППА ВН. ВОЙСК РФ

Мимо столба с надписью проходили те, кто прошел проверку; а вскоре уже и водители стали сигналить, давая понять, что пора всем рассаживаться по местам.

Проверка не заняла и получаса.

Когда «КамАЗы» с беженцами и их скарбом продолжили путь, в одном из них стало на двух пассажиров меньше.

Снаружи было еще светло, но в вагончике, куда заставили пройти Дольникову, царил полумрак. И воздух здесь — тяжелый, спертый, помещение не помешало бы как следует проветрить. Раскладушки убраны и сложены в штабель в дальнем углу. Там же висится стопка из одеял и подушек. Два крошечных окошка. В одно выведена труба от «буржуйки». Подле другого, смотревшего в проем между бетонными плитами, ограждающими с трех сторон периметр укрепления, стоит колченогий стол, покрытый обрывком камуфляжной накидки. Три или четыре табуретки, шаткие и скрипучие. Над печкой и сбоку протянуты веревки, на них развешивают сушиться влажную одежду. Электричества здесь нет, как нет его пока и в окрестных селах, хотя обещали починить линии еще в ноябре. Обещали выделить для нужд блокпоста дизель-генератор, но так и не завезли. Поэтому приходилось пользоваться для освещения фонарями и обычными керосиновыми лампами.

Дольникова была в панике. И снова она почувствовала боли внизу живота. Ее усадили на табуретку у самого входа. Дверь была закрыта неплотно, и через щель в спину тянуло сквозняком. Ее заставили снять верхнюю одежду, и один из военных, длинный как жердь, с узким лошадиным лицом, тщательно прошупывал своими худыми нервными пальцами карманы, швы и подкладку куртки. Другой, плотный коренастый ефрейтор, натужно сопя, рылся в дорожной сумке Дольниковой. Третий, с лычками старшего сержанта, уставился тяжелым, немигающим взглядом на беженку. Время от времени он подносил к глазам «документ» — справку установленного образца, зарегистрированную на КПП «Кавказ-22».

В понимании Гонтаря такая вот «справка» не стоит и ломаного гроша. Филькина грамота — вот

что это такое. Даже удивительно, что эта стриженная стерва не позаботилась о подходящем документе. Небось поцапалась с «чичиками» и решила рвать из Джохара когти, пока работодатели вместо расчета ей черепушку не прострелили. А пацана с собой для маскировки взяла, он, похоже, и правда глухонемой.

Подозрительная личность. Потому что без документов. И еще потому, что пришла с «той» стороны. Чеченская подстилка. Не исключено даже, что снайперша.

На сей раз ей крупно не повезло. Мимо Гонтаря ни одна крыса не проскочит. Ни одна вражина не просквозит. Глаз у него наметан. Хоть на «рыжье» или другие ценности. Хоть на таких вот тварей, которые маскируются под мирных жителей.

Ему бы в таможне работать, с его талантами. Разные металлодетекторы, рентгены и прочие технические навороты ему не требуются. У него чутье — как у полицейской ищейки. Он все эти баулы и свертки без рентгенустановки насквозь просвечивает. Так наловчился шмонать эту публику, что порой сам себе удивляется: откуда взялась такая прыть и сноровка? В роду у него вроде энкавэдистов и вертухаев не имеется, сам он выходец из шахтерской семьи. Отец и дядя рубили уголек на северах, в объединении «Воркутауголь». Сам Петр тоже в забой спускался, пока бабки не перестали окончательно платить. А потом шахту и вовсе прикрыли. Так что Петр в свои двадцать четыре, не успев еще жениться, остался без работы и без всяких жизненных перспектив.

Хорошо, что закрыли шахту. Иначе он так бы и сгнил в этой сырой холодной вонючей Инте.

На хрена ему таможня? Как там в мультике? «Таити, Таити... Нас и здесь неплохо кормят...» С конца девяносто четвертого он служит по контракту во внутренних войсках Московского округа. Квартира в Подмосковье, дача, машина, жена — все как у людей. Еще на первой кавказской неплохо наварил, даже жалел, что война так быстро закончилась. Но и тогда понимал, что «чичики» после кровопускания не успокоятся, придется их по-новому долбить. Как в воду смотрел. И хотя служба здесь не мед, потому как нохи вконец отвязались, на такой войне можно неплохо приподняться, действуя где-то внаглянку, где-то тонко и осмотрительно, но всякий раз с умом.

Да, можно поймать неплохую выгоду, даже если ты всего лишь замкомвзвода в скромном звании старшего сержанта внутренних войск.

В конце концов, обычные законы здесь не в ходу. Кто не понимает этой простой истины, тот или святоша, или полный кретин, что, впрочем, одно и то же. Беспредельщики здесь все поголовно — от Басаева и Хаттаба до старухи чеченки, от командующего ОГФС до простого российского солдата, прозябающего на заснеженных терских перевалах.

Поэтому Гонтарю все едино, без разницы, кто перед ним — местные русские или нохи. Первые бедны как церковные мыши, и взять с них нечего. Правда, другие не брезгают и с этих овечек последний клочок шерсти урвать: тот же Длинный, к примеру, почти новый кожан из какого-то багажа сегодня умыкнул. Но Петр подобной мелочевкой не занимается, предпочитая иметь дело с «чичиками». Богатые они, сволочи, поднялись на воровстве, грабеже и разбое. Не все, конечно, есть и у них беднота, но с русскими и близко не сравнишь. Бабы чеченские, конечно, не дуры, основная заначка у них в разных укромных местах заныкана. Но и при себе кое-что имеют, на всякий пожарный, причем предпочитают прятать свертки с драгметаллами и баксами у себя на теле. Навертят на себя разного тряпья и думают, что хитрее всех на свете. А Гонтарь всю эту шваль насквозь видит.

Если действовать по-умному, то свое всегда получится отщипнуть. Здесь на каждого есть свой крючок, надо только соображать. Хотя чеченцы злющие, особенно их бабы, но их тоже можно заставить мзду платить. В тех случаях, например, когда они просят пропустить их транспорт без досмотра или не задерживать на «блоке» мужчин с целью установления личности.

Нохчи последние десять лет — а может, и дольше — грабили русских людей, а также использовали рабский труд в своих гнусных целях. Поэтому Гонтарь не считает предосудительным то, чем он здесь порой занимается. В конце концов, он сам русский человек, а потому имеет полное право не знать предела в своей ненависти к этому дикому волчьему племени.

— Ты мне лапшу тут не вешай! — рявкнул Гонтарь, прихлопнув тяжелой ладонью никчемную справку. — Кто такая? Прибалтка? Или хохлушка? Скольких русских солдат убила?! Сколько фальшивых баксов тебе платили за головы расстрелянных российских военных?! Что, тварь, не ожидала? Ничего... Я тебя, паскудину стриженую, насквозь вижу! И ты, путана чеченская, поимеешь от меня по полной программе! На коленях, стерва, будешь передо мной ползать, ноги целовать, чтобы я тебя не шлепнул прям щас, под горячую руку, а сдал органам! По сравнению с моим «блоком» ментовский фильтр тебе покажется раем земным!

— Знаешь, кого она мне напоминает? — поднял голову от сумки крепыш. — Я по виду кино американское смотрел... Про одну телку, всю из себя такую крутую, которая хотела в спецназе служить. Называется, кажется... «Солдатка Жанна».

— Нет, не так, — вмешался Длинный, считавший себя самым умным и начитанным в компании. — Фильм называется «Солдат Джейн», в главной роли Деми Мур.

— Заткнитесь оба, — проворчал Гонтарь. — Тщательнее шмонайте! Нутром чую, что в шмотках у нее что-то заныкано!

Дольникова сидела понурившись на самом краешке табурета. Остатки жизненной энергии, то, что вынесла из Грозного, она израсходовала целиком еще раньше, когда ее допрашивал на «блоке» возле Первомайского старлей. Сейчас она тупо смотрела прямо перед собой, не в силах сосредоточиться хоть на какой-то дельной мысли.

В транзитном лагере, уловив момент, она умылась и сменила нижнее белье. Сменного бюстгалтера у нее не было, поэтому она, ополоснувшись под краном, надела тонкий свитер — относительно чистый — прямо на голое тело. Теперь, когда отобрали куртку, ее бил озноб — то ли от холода, сквозившего ей в спину через приоткрытую дверь, то ли от нервов.

Напрасно она в лагере смыла с себя копоть и грязь. Тем самым она как бы лишила себя защитной маскировки.

Эти сволочи разлучили ее с Иваном. Что с ним? Где ее мальчик? Она ничего о нем не знает.

— Где мой сын? — с усилием разлепив губы, спросила Дольникова. — Зачем вы нас здесь держите? Что мы такого плохого вам сделали?

— Хватит корчить из себя невинность! — заорал Гонтарь. — Разберемся, какой он тебе сын!

Заметив, что беженка скосила взгляд в направлении стены, где на крючьях были развешаны автоматы, он криво усмехнулся:

— Что уставилась?! Видит глаз, да неймет рука? Знаю, дай тебе волю, ты бы всех нас здесь

рядком уложила!

— Кто у вас здесь старший? — спросила Дольникова. — Я хочу переговорить с командиром.

— Я здесь начальник! — веско сказал замкомвзвода. — И что с тобой, ведьма чеченская, делать, тоже я буду решать!

В этот момент кто-то извне забарабанил в дверь. Гонтарь вышел из вагончика. Не успел боец раскрыть рот, как сержант принялся его отчитывать:

— Опять дизельку жгете?! Угорите же! Ну что за народ, мать вашу!

— Пацан сбежал, — вклинился солдат, от которого за версту разило дымом и копотью. — Чуть мне руку не прокусил!

Он продемонстрировал свою грязную ладонь, на которой действительно были видны следы от укуса.

— Что значит сбежал? — нахмурился Гонтарь. — Почему не стрелял? Надо было шлепнуть поганца!

— Я пока за «калашом» ходил, пока то-се, его и след простыл...

— А Максимюк? Он же сегодня караулит на «огневой»? Так?

— А он за кипятком как раз зашел... Чаю хотел попить. Почти сутки без пересменки у амбразуры, кишки от холода к хребту примерзли! Пора бы нас подменить, товарищ... командир!

Гонтарю нравилось, когда его называют командиром, и солдатам срочной службы это было известно.

— Ладно, раздолбаи... Чтоб в последний раз! Если пацан будет крутиться где-то поблизости, шлепните его! Ясно?

— Он же малой совсем...

— Вот он ночью гранату перебросит нам на «блок», этот твой «малой»... Но лучше бы, конечно, его отловить! Мне бы с этим мальцом нашлось о чем потолковать!

Прежде чем скрыться за дверью вагончика, Гонтарь распорядился:

— Поднимите «мохора». Того, что дрыхнет. Пусть проверит «сигналки»! Установите еще пару-тройку «растяжек» со стороны фермы! Если наши решат заночевать у соседей, с девяти вечера будет вахтить Длинный... и кто-то из вас троих. На посту не спать! Застукаю — лично гаду уши оторву!

В вагончике сержанта поджидала новость. Вернее, целых две. На связь по УКВ от соседнего «блока» вышел Завидеев, поинтересовался, как обстановка, и сказал, что задержится.

Вторая новость касалась беженки. Длинный, распоров шов в пройме рукава, обнаружил там заначку. Деньги были туго скручены в трубочку и перевязаны ниткой. Четыреста баксов сотенными купюрами, пятисотрублевка и столик — «деревянными». И еще два мятых полтинника рублями же нашли в кармане куртки — эта наличность была на виду.

Крепыш, отзывавшийся на имя Толян, тоже кое-что нашел: когда подрезал тесаком подложку у днища дорожной сумки, из образовавшейся щели вывалились фотка и еще сложенный листок бумаги.

На цветной фотографии небольшого формата была запечатлена компания: двое мужчин, а между ними девушка смазливой наружности, возраст — чуть за двадцать. Мужички же были явно постарше, ну как минимум лет на десять...

Снимок сделан летом. Об этом свидетельствует буйная растительность в кадре, и кроме того, люди, позирующие фотографу, легко одеты. В кадр попала и часть дома — по-видимому, дача. Мужчины — в светлых брюках и рубашках с коротким рукавом. Один из них — в темных солнцезащитных очках — изобразил на лице голливудскую улыбку; другой, обняв даму за плечи, смотрит в объектив открыто и дружелюбно, но как бы с затаенной гордостью — мол, вот мы какие, молодые и красивые... Что же касается девушки, вернее сказать, молодой женщины, то она в ярко-лимонной майке, очень короткой, так что видна полоска кожи чуть выше пупка. Юбка же такая, что можно рассмотреть загорелые ножки едва ли не во всю их длину.

Стоят себе в обнимку — бо-ольшие друзья. И улыбаются. У девицы на щеках симпатичные ямочки, а по плечам рассыпаны светлые локоны.

— Ничё бабеч! — оценил Длинный. — Эй, снайперша! Это твоя младшая сестричка? Как насчет поближе познакомиться?

Гонтарь развернул лист бумаги. Медленно шевеля губами, стал читать вслух:

— "Иду в пути"... Гм... «Всем ненавистникам...» Так-так... Короче, ерунда все это!

Мрачно усмехнувшись, он скомкал лист с молитвой и демонстративно швырнул его в направлении «буржуйки».

— Нравится тебе это или нет, но я здесь круче самого господя! А потому встать, чеченская шлюха, когда я с тобой разговариваю!

Гонтарь всегда имел при себе наручники. В его бизнесе браслеты — вещь совершенно незаменимая.

«Солдатку Жанну» мигом — под локотки! — приподняли с табурета. Не успела и рот раскрыть, как заковали в браслеты, а затем перебросили цепочку через небольшой крюк, торчавший из притолоки, — получился полный «хенде хох»!

Телка оказалась довольно рослой, и ей даже не понадобилось вставать на носки, роста ей для такой «позиции» вполне доставало.

— Посмотри, Длинный, что у нее там под свитером!

Беженка, хотя ее и вздернули на дыбку, вроде как решила дернуться раз и другой. Поэтому высокий тощий контрактник пнул ее для начала в солнечное сплетение, а затем, пока жертва корчилась от боли и судорожно хватала ртом воздух, дернул вверх свитер, натянув его ей на голову.

— Ни фигя себе!! Вот это да...

Гонтарь тоже обратил внимание на грудь, оголившуюся в результате манипуляций с одеждой. Клевая, надо сказать, грудь, крепкая, довольно полная, с маленькими остроконечными сосками.

Но он, пока его дружки пялились на эту часть женского организма, заметил и кое-что другое, одну очень важную деталь.

Плечо. Правое плечо. Оно было синим, даже багрово-фиолетовым. След отдачи. То, из чего она стреляла, давало сильную отдачу. Или же ей приходилось стрелять настолько часто из своего снайперского винтаря, что она едва не повредила себе плечо.

— Ого! — наконец врубился Длинный. — Попалась, пташка! Гляньте-ка, точно снайпериха!! Это ж сколько она пацанов в «пинки» загнала, если у нее от пальбы аж плечо посинело!

— Шлепнут, падлу! — сказал крепыш. — И не фига даже летеху дожидаться! Повели ее к ферме, там и шлепнем! За компанию к тем двум нохам, что на прошлой неделе приговорили!

Длинный тем временем расстегнул «молнию» на ее брюках и приспустил их до щиколоток, вместе с трусиками. Отстранившись, дабы и самому посмотреть, и товарищам не препятствовать, он несколько секунд жадно высматривал детали и подробности: крутые, как бока у греческой амфоры, бедра, длинные ноги, плавно стекающие к тонким щиколоткам; но более всего привлекал его взор треугольник золотистых волос внизу живота.

— Кхм... — Он облапил теплую упругую грудь. — Телка оч-чень даже ничего...

— Убери клешни, — приказал Гонтарь. — Здесь есть и постарше тебя!

Мужское естество тут же дало о себе знать. Причем разом у всех троих.

И ни один из них не обратил внимания на след от хирургического разреза — шрам от пупка стекал вниз, к лону.

— Лучше убейте, — глухо, точно с того света, прозвучал женский голос. — Прошу вас, даже заклинаю всем святым, что еще в вас осталось... Не мучайте меня! И не берите грех на душу... Но учтите, если с головы сына упадет хоть один волосок, тогда... Тогда я вас сама всех приговорю!

Гонтарь и двое контрактников отошли в другой конец помещения.

— Мы уже месяц с лишком на «сухпае», — проговорил Длинный. — А нам еще две недели здесь куковать! В недостроенном доте есть одна шхера...

— Да, там у «Чичиков» зиндан был оборудован, типа подземной тюрьги, — подтвердил крепыш, потирая от нервного возбуждения потные ладони. — Где-то метров сто до «блока», если и вздумает подать голос, хрен кто услышит!

— "Мохоры" будут молчать, — опять вклинился Длинный. — Они у нас на тех двух чеченах кровью все повязаны, ни один не посмеет пасть свою открыть... Летеха и про зиндан не знает, и про эту снайпершу ему вообще не фига рассказывать!

— Завидяй на все чисто забил! — свистящим шепотом сказал крепыш. — Утром и днем дрыхнет, а вечером и ночью бухает напропалую... Распишем бабца на троих, а? Когда наиграемся с ней, шлепнем! И никто не узнает... Ты здесь начальник, Петр, тебе и решать!

Гонтарь в задумчивости скреб подбородок. Наконец подошел вплотную к подвешенной на крюк женщине.

— Вот что, голуба моя... Если будешь вести себя хорошо, грамотно, по-женски ласково, то я, так и быть, отпущу тебя на волю... Через недельку примерно, если, конечно, заслужишь... Ну и, само собой, ежели понравишься мне и моим товарищам, получишь обратно своего пацана.

...Дольникова пришла в себя уже ночью, в кромешной темноте. Она не представляла, где находится, и почти ничего не помнила из того, что с ней произошло.

Все тело, казалось, разрывало от боли. Болели все внутренности.

Напрасно они с Иваном покинули Грозный. Там, среди этих ужасных боевиков, под бомбами и снарядами, они чувствовали себя в большей безопасности.

Теперь даже грозненская преисподняя казалась почти раем.

Глава 9

Когда-то, еще в довоенную пору, от поселка Ханкала до площади Минутка можно было добраться на машине за каких-нибудь двадцать минут.

Сейчас в такое поверить невозможно.

По карте расстояние между точками А и в — суший пустык. Это если измерять циркулем на карте «г. Грозный». Глупое, кстати, и совершенно бесполезное занятие, потому что такого населенного пункта больше не существует. А какими единицами и мерами следует измерять пространство и время в Джохаре — никто пока толком не знает.

Скорее всего, человеческими жизнями.

У Бушмина их двадцать.

В его полном распоряжении сейчас находятся два десятка бойцов ГРУ, большей частью переодетых в «гражданку», под наемников. И разделены они в соответствии с целями и задачами предстоящей акции на три тесно взаимодействующие между собой группы: «малого боя», «прикрытия» и «управления».

Командуют группами Мокрушин, Черепанов и Бушмин. Последний к тому же начальствует над всей объединенной командой, в которую включены отборные бойцы РДГ «Город» и «Терек», а также три сотрудника из резервной группы, которая постоянно находится в распоряжении спецпредставителя ГРУ полковника Шувалова.

Шувалов, он же «подполковник Сергеев», от личного участия в акции вынужден был отказаться. Он надеялся получить «добро» из Москвы, от своего непосредственного начальства, но оттуда пришел запрет. Такое решение озадачило даже командующего ОГФС. Сергея Шувалова столичное начальство в последние недели явно оберегало, хотя и непонятно: что, вернее, кто за всем этим в Москве стоит?

В качестве средства передвижения решено было использовать три трофейные тачки, отбитые на днях у «чехов»: два микроавтобуса, «рафик» и «Форд», а также джип «Тойота». Машины

слегка подлатали, заправили баки горючим, после чего выдвинулись на исходные позиции.

Благодаря стараниям Шувалова в каждой из трех групп имеется хотя бы один сотрудник, свободно общающийся на чеченском или на одном из близких горских наречий. Для каждого участника спецоперации подготовлен соответствующий его роли комплект документов, в том числе и так называемый «вездеход» — удостоверение личности, подписанное либо Масхадовым, либо Хаттабом, либо известным полевым командиром Исмаиловым; эта ксива особенно необходима тем, кто не говорит по-чеченски и у кого, вопреки стараниям скрыть этот факт, типично славянская внешность.

Такого рода документ, служивший одновременно пропуском, был найден у Славянина в потайном карманчике брюк, когда его подвергли более тщательному обыску. В распоряжении разведотдела группировки имелись все основные образцы документов и бланков, которые в ходу у чеченцев. Все они изготовлены кустарным типографским способом, в лучшем случае — с применением цветного принтера, поэтому изготовить поддельные ксивы не составило большого труда. Но пользоваться ими, естественно, нужно с умом — и лишь в случае крайней необходимости.

Место, где боевики могут содержать плененных бойцов разведгруппы ВДВ, установлено с высокой степенью вероятности. Сведения добыты стараниями Разведупра, и основываются они прежде всего на данных радиоперехвата и на показаниях захваченных в плен за последние двое суток чеченских бандитов. Разведгруппа «полосатых» угодила в засаду в секторе, за оборону которого отвечает влиятельный полевой командир Исмаилов.

Наведаться в гости к г-ну Исмаилову и его отморожкам — на ночь глядя и без приглашения — собралась команда во главе с Кондором.

Для убедительности ей придан авианаводчик. В двухстах километрах от чеченской столицы, на одном из военных аэродромов в Ставропольском крае, дежурят в кабинах своих крылатых машин летчики российских ВВС. Лучшие летчики, имеющие опыт работы в ночных и сложных метеоусловиях, при оказываемом им противодействии со стороны вражеских ПВО. Летчики на самых современных самолетах.

В бортовые компьютеры машин заблаговременно введены «перспективные» цели. Баки заправлены горючим. На узлах внешней подвески размещен арсенал авиационных средств поражения — мощное сверхточное оружие общей массой до восьми тысяч килограммов для одной такой «птички».

Пилоты ждут поступления команды «ЗАКАТ ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТЬ».

А командование, как, в сущности, верно заметил Мокрушин, ждет серьезного повода для победных реляций в Москву.

К трем часам дня федералы в этой части города потеснили «Чичиков» аж до самых стен злополучной больницы.

Пока не начался «отлив», бойцы ГРУ устроились каждый в своей норке, рядышком с трофейными машинами.

И стали все вместе дожидаться наступления ночи.

* * *

Бушмин устроился возле «Тойоты», которую загнали в кирпичный бокс с рухнувшей кровлей. Бокс слегка очистили от хлама и набросили на машину «маску», чтобы ее не обнаружили раньше времени. Трещины и небольшие проломы в стенах позволяли уверенно просматривать окружающее пространство в северном и западном направлениях — именно оттуда следовало ждать появления нохов.

Впереди лежала сплошь полоса развалин, где не было ни одного сохранившегося целиком строения: начиная от частных одно— и двухэтажных домов, с участками, окруженными заборами или укрепленной на столбиках сеткой-рабицей, и заканчивая пяти— и девятиэтажными кирпичными и крупнопанельными домами.

Световой день вскоре сошел на нет. Он агонизировал недолго, этот серый декабрьский день. А потому и перемен в окружающей действительности тоже пришлось ждать недолго.

Едва на землю опустились густые сумерки, как федералы тут же привычно свернули активные мероприятия по зачистке южных окраин и вскоре отошли на хорошо укрепленные позиции в район Ханкалы.

Отошли, чтобы на следующие сутки, с утра пораньше, начать все едва ли не с нуля.

Бушмину, да и не только ему одному, подобная тактика, практикующаяся при нынешнем штурме чеченской столицы, казалась, мягко говоря, странной. Он подозревал, что если дело и дальше так пойдет, то «героический» штурм продлится до второго пришествия.

Ну да ладно. Его мнение никого не интересовало. Он не полководец какой-нибудь, его в Кремль для награждения пока никто не звал. Это для генералов «конечный срок спецоперации не установлен». Зачем напрягать заслуженных военачальников, любимцев всей страны? А вот «капитану Андрееву» отдан оч-чень конкретный приказ.

Поэтому у него нет лишнего времени.

В его распоряжении грозненская ночь. И еще 20 у.е. по «шкале Джохара».

* * *

— Прошли омовцы и десантники, — доложил Подомацкий. Он был в кожаной «пропитке» и вязаной шапочке, а потому без своего обычного снайперского прикида выглядел как-то странно — почти незнакомец. — Полагаю, никого из наших впереди не осталось.

— Продолжай наблюдать, — распорядился Бушмин. — Постарайся засечь, когда нохи полезут в высотные здания.

Он тоже заметил, что братцы-славяне, пошавив на сегодня, отправились под прикрытием полудюжины бронемашин вон из пригородной полосы развалин. Соблюдая секретность, Бушмин своим не сказался, никак не обозначил свое присутствие. Можно, конечно, и от своих заполучить по полной программе — ребята в основном воюют на голых нервах, а потому фигачат по всему, что шевелится, — такие случаи далеко не редки. Тот же Мокрушин от своих наметни получил. И если о присутствии здесь бойцов ГРУ станет известно сражающимся в данной полосе бойцам — или хотя бы даже их командирам, — то черт его знает, каким образом, но эта «новость» точно будет уже вскоре известна чеченам.

Так что умнее всего — забиться в глубокую норку и помалкивать в тряпочку.

— Командир, — раздался свистящий шепот Зайцева, — справа, по проулку, прошли две «тройки»...

Бушмин в темноте хлопнул его по плечу — мол, понял тебя. Правда, панибратство не практикуется, но все же иногда надо подбодрить ближнего. Хотя каждый из отряда Буш-мина, как говорится, не первый раз замужем, все равно ребятам малость жутковато.

Вот ежели б воевали, к примеру, с натовцами, не дай, конечно, бог, там бы не пришлось опасаться запредельной жути. Хотя убить, конечно, могут — на войне как на войне.

Но здесь больше всего приходится опасаться плена. Потому что в этой кампании требования Женевской конвенции о гуманном отношении к военнопленным, мягко говоря, не соблюдаются.

И если тебя угораздит попасться живым в руки чеченских отморожков, то мало не покажется. Отрежут, к примеру, голову, а из черепа сделают пепельницу, будут плевать туда и тушить свои вонючие окурки.

После семи вечера нохчи и работающие на них наемники стали более интенсивно просачиваться в оставленные федералами кварталы городских окраин.

— Прошла еще одна «тройка», — доложил Зайцев. — И вот только что группа, человек в шесть-семь...

Через один из проломов в стене Леший пытался при помощи ночной оптики отслеживать передвижения боевиков в районе высотных зданий — до ближней пятиэтажки было метров двести, и находилась она уже в тылу.

— Высотки не заняты? — спросил Бушмин.

— Пока, кажется, нет, — не слишком уверенно сказал Подомацкий. — Ждем-с!

Всего в полутора десятках метров просквозили по переулку силуэты. И даже отчетливо был слышен говор. Бушмин насторожился, но «духи», ничего не заподозрив, спокойно прошествовали мимо.

Как там Высоцкий пел? «А на нейтральной полосе цветы необычайной красоты...»

Оч-чень романтично... А как насчет таких вот «цветочков»? Вот таких мелких групп, которые за ночь съедают целиком всю «нейтралку»?

Ничего не скажешь, грамотно воюют нохчи. Три боевика, «масхадовская тройка». Снайпер с «СВД», гранатометчик и пулеметчик. Последний зачастую имеет еще и снайперскую оптику. Отработают с какого-нибудь опорного пункта по федералам, потом быстро сменяют позицию. А по строению, откуда они прежде вели огонь, еще полдня будет долбить артиллерия из всех калибров, а то и авиацию призовут на подмогу.

Мокрушин и его группа — в соседнем дворе. Черепанов разместился слева, в полусотне метров. Пока что действует режим радиомолчания. И будет действовать впредь, если, конечно, не припечет.

У противника ведь тоже имеются мозги. А также соответствующая техника, те же сканеры, к примеру. Есть и неплохие спецы.

И если по сто раз на дню в одной и той же местности сноситься по УКВ по всякому пустяковому случаю, если постоянно бормотать в «Кенвуд» фразы типа «Красноярский Ваня», я «Наемник», как меня, лопуха, слышно?", то какие бы хитрецы ни обеспечивали защиту от декодирования, закончатся такие базары тем, что и «Наемник», и «Красноярский Ваня» вкупе со своими корешами — все схлопочут от «чехов» по ушам.

Прошла еще одна группа, довольно-таки многочисленная. Бушмин периодически поглядывал на часы. Циферблат «Командирских» мерцает в темноте магическим зеленым светом. Впрочем, о крошечной темени говорить не приходится: небо подсвечивается заревом пожаров, во всех направлениях пространство прорезают огненные пунктиры трассеров, в тылу часто взлетают осветительные ракеты, а над центром надолго зависла САБ, смахивающая на люстру или — еще более — на инопланетный летающий диск.

— Все, командир, нохи заняли высоты, — доложил Подомацкий. — Последние четверть часа никакого движения.

Это означает, что команда «капитана Андреева» в данный момент находится в разрыве между первым, передовым, и вторым эшелонами противника. Именно этого момента терпеливо дожидался Бушмин с бойцами.

— Добро, пора начинать!

Бушмин уселся в джип, украшенный флагом «независимой Ичкерии». Взглянул на Зайцева, сидевшего за рулем. Потом глянул на часы — чтобы доложить о событиях с предельной точностью.

В Москве было половина одиннадцатого вечера. В Джохаре, где время измеряется по-другому, — около полуночи.

Глава 10

Небольшая автоколонна со скоростью черепахи продвигалась от южной окраины в направлении центра Джохара.

Удовольствие от такой езды — ниже среднего. Мало того что дорога паршивая и уличное освещение напрочь отсутствует, так еще в любой момент могут нохи показаться. Хорошо, если просто окликнут или помашут дружественно ручкой — а ты им в ответ «Аллах акбар!»... А вдруг сразу пальбу откроют? У них ведь тоже психов более чем достаточно.

Во главе колонны — микроавтобус «Форд». Темно-ржавого окраса, под цвет битого кирпича. Закрепленный на древке, гордо полощется стяг Ичкерии. За рулем сам Мокрушин. Он и его бойцы из группы «Город» знают Джохар если не как свои пять пальцев, то не хуже обосновавшихся здесь боевиков. Володе, кажется, пора сменить свое давнее прозвище — Рейндж, сокращенно от «рейнджер», — на другое, более подходящее к нынешней обстановке. Например, на кличку Сталкер. Начальство регулярно посылает его в «зону» — дабы выяснил, что представляет собой нынче Джохар, и, пользуясь случаем, приволок из запредельной зоны что-нибудь ценное и полезное, будь то разведанные или плененные «чичики».

Вторым идет джип «Тойота». Впереди сидят Зайцев и Бушмин, на заднем сиденье устроились Подомацкий и Авиатор, у ног которого между сиденьями стоит сумка с комплексом связной аппаратуры.

Замыкающим следует темно-серый «рафик», на борту которого семь человек во главе с Черепановым, они — группа прикрытия.

Еще трое бойцов ГРУ, своими стволами и внешним прикидом смахивающие на «масхадовскую тройку», продвигались пешим порядком. Но не в сторону Ханкалы, куда проследовали бандиты, составляющие первый оборонительный эшелон, а в обратном направлении, туда, где на границе Октябрьского района, у развилки дорог, у «Чичиков» оборудован опорный пункт — что-то вроде гаишного КПП.

Мокрушин ехал не таясь, подсвечивая себе синими фарами, снабженными светомаскировочными фильтрами. Вдобавок ко всему он вставил в прорезь магнитофона кассету и врубил звук почти на полную мощность.

Вот таким образом, с музыкой, развевающимися на ветру флагами и включенными фарами, они миновали некую незримую черту и оказались на «той стороне», в Джохаре.

О том, что у развилки находится опорный пункт, являющийся составной частью внутренней линии обороны Джохара, стало известно из данных радиоперехвата. Точное местонахождение ОП, представляющего собой приземистый бетонный бункер с узкими бойницами, было установлено РДГ «Город» в ходе одного из недавних рейдов. Теперь они видели этот бункер воочию. И еще темные силуэты, которые направились к остановившейся по их команде автоколонне.

Боевики подошли к головной машине. Их было трое. Двое — молодые ребята лет шестнадцати, может, чуть старше. Одеты в гражданку, но при «калашах». Третий — плотный коренастый парень лет двадцати пяти, в черной униформе.

Навстречу им из «Форда» выбрался Мокрушин в камуфляже черно-белого окраса. Следом за ним — Дангулов в черном кожане и вязаной шапочке. Иса Дангулов — наполовину даргинец, наполовину ингуш, на чеченском говорит как на родном. Шувалов обычно держит его при себе в качестве толмача, человек он надежный и проверенный.

— Никак заблудились? — спросил человек в черном на чистейшем русском языке. — Надо было правее взять... Вы где повернули, у крайней высотки?

Мокрушин чуть рот не раскрыл от удивления. У него загодя была приготовлена фраза, но произносить ее он передумал, решив потянуть время и попытаться выяснить, за кого, собственно, эти трое их принимают.

— Темно, брат, — уклончиво сказал он. — Ни черта не разберешь... Говоришь, правее надо взять?

Боевик — судя по всему, это наемник из русских — был заметно навеселе. Его слегка пошатывало, к тому же от него несло водкой.

— По параллельной улице. — Боевик указал направление. — Там ваш «коридор»... Да, темень, блин, хоть глаз выколи... Я тоже, бывает, по городу плутаю... Сигареты есть, брат? А то у нас курево подходит к концу...

Иса тем временем успел обменяться репликами с одним из чеченских подростков. Мокрушин в этот момент насторожился, но вскоре выяснилось, что повода для опасений пока нет.

Бушмин через открытое боковое окно наблюдал за группой «переговорщиков». Со своего места он слышал почти все. Поэтому понял, что Рейндж в силу каких-то причин вынужден отказаться от ранее согласованного сценария.

Тем временем трое бойцов ГРУ, высланные боковым дозором, хотя и передвигались на своих двоих, успели к обусловленному сроку обосноваться в непосредственной близости от опорного пункта на развилке дорог. Они готовы были действовать, коль возникнет необходимость.

Мокрушин же внешне спокоен. Полез в карман бушлата, извлек оттуда пачку сигарет и заодно, как бы невзначай, мельком продемонстрировал свой «вездеход». Вытащив одну сигарету для себя, презентовал пачку боевику. И тут же вручил «брату» бутылку водяры, причем это была его собственная инициатива. Дангулов же тем временем передал молодым чеченцам небольшой сверток — как выяснилось, «чехи» попросили курнуть, но интересовала их травка, а не сигареты. Почему бы не угостить «добрых людей»? Пусть себе травятся.

— О-о, спасибо, друг, — обрадовался водке «братан». — Гуляем, однако... Слыхали, какой сабантуй Руслан устроил? Народ здесь уже вторую ночь подряд оттягивается.

— Что за праздник?

— Не в курсе? Будешь через Минутку проезжать, сам все увидишь.

Отморозок, сжимавший в лапе презентованную ему бутылку, издал гнусавый смешок.

— Смотри только, чтобы у самого голова на плечах осталась. Они сегодня какие-то чумные...

Мокрушин подал знак Дангулову: мол, возвращайся в машину. Затем и сам запрыгнул на водительское сиденье.

— У первого же дома сворачивай направо, — сказал напоследок наемник в черном. — Если поедешь по этой дороге, через каждые сто метров будут останавливать. Оно тебе надо? Назад, кстати, тоже сподручнее по «коридору»! Ну все, приятель... Надеюсь, еще увидимся!

— Непременно, — криво усмехнулся Мокрушин, выруливая со стоянки. — Я тебя, «братан», хорошо запомнил...

* * *

Воспользовавшись советом «черного», Мокрушин свернул в первый же проезд направо. За ним последовали джип и «рафик». Отъехав на безопасное расстояние от бункера, притормозили — следовало дожидаться «тройку», а заодно накоротке посоветоваться.

Трое командиров стали дружно чесать в затылках.

— Хоть убейте, не пойму, за кого эти уроды нас приняли? — озадачился Мокрушин. — И что это еще за «коридор»?

— Руслан — это скорее всего сам Исмаилов, — сказал Черепанов. — А тот козел что-то про сабантуй говорил?

— Да, типа того, — кивнул Рейндж. — Какое-то веселье сегодня у «чехов». Но по какому поводу, я не врубился, а выспрашивать поостерегся.

— У этих собак своя свадьба, у нас своя, — сказал Бушмин. — Но сценарий придется маленько

скорректировать...

Появились наконец трое пеших бойцов. Бушмин жестом велел им рассаживаться на свои штатные места. И тут послышался глухой рокот — звук моторов.

Командиры дружно насторожили уши. Черепанов вскинул вверх три пальца. Мокрушин же показал четыре. Бушмин, озадаченный, покачал головой. По соседней улице двигалась автоколонна — то ли три, то ли четыре машины; причем, судя по завываниям движков, это были тяжеловесные грузовики.

Главное в таких случаях — не хлопать ушами.

— По коням, — скомандовал Бушмин. — Рейндж, садимся им на хвост. Дистанция до замыкающей машины — полста метров.

* * *

Грузовики, следовавшие впереди, ехали на приличной скорости. Километров под сорок — точно. Состояние дорожного полотна здесь было вполне удовлетворительное. «Чехи», очевидно, как следует присматривали за этой магистралью. Воронки от разрывов снарядов засыпаны щебнем и мусором, кирпичи и обломки рухнувших стен на пути убраны, и ни одного завала.

Мокрушин, ориентируясь на габаритные огни замыкавшего колонну грузовика, старался выдерживать заданную дистанцию.

Четыре грузовика, мощные «Уралы», крытые сверху брезентом. И, по всему видно, тяжело груженные.

По обе стороны странного «коридора» тянутся обглоданные войной останки строений.

А из динамика магнитолы доносится хриплый голос неизвестного барда, исполняющего главный «хит» трофейного «альбома». Звучит чеченская песня о Грозном, исполняемая, правда, на русском языке в манере Ю. Шевчука, на мотив знаменитой «Осени»:

Что такое Грозный? Это камни.

Плачущие камни под ногами.

Грозный, ты напомнил душе

О самом главном:

Что свобода тоже будет с нами.

Город Грозный вечно во мгле.

Триста лет ты был в кабале.

Знаю точно, солнце взойдет.

Свобода к нам в Чечню придет!

Мокрушин приглушил звук до минимума. Не доезжая до улицы Ленина, «Уралы» взяли в сторону. Динамик, соединенный шнуром с «Кенвудом», вставлен в ушную раковину. Мокрушин стал притормаживать, но в динамике прозвучала команда:

— Двигай прямо.

Мокрушин утвердительно кивнул. «Коридор», тяжелогруженные «Уралы» — все это, конечно, вызывает интерес. Но существует конкретная задача, вот ее-то и следует выполнять.

Скорость вновь черепашья. Наконец выкатили в район улицы Ленина. Всего в какой-нибудь сотне метров — подземный бункер Исмаилова, а от него уже рукой подать и до площади Минутка.

* * *

Согласно разведанным, дополненным сведениями, почерпнутыми из радиоперехвата, штаб-квартира полевого командира Исмаилова находилась в бункере, оборудованном в подвалах одного из пятиэтажных зданий улицы Ленина — вернее, того, что от нее еще сохранилось.

Теперь, когда они добрались до места, затея, в планировании которой он принимал непосредственное участие, казалась Андрею Бушмину, мягко говоря, авантюрной.

— Всем занять исходные позиции, — распорядился Бушмин. — Действовать только по моему сигналу!

Он посмотрел на Авиатора:

— Сообщите своим, что мы на месте. Подлетное время...

— Я уже говорил: пятнадцать минут.

Бушмин и трое его людей, составлявших «группу управления», поднялись по уцелевшим ступеням лестницы на второй этаж здания, откуда просматривалась улица Ленина и почти целиком вся огромная площадь Минутка.

Какое-то время Бушмин не мог толком понять, что же здесь, у него на глазах, вершится.

На площади, окантованной с трех сторон обгоревшими остовами зданий, на всем ее обширном пространстве стояли группами нохчи. Их уже сейчас было довольно много, несколько сотен чеченцев, но подкрепление продолжало к ним прибывать со всех сторон: и из центра, от проспекта Революции, и с востока, от Старой Сунжы, и валили толпами из близлежащих кварталов.

Как по заказу, в просвете между тучами появилась луна, заливая своим призрачным светом чудовищный окрестный ландшафт.

Простому смертному очень трудно понять, что же здесь происходит.

Джохарское время — полночь.

На глазах у изумленного Андрея Бушмина началась черная чеченская месса.

В ночном эфире коротко и деловито прозвучали кодированные переговоры:

— "Серафим", ответьте «Наемнику»!

— "Наемник", я «Серафим», слышу тебя нормально.

— Молния! «ЗАКАТ ДЕВЯНОСТО ДЕВЯТЬ»! Вручить немедленно!

— Вас понял... Сигнал продублирован! К вам отправились «Джабраил» и «Мафусаил». Для наводки используйте режим «Бирюза»!

Авиатор держался молодцом. Он не заикливался на том, что происходит вокруг него, сосредоточился на исполнении собственных обязанностей. Идею, высказанную командиром группы, он ухватил, что называется, на лету. И теперь все, что от него требовалось, — это точно навести «ангелов» на цель.

— "Серафим", я «Наемник». Следующую пару зарядите с интервалом в двадцать минут!

— Вас понял, «Наемник»! Интервал — двадцать минут.

В доме, на второй этаж которого они поднялись по чудом уцелевшей лестнице с перилами, сохранились лишь вертикальные балки и межэтажные перекрытия, а вот стены отсутствовали напрочь.

Выглядел он как мертвое существо, с которого содрали кожу и сняли мышечную ткань, остался лишь обглоданный чьими-то хищными челюстями скелет. Бушмин, осматривая окрестности, пришел к выводу: действуя по наитию, он выбрал очень удачное место для своего наблюдательного пункта. Прячась за вертикальными балками и остатками внутренних перегородок, находясь с фронтальной стороны здания, они могли просматривать примыкающие к проспекту Ленина кварталы «коробок». Строение, в котором предполагалось наличие штаба «генерала» Исмаилова, располагалось почти напротив бушминского НП. А если сместиться к торцу здания, то оттуда открывается широкий обзор на площадь — она почти целиком как на ладони.

Так Андрей и поступил. Оставив одного бойца следить за подходами к бункеру, он вместе с Гарасом, Подوماцким и Авиатором расположился в «гостевой ложе», хотя никто их сюда не приглашал.

Отправляясь в черное сердце Джохара, он пытался просчитать самые разные варианты. Хотя, конечно, понимал: при выполнении такого рода задания может произойти все, что угодно. Как в случае со странной реакцией чеченских «гаишников». Или тем же «коридором», по которому разъезжают тяжелогруженные «Уралы».

Но тогда он, по крайней мере, знал, как ему следует поступить. И его бойцы нисколько не ступшевались. Отойдя от основного сценария, они действовали по-умному, исходя из конкретной обстановки.

А сейчас — сплошные сомнения.

Никто даже не предполагал такого поворота событий.

По сути, в сложившейся обстановке выполнение задачи не только затруднено, а попросту стало невозможным. Бушмин прекрасно понимал: самое разумное — спешно рвать отсюда

когти. Пока их присутствие не засекали нохчи, а такое может случиться в любую секунду.

«Они сегодня какие-то чумные...»

Теперь понятно, что имел в виду «Наемник», обронивший в разговоре с Рейнджем эту довольно-таки странную фразу.

* * *

Бушмин стоял в полный рост, привалившись плечом к бетонной балке. Стоял на самом краю пропасти. Меж лопаток у него гулял холодок. Ему многое довелось повидать в своей жизни, но такого — никогда.

Площадь в центре Грозного, название которой с некоторых пор стало известно всему миру, в эти самые минуты превратилась в подмостки, где нохчи взялись разыгрывать свой дьявольский спектакль.

В качестве декораций к действию служат развалины высотных жилых домов. Они же, эти ниспадающие к площади на манер каменных ступеней остовы домов, придают этой части Джохара еще большее сходство с руинами древнего амфитеатра. Гигантского сооружения, которое разрушили вандалы, устраивающие на руинах ритуальные пляски в свободное от своих варварских занятий время.

Но если в эпоху Эллады и Древнего Рима зрители, располагаясь на ступенях вокруг овальной арены, наблюдали со своих мест за захватывающим зрелищем, то у местных вандалов все обстояло по-другому.

Зрителей как таковых здесь не было. Каждый из присутствующих являлся и очевидцем, и непосредственным участником действия. Не для того все это затеяно, чтобы чеченский люд, сидя в зрительном зале, лузгал семечки, лениво посматривая на диковинное зрелище.

На НП появился Рейндж, которого Бушмин призвал к себе, воспользовавшись портативной рацией.

— Ни фига себе! — ахнул Мокрушин. — Что это еще за сборище?! Прикинь, сколько их здесь собралось!

— Где-то под тысячу уже будет, — свистящим шепотом проговорил Бушмин. — Но это не все, видишь, к ним еще публика подтягивается...

Он передал Мокрушину ночной бинокль, хотя в принципе освещения вполне достаточно, нохчи — вот они, рядышком, а потому можно обойтись и без оптики.

События на площади тем временем разворачивались по своему зловещему сценарию.

Основные события, судя по всему, происходили в центральной части Минутки, где собралась толпа вооруженных людей — сотни в полторы чеченцев.

Остальные же расположились по периметру площади, представляющей собой развязку автомобильных дорог. Скорее всего чечены опасались внезапного арналета, а потому жались к каменным коробкам домов, где в случае опасности можно было найти укрытие. Федералы и сейчас вели по позициям боевиков беспокоящий огонь, но он был редким и неприцельным, а

потому особой угрозы не представлял.

Те, что посмелее, по одному или небольшими группами перемещались к центру Минутки, туда, где в землю было вкопано несколько столбов.

— Что это они там соорудили? — процедил сквозь зубы Мокрушин, всматриваясь в линзы бинокля. — На виселицы вообще-то не похоже... Нет переладины... Так... К одному столбу уже кого-то пришили...

— Полагаю, что прошлой ночью, — шепотом сказал Бушмин. — «Черный» сказал, что «чехи» вторую ночь веселятся.

— Постой-ка... По-моему... Вот же твари!

— Вначале обезглавили, — просипел Бушмин. — А потом прикрутили туловище к столбу. Или наоборот... Дьявол их поberi!

— Ага... Вижу еще кое-что... Какого-то мужика поволокли! Кажись, это кто-то из «полосатых»... Что будем делать, Кондор? Ты уже вызвал «ангелочков»?

— Минут через пятнадцать будут здесь. А что делать... Думаю вот, но пока не решил.

— Может, и не «полосатый», — сказал Мокрушин, возвращая бинокль.

— Может, и тот, другой, не из наших. У них тут хватает и заложников, и пленных... А тех четверых, кого на пленке показывали, наверняка держат в бункере Исмаилова.

— Даже не знаю, Рейндж, что мы можем сделать...

Бушмин вскинул к глазам бинокль. Пока он обменивался с Мокрушиным репликами, чеченцы успели казнить свою жертву. Толпа на какие-то мгновения расступилась, поэтому было видно, как двое поволокли обезглавленное тело к столбу, а затем, очевидно проволокой, прикрутили. Третий какое-то время держал над собой отрезанную голову, пока его соплеменники с воем и улюлюканьем пускали в небо дымные очереди из автоматов, потом бросил ее к ногам прикрученного к столбу мертвеца.

— Что? — тревожным шепотом спросил Мокрушин. — Не вижу! Этого тоже кончили?

— Да, и его тоже...

У Бушмина аж скулы сводило от ненависти.

— Рейндж, эти подонки отрезали ему голову. А теперь вот распяли!

— Надо что-то делать, — прохрипел Мокрушин. — Мы не можем так это оставить!

— Я думаю, Рейндж. Пытаюсь что-нибудь придумать.

Тут раздался приглушенный голос Авиатора:

— Подлетное время — десять минут.

Два десятка бойцов ГРУ... И судьбы их в данный момент зависели от решения, которое примет командир. Да еще от воли случая. Все понимали: рядом происходит нечто чудовищное, нечто

такое, что противоречит не только человеческой природе, но и самим законам бытия.

Хотя бойцы эти и сами были далеко не ангелы, но стерпеть такое...

— Что там? — адресуясь скорее к самому себе, спросил Мокрушин. — Какую мразь еще решили сотворить?

Толпа в центре площади вроде как распалась, рассыпалась на отдельные фрагменты. Но уже спустя короткое время на площади образовалось нечто похожее на окружность радиусом метров в двадцать пять или тридцать; и закрутилось оно, это чертово колесо, вокруг лобного места, где нохчи только что совершили человеческое жертвоприношение.

— Я не врубаюсь, Кондор, — вновь подал голос Мокрушин. — У них что, в массовом порядке крыша набекрень съехала?

— Хуже, Рейндж. Все гораздо хуже.

— Что это... Что такое?

Опять подал голос Авиатор:

— Самолеты будут через девять минут.

Бушмин облизал пересохшие губы.

— Это танец, Рейндж. Ритуальный чеченский танец «зикр».

Они несколько секунд молчали. Оба думали сейчас об одном и том же. О том, какая это чертовски запредельная штука — нынешняя война. И, увы, исход ее далеко не ясен. Никто не знает, есть ли та грань, которая отделяет победу от поражения. И есть ли такой населенный пункт, или городской квартал, или даже отдельное строение, от исхода сражения за которое может зависеть исход всей кампании? И какому именно эпизоду суждено стать в этой войне ключевым? Не этому ли действу, что разворачивается прямо у них на глазах, сатанинскому ритуалу, от которого пытаются подзарядиться черной, бесовской энергией люди, перешагнувшие черту человечности.

— Этих двух надо снять со столбов, Рейндж, — нарушил Андрей молчание.

— Сделаю. А по бункеру пусть работает Череп.

— Добро. Возьмешь Сабаса и тех двух бойцов, что караулят возле машин, они в гражданке...

— Командир, осталось восемь минут, — вклинился Авиатор. — «Ангелы» просят уточнить целеуказания.

— Одну секунду... Значит, так, Рейндж...

Он на мгновение запнулся, представив себе всю абсурдность того, что они намереваются в скором времени сделать. Только на площади и в ее окрестностях собралось более тысячи чеченов и наемников, а в его распоряжении всего лишь горстка людей да еще «полночные ангелы», которые уже на подлете...

— Первое звено отработает по периметру площади...

— Теряем время!

Бушмин коротко кивнул. Если объяснять все на пальцах да разжевывать кашку, то на это уйдет несколько драгоценных минут. Нет нужды разжевывать. Они с Рейнджем давно понимают друг друга с полуслова, к тому же Мокрушин и сам многоопытный командир группы.

— Сабас, головой отвечаешь за Рейнджа!

Напутственно хлопнув по плечу того и другого, Бушмин сосредоточил внимание на переговорах, которые Авиатор вел с двумя летчиками в закрытой радиосети ВВС.

— Можете передать «ангелам» список точечных целей в районе площади Минутка...

* * *

Два самолета российских ВВС стремительно, со скоростью около девятисот километров в час, приближались к границе мятежной республики.

Пилоты работали в командной сети управления ВВС под позывными «Джабраил» и «Мафусаил».

Они уже не раз выполняли подобные задания, а потому знали, что граница между Россией и Чечней, этим порабощенным бандитами клочком российской земли, в безоблачную погоду прослеживается предельно четко. Россыпь огней, кучно и порознь разбросанных на проносающейся под крыльями самолетов земле, вдруг сменяется беспробудной чернотой ночи, и нет ни единого огонька, не за что зацепиться человеческому глазу, а потому приходится во всем доверяться бортовым приборам и системам.

Это были новейшие российские штурмовики «Су-39», превосходящие по своим возможностям не только отечественные машины — те же «Су-25Т», которые чаще всего «работают» по Чечне, — но и запущенные в серию зарубежные аналоги.

Многофункциональный комплекс «Копье-25» обеспечивает уникальные режимы работы и дает точнейшие данные. В сочетании с другими приборами и спутниковой навигационной системой координаты целей определяются с точностью до одного метра. Боевой комплекс «шквал» обеспечивает практически стопроцентную вероятность успешной атаки с первого же захода.

«Из света в тень перелетая...»

Боевые машины, прозванные за свою способность результативно работать ночью, в любую погоду, «полуночными ангелами», несут под крыльями авиационные бомбы и управляемые ракеты повышенной точности.

Совершив необходимые маневры, пара «ангелов» неожиданно объявилась в ночном небе чеченской столицы.

* * *

Все, что происходило с ним с момента появления российских штурмовиков, Андрей Бушмин воспринимал как мучительную и бесконечную череду событий, подобных вспышке молнии, детали и подробности которых едва успевали откладываться в памяти.

Вначале время казалось ему какой-то странной застывшей субстанцией. Остановилось в

природе все, кроме этого чертова колеса, раскрученного чеченцами в центре площади Минутка. Оно ширилось в размерах, становилось толще и больше в диаметре, потому что в магический «круг» вливались все новые и новые действующие лица, и двигались они, казалось, с утроенной энергией, рыся друг за дружкой в затылок и подбадривая себя и окружающих воинственными криками. Все больше и больше нохчей присоединялось к ритуальной пляске, и чудилось, что нет этому безумию ни начала, ни конца, как и сколько-нибудь внятного объяснения.

У Бушмина даже возникло ощущение, что его самого затягивает в эту черную воронку, и он, чтобы его не засосало окончательно, что есть сил уцепился за выпирающую из балки арматуру.

А потом все закрутилось с бешеной скоростью — время теперь понеслось вскачь.

Андрей и сам не мог взять в толк: видел ли он этот эпизод собственными глазами или же картинку подсунуло ему подсознание?

После первого ракетного залпа по району, примыкающему к площади Минутка, и частично по самой площади «колесо», замедляя свой ход, как бы по инерции сделало еще один неполный оборот. Такое впечатление, что скованные бесовской цепью нохчи сначала не поняли, что вокруг них происходит.

Внутренности каменных коробок пылали адским огнем, и повсюду на огромном пространстве курились дымом и чадом глубокие воронки.

«Колесо» стало быстро распадаться на сегменты, и вскоре нохчи, подобно полчищу крыс, устремились под землю, в колодцы и тоннели, в оборудованные в разные годы подземные коммуникации.

Многие рванули под защиту каменных строений, ринулись в подвалы либо — у кого был здесь транспорт — побежали к машинам, чтобы на колесах покинуть район авианалета.

На третьем заходе «ангелы» качественно «подмели» площадь, пройдясь по ней огнем 30-миллиметровых пушек «ГШ-301». Когда работали «гаттлинги», обладающие чудовищной скорострельностью, казалось, что само небо изрыгает на землю длинные языки пламени.

Бушмин же со своими людьми к этому времени уже покинул наблюдательный пункт. Хотя пилоты действовали с точностью снайперов, накрывая точнехонько указанные им цели, все же находиться внутри полуразрушенного здания было опасно — перекрытия могли рухнуть. Поэтому они спустились вниз, а затем выбрались на открытое пространство, где некогда была детская площадка.

Андрей засек, как по устланному обломками кирпичей проезду на площадь рванул микроавтобус «Форд», едва не подмяв под колеса горстку боевиков, которые двинули на проспект со стороны Минутки. Дай-то бог, чтобы в этом состоянии паники, что охватило нохчей, Рейнджу удалось осуществить дерзкую задумку.

Случившееся потом впечаталось в память Бушмина с фотографической точностью.

Очень странный, надо сказать, случай. Из разряда труднообъяснимых.

Прежде чем отправиться восвояси, невидимые в ночном небе штурмовики прошли довольно низко, на бреющем полете, чтобы не подставляться под «иглу» или «стингер», хотя, учитывая

внезапность налета, вероятность такого исхода была равна нулю. Ожили две или три зенитные установки, но «золушки» били неприцельно и тоже угрозы никакой не представляли.

Как бы то ни было, у нохчей создалось впечатление, что подоспело еще одно звено, а следовательно, состоится еще один ракетно-бомбовый удар. Горстка чеченов, те самые, с которыми едва разминулса минутой ранее Рейндж, в панике залегла рядышком с «группой управления». Да так близко, что один из боевиков оказался на расстоянии вытянутой руки.

— Вы из чьей команды? — вжимаясь в землю, спросил боевик. — Чьи будете?

Не поверив собственным ушам, Бушмин рефлекторно повернул голову. Одно из соседних зданий довольно весело полыхало, поэтому ему удалось хорошо разглядеть расположившегося рядышком субъекта.

Это был... Славянин!

Хотя не исключено, что у Бушмина от увиденного на площади съехал чердак, а потому начались галлюцинации.

— Тимура, случаем, не видел?

— Нет, не видел, — вжавшись в землю, глухо, изменив голос, ответил Бушмин. — Мы — Исмаиловы...

Андрей лихорадочно соображал: что делать? Чеченов — примерно с десятков, а при нем трое бойцов, включая Авиатора. Не очень-то обнадеживающий расклад...

Но что этот тип делает в Джохаре? И откуда он здесь взялся? Он ведь, по идее, должен сейчас в камере сидеть!

Пока Бушмин безуспешно решал эту сложную задачку, чечены подхватились и рванули дальше, в известном им направлении. Славянин, когда поднялся на ноги, вначале отряхнул коленки, а потом задумчиво проговорил:

— Где-то я тебя, приятель, уже видел...

А еще через несколько секунд рванул за своими дружками.

Оставив Авиатора на попечение одного из бойцов подле машин и дождавшись там возвращения Рейнджа — тот сумел-таки умыкнуть тела казненных десантников, не забыв прихватить «для комплекта» и головы, — Бушмин в сопровождении пятерых бойцов поспешил к бункеру Исмаилова. Поскольку роли изменились и теперь Черепанов с основной группой взялся за решение основной задачи, остальным следовало прикрывать их отход.

Как и было задумано, бункером занялись как раз в тот момент, когда в гости к нохчам наведальса еще одна пара «ангелочков» — на сей раз авиаторы обработали ближние подступы к Минутке.

Сумятица в стане противника была такой, что нохчи вообще перестали что-либо воспринимать, и можно было делать свое дело, практически не таясь.

В голове у Бушмина тоже все смешалось, хотя он вроде бы и продолжал командовать своими людьми, даже не напорол глупостей.

Все происходящее воспринималось не как единое целое, а как клочки, обрывки, фрагменты жуткой картины.

Вот они ворвались в здание, соседствующее с пятиэтажкой, под которой находился бункер Исмаилова. Черепанов и еще дюжина бойцов всюду шурували в подземных внутренностях, но следовало прикрыть их снаружи. На первом этаже они обнаружили с пяток «духов» — все были из числа афганских моджахедов. Обдолбанные наркотой, они вели себя как чудаки. Наверное, подумали, что «шурави» высадили на площади свой десант. Двое поливали непонятно кого из «калашей», третий фигачил по площади из «ДШК». От сотрясений на них сыпалась штукатурка и обломки кирпичей, из-за чего они заводились еще круче. А двое их обкурившихся товарищей и вовсе вели себя по-чумовому — уже изготовили к пальбе «безоткатку» китайского производства.

Ребята Бушмина тут же положили из «бесшумок» всех пятерых, чтобы не производили излишнего шума.

Минуту спустя Гарас отловил какого-то нохча, но Бушмин жестом дал понять: пленных на этот раз не будет. Прапорщик, решив сэкономить на боеприпасах, деловито, как бы походя, свернул чечену шею.

Не в самом бункере, а на первом этаже штурм-отряд обнаружил выложенные аккуратно, в рядочек, трупы семерых ребят: пятерых из разведгруппы ВДВ и еще двоих проводников, которых по поручению начальства Мокрушин выделил для нужд десантников. Двое живых, хотя и с огнестрельными ранениями, обнаружили внутри бункера.

Озверев, перебили всех нохчей, тех, что под руку попались. Подогнали машины, загрузили в них трупы и своих — одного убитого и трех раненых. Кое-как разместились и тронулись, пока суматоха не улеглась, в обратный путь. А бункер «зарядили» фугасом.

Черепанов, улучив момент, доложил: когда они выдвигались к бункеру, в одном из соседних дворов нохчи разгружали «Урал». Наверное, один из тех грузовиков, что пробрались сюда по «коридору». Чечены, пока не начался налет, сгружали какие-то ящики, а раненые боевики, закутанные в одеяла и разное тряпье, явно дожидались окончания выгрузки, чтобы забраться в крытый кузов, то бишь готовилась их эвакуация.

Череп, впрочем, был контужен — из ушей капала кровь. Может, ему это все привиделось — кто ж его сейчас разберет? — думал Андрей.

Когда ехали обратно — тем же маршрутом, — ни одна чеченская сволочь не тормознула, все, видать, как крысы, забились в свои норы.

Музыку Мокрушин поставил уже другую, из «Статус-кво» — «Ты сейчас в армии».

Машины были завалены трупами. Раненых же прокололи промедолом, одному пришлось поставить капельницу.

Как продержались до утра, Бушмин и сам толком не понимал... Прятались там, где у них были оборудованы шхеры для себя и «маски» для транспорта.

К бойцу из команды Рейнджа, которого нохчи свалили в бункере, на рассвете добавился Коля Остапенко, боец из бушминского «Терека», — его зацепило автоматной очередью по ногам, раздробило бедро и разорвало пах.

В итоге разменяли двух своих павших товарищей на двух подраненных десантников, которых чудом удалось спасти от неминуемой казни — этим двоим нохчи успели объявить, что они приговорены шариатским судом к смертной казни через обезглавливание.

Бушмин, нарушив режим радиомолчания, связался по «Акведуку» с Шуваловым. Закончив переговоры, он уже ни на минуту не отходил от раненых; ребят следовало как можно скорее доставить в госпиталь, а одному из спасенных «полосатых» требовалась срочная хирургическая операция.

Ранним утром, в те часы, когда еще нет серьезных боестолкновений, к ним пробился Особый разведотряд ВДВ, который вместе с остатками резервной группы спецназначения ГРУ привел сюда из Ханкалы сам полковник Шувалов.

Когда десантники собственными глазами увидели, что сотворили подлые нохчи с их товарищами, участь четверых бандитов, которых удалось пленить в результате внезапной утренней акции — побросав оружие, они пытались выдать себя за мирных жителей, — была решена соответствующим образом.

Спустя два или три часа — Бушмин окончательно потерял счет времени — они втроем, он, Шувалов и Мокрушин, стояли перед командующим Объединенной группировкой.

Генерал, дельный мужик, что-то им такое говорил — это можно было понять хотя бы по тому, что у него шевелились губы. Но ругал ли он гэрэушников или, наоборот, решил удостоить их своей похвалы — Бушмин так и не врубился. Скорее все же командующий был доволен результатами акции, потому что обнял по очереди двоих извозившихся в грязи и копоты офицеров — обнял, неловко ткнувшись носом в их заросшие щетиной рожи.

Одного пленного они все-таки с собой привезли. Черепанов лично «взял» его во время штурма бункера. Он почему-то решил, что данный субчик — важная пташка. И что тот может многое знать про нохчей и их ближние планы. Пришлось приглядывать, чтобы бойцы втихаря не шлепнули информированного «языка», а такие поползновения имели место.

Бушмин на тот момент как-то запомнил, о чем ему прежде говорил Шувалов. Что есть какие-то вопросы к «капитану Андрееву» по недавней акции в предгорьях. И что это как-то связано с той довольно странной троицей, которая была отловлена в окрестностях Чихи-Юрта, а затем перевезена в Моздок, — одного типа из этой компании изумленный донельзя Бушмин повстречал уже в Джохаре.

Вспомни он вовремя о недавнем разговоре с Шуваловым, наверняка распорядился бы избавиться от черепановского «языка» — зачем ему новая головная боль?

Но по запарке не врубился с ходу, что Череп контужен, а потому малость не в себе.

Показалось даже, что и самого слегка зацепило — это когда общались с командующим: у Андрея в тот момент как будто ватой уши заложило, ни черта не разобрал из сказанного.

Но чуть позднее, когда они перебрались в свой кунг, слух к нему вернулся полностью. И он своими ушами слышал, как Шувалов переговаривался по закрытой связи со старшим офицером Разведупра при штабе ОГФС в Моздоке. Михалыч сказал тому, что всех «прокуроров», «крутых ментов» и даже какого-то «заместителя-представителя», всех вместе взятых следует послать... И что единственным, у кого эти деятели могут разжиться интересующей их информацией, является представитель ГРУ «подполковник Сергеев», и пусть они теперь обращаются

непосредственно к нему.

На вопрос Бушмина, что означает сей переполох и какое отношение он сам имеет ко всему этому, Шувалов отреагировал следующим образом: «Расслабься, Андрей, и ничего не бери в голову».

Привели себя в относительный порядок, выпили по стакану водки. Перед тем как завалиться спать, вышли вдвоем с Рейнджем наружу и уселись на пустой ящик из-под гаубичных снарядов. Курили, стряхивая пепел подрагивающим пальцем, и молчали, сидя спина к спине. Думали же каждый о своем.

Часть 2

Блокпост

Глава 1

Что такое зиндан, Дольниковой уже доводилось слышать. Тот же Алексей, к примеру, был большим знатоком пресловутого «чеченского вопроса». Знатоком, каких поискать. Хотя сам он в плену не бывал и в зиндане никогда не сиживал.

Подземная тюрьма, причем довольно-таки примитивная, — вот что такое зиндан.

И теперь вот она, Анна Дольникова, сидит взаперти в зиндане, устроенном в недрах чеченской земли, где-то в окрестностях села Новый Шарой. В каменном колодце с холодным цементным полом и слезящимися влагой шершавыми бетонными стенами. В помещении площадью не более трех квадратных метров, без окон и дверей, но с люком в потолочном перекрытии, забранном решеткой из толстых металлических прутьев.

Вернее, даже не сидит, а лежит, свернувшись калачиком на деревянном поддоне, на боку, в позе эмбриона.

Поначалу с нее не хотели снимать наручники. Кажется, она чувствительно пнула кого-то из этой тройцы, пнула еще раньше, в вагончике. Не то чтобы надеялась управиться со всеми бугаями — у нее не было ни единого шанса. Просто хотела их спровоцировать. Думала от безысходности, что ее тут же на месте пристрелят. Искала себе, словом, легкой смерти.

Но милости к себе так и не дождалась.

А браслеты, по всей видимости, не стали на нее по-новому надевать, исходя из сугубо практических соображений.

Чтобы она могла без труда пользоваться «парашей».

В «камере», куда ее поместили на неопределенный срок, все устроено чрезвычайно просто. Несколько досок, сколоченных воедино на манер грузового поддона, — это топчан. Сверху на него брошен сырой кочковатый матрац. Единственное, чем можно укрыться здесь от холода и влаги, — пропахший мазутом и порохом тулуп.

В ногах стоит ведро, обычное эмалированное ведро с ручкой, чтобы узник, значит, не ходил под себя, а справлял нужду более или менее цивилизованным способом.

Но крыс и прочей гадости здесь, кажется, нет. Потому что никакое живое существо здесь долго не протянет.

Когда двое вэвэшников, натужно крихтя, протиснули свою жертву через люк внутрь каменного колодца, Дольникова ненадолго пришла в себя.

Грубые «жестяные» голоса долетали до нее как будто с того света.

«Не вздумай ходить под себя! В углу стоит „параша“... Ты слышишь меня, тварь чеченская?! Смотри, блюди себя в чистоте!»

«Толян, здесь крюк есть... В стену вмурован. Может, прикоцаем за одну руку, а другую свободной оставим, чтоб сидеть могла и до „параша“ в случ-чего дотянулась?»

«На хрена? Люковину на замок прихватим, сверху поставим ящик! И все! Куда она на х... денется?»

«Теперь вытащи ей из пасти кляп! А то может, пока в отрубе, ненароком задохнуться...»

«Эй, снайперша! Слышь, че я тебе говорю?! Не вздумай пасть свою раскрывать, поняла? Веди себя тихо, как мышка! Во-первых, тебя все равно никто не услышит, а во-вторых...»

«Пристрелим на фиг и тебя, и твоего пацана!»

«А будешь по-умному себя вести, не так, как сегодня, то не только жрачку, но и стакашек поднесем, может, даже „косячок“ забьем, но это уже надо заслужить...»

Но самый опасный из компании вэвэшников — замкомвзвода в звании старшего сержанта, сухощавый, резкий в движениях, с бледным, как у вурдалака, лицом и запрятанными в глубоких впадинах черепа злыми буравчиками глаз.

При одном воспоминании об этом субъекте мороз по коже...

И при чем здесь, спрашивается, чеченцы?

По большому счету, люди чеченской национальности ей ничего плохого в жизни не сделали.

Хотя она прекрасно понимает: события как в самой Ичкерии, так и то, что творилось в последние годы и месяцы вокруг мятежной республики, — все это вместе взятое сыграло определяющую роль в ее личной судьбе.

Что происходило несколькими часами ранее внутри вагончика, в памяти абсолютно не сохранилось. Не то чтобы остались какие-то смутные воспоминания, пусть даже неприятного свойства, нет, она вообще ничего не помнит. Образовался странный провал в памяти. Амнезия. Как будто острейшим скальпелем кто-то вырезал из нее как саму картинку, так и ее чувства и переживания — от сих и до сих.

Не суть важно. Она и не такое в своей прошлой жизни переживала. По-настоящему сейчас ее беспокоит лишь одно: где ее мальчик? что с ним? не причинили ли какого вреда Ивану отморозки, зачем-то обрядившиеся в военную форму?

Но господь не допустит, чтобы с мальчишкой, который от страха перед людьми или от того, что ему довелось пережить в грозненской преисподней, потерял дар речи, случилось какое-нибудь несчастье...

* * *

В первый момент Дольниковой почудилось, что она все еще находится в больничной палате. Что лежит она на операционном столе, на холодной мраморной крышке, под общим наркозом. Глаза плотно закрыты, но по мере прояснения сознания сквозь свинцовые веки явственно, зыбким радужным облачком, стал откуда-то снаружи просачиваться свет.

Анестезия, если совсем просто, — это обезболивание. Но боль заглушается лишь на какое-то время, она обязательно вернется, хотя будет уже не столь яростной и невыносимой, как прежде.

Вот как сейчас, когда она с трудом разлепила свои свинцовые веки.

Мышцы от длительного пребывания в одной позе словно одеревенели. Коротко протонав, молодая женщина приподнялась на локте и одновременно с этим повернула голову к стене, чтобы глаза не слепил направленный луч мощного фонаря.

Так... Явились, твари похотливые. Кобелиное отродье. А у нее под рукой нет ничего приличествующего случаю, режущего, колющего, рубящего или стреляющего, чтобы раз и навсегда избавиться от этой паскудной публики.

Но что-то они нынче не торопятся. Кому-то из них вчера точно перепало. Лупанула что есть сил по кобелиному естеству. И тут же у самой искры из глаз посыпались, очнувшись уже в зиндане.

Луч фонаря переместился на обнаженные женские ноги, выглядывающие из-под сбившегося набок тулупа. Дольникова, хотя и не сразу, сообразила все же прикрыться. Оказывается, из одежды на ней лишь свитер... Где же брюки? Ага, вот они, в скомканном виде лежат под головой.

Может, собираются приговорить ее? Кто она такая в их глазах? Снайперша, у которой на плече — куда уж заметнее! — обнаружился «след», набитый затыльником винтаря. Или просто чеченская подстилка, которая днем, подобно легендарной Анке, трясется за пулеметом, выкашивая оголтелую российскую солдатню, а по ночам стирает, куховарит и промышляет за ичкерийские баксы своим безотказным телом.

Продернула руку с брюками под тулуп. Постанывая и кряхтя, как старая немощная бабка, исхитрилась просунуть ноги в штанины, а потом и затянуть пояс. Все это проделывалось при болезненном ощущении собственной незащитности, когда в любой момент с ней могли разом покончить — сверху вниз, просунув дуло между прутьями решетки, одиночным выстрелом или скупой автоматной очередью.

Но никто в нее не стрелял. Пока только наблюдали. Подсвечивая себе мощным фонарем.

Для того чтобы сознание включилось в работу, следует как-то идентифицировать себя. Убедиться для начала в том, что если ее брэнному телу слегка досталось в последние дни, то ее душа, некая внутренняя сущность, остается пока в целостности и сохранности.

"Я — Дольникова. Дольникова Анна Сергеевна, двадцати шести лет, русская, москвичка.

У меня есть сын Иван. Дольников Иван Алексеевич. Он — мой мальчик, мой сын.

Ивану Дольникову десять годков. Хотя не исключено, что он чуть постарше. Минимум ему десять лет, но вряд ли он старше двенадцати.

Что я здесь делаю? Нет, не в зиндане, а вообще... Какая у меня цель в жизни?

Я намерена вырезать из себя целый пласт прошлых событий и связей; я хочу обновиться как личность, чтобы впоследствии жить и существовать так, как подавляющее большинство нормальных людей".

— Хватит! — сказала Дольникова. — Не надоело тебе еще это дурацкое занятие? Ты что, в зоопарк пришел? На зверюшек в клетках полюбоваться?! Или ты думаешь, что специально для тебя тут «пип-шоу» организовали? Решил развлечься на шару, на «обнаженку», так сказать, полюбоваться?!

Луч фонаря дрогнул, как-то неуверенно метнулся из стороны в сторону, затем осветил пару башмаков, они валялись в противоположном углу камеры.

Пока обувалась и завязывала шнурки, теплый луч фонаря неожиданно исчез.

— Эй, ты чего?! — закричала Дольникова. — Куда пропал? Ты что, боишься меня?

Пока произносила все это, несколько раз клацнула зубами от пробравшего до костей холода. Подышала на озябшие пальцы, потом вскинула голову к квадратному проему, сквозь который струился вниз зыбкий, рассеянный свет.

На светлом фоне, разграфленном на ячейки прутьями решетки, появился силуэт. Отчетливо звякнуло — визитер, по-видимому, задел каким-то предметом амуниции или своим «калашом» за бетонное перекрытие. Присел на корточки, склонив к проему голову, ждал, наверное, чтобы глаза привыкли к царившему в зиндане полусумраку.

— Че я буду тебя бояться? — простуженным голосом проговорил нежданный визитер. — У меня «калаш» под рукой.

Дольникова быстро зацепила наметанным глазом самые интересные детали и подробности. К ней наведалься взвэшник, парнишка молодой, круглолицый, не успевший еще как следует заматереть и зарастить шерстью. Лет ему девятнадцать, вряд ли больше. Он наверняка из солдат срочной службы, из тех «рядовых-необученных», которых вопреки всем заявлениям продолжают снаряжать в Чечню в качестве пушечного мяса.

— Правильно, — одобрительно кивнула Дольникова. — Не надо меня бояться... Я что, на черта похожа? Нормальная женщина, как и все...

Она решила попытать счастья. Может, ей удастся установить доверительный контакт с этим молодым воином. Судя по облику и характерному говорку, он выходец из сельской местности. Или проживал до призыва в каком-нибудь захолустном городке. Именно вот такие, простые и бесхитростные ребята в своей основной массе попадают служить на Северный Кавказ — молодежь в крупных городах либо учится в соответствующих вузах, либо, оберегаемая и опекаемая близкими людьми, активно «косит» от призыва в армию.

— Лично я бы тебя шлепнул на раз, — заявил простуженный боец. — Будь только моя воля...

— Ничего себе, — переварив сказанное, с удивлением протянула Дольникова. — Ты, случаем, не бредишь? Если у тебя температура поднялась, то сходи прими пару таблеток аспирина! Что

у вас здесь вообще за произвол творится? Где твой командир? Есть еще какое-нибудь начальство, кроме этих ваших контрактников?

— Не твое дело! А ты знаешь, что у нас делают с такими вот, как ты? С проклятыми чеченскими снайпершами? В расход, и все дела! И никакая прокуратура ничего не сделает! К стенке! Без суда и следствия! Тоже мне, «нормальная женщина»...

— Да откуда ты это взял? Почему судишь заранее, хотя не знаешь, кто я и почему оказалась здесь, в вашем вонючем застенке?!

Пока боец переваривал ее слова, Дольникова решила спросить о том, что ее больше всего в данную минуту интересовало:

— Где мой сын? С мальчиком все в порядке? И что вы собираетесь дальше делать?

— Я, кстати, ваши документы проверял. Ну тогда, как вас всех из «КамАЗов» попросили...

— Не тяни резину.

— У меня память знаешь какая? Дольникова... Анна Сергеевна. А мальчика, если, конечно, он и вправду ваш сынуля, кличут Иваном. Кроме справки, выданной вам на «блоке» возле Первомайского, других документов при вас не обнаружилось...

— Ну будь же ты человеком, солдат...

— С мальчишкой что случилось? Да ничего особенного... Укусил меня за руку, а пока я чухался, дал деру...

— Ты что, бил его? — встрепелась Дольникова.

— Нет, зачем? Хотел отвести к нам в «дот», накормить пацана, а он, волчонок, цап меня за руку — и ходу... Я слышал, как наш «замок» на тебя орал... Что ты, в натуре, снайперша. Такие вот дела... Я вечером на часах стоял. А из вагончика слышно все, что там говорят. Пацаны наши спали, а я все слышал... Ребята утром спрашивают: как там, мол, снайперша? Шлепнули ее ночью или, может, сдали куда? Я плечами в ответ пожимаю — типа я не в курсе... А сам ночью видел, как двое, Длинный и Толян, тебя в этот недостроенный бункер потащили...

— Послушай... Как тебя, кстати, звать?

— Это еще зачем? На фига тебе мое имя?

— Ладно, забудь... Ты можешь позвать командира? У вас, кажется, на «блоке» здесь лейтенант командует?

— Глухой номер... Он сейчас того... Не-а, совершенно глухой номер, может, позже удастся с ним переговорить.

— Что, опять набрался? — вспомнив разговоры контрактников, высказала она вслух свою догадку. — Это плохо... А мой сын больше не появлялся у вас на объекте?

— Как не появлялся? — донесся сверху приглушенный сиплый голос. — Вот только с час назад возле самого шлагбаума отирался. «Замок» со своими корешами взяли «бэпэху» и погнали в село, значит, за водярой. Потому что Завидяй... Гм, это к делу не относится... Короче, как только они уехали по своим служебным надобностям, как тут же твой Иван нарисовался. Мы

его хотели покормить, ну и вообще, что он будет беспризорничать?.. Но он в руки не дался. Положили ему сверток с колбасой и хлебом за «пунктир», он, значит, сцапал это дело и дал ходу в направлении лесопосадки, она до самой фермы тянется...

У Дольниковой при этом известии немного отлегло от сердца.

— "Замок" у нас строгий, — после паузы сказал солдат. — Про твоего пацана он сказал, что если тот будет крутиться возле «блока»... Гм... Короче, боится, что малец может ночью гранату на «блок» подбросить. Или еще какую-нибудь подлость совершит.

— Вот только не вздумайте! Я... не знаю, что я с вами тогда сделаю!

Дольникова мигом поднялась на ноги. В бессильной ярости пнула ногой «шконку». Как бы ей хотелось вырваться отсюда наружу! Опять болезненно заныло в груди, а следом пришло чувство безысходности.

Когда встала в полный рост, то выяснилось, что потолок в камере невысокий. Привстав на цыпочки или слегка подпрыгнув, она могла бы свободно коснуться пальцами прутьев решетки.

Ну и что из того? Чтобы поднять решетку, нужно вначале отпереть увесистый амбарный замок. У кого хранится ключ от замка? Понятно, у кого. У «замка».

Надо же, какой невеселый каламбурчик получается.

— Не ори! — шикнул на нее сверху боец. — Услышать могут! Если «замок» или его кореша вызнают, что я тут базарил с тобой, будет... полный амбец! А они могут в любой момент нарисоваться!

Дольникова горестно вздохнула. Уселась обратно на свои тюремные нары, пригорюнилась, обхватив голову руками.

На какое-то время повисла тишина, показалось даже, что визитер ушел, но вскоре сверху вновь донесся простуженный голос:

— Эй, снайперша... Анна Сергеевна! Слышь, че говорю!

— Что тебе еще надо?! Вали отсюда, сосунок! Чем ты лучше своего замкомвзвода? Ух, как вы мне все осточертели...

— Да ладно тебе... Я пропитание принес. Колбаса, хлеб, яблоки... А за сына не боись. Я его не трону. И пацаны наши в принципе нормальные, не гады какие-нибудь... «Деды», конечно, малость того, отмороженные... Держи «сухпай»! Если что-то останется, огрызки, к примеру, то на пол не бросай! Завернешь обратно в газету и передашь мне! Ну что же вы?! Ешьте давайте скорей! Если меня застукают за таким делом, то башку на раз открутят!

Анна решила, что объявлять голодовку в ее положении — дело не только бессмысленное, но глупое и даже вредное. К тому же этот простуженный боец, кажется, неплохой, в сущности, парнишка и уж точно не такой гад, как некоторые его сослуживцы.

Видя, что солдат изрядно нервничает и переживает, она в темпе перекусила, после чего сложила обьедки в газетный лист, а сам сверток вложила в руку, которую парень просунул сквозь прутья решетки. Запила трапезу водой, затем передала полупустую пластиковую бутылку

обратно «на волю».

— Хотел угостить тебя сигаретой, но как-то боязно, — сказал визитер. — Унюхают запах, догадаются, что здесь кто-то был...

Хотя парень этот был таким же тюремщиком, как и те, что сунули Дольникову в зиндан, она почему-то прониклась к нему симпатией. Появилась даже надежда: а вдруг он согласится ей помочь?

— Послушай, друг... — В голосе молодой женщины звучали и просительные нотки, и нотки надежды. — Пойми, я никого не убивала. Если у тебя есть совесть, в конце концов, ты обязан это сделать... Выпусти меня отсюда, миленький?! Я за тебя всю жизнь буду богу молиться...

Сверху послышался скрежет: боец взялся вернуть на место тяжелый ящик, который загораживал сверху решетку и пролаз, ведущий в зиндан.

— Че я, дурак? — донесся сверху его приглушенный голос. — Тебя выпусти, а потом жди от тебя же награду типа «кавказский крест». Не-а, ничего не выйдет! Вот ежели летеха проспится... Короче, не дергайся пока! И не вздумай «дедам» меня заложить...

Внешние шумы разом стихли. Дольникову вновь окружила непроницаемая темень. Как никогда раньше, ее угнетало сейчас чувство одиночества.

Иван — очень умный. Не по годам смысленый мальчик, а искусству выживания у него могли бы поучиться иные взрослые.

Он не дался в руки взвэшникам. Правильно сделал, что так поступил, ибо ничего хорошего от них не дождался бы.

Но гораздо важнее другое. Важнее — для Дольниковой. Если верить на слово недавнему «посетителю», то Иван все это время кружит где-то неподалеку. Он мог бы не делать этого. Мог бы сбежать куда-нибудь, скрыться в неизвестном направлении. Но он не отходит далеко от блока, хотя не может не понимать: никто с ним в детские игры играть здесь не собирается.

Он ее не бросил. Вот о чем она должна сейчас думать. И вот что обязана ценить в первую голову.

Ну а с остальными делами Анна Дольникова уж как-нибудь и сама разберется.

Глава 2

Двое рослых крепких мужчин в армейском камуфляже без знаков отличия, миновав склад ГСМ и боепитания, направились к приземистому строению из светлого силикатного кирпича, в котором ныне помещался разведотдел Северной группировки.

Тем сотрудникам, что устроили наемни вселенский шухер в самом центре Джохара, начальство отвалило от своих щедрот по два выходных дня. Увеселительных заведений в федеральной Ханкале нет ни одного, жизнь и без того здесь довольно нескудная. Покидать пределы базы гэрэушникам категорически запрещено — не курортные места. А потому «релакс» осуществляется по известному сценарию: вначале выспаться как следует и привести себя в божеский вид. Черкнуть письмецо близким или позвонить, воспользовавшись блатом у

связистов; а то и видеоролик удастся передать своим через кого-нибудь из знакомых ребят из «Воен-ТВ»; потом в кругу товарищей можно расслабиться водочкой под обильную закуску, после чего завалиться на койку по-новому, чтобы к указанному начальством сроку быть свежим как огурчик.

Бушмину удалось осуществить только первую часть из этой нехитрой, в общем-то, программы. Проспал он без малого десять часов. Только выбрался из кунга, чтобы ополоснуть мятую, сонную рожу, как навстречу ему «подполковник Сергеев».

— Нужна твоя голова, — сказал Шувалов довольно загадочно. — Одна голова хорошо, а две сообразят быстрее.

— Надеюсь, не отдельно от туловища? — мрачно пошутил Андрей. — Михалыч, может, Рейнджа поднимем? Тогда у нас будет целых три головы.

— Это будет перебор, — усмехнулся Шувалов, но потом его лицо приняло озабоченный вид. — Дело прежде всего касается добытых тобою сведений и гм... некоторых субъектов, с которыми ты тоже успел познакомиться.

Они бок о бок шагали в направлении разведотдела. Причем Бушмин по ходу дела жевал бутерброд с ветчиной — не успел позавтракать, поэтому решил подкрепиться по дороге, — запивая минералкой из небольшой пластиковой бутылки, а начальник тем временем вводил его в курс последних событий и новостей.

— Четвертый час кряду валандаемся с этим субчиком, — сообщил Шувалов. — И в принципе, можно сказать, что раскололи, если и не по всем направлениям, то по той теме, что конкретно меня волнует... Это ты, Андрей, его «стрелкой» зарядил? Оч-чень грамотно поступил! Мало того что он до сих пор «плавает», так еще и не может толком врубиться, где он, что с ним и почему старые побратимы, можно сказать, кунаки, вдруг так на него обозлились.

Бушмин сам с трудом въехал, о чем идет речь. Ну да, о том самом «языке», которого они на пару с Черепом перенесли в клювике из Джохара в Ханкалу. Затея эта была довольно сомнительного свойства, он даже подозревал, что получит от руководства по данному факту нешуточный раздолбон, но, как выясняется, расклад все же выдался в его пользу.

В отличие от бандитских кругов среди спецов вроде Шувалова и Бушмина «стрелка» на их жаргоне обозначает либо быстрорастворяющуюся ампулу, отстреливаемую при помощи спецоружия, либо эксклюзивный образец шприца-ампулы. Содержимое такой ампулы, если только не ставится иная задача, обычно действует мгновенно, а диапазон по временным параметрам, в плане полной отключки от серых будней, может быть от нескольких минут до скончания времен.

Бушмин проколол черепановскую добычу из шприца-ампулы, заряженного смесью нейрорептика тиоридазина (сонапакса) и спирта. В зависимости от особенностей организма фаза «пассивного» состояния в данном случае должна была составить от шести до восьми часов. В сущности, он перестраховался. Андрей был почти уверен: «языка» после допроса все же отпустят восвояси, а потому вовсе не обязательно этому паршивцу знать, кто его повязал в бункере генерала Исмаилова, и уж вовсе не следовало ему слушать то, о чем переговаривались между собой возвращающиеся с задания спецназовцы.

Вошли в здание, поздоровались с караулившим на входе сотрудником, который гостеприимно распахнул перед ними дверь.

— Нам в подвал, — сказал Шувалов. Затем добавил: — Только ничему не удивляйся.

Бушмин в ответ на эту странную реплику вяло пожал плечами. Вот еще! С чего это вдруг он станет удивляться?

Миновав лестницу и тесный «шлюз», они оказались... в чеченском застенке.

Свидетельством чему служил соответствующий фон: рвущиеся наружу вопли истязаемых людей, перемежаемые грубыми голосами нохчей, глухие или, наоборот, звонкие, с оттягом, удары по незащитной человеческой плоти, густой мат и ругань по-чеченски, и опять звуки «колотух», стоны, звериные вопли...

Бушмин озадаченно поскреб заросший щетиной подбородок. Ну и ну... Такого поворота он точно не ожидал.

Они заглянули в одну из каменных клетушек. В кресле сидел знакомый с виду сотрудник, его ноги покоились на крышке стола, на голове — наушники, предохраняющие слуховой аппарат, а заодно и мозги от всех этих леденящих душу и кровь звуков; сам он с отсутствующим видом листал какое-то техническое пособие. На столешнице перед ним — включенный на воспроизведение магнитофон; звук, судя по всему, выведен на полную катушку.

Шувалов жестом дал понять сотруднику, что тот может и дальше пребывать в удобной для него позе. Затем, склонившись к самому уху Бушмина, произнес:

— Оригинальная трофейная запись! Эту и еще несколько таких нашли недавно среди вещичек одного убитого боевика, который оказался сотрудником ичкерийской «гэбухи». Убедительно, да?

— Мороз по коже, — кивнул Бушмин. — Впечатляет.

Они нахлобучили на головы шлем-маски: Шувалов надел пятнистый бушлат с эмблемой в виде «ичкерийского волка», Бушмину же досталась потертая кожаная куртка.

— Значит, так, Андрей... Заходим внутрь, садимся на стулья, молчим и наблюдаем. Мои спецы действуют по определенному сценарию, так что нам с тобой уготовлена роль зрителей.

Помещение, в котором они оказались минуту спустя — при наличии некоторой фантазии, а также с учетом весьма специфического фона, — можно было и впрямь принять за камеру пыток.

А двоих звероватого облика мужичков, что устроили себе перекур, можно было вполне признать за нохчей, хотя их лица скрывали полумаски.

Третий же в этой живописной группе, коленопреклоненный, похоже, намеревался вознести молитву всевышнему, но даже в такой характерной позе он абсолютно не походил на адепта ислама и ревнителя религиозных мусульманских обычаев.

Антон Белицкий — гражданин Российской Федерации, корреспондент американской радиостанции «Либерти», «стрингер» высочайшего международного уровня. Один из тех деятелей, что играют не последнюю роль в информационной войне. Речь даже не о Чечне — нынешние события в Ичкерии лишь отдельный этап этой войны, эпизод, важная, но промежуточная фаза в комплексе подрывных акций, направленных на ослабление, распад и деградацию великой в недавнем прошлом страны.

Сквозь приоткрывшуюся дверь в помещение с удвоенной силой хлынули душераздирающие вопли. Надо полагать, звуки эти затопили душу репортера новой волной страха и смятения; он нервно крутанул головой, пытаясь узреть, кого там еще черти принесли по его душу.

И тут же схлопотал подзатыльник от одного из нохчей.

Бушмин плотно прикрыл за собой дверь. Снаружи по-прежнему доносились жуткие звуки, они были вполне различимы и предельно убедительны, но теперь, при закрытой двери, акустический фон не мог помешать качественному ведению допроса.

Свободных стульев оказалось ровно два, и вновь прибывшие без излишней суеты заняли свои места в «зрительном зале».

Нохчи, казалось, не обратили на них никакого внимания. Они лениво перебрасывались фразами на чеченском наречии. Один из них подпирал могучим плечом стену, другой возвышался над Белицким, задумчиво поигрывая кинжалом огромных размеров. Цементный пол и часть стены были запятнаны и забрызганы жидкостью бурого цвета; крайне сомнительно, чтобы это была имитация «под кровь», потому что еще сутки назад именно здесь допрашивали отловленных при зачистке окраин боевиков.

Хотя Бушмин не врубился, о чем переговариваются между собой дознаватели, он смог распознать по голосам, кто в данную минуту перед ним находится. Тот, что балуется «ножичком», — старый знакомый Иса Дангулов. В роли «доброго следователя» — некий Хаджиев. Оба — верные мюриды «подполковника Сергеева».

Что касается Белицкого, то это был плюгавый малосимпатичный субъект лет тридцати с небольшим, с жидкой неопрятной бородкой, одетый в потертые джинсы и теплый свитер с «исландским» рисунком.

— Ты уже выучил наш язык? — Псевдочеченец Дангулов перешел на русский: — Знаешь, сколько из-за тебя людей погибло этой ночью, тварь ты фээсбэшная?! Я сейчас р-рэ-зять тебя буду!!

Остро заточенная сталь опасно приблизилась к горлу Белицкого.

— Па-адажди, Ахмет, — процедил другой потрошитель. — Нам поручили р-разобраться с этим предателем... Не горячись! Он еще не все сказал.

Надо заметить, что нохчи, особенно те, чей бизнес завязан на России, довольно прилично говорят по-русски, практически без акцента, — вот как эти двое дознавателей.

— Ладно, начнем по новой, — нехотя сказал Дангулов. — Ты нам не кунак больше, Антон. Ты навел на нас русскую авиацию! Из-за тебя погибли люди! Пролилась кровь! Ты знаешь, мы живем по адату, это законы наших предков. За кровь наших людей надо мстить, таков обычай! Тебя все ненавидят, пр-редатель чеченского народа! Мы поймали тебя за руку! Никто теперь тебя из наших не станет защищать! Твои евреи тебе не помогут...

— У него появились новые друзья, — заметил Хаджиев. — На Лубянке!

Дангулов сунул тесак в ножны. Затем, чтобы допрашиваемый не расслаблялся, треснул его легонько по затылку.

— Па-аслушай, Ахмет, какой расклад получается, — продолжил вещать Хаджиев. — Наш бывший кунак Антон — как тот теленок, что хочет сосать сразу двух маток...

— Он сейчас у меня отсосет, — мрачно изрек Дангулов.

— Ты хорошо устроился, Белицкий! — сверкнул волчьими глазами из-под маски дознаватель Хаджиев. — Ты снимаешь бабки за свои репортажи и с нас, и с западников, и в Москве, с «независимых»... Ты уже давно завязан на ЦРУ, и у тебя есть какие-то дела с британской разведкой. А теперь выясняется, что ты вдобавок работаешь на Лубянку... Ты установил шпионскую аппаратуру и занимался прослушиванием конфиденциальных переговоров. Ты связался по спутниковому телефону с федералами и навел на площадь Минутка российские штурмовики! Отвечай, шакал, сколько денег тебе пообещали чекисты за преданных тобою вайнахов?!

После очередной затрецины Белицкий наконец вышел из ступора и выдал нечто членораздельное:

— Это какая-то ошибка... Я не работаю на Лубянку. Н-не понимаю... Зачем все это? П-почему я здесь? Не знаю...

— Вот и я не знаю, — помрачнел Хаджиев. — Не знаю, Белицкий, что нам с тобой делать... На тебе кровь, понимаешь?!

Уловив кивок одного из зрителей (пора, мол, переходить к самому важному), Хаджиев слез со стола. Они с Дангуловым подхватили свою жертву под локотки. Затем припечатали Белицкого физиономией к столешнице, но не зверствуя, а так, чтобы тот не утратил способности делиться информацией. И теперь уже Хаджиев вооружился тесаком. Белицкий же пронзительно завизжал — как кабан, над которым мясник уже занес свой инструмент.

— Я сейчас тебе отр-режу палец! — посулил Хаджиев. — Заткни пасть, а то башку снесу... Вот так... Какой палец тебе отрезать? На какой руке? На левой? Правой? Выбирай! Ты же не хочешь говорить нам всю правду?! Ну что? Резать? Или будешь отвечать на вопросы?

— Н-не надо! Буду... Буду отвечать!

— Ответишь. Ты у нас за все ответишь! Может, и обменяем... За тебя большие деньги заплатят, да?

Хаджиев выдвинул из-за стола стул и поставил его в центре помещения. Затем они усадили на него Белицкого, так, чтобы тот оказался лицом к зрителям.

— У нас есть против тебя все улики, Антон, — приступил к делу Хаджиев. — При обыске у тебя нашли микрокассету. Ты прятал ее в потайном карманчике. Собирался передать кассету федералам? Или своим церэушникам?

Бушмин с удивлением покосился на сидевшего рядышком Шувалова. Что еще за микрокассета? Они с Черепом на скорую руку обыскали Белицкого, но, кроме комплекта документов, среди которых был «вездеход» с подписями президента Ичкерии и еще восьми наиболее влиятельных полевых командиров, ничего стоящего не обнаружили. Впрочем, неудивительно, ведь думали-то тогда о другом, так что досмотр был произведен поверхностно.

Вспомнив о наказе начальства помалкивать и ничему не удивляться, Бушмин сосредоточился на допросе.

— Я уже говорил: это какое-то недоразумение, — принялся объяснять ситуацию Белицкий. — Последнюю неделю мы квартируем в бункере Исмаилова. Я, оператор и двое сопровождающих... Руслан просил меня сделать репортаж по Ханкале, ну а на следующий день он... и другие... в общем, настояли, чтобы я заснял этих... пленных десантников. Я все сделал, как просили. Ролик про Ханкалу тут же зарядили через Дагестан по известным вам адресам... Вечером... Когда это было?.. Ну да, вчера... Руслан сам позвал меня к себе. Я прихватил с собой диктофон, потому что он хотел дать материал, чтобы я потом зарядил его интервью на «Либерти»... Это было где-то... часа за три до авианалета... Но разговаривали мы недолго, нас перебили. Руслан сказал: «У меня важные гости, с тобой мы потом закончим». Я ушел и... черт, забыл там свой диктофон...

Бушмин хмыкнул про себя. Врет, поганец. Наверняка не говорит всей правды. Оказывается, он практиковал «прослушку», вот только неизвестно, хотел ли он прояснить кое-что сугубо для себя, руководствуясь своим журналистским интересом, или взаправду «стучал» на кунаков «третьей стороне». Понятно, что не Лубянке он передавал подобные сведения, а тем кругам, что принято называть «антироссийскими».

— Потом, уже перед самым налетом, — продолжил Белицкий, — Исмаилов и его гости куда-то ушли. А я вспомнил про диктофон. Пошел, забрал его. Кассету не прослушивал, поэтому не знаю, что там записалось. Хотел лечь спать, но тут такое началось...

— Ну да, конечно, — усмехнулся Хаджиев. — Не знаешь... А зачем тогда прятал кассету? Молчишь? Ну-ну...

— А эти трое, которых ты видел... — вмешался Дангулов. — Говоришь, они были в масках?

— Да. Один прошел к Руслану, а двое, наверное, бодигарды, остались с нашей охраной.

— Ты сказал, что это была «связь» от федералов.

— Это только моя догадка, потому что на них, на этих гостях, ничего такого не написано...

— Кто такой Беспалый? Это был он?

— Точно не знаю... Просто слышал накануне, что Беспалый гарантирует «коридор». Два или три раза мне приходилось слышать это прозвище, но кто он такой — сказать не могу.

— Но он из эмвэдэшников, так?

— Скорее всего... Потому что «коридор» начинается от Алхан-Калы, а там стоят внутренние войска и милицейский спецназ.

— Он твой поделник, да? Вы оба работаете на Лубянку?

— Я — нет. А про Беспалого сказал все, что знаю.

— Кто такой «Горец»? Чей это псевдоним?

Белицкий отрицательно покрутил головой:

— Боюсь, я вас не понимаю... Я знаю десятка два людей, кто так себя называет...

— Нас интересует Тимур. Ты говорил, что видел его мельком в бункере и что он прошел к

Исмаилову вслед за Беспалым.

Бушмин в этот момент едва не поперхнулся. Чтобы скрыть замешательство, откашлялся в кулак, затем вновь наострил уши.

— Кто, Умаров? А, ну да... У меня с ним шапочное знакомство. Несколько лет назад брал у него интервью в Лондоне, потом в Москве. И еще несколько раз пути пересекались, но не так чтобы тесно контактировали...

— Что ты о нем знаешь?

— Да почти ничего...

Дангулов треснул журналюгу по затылку и еще раз повторил свой вопрос.

— Знаю, что он из тейпа Бено. Может, сейчас что-то изменилось, но он противник ваххабизма, как, кстати, и довольно тесно связанные с ним Ахмед Закаев и Ямадаевы — этих даже приговорили заочно к смерти...

— Без тебя знаем, — шикнул на журналиста Дангулов. — Ты про Умарова говори!

— Тимур Умаров, насколько мне известно, еще не так давно отвечал за перевод денежных средств от московской общины. Но сам он — в тени. И вообще... Идет какая-то игра по крупному и здесь, на Кавказе, и в Москве. Но подробности мне неизвестны. Да и откуда мне знать? Я человек маленький...

— Но говна в тебе много, — проворчал Дангулов.

В этот момент приоткрылась дверь. Сотрудник в маске жестом попросил Шувалова выйти. Бушмин поднялся и вышел следом за ними.

— Товарищ подполковник, вас вызывает на связь «Корунд», — доложил сотрудник. — Сказали, по срочному делу.

Шувалов кивнул Бушмину — чтобы следовал за ним в помещение спецсвязи.

— Видал, что вокруг творится? — бросил на ходу. — «Коридор», мерзавцы, проложили... Нашли, наверное, брешь между нашими подразделениями. И где-то там просачиваются... Даже автоколонны умудряются проводить... И какая-то сволочь из наших им в этом деле пособничает!

Бушмин в этот момент почему-то подумал про Славянина. У того на руках точно все десять пальцев. Не то чтобы Андрей специально их пересчитывал, но, если бы какого-то не хватало, он бы точно этот факт отметил про себя.

Но это ровным счетом ничего не означает. Прозвища здесь меняют как перчатки, возможно, за исключением таких приметных личностей, как Хаттаб, за которым закрепилась кличка Черный Араб. А так... Сегодня Беспалый, завтра этот же тип, к примеру, где-то нарисует как Пират, послезавтра Горец — и так далее...

— Михалыч, ты кассету Белицкого уже успел прослушать?

Шувалов, уже почти переступивший порог радиорубки, на мгновение застыл.

— Фрагментами. — Он коснулся рукой нагрудного кармана, где, надо полагать, хранилась кассета. — Ценная добыча, Андрей...

— Но как могло случиться, что эти двое, «Горец» и Славянин, оказались прошлой ночью в Джохаре? Кто их вообще выпустил?

— Сам ничего не понимаю...

Они вошли в помещение ЗАС. Шувалов надел наушники с микрофоном и стал переговариваться с «Корундом» — это позывной разведотдела при Оперативном управлении штаба ОГФС в Моздоке.

Уже по первым прозвучавшим репликам Бушмин понял: в Моздоке происходит нечто из ряда вон, а потому, заметив кивок Шувалова, вооружился «Кенвудом» и стал вызывать на связь Мокрушина и Черепанова — последний, кстати, отказавшись от визита к врачам, остался здесь же, на базе в Ханкале.

Прежде чем они покинули здание, Шувалов вызвал Дангулова и снабдил инструкциями. Допрос следовало прекратить, а Белицкого, воспользовавшись одной из трофейных машин, нужно отвезти подальше от базы федералов с завязанными глазами, а у одного из чеченских селений вышвырнуть вон — там он уже сам пусть определяется, что ему дальше делать и как жить.

Кассету с записью допроса «стрингера» Шувалов сразу же изъял, наказав своим «мюридам» держать рот на замке.

Затем они торопливо двинулись в обратный путь, в ту часть Ханкалы, где расквартирован спецназ ГРУ. Вызывать машину не было смысла, потому что до кунгов — рукой подать. За ними рысил нагруженный аппаратурой радист; Шувалов, используя закрытую сеть командования, на ходу переговаривался с «Корундом», и уже даже по одному этому признаку можно было судить о том, что дела в Моздоке складываются не лучшим образом.

— Говоришь, ломятся внаглую?! — озадаченно бросал он в микрофон. — А ты стой на своем! Смотри, чтобы крови не было... Что делать, если ломанутся? Уничтожишь базу данных! Головой за это отвечаешь... Да-да, под мою персональную!..

Примерно через сорок минут с базы в Ханкале снялись два «Ми-8МТ». На борт одного из них в полном вооружении погрузилась мокрушинская РДГ «Город», за исключением двух подраненных в Джохаре сотрудников, — не до отдыха нынче, а потому «рэлакс» переносится на неопределенный срок... Другим бортом вылетела бушминская спецгруппа.

Компанию же им составили Шувалов и трое высокопоставленных офицеров ОГФС, включая первого заместителя командующего в чине генерал-лейтенанта.

Шувалов (да и не только он) отправил срочное сообщение в вышестоящие инстанции.

Но никто не знал — включая командование ОГФС и оперативного дежурного по ГРУ в Москве, — что полковник Шувалов, командовавший некогда подразделением со странной аббревиатурой П-ЗР, продублировал все сообщения в адрес некой группы «Мерлон»...

Глава 3

Сам по себе ящик, заслоняющий, а заодно и прижимающий решетку зиндана, по всей видимости, был не очень тяжелым. Скорее всего тюремщики бросили на дно пустого ящика несколько булыжников или кирпичей, сочтя это вполне достаточным.

И они оказались, в общем-то, правы в своих расчетах. Потому что Дольниковой, хотя она затратила немало сил, сноровки и времени, так и не удалось осуществить свою затею: сбросить гнет с крышки зиндана.

М-да... Задумка не увенчалась успехом. И немудрено: ведь она по-прежнему находится в этом чертовом каменном узилище!

Поскольку часов при ней не было — а снаружи свет в «камеру» практически не проникал, — она даже приблизительно не знала, сколько времени прошло.

Но еще недавно по краям решетки наблюдалось слабое свечение. Оттуда же, сквозь узкие щели, веет легкий сквозняк. А в самом зиндане царит кромешная темь, даже собственную ладонь, когда поднесла к глазам, и то не смогла узреть.

Так что снаружи, вероятнее всего, сейчас ночь.

Примерно спустя два часа после визита «молодого бойца» к ней наведалься один из монстров — наверняка он носит кличку Длинный, или Жердь, или что-то в этом роде. Сбросил ей сверху буханку черствого хлеба и пластиковую бутылку с водой, буркнул злобно: «Сидишь, стерва, ну и сиди дальше!» — после чего исчез с концами.

Наверное, заняты какими-то своими делами, иначе бы приперлись. Или лихой Завидяй протрезвел наконец, а своему командиру, насколько она разобралась, при всей своей «отвязанности» гнусная тройца правду о творимом произволе открыть не решилась.

Воспользовавшись своеобразной передышкой, а заодно решив занять массу образовавшегося у нее свободного времени хоть каким-то делом, она для начала разобрала на составные части «поддон». Как и следовало ожидать, он был сколочен из досок и трех брусков при помощи тривиальных гвоздей. Перед тем как приступить к делу, она — хотя и не без труда — лишила эмалированное ведро, поставленное здесь вместо ночного горшка, металлической ручки.

Приложив немало усилий и затратив уйму времени, она могла бы из дужки ведра смастерить себе нечто среднее между шилом и заточкой. Но откуда у нее столько времени? Пока ограничилась тем, что использовала данную железяку в качестве единственно доступного ей инструмента.

Ободрала ладони, исколола пальцы, но своего все же добилась: разломала нары, затем выдернула из досок с полдюжины гвоздей, один среди которых — «сотка» — при известной сноровке мог быть использован как смертоносное оружие.

Выровняв слегка погнутый гвоздь, тщательно заточила его жало о выступ бетонной стены. Переломила хлеб пополам. В середке он оказался плохо пропеченным, клейким на ощупь — самое то. Слепила из него катыш, подержала чуть во рту, чтобы хлеб смочился слюной, потом сделала из этой заготовки «ручку», обмотав ее вдобавок клочком материи, — вот и шильце готово...

Не бог весть, конечно, какое оружие. Но если такую штуковину вогнать в горло или всадить в глаз — мало не покажется.

Козлы слабоумные... Наверное, им еще не приходилось нарываться на серьезную публику, иначе вели бы себя более осмотрительно.

Один раз этим уродам удалось заставить ее врасплох. Но пусть теперь только попробуют приблизиться к ней на расстояние вытянутой руки. Или попытаются притронуться к ней хоть пальцем. Если и не все трое, то кто-то из них тогда точно об этом пожалеет...

* * *

Сверху доносились странные звуки. Вначале почудились легкие шаги. Потом — какое-то шебуршание. Кажется, кто-то пытается сдвинуть в сторону ящик. Но не так, как это сделал бы сильный взрослый мужик, рывком приподняв его и переставив в другое место, а действуя на пределе своих силенок, помаленьку сдвигая ящик в сторону, чтобы освободить пролаз.

Не смея верить собственной догадке, Дольникова тихо позвала:

— Иван? Я здесь, внизу... Ваня, это ты? О-ох, сынуля...

Используя несколько досок и брусков, заклинив их крест-накрест в самой узкой части колодца, она мигом соорудила себе «козлы». Используя эту шаткую конструкцию в качестве подставки для ног, она теперь могла, вытянувшись в полный рост, свободно касаться решетки. Балансируя на досках, потянулась всем телом вверх. И теперь уже могла поддеть ящик снизу, действуя кончиками пальцев. Так, общими усилиями, удалось сдвинуть дело с мертвой точки.

— Иван, где ты? — позвала. — Я тебя в темноте не вижу... Дай мне руку, сынуля...

Она нащупала пальцами худое мальчишечье запястье.

Едва удержалась, чтобы не зареветь в голос, так ей вдруг стало жалко и себя, и этого несчастного мальчика, у которого, кроме нее, собственно, нет ни родных, ни близких — никто его не защитит, никто не возьмет на себя заботу о его будущем.

— С тобой все в порядке? Будь осторожен, Иван, здесь, на «блоке», есть недобрые люди.

Мальчик не произнес ни слова, но зато она ощутила легкое пожатие. Жаль, конечно, что Иван, ее *сынуля*, не разговаривает. Но она его понимает, понимает без слов. А говорить здесь ей больше не с кем. Кругом — одна мразь. Предатели, для которых нет ничего святого; головорезы всех мастей — по обе линии фронта, да еще насильники, как эти трое контрактников, сущих скотов.

— Иван, они запирают решетку на замок, — прошептала Дольникова. — Ты пока тихонько постой рядышком, а я попытаюсь отпереть или взломать этот чертов замок...

Она подтянулась на руках, насколько смогла. Вначале просунула согнутую в локте руку между прутьями, потом уперлась подошвами в стену — ширина зиндана была лишь немногим больше метра, — плечами теперь она упиралась в противоположную стенку. Кое-как «расклинилась» и тут же приступила к делу.

Металлическая рама, как и предполагала Дольникова, была вмурована в бетонное перекрытие. Она примерно представляла себе, где устроен зиндан — в недостроенном бункере с узкими бойницами и низким лазом вместо дверей, который располагается в сотне с небольшим метров от укреплений блокпоста. Наверное, чеченцы взялись соорудить здесь один из своих опорных пунктов, а заодно оборудовали на своем объекте зинданчик — как же без тюряги?

Вот и сменившие их здесь федералы такого же мнения придерживаются: коль уж существует «крытка», значит, кто-то должен в ней сидеть.

Дужка замка была продета через две скобы, а сами эти скобы приварены одна к решетке, другая к раме. Будь под рукой «фомка» — и то еще неизвестно, удалось бы при ее помощи взломать эту преграду, а уж голыми руками здесь и подавно не справиться.

Дольникова по-паучьи распласталась в верхней части узкого каменного колодца. Высвободила правую руку и принялась шуровать в замочной скважине полусогнутым гвоздем, который пыталась использовать в качестве отмычки.

Поза была крайне неудобной, поскольку требовала больших физических усилий. От дикого напряжения у нее мелко дрожали коленки, затем и руки стали слабеть. Почувствовав, что вот-вот свалится на дно колодца, ухватилась обеими руками за прутья и мягко опустилась на шаткие «мостки».

Отдохнула немного, затем возобновила свои упражнения. При этом ни на секунду не забывала о своем мальчике, шептала ему какие-то ласковые слова, старалась как-то подбодрить — и не только его, но и себя.

Иван нашел внутри бункера металлический прут, но он оказался чересчур тонким, гнулся и как «фомка» не годился. Дольникова, в свою очередь, перепробовала в качестве отмычек несколько гвоздей, загибая их и так и этак; по-всякому ковыряла этим негодным инструментом в скважине замка и даже попыталась вырвать сам замок из креплений...

Казалось бы, совершенно пустяковое дело — отпереть обычный амбарный замок.

Ну-ка, попробуем еще раз... Еще одна попытка... И еще...

Бесполезно. Ничего у нее не получится...

К тому же возникло стойкое предчувствие, что вот-вот начнет светать.

Выждав немного времени, чтобы восстановить дыхание, Анна спокойно проговорила:

— Боюсь, без ключа не отпереть... Я позже что-нибудь придумаю, Иван, дай мне только время сообразить... Светает уже, да? Будет лучше, если сейчас уйдешь. Спрячься где-нибудь хорошенько, ладно? На «блок» не ходи, здесь нехорошие люди, не все, конечно, но есть очень плохие. Они могут тебя обидеть... Знаешь, где ферма? Вот там и жди меня. Я обязательно сбегу отсюда. Или они сами меня выпустят...

Она стояла на шатких «мостках», и по ее щекам текли слезы.

— Ты, наверное, голоден? Бедненький ты мой...

Мальчик передал ей какой-то сверток, протиснув его сквозь прутья решетки. Дольникова развернула газету: в свертке были продукты — кружок колбасы, краюшка хлеба и плитка шоколада, та самая, что презентовал им еще в Первомайском старлей. Все это ей удалось определить на ощупь, потому как по-прежнему в зиндане царила кромешная темень.

Солдат, который навещал ее здесь и даже разговаривал с ней, рассказывал, что Иван днем появлялся на «блоке» и что ему удалось передать какую-то еду. Выходит, что ее мальчик даже

не притронулся к пище, сохранил продукты для нее.

Как здесь не дать волю чувствам?

Нет, слезами не поможешь. Надо собраться и во что бы то ни стало переломить неблагоприятный ход событий. Потому что сейчас она ответственна не только за себя, но и за судьбу этого необыкновенного человечка.

— Иван? Спасибо тебе, миленький! Я взяла немного еды, хлеб и вода у меня здесь есть... Остальное возьми с собой, тебе тоже надо поесть. Спрячься на ферме, там ведь сейчас никого нет, верно?

Она передала сверток обратно и пожала на прощание узкую горячую ладонь.

— Все будет нормально, Иван! Все, о чем я тебе рассказывала, о чем мы с тобой мечтали, так и будет! И даже лучше! Главное, будь осторожен! Ну все... Давай поставим ящик на место, чтобы эти не догадались. Еще... Вот так! Умница... Запомни: мы нужны друг другу! Я тебя люблю. Теперь беги...

Еще несколько минут у нее ушло на то, чтобы придать своему узилищу прежний вид. Вернула на место дужку от ведра, разложила на полу доски, постелила матрас, легла сверху, закутавшись в тулуп, сжимая в руке самодельную заточку — единственное свое оружие.

Спустя какое-то время услышала какой-то шум. Приподнявшись со своего ложа, прислушалась... По шоссе, сбавляя скорость по мере приближения к блокпосту, двигалась колонна. Судя по работе движков, это было несколько мощных армейских грузовиков и в качестве сопровождения два или три колесных бэтээра.

У самого блокпоста колонна замедлила ход. Миновав зону досмотра, разграфленную по осевой линии пунктиром из бетонных блоков, водители сразу же прибавили скорость.

Судя по всему, досматривать автопоезд с секретным военным грузом взвэшники не стали.

Дольникова вновь свернулась калачиком, стараясь сохранить хоть какие-то остатки тепла и жизненной энергии.

Ей бы только вырваться на волю! Вот бы они тогда зажили с Иваном...

Глава 4

Замкомзвода Гонтарь морщился, но терпел. Хотя впору было застрелиться, настолько паскудно себя чувствовал.

Во рту будто эскадрон кавалеристов переночевал. Башка трещит с крутого бодуна. И еще сушняк.

Давненько уже так не гульбанили.

Ну и денек вчера был... Сначала в станице поддали, когда за «горючкой» туда наведались. Но не так чтобы слишком, граммов по двести пятьдесят на грудь приняли... Потом пришлось летеху «лечить». Один он, видите ли, бухать не может... Выпили по стопарю, после чего отправились небольшой компанией на броне к соседям. У ихнего «замка» день рождения,

корешок предупредил о банкете заранее, настоятельно приглашал, и закосить от данного мероприятия было бы последним свинством.

Набрались на соседнем «блоке» так, что ни Завидяй, ни Длинный, ни даже сам Гонтарь не помнят, как водила домчал их на БМП обратно на родной блокпост.

Хотели этой ночью позабавиться со снайпершей, а получилось, что трахнули сами себя.

Хорошо еще, что в восемь утра из станицы дали сигнальчик. Кто-то из сотрудников временного РОВД в Ассиновской связался по рации с гарнизонами «блоков», выставленных на трассе Ростов — Баку, предупредив, что в их сторону движется автоколонна. Но самое главное, что вместе с грузовиками и бронетехникой едет и какое-то высокое начальство.

Растормошили Завидеева, кое-как привели в чувство командира, а заодно и самих себя. Едва-едва успели натянуть на себя амуницию, как на трассе нарисовалась колонна.

Чтобы не было вонизма изо рта, сожрал горсть мятных лепешек и летеху заставил сожрать. Теперь вот мутит. Похоже, что и Завидееву дурно. Почернел аж весь лицом. То ли от того, что разнос не нравится, который учинил ему начальник «зоны», то ли и вправду его тошнит. Вот был бы номер, если бы летеха начал блевать прямо здесь. На глазах у начальника «зоны», невысокого полковника, похожего на коlobка...

Было бы ЧП вселенского масштаба.

Потому что рядышком, всего в нескольких метрах от них, находилось высокое начальство — между армейским «уазиком», на котором ехал полковник, и бэтээром стоял армейский джип камуфляжного цвета.

Гонтарь, хотя и стоял на почтительном расстоянии, все слышал.

— Товарищ полковник... — Преодолев позывы тошноты, Завидеев принялся жаловаться на жизнь: — У меня некомплект личного состава. Я вам уже докладывал... А на днях я еще двух солдат вынужден был отправить в госпиталь.

Полковник покосился на джип, потом незаметно показал командиру «блока» кулак.

— Смотри у меня, лейтенант! Наведи у себя порядок, понял?

Завидеев слышал от коллег, что начальник и сам слаб по части выпивки, а потому смотрит на некоторые прегрешения своих подчиненных сквозь пальцы.

Он еще раз заверил, что «мелкие недочеты» будут устранены. На этом, пожалуй, все бы и закончилось — полковник покрасовался перед руководством, показывая, как радеет за службу и как держит своих людей в ежовых рукавицах, — но вдруг нехстати на глаза ему попался мальчишка, тот самый, что составлял компанию снайперше, когда их задержали при проверке документов. Пацан каким-то образом пробрался за заграждения, и надо же такому случиться, чтобы именно в этот момент его заметил начальник.

— А это еще что такое, лейтенант? — недовольным тоном произнес полковник. — Почему штатские находятся на вверенном вам объекте?

Перехватив недоуменный взгляд Завидеева, замкомвзвода счел благоразумным немедленно

поспешить на помощь:

— Товарищ полковник, разрешите доложить! Этот пац... мальчишка, очевидно, отбился от этапа с беженцами. И вот, значит, приблудился к нам...

— Сын полка, что ли?

— Нет, не совсем... Мы его подкормим слегка, а как только по трассе пойдет следующий этап, мы передадим мальчика в руки сотрудников МЧС.

В этот момент кто-то выбрался из джипа. Гонтарь повернул голову в том направлении. Ага, этот тоже из ведомства МВД... Звание у него — генерал-майор. Рослый, на голову выше Колобка. И прямой — будто аршин проглотил. Кажется, чем-то недоволен...

Гонтарь наморщил лоб. Где-то он уже видел этого человека. Вот ежели бы он снял солнцезащитные очки — зачем, кстати, в такой серый день, как сегодня, ему черные очки? — тогда, возможно, Петр бы его признал.

Черт, надо же, как трещит башка...

— Полковник, что вы там возитесь? — донесся от джипа начальственный голос. — Долго вас еще ждать?!

— Прошу прощения, Алексей Григорьевич, — испуганно проблеял Колобок и мигом покатил к своему «уазику». — Вы же сами сказали, чтобы я проинструктировал наших людей...

Мужчина в солнцезащитных очках покачал головой — мол, что с тебя, идиота, взять, — потом забрался в джип. Гонтарь, наблюдавший за ним, заметил, что на заднем сиденье сидит еще кто-то, наверное, это и есть «высокое начальство», но деталей и подробностей разглядеть не сумел.

Через несколько минут, когда трасса вновь опустела, Гонтарь направился к вагончику. Пропустив вперед летеху, прошел внутрь и плотно прикрыл за собой дверь.

— Что это за фокусы, Длинный? — проворчал он. — А ты, Толян, куда смотрел?

Длинный пожал плечами — мол, он здесь ни при чем. Крепыш по имени Толя повторил его жест; при этом он цепко держал в своих сильных руках малолетнего преступника — в глазах Петра Гонтаря пойманный с поличным шкет был самым настоящим преступником.

— Да это «мохоры» проморгали, — со злостью сказал Длинный. — Пока мы от начальства отбивались, этот шибздик, оказывается, залез в вагончик... Толян у него нашел две банки тушенки, пачку сигарет и зажигалку...

Завидеев, которого мало занимало происходящее, тяжело опустился на табуретку и, положив локти на стол, обхватил руками голову:

— Все, пора завязывать... Я думал, что меня вырвет на этого козла...

— Представляете, мужики, — вновь подал голос Длинный, — а если бы волчонок нам сюда какую-нибудь пакость занес типа «лимонки» или противопехотной?!

Гонтарь не спеша разоблачился, повесив оружие и амуницию на гвозди и крючья, вделанные в стену вагончика. Затем, так же не спеша, сел перед малолетним воришкой на корточки.

Мальчишка сохранял безмятежный вид, как будто все происходящее лично к нему абсолютно не относилось. На чумазом лице — голубые, как васильки, глаза. Прикидывается слабоумным? Или впрямь ничего не боится?

Нет, страха или смятения малец не выказывает. Смотрит своими ясными глазенками, как будто перед ним не «человек с ружьем», а пустое место.

Похоже, малец и вправду глухонемой. Учитывая сложившуюся ситуацию, это даже хорошо. Если и захочет, то не сможет никому рассказать, где его «мамочка» и что с ней случилось.

Но какого черта он так странно смотрит?! Надо бы его как следует проучить!

Схватив пацана за шиворот куртки, Гонтарь потащил его к столу. Подтолкнув бедром страдающего с похмела летеху, чтобы тот освободил пространство, достал из ножен острый тесак. Прижал руку мальчика к столешнице — и на мгновение застыл, словно раздумывая, как ему следует дальше поступить.

— Отхреначь ему пару пальцев, — сказал Длинный. — А то, когда подрастет, будет, гад, в спины нам стрелять!

Перехватив рукоятку ножа, Гонтарь навис над мальчишкой.

— Вот что, гаденыш... Запомни на всю жизнь! Заруби себе на носу, слышишь?! Воровать — плохо! Нельзя воровать!!

— Меня сейчас вырвет, — пробормотал летеха. — Кончайте, мужики...

— За воровство знаешь что полагается? — рявкнул Гонтарь. — Не то что палец, а всю руку полагается отхватить!

Мальчишка дернулся, но не тут-то было. Гонтарь кончиком лезвия вел по большому пальцу мальчишки. Однако резать не стал, памятуя, что пацана теперь, — хочешь не хочешь, — придется отправить с ближайшим этапом в лагерь, потому как начальник «зоны» может поинтересоваться судьбой «сына полка».

Царапина получилась не слишком глубокая — как зарубка на память. И в членовредительстве никто не сможет его обвинить, тем более что мужики вокруг надежные, а сам малец, в сущности, вор и подрастающий бандит. Из него точно матерый волчара может вырасти, вон даже не вздрогнул, когда ему порез нанес.

— Запомни, чечен, и меня, и тот урок, что я тебе преподаю! — сказал Гонтарь, убирая тесак в ножны. Затем кивнул одному из приятелей. — Толян, отведи его к «мохорам»! Пусть стерегут как следует, а то Каратаев его уже раз упустил...

— А что дальше с мальцом делать будем?

— Подбросим на этап к беженцам. Скажем, приبلудился, и все такое. Короче, ничейный он, понятно?!

Пока кореш отсутствовал, Гонтарь вдруг вспомнил о снайперше. Внизу живота тут же ощутил легкое шевеление. Роскошный бабец, и формы у нее — ого-го... Но не далась, сволочь, чуть ее не пристрелили! Решили сообща, что обломают ей рога на следующую ночь, но тут некстати

пьянка случилась. Этой ночью? Нет, пожалуй, не стоит рисковать. Если бы сразу объявили летехе... Не-а, он на такие дела не подпишется. Сегодня он явно не собирается покидать «блок», так напуган, что даже опохмелиться не просит.

Значит, через ночь. Наказать Длинному и Толяну, чтобы не вздумали шастать к снайперше! Да и в техническом плане... пока Завидяй в вагончике, где ж здесь бабенку оприходовать? Не в самом же зиндане? Или в недостроенном бункере? Хочется все-таки комфорта...

— Товарищ лейтенант, все будет путем, — заверил Гонтарь пригорюнившегося командира. — Счас обед приготовим! И я полагаю, что сегодня не стоит... Короче, вводим «сухой закон»!

Когда вернулся Толян, Гонтарь показал своим дружкам кулак:

— С сегодняшнего дня все гулянки отменяются!

— Что, и ночного траха не будет? — с разочарованным видом произнес Длинный. — Ну ни фига себе...

— Еще одно слово, и я вас на пару с Толяном так трахну, что позавидуете «мохорам»!

Примерно через час Гонтарь узнал, что мальчишка опять сбежал.

Он так и не вспомнил, почему вдруг лицо милицейского генерала, носившего солнцезащитные очки, показалось ему знакомым.

Автоколонна, к которой по дороге присоединилось еще пять единиц бронетехники, свернув с трассы, теперь подъезжала к Урус-Мартану. Весь груз, перевозимый армейскими «Уралами», предназначался для нужд новых формирований чеченского ополчения, присягнувших на верность федеральным властям.

На заднем сиденье джипа расположились двое. Генерал-полковник Калиничев, крепкий осанистый мужчина лет сорока восьми, являлся одним из заместителей министра внутренних дел. Хотя в окрестностях Урус-Мартана все еще неспокойно, он изъявил желание лично отправиться вместе с колонной, чтобы на месте переговорить с «новыми чеченцами».

В подчинении тридцатисемилетнего генерал-майора милиции Алексея Латыпова, командующего Группировкой оперативного резерва МВД на Северном Кавказе, находилось несколько подразделений МВД, мобильных, укомплектованных техникой и подготовленными сотрудниками, призванными осуществлять «точечные» спецоперации в Чечне и на смежных территориях. Такие, например, как вот эта проводка каравана с оружием, боеприпасами, экипировкой, медикаментами и прочей всячиной.

Латыпов сегодня был явно не в духе. Еще больше испортилось настроение, когда колонна на какое-то время застряла на «блоке», где начальник «зоны» — совершеннейший кретин, надо бы кем-то заменить! — пытался проводить воспитательную работу с синюшного вида вэвэшниками. И не сказать, чтобы сам этот эпизод вывел его из терпения... Но почему-то почувствовал он себя в тот момент препаскудно...

Может, потому, что ненужные воспоминания вдруг нахлынули? Но с чего бы это вдруг?

Забыл, стер из памяти, отрезал раз и навсегда. И хватит оглядываться назад! Если что-то и потеряно в прошлом, то назад все равно не вернешь...

— Чем хуже, тем лучше, — неожиданно произнес Латыпов. — Не нравится мне все это!

— О чем это ты, Алексей Григорьевич? — встрепнулся замминистра.

— Я вот о чем подумал, Федор Дмитрич... Извините, что ругаюсь, но какого черта Беспалый лезет в наши дела?! Кто ему вообще дал такие полномочия?!

— Наш общий знакомый не любит, когда его кличут Беспалым...

— А мне плевать! Они на пару с Карабасом еще в прошлую кампанию бизнерили налево, нарушая все договоренности. И вот опять...

Замминистра, хотя и доверял испытанному водителю, решил подстраховаться: он нажал кнопку, после чего исчез просвет в звуконепроницаемой стеклянной перегородке, делившей салон бронированного джипа на два отсека.

— Теперь можешь говорить.

— Последняя по времени проводка в известный вам оффшор на Кипре...

— Я в курсе. Восемь миллионов с хвостиком. Деньги уже разбросаны по адресам. Что не так?

— Вопрос в другом. Откуда пришли средства? Так я вам скажу. Саудовцы зарядили наличность через свой банк в Абу-Даби. Затем по команде ичкерийских контрагентов деньги ушли... Нет, не в оффшоры, как это было ранее, а в Пакистан. Одновременно — или даже чуть раньше — примерно на такую же сумму из Кашмира, а также из Афгана ушли две «посылки». Догадайтесь, с чем...

Калиничев глухо ругнулся.

— Договаривались же, что наркоту в качестве проплаты брать нельзя! Как бы это ни было выгодно! Не хватало еще, чтобы западные спецслужбы вышли на все эти дела!

— А я о чем вам говорю?! — процедил Латыпов. — Одно дело, когда наши «спецмероприятия» не выходят за пределы страны, и совсем другое, когда кое-кто лезет своим свиным рылом за бугор. Здесь мы более или менее контролируем ситуацию, да и то... Короче, вы поняли, о чем я, да? У меня нет исчерпывающей картинке по этой сделке, но я полагаю, что Карабас и Беспалый действуют в данном случае через Исмаилова. Они задействовали свои старые связи, еще со времен прошлой войны... Прокрутили саудовские деньги на тайных поставках в Европу героина, те самые восемь с хвостиком миллионов аккуратно «отбили» и положили на известные нам банковские счета на Кипре. А все, что «наварили» или «наварят» уже в ближайшем будущем, они, надо полагать, поделят между собой...

— Ты, часом, не ошибаешься, Алексей? Где ты добыл такую информацию?

— Вам нужна конкретика?

— Поговорим на эту тему позже... Кстати... что за история стряслась с Умаровым? Ты ведь должен был подобрать его у Чихи-Юрта, так? И что он вообще там делал?

— У него в этой поездке был собственный интерес, — уклончиво ответил Латыпов. — От нашего же имени я попросил его прозондировать среди своих почву на предмет того, как нам общими усилиями обезопасить грузопотоки по Чечне... Транспорт с «Горцем» и сопровождавшими его

лицами влетел в засаду. Насколько я понял, это постаралась одна из федеральных разведгрупп, скорее всего спецназ ГРУ. Повезло еще, что Тимура не пустили тут же в расход, а решили прихватить с собой в Моздок...

— Мне доложили, что Умаров уже на свободе.

— Беспалый подсуетился. Нюх у него звериный. Мы с вами, генерал, раскрутили Тимура, а теперь, когда «Горец» представляет собой определенную величину, нас хотят оттереть в сторонку! На днях вечером Беспалый был в Джохаре, я это точно знаю. И не один, а на пару с Умаровым. Что это за фокусы?!

Генерал пожал плечами:

— Сегодня, думаю, мы переговорим с каждым из них... А кто еще с Умаровым был задержан? Мне доложили, что особисты передали Беспалому двух чеченцев и одного славянина. Кто такой? Знаешь его?

— Умаров очень перспективный чечен, — вновь уклонился от прямого ответа Латыпов. — Есть, кроме него, еще пара-тройка кандидатур — не столь способных, но менее строптивых, чем «Горец».

— Мы должны крепко держать его за горло. С Тимуром нужно еще работать. Не хватало, чтобы мы вырастили на свою голову еще одного Дударика!

— Он чеченец, генерал, и об этом не стоит забывать. Он волк, и вы не сможете долго держать его за задние лапы — отгрызет вам руку. Он с трудом поддается дрессировке... А тут еще Беспалый пытается встать между мной и Умаровым, хочет замкнуть его на себя! Зачем, спрашивается, он затеял всю эту комбинацию с освобождением Тимура? Пусть бы себе все шло своим чередом. Я, когда узнал, что Умаров у фээсбэшников, прозвонил им, сказал, что этот человек нам нужен — чтобы его не кантовали. Думал, через сутки или двое мы его оттуда вызволим, но без ненужной шумихи... А тут началось... Карабас начал на все рычаги нажимать, из прокуратуры высоких чинов побеспокоили, подняли, короче, вселенский переполох!

— Но в принципе, Алексей, мы все делаем одно дело, — в задумчивости проговорил замминистра. — Задача у нас какая? Усмирить мятежную территорию! Чечены хитрые и подлые! Но не хитрее нас, верно?

— Беда в том, генерал, — сказал Латыпов, — что мы уже вышли за пределы «коридора», в границах которого, как я понимаю, нам позволено было выстраивать свои оперативные комбинации.

Колонна машин, следовавшая в сопровождении бронетехники, уже втягивалась в центральную часть города Урус-Мартан, еще один полуразрушенный войной населенный пункт.

— У тебя сегодня, я вижу, плохое настроение, Латыпов, — проговорил замминистра. — Не понимаю, в чем проблема? Все в наших руках! Мы можем даже расширить этот самый «коридор», если, конечно, это будет нам выгодно.

Ближе к центру на улицах можно было заметить группки чеченцев; большинство из них имели при себе оружие и были экипированы со складов ОГФС. Несколько бронемашин с ротой охраны встали по периметру центральной площади города, на которой собралась немалая толпа «ополченцев».

Когда колонна машин остановилась, к джипу, на котором в Урус-Мартан прибыл заместитель министра внутренних дел, направился Кантемиров со своей свитой.

Латыпов тоже вылез из машины. И сразу же увидел стоящую чуть в стороне группу рослых чеченцев.

Заметив среди них Тимура Умарова, он едва заметным кивком поприветствовал старого знакомого.

Хорошо, что Тимур подъехал. К нему есть серьезный разговор. Чем хуже, тем лучше. Для Латыпова лучше. Да гори оно все синим пламенем...

Глава 5

Примерно в час пополудни обе вертушки благополучно приземлились в Моздоке.

Под угрозой оказались сразу два объекта, которые курировала военная разведка. Поэтому вертолеты сели в разных концах базы, хотя и сравнительно недалеко один от другого.

Борт, который доставил на военную базу спецгруппу «Город», приземлился непосредственно в расположении Отдельного полка спецсвязи Минобороны. Именно здесь, на отгороженной и тщательно охраняемой территории, командование ОГФС прячет от любопытных глаз элитное подразделение спецназа ГРУ, проходящее в документах с грифом «совсекретно» под кодовым наименованием РДГ «Терек».

По тем сведениям, которыми на данный момент располагал Шувалов, двухэтажное здание казарменного типа, где расквартирована «команда Андреева», сейчас наглухо заблокировано спецназом внутренних войск. В самом здании находится более десятка бойцов ГРУ — это те сотрудники, что не участвовали в последней акции. И еще двое офицеров, которые прибыли в Моздок чуть раньше своих товарищей, чтобы войти в курс дела и под контролем «подполковника Сергеева» осуществить ротацию личного состава подразделений спецназа военной разведки.

Хотя картотека Разведупра находится в другом месте, эти сотрудники забаррикадировались в здании, отказываясь пропустить на объект — для совершения неких процессуальных действий — людей из северокавказского главка Генпрокуратуры. Вступать в переговоры с кем бы то ни было, кроме своего армейского руководства, они отказались наотрез. Если же милицейский спецназ попытается применить силу, дабы обеспечить доступ оперативно-следственной бригаде на «закрытый объект», группа обещала дать «неадекватный ответ».

В считанные секунды из транспорта, севшего в непосредственной близости от осажденной казармы, выскочили два десятка бойцов ГРУ. Прибывший с этим же бортом представитель ОГФС в чине генерал-майора направился для переговоров к группке сотрудников Военной прокуратуры и МВД; ну а солидности ему придавала свита из крепких мужиков во главе с самим «капитаном Володиным».

Другой «Ми-8МТ» сел на вертолетную площадку, расположенную рядом с комплексом штабных модулей, в самом сердце главной военной базы.

Именно здесь, в «ставке ОГФС», и происходили, судя по всему, самые важные события этого дня.

* * *

— Капитан, прикажите всем своим людям надеть шлем-маски, — перейдя на официальный тон, распорядился Шувалов. — Вступать в разговоры с присутствующими здесь категорически запрещаю! Гарас и вы, Зайцев, от своего командира ни на шаг! А вы, капитан, держитесь как можно ближе ко мне!

Они направились к двухэтажному зданию Разведупра, на крыше которого, как и на других соседних зданиях, были установлены решетки УКВ-антенн и «тарелки» приемно-передающих спутниковых комплексов. На площадке, разбитой напротив фасада строения, стояло с десяток машин, возле которых где кучками, где поодиночке расположились здоровенные парни в камуфляже. Личности некоторых из них Шувалову были известны. Хотя близкого знакомства он с подобными типами не водил, но все же в силу своего довольно высокого положения был человеком хорошо информированным, а потому знал, как говорится, «ху из ху».

Как минимум трое из присутствующих являлись довольно крупными величинами. Прежде всего — генерал-лейтенант Карабанов, первый заместитель командующего внутренними войсками. Именно Карабанову подчиняются взвэшники и все прочие подразделения и части МВД в зоне боевых действий; он же отвечает за режим на освобожденных от боевиков территориях, включая проведение в различных населенных пунктах так называемых зачисток. Помимо Карабанова, влиятельными фигурами являлись также первый зам (в чине генерал-майора милиции) представителя правительства РФ в Чечне и вновь назначенный прокурор Чеченской Республики.

Хотя Шувалов, руководствуясь какими-то известными только ему соображениями, наказал «капитану Андрееву» держаться рядышком и ходить с ним едва не под ручку, пришлось все же на какое-то время расстаться. Прибывший на одном борту с ними генерал-лейтенант пригласил вышепоименованную троицу отойти в сторонку — не хотел, надо полагать, устраивать разборки на глазах у подчиненных. Ну а пятым к их компании присоединился Шувалов.

Но поскольку голос у известного и всенародно любимого генерала самый что ни на есть командный, то некоторые его реплики слышал даже Бушмин. Причем генерал, явно не собиравшийся стесняться себя рамками светской беседы, широко использовал ненормативную лексику. Короче, разговор между ними затеялся явно не из простых.

Бушмин, как ему и было велено, стоял себе тихонько и помалкивал. Но не так чтобы просто отбивал свой номер, изображая не то статую, смахивающую на «человека с ружьем», не то «полкана», готового по первому зову хозяина наброситься на каждого встречного-поперечного. Нет, посматривал по сторонам, слушал, о чем говорят, а заодно пытался сообразить: а что, собственно, здесь делают все эти менты и прокуроры?

«Не совершал ли ты, Андрюша, каких-либо уголовно наказуемых деяний? — вкрадчиво поинтересовался внутренний голос. — Забыл, какой был наказ? Мочить, мочить и еще раз мочить! А ты, кретин, „языков“ в Моздок пачками доставлял и даже наивно предполагал, что это — важная часть твоей „разведчицкой“ работы...»

Возможно, весь этот переполох связан с личностью «Горца». Как он сам о себе заявил: «Тайный посланник Москвы»... Черт его знает, может, и не соврал. Ясно, что чечен он не из последних. Кто-то же вызволил его из лап особистов? Спустя двое с небольшим суток после знакомства «Горец» вел уже какие-то переговоры в осажденном федералами Джохаре. Кто-то

же тайно провез Умарова в Грозный? Или дело обстояло иначе? В знак благодарности за «услугу» «Горец» свел кого-то из федералов с чеченскими командирами?

Но может оказаться так, что «Горец» здесь ни при чем. Соответственно, и «капитан Андреев» никаким боком не причастен к тому, что нынче происходит в Моздоке. Хотя и не так заметно, как в прошлую войну. Но и сейчас тоже вокруг много дерьма плавает. Не все гладко обстоит по линии взаимодействия различных силовых ведомств, существуют какие-то трения среди начальства, хотя общественности об этом мало что известно. Если бы Андрей Бушмин был обычным «грушником», то вряд ли обратил бы внимание на разного рода нестыковки и неувязки, которых достаёт в ходе и этой кампании, прямого головотяпства, зачастую подозрительно смахивающего на саботаж. Но он обладал, да и сейчас еще обладает, гораздо большим объемом знаний, нежели того требует занимаемая им должность.

Потому что еще сравнительно недавно являлся сотрудником «фирмы», о самом существовании которой даже присутствующим здесь генералам вряд ли было известно хоть что-нибудь. И точно так же, как и Шувалов, хотя и в меньших объемах, он до сих пор снабжался из единого центра специально отобранной и выверенной информацией по его профильному занятию.

* * *

Карабанов гневался, и это было заметно хотя бы по тому, как его одутловатое лицо и шея с тройным подбородком стали наливаться кровью.

— Очень плохо, Геннадий Алексеевич, — сказал он с глухим раздражением, глядя при этом почему-то не на армейского генерала, а на сопровождавшего его офицера с подполковничьими погонами. — Плохо, что мы не понимаем друг друга... Есть закон, и никому не дано права его нарушать! Вот уже вторые сутки органы дознания, действующие, кстати, на законных основаниях, не могут получить доступ к лицам, подозреваемым в совершении серьезных правонарушений...

Он повернулся к военному прокурору, который, как показалось Шувалову, явно тяготился своей ролью, хотя и тщательно скрывал это.

— Как фамилии этих деятелей?

— В том и заключается проблема, что их фамилии нам до сих пор неизвестны, — не слишком охотно признал прокурор. — Это некий капитан Андреев, а также его заместитель. И еще один офицер из числа операторов штаба. Тот, кто покрывает их грязные делишки...

— Ну и терминология, — хмыкнул армейский генерал. — У нас, у армейских, говоришь, «грязные делишки»? А у вас, у «законников», сплошь одни «дела»? Так получается? Вот что я тебе скажу, прокурор...

— Кхм... Разрешите, товарищ генерал? — счел нужным вмешаться Шувалов. — Мы пока что так и не выяснили коренной вопрос. Заведено ли уголовное дело? Против кого конкретно и на каких основаниях? По какой статье? Есть ли ордер на арест? Кто конкретно инициировал расследование и кто ответит за то, что вы в нарушение закона пытаетесь взломать сверхсекретную федеральную базу разведанных? Вы грубейшим образом нарушаете закрытые должностные инструкции, о существовании которых обязаны знать. А также пытаетесь раскрыть оперативные псевдонимы наших сотрудников, — чего никто из вас делать не вправе!

— Да кто ты такой, подполковник?! — возмутился Карабанов. — И что ты нас пугаешь?! Ты что, так на свою «крышу» надеешься, что уже страху совсем лишился? Может, и ты *замаран*, раз

так активно покрываешь своих?! Ну да ничего, следствие разберется...

— И нечего за своими «легендами» прятаться! — поддержал его коллега, милицейский зампред. — А то что же получается? Ваши диверсанты, пользуясь порочной практикой безнаказанности, вместо того чтобы сражаться с боевиками, воюют, с позволения сказать, с мирным населением! Мы приезжаем в освобожденные села, пытаемся как-то наладить контакт с населением, а нам в глаза говорят: полюбуйтесь-ка, что здесь натворили ваши головорезы! И показывают трупы женщин, детей, стариков... Зачастую десятки трупов! Вот эти, говорят, погибли от авианалетов...

— При чем здесь авиация? — проворчал Карабанов. — Уже не раз поступали жалобы, что военная разведка, отдельные разведгруппы поголовно уничтожают попавшееся им на пути мирное население! А потом западные корреспонденты все это вставляют в свои репортажи и тиражируют их на весь мир! Зачем нам такая «реклама»? Да еще при этом зачастую обвиняют в зверствах милицейские подразделения и спецназ внутренних войск, что абсолютно не соответствует действительности!

Тут осмелел наконец и военный прокурор:

— По нашим сведениям, одна из армейских спецгрупп, а именно группа под командованием «капитана Андреева»... оставляет за собой воистину кровавый след. Здесь и нападения на населенные пункты, и уничтожение укрытий беженцев, которые потом в разведсводках фигурируют в качестве «укрепрайонов» и «баз боевиков», и еще многое другое, что непременно найдет свое отражение в материалах предпринятого органами дознания расследования...

— Я не верю своим ушам, — нахмурился армейский генерал. — Подполковник, в этих утверждениях есть хоть доля истины?

— Вымысел чистой воды, — сохраняя ледяное спокойствие, сказал Шувалов. — Ни единого слова правды! Голословные и бездоказательные утверждения! Я бы даже сказал, клевета.

"Явная «заказуха», — думал Шувалов. — В кого они метят? Явно не в «капитана Андреева». И даже не в него самого. Что за игру они затеяли? Кто пытается замутить воду? Чего хотят добиться такого рода разбирательством? Все это предстоит выяснить, причем как можно скорее. Если судить по прошлой войне, это еще не наезд, а так, мелочевка, явно хотят припугнуть — не суйтесь, мол, в чужие дела, а то врежем так, что и костей не соберете...

Катнули пробный шар — вот что это такое.

— Вы что себе позволяете, подполковник?! — возмутился ментовский зампред. — Хотите с погонами распрощаться?! Так это минимум из неприятностей, которые мы можем вам обеспечить! И хватит тут ломать комедию! «Секреты» у них здесь, видите ли! А сам преступников покрывает! Если ты, подполковник, такой смелый и правильный, то почему препятствуешь работе дознавателей?! Пусть они снимут показания с твоих головорезов, раз ты утверждаешь, что вам здесь нечего бояться! Никому не нужны ваши архивы и базы данных! Но если злоумышленники скрываются за маской анонимности или прячутся на «закрытых объектах», то правосудие их повсюду настигнет!

Он с видимым раздражением пожал плечами.

— Не понимаю, чего мы ждем?! Подумаешь, какой-то «разведотдел»... Мы еще и не такие

конторы взламывали!

— Какой-то неприятный разговор у нас пошел, — помрачнел заместитель командующего. — Предлагаю разрядить обстановку. По расписанию у нас обеденное время, так? Но сначала надо растащить по сторонам спецназ, а то ненароком какая беда может случиться...

Шувалов тоже был не прочь потянуть время. Он ждал звонка от своей «крыши», который мог многое решить. В его ухо был вставлен наушник, и он периодически слышал доклады Мокрушина — мол, ситуация там, у казармы, довольно сложная. Хотя эта публика «пробила», что называется, место дислокации «капитана Андреева», все же идентифицировать личность командира РДГ «Терек» им пока не удалось. Равно как и неизвестно им его точное местонахождение — раз они обложили казарму, то наверняка уверены, что «Андреев» и его заместитель забаррикадировались со своими людьми внутри здания.

Правильно сказал им в самом начале «разборки» заместитель командующего: «Армия своих не сдает!» Это он, конечно, сгоряча рубанул, но в данном конкретном случае генерал прав на все сто.

Нет, слабину нельзя давать ни в коем случае!

Даже на порог таких вот «законников» нельзя допускать! И в той же казарме им делать нечего! Выхватят кого-нибудь из бойцов, а потом попытаются вызнать у него интересующие их сведения, а то и дело пришьют...

К тому же на втором этаже казармы, в кабинете командира спецподразделения, имеется сейф, в котором хранятся подлинные документы абсолютно всех сотрудников, — этот кабинет обычно делят на двоих Шувалов и Бушмин.

Выслушав доводы генерала юстиции, вступившего на днях в должность прокурора Чечни, заместитель командующего ОГФС стал заметно колебаться. Вправе ли он препятствовать действиям прокурорских сотрудников? Они хотят лишь одного: установить личности нескольких бойцов, которые — этого тоже нельзя исключить — совершили какие-то правонарушения. Они хотят лишь произвести дознание, об арестах пока даже разговора нет. Ну, снимут показания, напишут протоколы, составят какие-то бумажки — им ведь тоже нужно создавать хоть какую-то видимость законности того, что происходит здесь, в Чечне. А потом историю эту замнут, причем общими усилиями, дело прикроют, и на том все закончится.

Так из-за чего тогда весь сыр-бор?

Почувствовав, что генерал колеблется, Шувалов тут же взял инициативу в свои руки.

— Я хочу внести ясность, — сказал он. — По существующим правилам объекты, находящиеся на балансе моего ведомства, не подлежат контролю, досмотру и внешнему аудиту в любой форме со стороны организаций и учреждений, чьи реквизиты отсутствуют в Приложении к Закону о гостайне. Допуск на такого рода объекты осуществляется по спецпропускам. Исключением могут быть только двое: Президент и председатель правительства. Что же касается прокурорских сотрудников, то при всем моем уважении к закону никто из них — пока не оформлен в надлежащем порядке «допуск» — на наш объект допущен быть не может!

— Подполковник, вы много на себя берете! — снова наливаясь кровью, заявил Карабанов. — Вам это так просто с рук не сойдет!

— Контакты наших сотрудников с другими государственными учреждениями, включая органы

правопорядка, возможны лишь с санкции руководства. Никаких разъяснений на этот счет с Хорошевского шоссе пока не поступало! И последнее, чтобы потом не было недоразумений... Любая попытка проникнуть на наш объект, да еще с применением силы, будет однозначно расценена охраной как нападение на «сверхсекретный объект» — со всеми вытекающими отсюда последствиями.

— Он блефует! — осклабился милицейский зампред. — Боится, что и его самого арестуют! И хватит ломать комедию, подполковник! Мы здесь — власть! Какие еще, на хрен, «санкции»?! Теряем время! Надо не только допросить преступников, но и произвести выемку документов! Вы же сами все видите! Где комендант базы? Почему никто не мычит, не телится?!

— Вся ответственность теперь на вас! — заявил Шувалов. — Если милицейский спецназ переступит черту, охрана откроет огонь на поражение!

* * *

Начальство совещалось. Остальные томились в ожидании.

Кроме звена бойцов ГРУ и работников прокуратуры, а также коменданта базы с приближенными, у здания разведотдела еще находились бойцы спецназа внутренних войск. Всего их на виду было десятка полтора, все — в зелено-коричневом камуфляже, масках, в «брониках» и увешанные оружием и портативными рациями. Они то ли охраняли свое генеральское начальство, то ли должны были, если поступит такой приказ, обеспечить доступ на объекты, которые по какой-то причине заинтересовали прокурорско-ментовскую братию. Хотя скорее всего они выполняли и то и другое задание.

Среди этой публики Бушмин уже давно заметил старшего, на бушлате которого красовались полковничьи погоны. В принципе особой наблюдательности здесь и не требовалось, потому что «старший» был единственный в своей группе без шлем-маски, и он частенько подносил к губам портативную рацию, отдавая какие-то распоряжения своим подчиненным, блокировавшим казарму.

Судя по эмблемам на камуфляже, бойцы принадлежали к одному из подразделений «оперативного резерва ВВ» — примерно такого же типа мобильные группы созданы при МВД и ФСБ. Что касается вэвэшников, то их часто используют при зачистках, а потому опыт проведения спецопераций, а зачастую и прямых боевых столкновений у них очень даже приличный.

Рация Бушмина (звук транслировался лишь в наушник, вставленный в ушную раковину и соединенный с «Кенвудом» витым шнуром) была настроена на ментовскую волну. А потому Андрей знал, какого рода команды подает старший своим подчиненным, и понимал, чем все может закончиться.

Трое бойцов ГРУ, переместив «абаканы» из-за спины на живот и демонстративно положив поверх автоматов руки, направились к группке спецназовцев, кучковавшихся возле машин начальства.

— Не делайте этого, полковник, — негромко, но веско произнес Бушмин. — Не нужно провоцировать конфликт! Могут пострадать люди. Или вы специально к этому подводите?

«Старший» был рослым крупным мужчиной лет тридцати восьми, с широкими плечами, неприветливым лицом и пронзительным взглядом. Даже когда он общался со своими

коллегами, его губы порой кривились в усмешке — то ли презрительной, то ли брезгливой, а свои слова он подкреплял властными жестами, в общем, явно был о себе очень высокого мнения.

— Кто такие? — недружелюбно поинтересовался полковник. — Почему одеты не по форме? Кто старший? В каких чинах-званиях? Представьтесь, как положено!

— Не важно, кто я такой, — процедил Бушмин. — Учти, ты играешься с огнем!

Гэрэушники слегка сдали назад, чтобы не доводить дело до конфликта на виду у всего начальства.

— Полковник, я буду за тобой наблюдать! — пообещал Бушмин. — Так что советую не глупить!

К группе генералов подошел сотрудник в милицейской форме:

— Товарищ генерал, вас срочно к телефону!

— Кто? — поинтересовался Карабанов.

— Из Москвы звонят. Но кто именно, мне не доложили.

Карабанов направился к своей машине. Шувалов не удержался и подмигнул армейскому генералу. Сейчас кое-кому предстоит наконец уяснить, кто «крышует» «подполковника Сергеева» и его ребят.

На проводе из Москвы был как минимум руководитель «Аквариума». Но не исключено, что звонил секретарь Совбеза или даже кое-кто рангом повыше.

В следующее мгновение лицо Шувалова вновь приобрело озабоченное выражение.

— Товарищ заместитель командующего! Мне доложили, что милицейский спецназ готовится штурмовать казарму! Они уже полезли в окна первого этажа! Чем это чревато, я уже предупреждал!

— Комендант, ко мне! — Армейский генерал побагровел лицом. — Я с ними, понимаешь, как с людьми разговариваю... Не хватало до крови дело довести... Комендант! Что за бардак у вас тут творится! Почему на территории полка связи посторонние люди?! Кто р-разрешил?!

— Но, товарищ генерал... У нас в охране задействованы в том числе и внутренние войска! Генерал Карабанов приказал...

— Отставить! Смените охрану! Немедленно! Усильте ее армейским подразделением! Всех, кому не положено находиться в районе штабного комплекса, — выставьте отсюда вон! Милицейские подразделения отправьте в места постоянной дислокации! Наведите порядок на военной базе! Все! Через два часа я жду вас к себе с докладом!

Прокурор и зампред тем временем, отойдя в сторонку, общались с Карабановым — тот говорил по телефону больше минуты, затем выскочил как ошпаренный из своей машины и жестом подозвал к себе двух коллег. Совещание у них получилось очень коротким. Все трое разбрелись по машинам, а следом за ними в легковой транспорт и микроавтобусы стала спешно загружаться и вся прочая публика.

Уехали, даже не попрощавшись.

— Я вижу, Сергей Михалыч, у тебя и впрямь мощная «крыша», — с озадаченным видом заметил генерал. — Пожалуй, и мне бы такая не помешала...

Шувалов, криво усмехаясь, направился к своим. В этот же момент от микроавтобуса, куда грузились взвэшники, отделилась фигура полковника.

— Одну минуту... подполковник!

— Чего вам? — недружелюбно посмотрел на него Шувалов. — Вы отвели своих от казармы? Ну и все! Говорить нам больше не о чем!

— Да ладно тебе, подполковник, — проворчал взвэшник. — Кто-то пытался подставить нас, вот и все. Забудем эту историю! Вот моя рука, и давай расстанемся с миром...

Стащив перчатку, он протянул свою руку. Гэрэушник жест показного миролюбия проигнорировал, но про себя отметил: на правой руке полковника имеется отметина — на безымянном пальце не хватает двух верхних фаланг.

Полковник натянул перчатку. Безошибочно выявив среди бойцов в масках нужного ему человека, он негромко, но довольно внятно произнес:

— Теперь, приятель, и я буду за тобой наблюдать...

* * *

Под толстыми подошвами «берцев» противно скрипело битое стекло. В помещении первого этажа свободно гулял сквознячок: окна здесь были почти все выбиты. До открытого вооруженного столкновения дело так и не дошло: малость поугадили друг дружку, но вряд ли кто решился бы применить оружие, все ж не какие-нибудь нохчи...

Однако шума и нервоотрепки хватило с избытком.

— Я так и сказал им, Михалыч, — делился своими впечатлениями Мокрушин. — Пожгем, на хрен, всю вашу «броню»! Бойцы мои взяли «трубы» и залегли! А эти все равно поперли — через окна. Так мы их вышвырнули вон — вместе с рамами! Прокуроры враз куда-то заныкались! А наш генерал, который с Моздока прилетел, тот вообще ни во что не врубался!

— Это все не важно, — отмахнулся Шувалов. — Никто из наших всерьез не пострадал? Паратройка ушибов, говоришь? Ерунда! Ну и ладно... Так, бойцы! Быстро навели тут порядок! Вопросы все решайте сами, командиров по пустякам беспокоить не следует! Череп, ты все еще контужен? Голова, говоришь, трещит? А ты займись делом, подмени пока командира! И все как рукой снимет!

Шувалов и оба командира прошли в кабинет, плотно прикрыв за собой дверь и провернув ключ в замочной скважине. Проверили содержимое сейфа, дабы убедиться, что все документы и служебные бумаги на месте. Заодно Бушмин передал Шувалову видеокассету с эпизодами оперативной съемки — кадры с трупами зенитчиков и двух чеченов, сопровождавших Умарова, плюс видеозапись допросов «Горца» и Славянина.

Оригинал этой видеозаписи, который хранился в разведотделе и был приобщен к докладной командира РДГ «Терек», Шувалов уже успел изъять вместе с докладной и прочими бумагами, имеющими непосредственное отношение к недавнему рейду в предгорья.

Все это предстоит доставить в столицу. Не исключено, что лететь в Москву придется самому.

— Вот что, друзья мои... — Шувалов в задумчивости провел ладонью по подбородку. — Я вижу, вы давно уже не писали объяснительных! Вот и займитесь! Меня здесь не будет несколько ближайших часов. Чтобы вам не мешать, я переберусь в разведотдел... Да у меня и у самого дел полно! Когда закончите с «отчетами», дайте знать, я подойду, изыму у вас их лично! Черновики не оставлять! Да что я вам объясняю, не первый год замужем!

— А что народу сказать? — спросил Бушмин. — Когда ротация?

— Завтра к вечеру подтянутся «сменщики», — пообещал Шувалов. — Но замена будет не всем.

— А мы-ы? — дружно протянули приятели. — Как с нами?

Шувалов бросил на них недоуменный взгляд:

— Вы что, еще не врубались? Конечно, вы остаетесь! Потому что отныне мы втроем опять начинаем работать на группу «Мерлон»!

Глава 6

Ключ как-то вдруг неожиданно легко прокрутился в скважине амбарного замка.

Выбравшись из зиндана, Дольникова первым делом прижала к себе мальчишку, расцеловав его в обе щеки.

— Ты настоящий герой, Иван! Мой освободитель! Не знаю, что бы я без тебя делала...

Стояла глухая ночь. Вокруг — крошечная темень, а тишина такая, что аж в ушах звенит. Нет, это звонкими молоточками стучит сердце в груди Ивана. Да и саму ее колотит и трясет, даже зубы клацают — не то от холода, не то от расшалившихся нервов.

Надо раздобыть что-нибудь из верхней одежды. Куртку эти уроды ей так и не вернули! Замерзнет ведь, куда без куртки уйдешь в декабрьскую стылую ночь?!

На самый крайний случай можно прихватить с собой тулуп. Плевать, что он грязный и вонючий! Но лучше, конечно, все же раздобыть что-нибудь более приличное.

Не только куртку, но и деньги отобрали, сволочи! И справку с блокпоста в Первомайском. Теперь опять придется где-нибудь объясняться! И еще неизвестно, на каких людей нарвешься, могут попасться такие же гады, как здешние вэвэшники.

По правде говоря, она и сама пока толком не знала, что им следует сейчас делать и в каком направлении двигаться.

Поэтому и застыла, опустившись на корточки перед Иваном и прижав его к себе. Застыла, лихорадочно соображая, что же дальше делать.

— Иван, а где ты ключ раздобыл? — понизив голос до шепота, спросила она. — Ты ходил на блокпост?

Она взяла мальчика за руки и только сейчас обратила внимание: большой палец на правой

руке перевязан какой-то тряпицей.

— Тебе больно, Иван? — встревожилась Дольникова. — Ты сам поранился? Или это они тебя обидели? Если они на тебя подняли руку, дай мне знать! Для меня это важно, мой хороший. Они тебя обижали? Ты убежал от них? Можешь ничего не говорить, я тебя уже без слов научилась понимать...

Решение созрело в считанные секунды.

— Иван, я отлучусь ненадолго! Жди меня здесь, ладно? Я быстро, одна нога там, другая здесь...

Пригнув голову, она выбралась через пролаз из недостроенного бункера. Хотя мороза не было — температура воздуха лишь чуть ниже ноля, — холод пробирал до костей. Небо заволкло хмарью, ночь безлунная, и это, в общем-то, ей только на руку.

После небольшой отсидки в зиндане Дольникова, словно кошка, могла легко ориентироваться даже в темноте.

Она хорошо представляла себе, как устроен этот блокпост. Частично он обнесен бетонными панелями — это чтобы боевики, коль им удастся незаметно подобраться к «блоку», не пожгли из гранатометов бронетехнику и не смогли прицельно бить по жилым строениям. В южном направлении — давно не паханное поле, посеченное глубокими морщинами ирригационных каналов и поросшее мелким кустарником. Этот сектор остается неогороженным, но он, во-первых, открыт для наблюдения, а во-вторых, простреливается из бойниц небольшого и приземистого сооружения, смахивающего на бетонный дот. Плюс к этому на ближних подступах поле наверняка нашпиговано минами, уж точно установлены «растяжки» и «сигналки».

С противоположной, северной стороны параллельно трассе тянется лесопосадка. В районе самого «блока» деревья вырублены — примерно на полторы сотни метров по обе стороны от «пунктира». Опять же — чтобы лишить возможности каких-нибудь прилюдных бандитов или тех же местных атаковать в ночное время небольшой гарнизон внутренних войск. Но именно в том направлении развернута башня БМП, и именно этот участок тщательнее всего просматривается взвэшниками в любое время дня и ночи.

А вот разболтанный командир и его расхлябанный личный состав — это ей на руку, крайне сомнительно, чтобы ночную вахту на «блоке» несли более двух бойцов. И где эти «караульщики» из числа солдат срочной службы располагаются, Дольникова представляла себе более или менее отчетливо.

Когда до периметра «блока» осталось с полсотни метров, Иван настиг ее и цепко схватил за руку.

Дольникова наклонилась к нему и свистящим шепотом проговорила в самое ухо:

— Иван, зря ты меня не послушал... Что-нибудь не так?

Ей показалось, что мальчишка в темноте кивнул головой.

— Они поставили здесь «растяжки»? Или «сигналки»? Я правильно тебя поняла?

Иван опять закивал головой. Затем потянул ее за руку, как бы приглашая следовать за ним.

Дольникова уже не раз имела возможность убедиться в том, что ее мальчик во сто крат лучше подготовлен к выживанию, чем она.

Хотя Анна Дольникова вроде бы имеет за плечами кое-какую подготовку.

Иван — это современный Маугли, который с малолетства выучился искусству жить в каменных джунглях в окружении подлых, жестоких и вероломных двуногих зверей.

Поэтому она если и колебалась сейчас — стоит ли подвергать риску не только свою жизнь, но и рисковать мальчишкой, — то очень недолго.

— Показывай дорогу, Иван, — прошептала Дольникова. — Меня интересует помещение, где живут солдаты, понимаешь? Поэтому веди меня не к вагончику, а туда, где живут «молодые». И ничего не бойся, я теперь тебя в обиду не дам!

* * *

«Караульщики» они засекли по тлеющим огонькам сигарет, а также по приглушенным репликам, которыми обменивались эти двое, выставленные в ночной дозор. Солдаты должны были располагаться в противоположных углах периметра, где оборудованы огневые позиции, но им стало скучно, и у них было тревожно на душе — может, тоска заела или вконец достал неустроенный быт. Как бы то ни было, они сейчас не столько охраняли сон своих товарищей и сам блокпост, сколько жались друг к дружке, курили, полупрошепотом рассказывали разные истории из своей жизни — или из жизни каких-то придуманных ими людей — и дружно материли «чехов», а также промозглые нескончаемые чеченские ночи.

Если бы и вправду чеченцы вознамерились напасть на блокпост, то они могли бы легко управиться не только с двумя беспечными дозорными, но и с немногочисленным здешним гарнизоном.

Перерезали бы горло всем, как баранам.

В вагончике все, пьяные, наверное, дрыхнут вповалку. Или отъехали куда-то по своим делам. В противном случае они бы наведались в зиндан еще до полуночи — поодиночке или сразу всей кобелиной стаей.

Ну да ладно, не стоит пока заикливаться на этих мерзких персонажах.

Дольникова, ведомая своим поводырем, безошибочно ориентировавшимся в кромешной темноте, обогнула вагончик, и они оказались у входа в казарму. Дозорные, расположившиеся в противоположном углу периметра, были заняты разговором. К тому же вход в вагончик с их позиций не просматривался.

Дольникова кончиками пальцев ощупала дверь. Дверную коробку явно делали наспех — лишь бы чем-то закрыть проем, чтобы не так сквозило. Щели такие, что пальцы свободно пролезают. Кажется, доблестные воины спят вповалку, потому что если бы кто-то из них бодрствовал, то слышны были бы шумы и шорохи.

Дверь приоткрылась с противным царапающим звуком, впрочем, не слишком громким — просто у самой Дольниковой нервы сейчас были на пределе. Прислушиваясь, постояла недвижимо несколько секунд. Затем приоткрыла дверь еще шире и проскользнула в вагончик, оставив своего поводыря снаружи.

Воздух в помещении ужасно спертый. «Буржуйка» светится малиновым жаром — очевидно, дозорные всю ночь поддерживают в печке огонь. А это значит, что ей нельзя терять ни секунды, потому что в любой момент сюда может наведаться кто-то из бодрствующих вэвэшников.

В этой импровизированной казарме расположились на ночь шестеро солдат. Безмятежно спят на своих топчанах, накрывшись с головой двумя, а то и тремя одеялами сразу. Кто похрапывает во сне, кто сипло и как-то надсадно дышит — явно парень простужен, — а кто тихонько посапывает, положив под щеку кулак.

Все они сейчас во власти Дольниковой, эти шестеро мальчишек. У них есть матери, которые переживают за своих сыновей и молятся за них богу, и есть «отцы-командиры» всяких рангов, званий и должностей — от маршала до замкомвзвода.

Нет, солдатиков она обижать не будет. Даже будить их не собирается, пусть себе дрыхнут дальше.

Самодельная пирамида находилась в противоположном от входа углу. Блики малинового света играли на вороненой поверхности выставленных в ряд «калашей». Здесь же кучкой, как блины на Масленицу, сложены бронежилеты; отдельно стояли ящики с патронами, тут же «РПК», две «мухи» и еще куча всякого добра...

Дольникова хотела уже извлечь из пирамидки автомат, но ее взгляд упал на самый крайний в ряду ствол — это был снайперский винтарь «СВД». По правде говоря, именно его она здесь и рассчитывала обнаружить, потому как одна, а то и две «эсвэдэшки» им полагается иметь по штату.

Значит, так тому и быть!

Действуя бесшумно и быстро, она принялась набивать разными полезными вещами вместительный рюкзак. Взяла продукты, что были под рукой, два ножа — тесак и походный — две свечки, коробок спичек, зажигалку, россыпью патроны к «СВД» и даже аптечку умудрилась выпотрошить.

Еще решила прихватить бушлат, шапку, перчатки на меху, чей-то мохеровый шарф и два одеяла — они тонкие, «солдатские», много места не займут, но в будущем могут пригодиться.

Думала прихватить с собой две «эфки», чтобы устроить возле зиндана пару «растяжек» — вот бы этим козлам мошонки поотрывало! — но потом отказалась от своей затеи, потому как могли пострадать безвинные люди, тот же «неизвестный боец», к примеру...

С рюкзаком за спиной, вполне удовлетворенная результатами экспедиции, Дольникова — мальчишка тоже шел не с пустыми руками — бодро шагала вдоль лесопосадки в направлении фермы, где можно было скоротать остаток ночи.

— Дела у нас постепенно поправляются, Иван. Когда доберемся до места, я первым делом перевяжу тебе руку. Я знаю, мужчины боятся, когда им делают уколы и когда их царапины смазывают зеленкой... Но ты ведь у меня не трус, верно? «Операция» займет всего несколько минут и будет безболезненной, я обещаю... Потом нам предстоит королевский ужин при свечах, а в качестве культурной программы, сударь, я прочту вам по памяти отрывок из интересной книги, в которой рассказывается о приключениях мальчишки по имени Маугли...

Мокрушин, как и всякий другой спец его профиля, терпеть не мог заниматься деломпроизводством. Ему, кажется, проще было «сгонять» по-новому в Джохар, пришить там пару-тройку нохчей или приволочь в штаб «языка», нежели корпеть над составлением «дурацких бумажек». Именно по этой причине он взвалил все делопроизводство, а заодно хозяйственные заботы на плечи своего зама Тимохи, развязав тем себе руки и сосредоточившись на самом важном — «осуществлении активных мероприятий в тылу противника».

Последнее вовсе не означало, что Мокрушин — неграмотный командир. Все, что надо знать и уметь делать командиру спецподразделения, он знает, как «Отче наш», и умеет делать мастерски. Но в душе ненавидел всю эту писанину, испытывая к такого рода занятиям стойкое отвращение. Вот как сейчас, когда он уже четвертый час корпит над составлением докладной на имя спецпредставителя ГРУ «подполковника Сергеева». И даже не может спихнуть это дело на Тимоху, потому что все это жуть как секретно!

На фига, спрашивается, Шувалов потребовал писать подробные докладные, если он сам в курсе всех событий? Нет чтобы ограничиться устным докладом... «Как делишки, Рейндж? Нормально „сходил“?» — «Относительно неплохо, командир. У меня, правда, пара „трехсотых“, но зато мы отправили к Аллаху двадцать... нет, тридцать нохчей! Вот тебе злой бородатый чечен, он тебе все их гнусные замыслы сейчас откроет...» — «Молодцом, Рейндж, качественно сработал! Можете расслабляться, пить водку и петь песни под гитару! До следующего задания...»

Вот была бы жизнь! А то что получается? Сейчас они требуют документировать действия спецгруппы в ходе выполнения задания, а завтра попросят написать обновленную редакцию «Войны и мира» — будто он не боец по прозвищу Рейндж, а писатель по фамилии Толстой...

Бушмин пошабашил чуть раньше своего приятеля, хотя объем его «документа» был значительно больше, потому что пришлось еще раз с хронологической точностью изложить события того пятничного дня, когда его подразделение, отклонившись от сценария, осуществило ряд «точечных» акций в окрестностях селения Чихи-Юрт. Правда, Бушмину работа с документами всегда давалась легко, поэтому никакого напряжения он не ощущал.

— Пока сочинял эту хренотень, знаешь, о чем я думал, Рейндж? — Бушмин закурил сигарету. — Вот ежели все по-честному наверх докладывать, так, как оно обстояло на самом деле, если раскрывать наши «подвиги» в деталях и подробностях, то еще неизвестно, к чему это может привести. Вот, к примеру, помнишь, как было в прошлую войну? Во второй декаде января девяносто пятого, когда мы чистили «правительственный квартал» вместе с «полосатыми»... Да и не только там! Мы что, разбирались тогда, кто там засел, в этих домах? Боевики или те же мирные жители? Гранату закатил впереди себя, а лучше пару, прошелся очередями по углам — и попер дальше! И зачастую понятия не имеешь, кого ты приговорил, потому что некогда с этим разбираться, да и желания такого нет.

Он помолчал немного, раздумывая, стоит ли развивать дальше эту тему.

— Сейчас, конечно, кое-что изменилось. Но тоже всякое случается... Я, Рейндж, к чему веду... Хотя говорят, что бумага все стерпит, но лучше все же поостеречься. По-умному надо такие вот бумажонки составлять, чтобы самому ненароком не подставиться.

— Понял, Андрюха, не дурак. Все, уже заканчиваю...

Бушмин, в общем-то, написал все так, как было на самом деле. Только один эпизод опустил: про то, какими методами он пытался «разговорить» «Горца». На видеопленке этого тоже нет. Не то чтобы он опасался, что Шувалов плохо отнесется к данному эпизоду. Сам Михалыч еще и не такие штучки в своей жизни проделывал — у них разным гуманистам и чистоплюям делать нечего. Но неизвестно, на чей стол лягут бумаги, кто их прочтет и какова будет реакция. А то, что Москва взяла это дело под свой контроль, — ясно как божий день. Шувалов сам сказал: «Мы теперь работаем на группу „Мерлон“...»

И вот еще о чем он подумал. Пока занимаешься конкретным делом, будь это разведывательный рейд в предгорьях или спецоперация в самом сердце Джохара, ты ощущаешь себя вполне нормально. Испытываешь самые разные чувства и переживания: возбуждение, усталость, тревогу, голод, холодную ненависть, порой страх и физическую боль. Но ты четко осознаешь, не только серым веществом, но даже спинным мозгом ощущаешь: ты делаешь важное и нужное дело, уничтожая разных нелюдей, а потому на твоей стороне не только закон, но и общечеловеческая мораль. То есть в конечном итоге ты прав. Как бы кому-то из демократов и независимых ни хотелось доказать обратное.

Да, но это пока ты в деле. Пока ты пребываешь в горячке боя или готовишься выполнить очередное задание командования. Но стоит только засесть за писанину и трансформировать те или иные события и факты в скупые строчки документированного отчета, как почему-то тут же в голову начинают лезть разные нехорошие мысли. И собственные деяния зачастую тебе уже не кажутся такими уж праведными и законными. Сидишь как дурак и прикидываешь так и этак: не слишком ли круто? Леший, к примеру, чеченку как-то из винтаря уложил, был такой неприятный случай... Но она ведь, пусть даже в силу случая, оказалась в непосредственной близости от базы. Она *могла* засечь разведгруппу федералов или догадаться, кто эти чужаки, которых она видела лишь мельком. А поскольку двигалась чеченка в направлении расположенного неподалеку крупного лагеря боевиков — муж у нее там? сын? или сама решила взяться за оружие? — то она *могла* сообщить своим нохчам, которых в лагере было до двух сотен штыков, что рядышком с ними притихарились вражеские разведчики.

Перехватить ее возможности не было. Подомацкий, когда не удалось нагнать «быстроногую газель», выждал момент и, как только она появилась на открытом месте, на склоне холма, уложил ичкерийскую волчицу выстрелом с двухсот метров из своего почти бесшумного винтореза...

С такими вот эпизодами что прикажете делать? Их тоже следует вставлять в отчеты? И что потом? Орден за такие подвиги точно не дадут, а вот какой-нибудь ретивый прокурор, если узнает и если ему это будет выгодно по каким-то причинам, вполне может хай поднять — вы почто, головорезы, мирных беззащитных граждан мочите?!

— Я так думаю, Рейндж, что раз «Мерлон» подключился, то по Чечне есть и какие-то другие напряжения. И еще я не врубился, что от вас всей этой ментовской и прокурорской мафии нужно?

Мокрушин наконец закончил сочинять «оперу». Поставил в конце доклада подпись, затем отдельно расписался на каждом листе.

— А ты поменьше думай, — посоветовал он. — Один только вред от этого! На фиг ты грузишь себя разной ерундой? Приказ «думайте!» нам с тобой никто не отдавал. Пока поступала только одна команда — «мочите!». И, насколько я знаю, никто ее на этот раз отменять не собирается.

— Но мозгами своими, заметь, именно своими, а не заимствованными, тоже шевелить иногда

полезно.

Мокрушин бросил на приятеля вопросительный взгляд.

— Знаешь, Андрюша, в чем твоя главная проблема?

— Догадываюсь, что ты сейчас скажешь.

Мокрушин красноречиво постучал себя пальцем по лбу:

— Вот! Слишком умный! Ты парень мозговитый, как Эйнштейн какой-то. И через это вот, через твои чересчур умные мозги, у тебя происходят в жизни всякие-разные приключения. Ты их сам находишь на свою ж... Вот, к примеру, на дороге будет какая-нибудь дрянь лежать, так все глупые вроде меня спокойненько мимо пройдут и даже не обратят внимания на это дерьмо. А ты, конечно, остановишься и начнешь разглядывать, ковыряться в нем и думку думать: что такое? кто наложил здесь кучу? нет ли в том злого умысла?

— Ты тоже остановишься, — усмехнулся Бушмин. — И тоже будешь копать, пока не врубишься, что, как и почему!

— Ну так у тебя же и научился.

Дальнейшему обмену мнениями помешал голос, донесшийся из динамика включенной на прием портативной рации:

— Сделали то, о чем я вас просил? Добро, тогда я приглашаю вас на рюмку чая.

— Где состоится чаепитие? — поинтересовался Бушмин. — Что-нибудь прихватить с собой?

— Да, захватите свои «произведения». И кого-нибудь для сопровождения, человек пять-шесть. В модуль пройдете через «шлюз», я там вас буду ждать.

Приятели, озадаченные, переглянулись.

— Понял, Рейндж, до чего мы с тобой докатились? Уже на территорию родной базы не можем без охраны выйти!

* * *

Разведотдел, обслуживающий нужды Оперативного управления штаба ОГФС в Моздоке, состоит как бы из нескольких сегментов. Одной из составных частей, самой закрытой и секретной, является «подотдел специальных операций». Даже вход здесь отдельный — чтобы попасть туда, нужно еще пройти процедуру идентификации личности. Небольшое помещение, в которое попадаешь, миновав входную дверь, сотрудники назвали «шлюзом». Впрочем, предбанник этот — тут всегда находится охранник и имеется кое-какая следящая аппаратура — и в самом деле является шлюзовой камерой: ты как бы из одного мира попадаешь в другой, с иной атмосферой. Как, к примеру, космонавты или аквалангисты, работающие на больших глубинах.

Из прошлого негативного опыта, когда «теряли» целые спецподразделения, в том числе и приписанные к ГРУ, все же были извлечены уроки и сделаны надлежащие выводы. Благодаря таким спецам, как Шувалов. Именно он разработал особый механизм взаимодействия различных разведгрупп и штабных инстанций. Благодаря этому методу удается не только

добывать разведанные, осуществлять диверсии в тылу противника и вести агентурную работу, но и тщательно секретить количественный состав и местонахождение спецгрупп, а также личности ключевых сотрудников.

К данному подразделу приписаны шесть операторов, работающих в три смены, и все они — сотрудники Главного разведуправления. Именно с этими людьми и приходилось общаться командиру РДГ «Терек» — с другими «разведотдельцами» Бушмину контактировать практически не доводилось.

Шестеро бойцов ГРУ, сопроводивших своих командиров до самых дверей «шлюза», отправились обратно в казарму, а Бушмин с приятелем, пройдя процедуру «опознания», прошли к Шувалову — у Михалыча здесь имелся служебный кабинет.

Полковник сидел за столом и при свете настольной лампы напрягал по какому-то поводу свой ноутбук. Может, решив малость передохнуть, взялся расписать на пару с компьютером «пульку» в преферанс. Но скорее всего вслед за своими подчиненными сочинял в адрес высших сфер докладную записку.

Захлопнув крышку компьютера — как показалось, с треском, — Шувалов кивком указал на стулья.

— Накропали? Покажите, что получилось.

Бушмин передал начальнику тонкую папку, куда друзья сложили свои докладные записки. Шувалов почему-то не стал раскрывать папку — сунул ее в сейф, стоявший по левую руку от него.

Помассировав пальцами виски, Шувалов пробормотал:

— Прелюбопытнейшую историю вы раскопали, друзья мои...

Мокрушин, конечно, тут же покосился на приятеля:

— Я ж говорил — не надо «копать»! Теперь, вместо того чтобы под елочкой на Новый год сидеть, будем волками по чеченским горам бегать и выть на луну!

Для убедительности он опять постучал себя пальцем по лбу.

— Ну да, конечно, Бушмин во всем виноват. Это я один такой вредный, что палки в колеса здесь всем вставляю.

Андрей подумал, что Рейндж, в сущности, прав. Ведь это он приволок в Моздок «Горца» и Славянина, вместо того чтобы замочить их на месте. Белицкий — тоже его рук дело. Ему и впрямь везет на разные приключения...

Но, с другой стороны, в чем он виноват? Что значит — «не надо думать»? А если мысли сами в башку лезут? Всякие и разные. Вот сейчас, к примеру, про Ленку опять подумал. Как она там? На словах вроде все нормально, беременность пока протекает благополучно. Пишет: «Скучаю, Андрюшенька, жду тебя и люблю...» Надо позвонить домой, сказать, что задержится еще чуток по делам службы, но к Новому году, а то и раньше, непременно заключит родную женушку в свои объятия...

Хорошо еще, что додумался через знакомого оператора отослать Ленке видеоролик — все ж

это лучше, чем звонок или письмо.

— С вами хочет переговорить один человек, — сказал Шувалов. — Представитель группы «Мерлон». Но вначале вы прослушаете кассету, которую мы отобрали у Белицкого.

Заметив вопросительный взгляд Мокрушина, он усмехнулся:

— Андрей в курсе, он тебе сам расскажет, откуда взялась эта запись.

Шувалов извлек из сейфа кассету и несколько листов машинописного текста.

— Я уже прослушал ее и даже, как видите, оформил в виде стенографического отчета. Материал существует в единственном экземпляре. Учтите: рот держать на замке! Мне даже пришлось запрашивать санкцию у... Не важно, у кого. Важно другое: вы теперь в деле, а потому не расслабляйтесь.

Включив магнитофон на воспроизведение, он вышел из кабинета, плотно прикрыв за собой дверь.

Глава 8

Бушмин ввел приятеля в курс дела. Рейндж мигом врубился в ситуацию. Слава Аллаху, Вова Мокрушин не относится к племени тугодумов, он из тех, кто способен схватывать все на лету.

Какое-то время, не слишком продолжительное, из динамиков доносились невнятные звуки: вот, кажется, кто-то кашлянул, потом почудились звуки заунывной мелодии, что-то восточное, и откуда-то издали доносились обрывки фраз...

В «стенограмме», составленной Шуваловым — в качестве переводчика скорее всего выступал Дангулов, — так и написано: «Говорят по-вайнахски. Неразборчиво...»

" — За-аходи, дорогой, — прозвучала в динамике чья-то реплика. — Проходи... Бушлат не снимай, у нас холодно. Как добрались? Я распоряжусь, чтобы принесли чай и что-нибудь перекусить... Водку будешь?

— Спасибо, Руслан, ничего не надо. У меня в запасе часа два, максимум три. Где-то после полуночи надо выбираться назад..."

Слышимость была не идеальной — порой мешали какие-то трески и шумы, напоминавшие атмосферные помехи в эфире, — но в целом все было понятно.

Бушмин попытался мысленно перенестись в бункер Исмаилова, на который впоследствии, примерно через три часа после данного эпизода, устроили налет бойцы ГРУ, сокрушившие там все и вся, но самого кровавого ублюдка, к сожалению, к тому времени на месте не оказалось.

В подвале, где стены по традиции увешаны коврами, заодно предохраняющими от сырости, находятся два персонажа: коренастый, крепко сбитый чечен лет тридцати с небольшим, с лицом, заросшим шерстью до самых глаз и с бритым черепом, а также некий тип, которого Бушмин смог представить себе лишь в образе черного расплывчатого силуэта... Что еще? Наверняка в помещении имеется спутниковый телефонный терминал... На стене красуется стяг «независимой Ичкерии», бойцы сняли его и прихватили с собой в качестве трофея... К

одной из стен пришпилена подробная топографическая карта Джохара и городских окраин, с пометками на ней, сделанными рукой самого «генерала», — карту эту, само собой, бойцы ГРУ также сняли со стены и увезли с собой.

Голос человека, пожаловавшего с визитом к Исмаилову, показался Бушмину знакомым. Очевидно, Шувалову, который уже успел как следует поработать с данной записью, идентифицировать личность визитера не удалось — персонаж обозначен при расшифровке переговоров символом "X", то бишь «Икс» — неизвестная величина.

Бушмин понял, что ему не удастся добиться полного эффекта присутствия, — он ведь не колдун и не экстрасенс, — и решил не напрягать вхолостую мозги, поскольку в будущем они ему еще пригодятся.

Он придвинулся вплотную к Мокрушину, прошитую стопку листов положил посередке, чтобы обоим было удобно читать текст и сличать звучавшие из динамиков реплики с шуваловскими записями, оформленными в виде стенограммы.

"X. — Руслан, ты уже в курсе, что я привез в Джохар Тимура? Он сам меня, кстати, об этом попросил.

И. — Да, мне доложили... Вас по дороге никто не останавливал?

X. — Нет, все нормально. Добрались благополучно.

И. — Я отвел своих людей за границы «коридора». Оставил бойцов по минимуму, но запретил останавливать, а тем более досматривать транспорт...

X. — И правильно сделал, потому что огласка вам не нужна.

И. — Боишься, что ваши могут прозвать? Ты же говорил (*неразборч.*)...

X. — Что значит — почти официально? Думаешь, все так просто? У нас, конечно, есть прикрытие, но наглеть все равно не следует! Мы вам грузы исправно шлем, строго по заявке, но смотри, Руслан, чтобы кто-то из ваших не прокололся и не стал болтать лишку...

И. — Обижает, да-арагой генерал..."

Рейндж в этом месте даже присвистнул от удивления. Гэрэушники обменялись многозначительными взглядами, затем потянулись за сигаретами. Мало того что человек, прибывший на рандеву с Исмаиловым с позиций, занятых федералами, оперировал такими терминами и понятиями, как «заявка», «поставки», «транспорт» и «коридор», оговаривая при этом, что, хотя существует прикрытие и все делается почти официально, не нужно болтать лишку, — так вдобавок еще и выясняется, что он сам в генеральском чине.

Но уже спустя несколько секунд, когда разговор в бункере возобновился, они поняли, что их скороспелые выводы ошибочны.

"X. — Мне, конечно, лестно, Руслан, что ты постоянно величаешь меня генералом, может, я даже когда-нибудь действительно стану... Можешь меня хоть фюрером называть, главное, чтобы там (*неразборч.*)... объемы поставок.

И. — У нас с этим строго! Не то что без языка, можно и без головы остаться! Никого не интересуется, откуда приходят грузы, кто и как их доставляет. Разгрузили транспорты — все!

Какие вопросы? И потом... Люди, конечно, что-то обо всем этом думают... Но ты учти, что мы и сами кое-что в Джохар завозим, по другим каналам. И от кантемировцев получаем «посылки», наши люди там активно (*неразборч.*)... работают. Подробные карты минных полей в направлении Алхан-Калы, ваши укрепрайоны, местонахождение «блоков», система огневого поражения, промежуточные, запасные и отсечные позиции. Да... Нас такие сведения оч-чень интересуют! Можете сделать?

Х. — Это дорогого стоит, Руслан.

И. — Как там говорится? Да... Мы за ценой не постоим!

Х. — Я не понял... Вы собираетесь выходить из Джохара?

И. — Нет, да-арагой, конечно, нет. На крайний случай, да? Можете собрать для нас такие сведения?

Х. — Вот когда они вам точно и наверняка понадобятся, тогда и поговорим более конкретно.

И. — Договорились, кунак... Но ты имей в виду нашу просьбу, ладно? А что Тимур? Где он потерялся?

Х. — Встретил кого-то из знакомых. Сказал, что подойдет через пару-тройку минут.

И. — Нет, я о другом. Я так понял, что его в горах прихватили? Так? А потом в Моздок привезли?

Х. — Джип, в котором возвращался Тимур, наткнулся на разведгруппу. Почти сто процентов — это были гэрэушники. Один из особистов прозвонил в нашу инстанцию: не ваш ли, часом, у нас сидит чечен, а с ним еще двое? Я как узнал, о ком речь, прислал в Моздок своих людей, чтобы забрали Умарова из фээсбэшного изолятора. Что касается подробностей, то он сам тебе все расскажет... Кстати, хотел тебя спросить. В горах гэрэушники, насколько я понял, отловили еще одного парня. В тот же день, когда и Тимура вместе с его телохраном.

И. — Что-нибудь с ним не так?

Х. — Не знаю... Их держали в разных камерах. Когда Тимура выдернули из изолятора, он настоял, чтобы за компанию и парня освободили. Потом я у него спрашивал: кто такой? зачем он тебе? Тимур сказал, что хотя они незнакомы, но об этом мужике кое-что слышал... Он мне нужен, говорит, отдай его мне. А тут, значит, такое дело... Когда мои сотрудники вместе с особистами взялись «почистить» бумаги, касающиеся этих троих, и стали разбираться с их вещичками, то выяснилось: среди вещдоков имеется снайперский винтарь австрийского производства. Да... Забрали, короче, из Моздока задержанных, вещи им вернули, «хвосты почистили»... Я вот думаю: может, он снайпер? На черта тогда он Тимуру сдался?

И. — Какой он из себя?

Х. — Славянской наружности, рослый, лет тридцати с небольшим. У него при себе был «вездеход» и документы гражданина Грузии.

И. — А вот и Руслан... Ну, здравствуй, брат!"

* * *

Шувалов ненадолго заглянул в кабинет, взял из сейфа какие-то документы — папку с докладными тоже прихватил, — затем вновь оставил офицеров наедине с трофейной записью.

— Надо было не отдавать винтарь, — подал реплику Мокрушин. — Знаешь, сколько он по бабкам стоит? Я это не к тому, что надо было присвоить ствол, чтобы потом продать его налево... Просто и нам бы иметь такой не повредило.

— Да на черта он нам нужен, этот винтарь? И откуда знать, где тот ствол засвечен? Кого из него в расход пустили? Возьмешь его в собственность, так можешь запросто схлопотать неприятности! Это ж тебе не «сайга» или «тигр», на охоту с ним не пойдешь...

— Да, ты прав... Но ты знаешь, я люблю хороший «инструмент». Меня жаба душит, когда вижу в чужих руках какой-нибудь классный «экслюзив». Хорошо, что хоть «лейку» оставил, за нее и слова никто не скажет. Тоже, между прочим, вещичка не из дешевых, если навскидку, где-то под пять тысяч баксов тянет...

— А вот тебя, Рейндж, явно не в ту степь повело, — усмехнулся Бушмин. — Все, перекурили, теперь давай слушать дальше.

Он включил аппаратуру на воспроизведение.

Затем пробежал глазами «стенограмму», забегаая несколько вперед — так поступают некоторые читатели детективных романов, которым не терпится вызнать, в каком направлении будет развиваться дальше сюжет.

Случайно или намеренно, но чечены и в дальнейшем обращались к визитеру в обезличенной форме. Ни разу не прокололись, назвав гостя по имени-отчеству или употребив в разговоре какое-нибудь прозвище. «Дорогой», «кунак», «командир»...

Где он мог слышать этот голос? Мерещится ему или действительно его пути-дорожки с этим «кунаком» где-то и когда-то уже пересекались?

Какое-то время троица обсуждала какие-то вопросы. Насколько Бушмин понял, речь шла о поставках героина и других наркотиков в центральные регионы страны. Чувствовалось, что на Умарова пытаются давить — чтобы он обеспечил реализацию «товара» через какие-то свои каналы. Хотя Тимур пожаловался, что рынок затарен и героин уже скатился ниже отметки сорок баксов за десять граммов. Его все же уломали: какие-то бабки решили прокрутить через наркоту, а само зелье — реализовывать в Москве и соседних областях.

Возможно, сыграло свою роль то обстоятельство, что Икс время от времени напоминал Умарову: «Тимур, ты мне малость обязан...»

Дальше пошел фрагмент записи, очень заинтересовавший приятелей.

"И. — Есть еще одна просьба к нашему уважаемому гостю... Тут к нам в тыл повадились ваши ходить. Диверсии у нас на коммуникациях устраивают, людей воруют. Скорее всего спецназ ГРУ... Работали под позывными «Эльбрус» и «Джейран», мы дважды засекали их переговоры. Оч-чень вредный народ. Боюсь, как бы они на «коридор» не наткнулись, когда по нему транспорт идет... Могут рассекретить наши дела, и вообще... Короче, нам нужна информация. На данную спецгруппу. Пятьдесят тысяч баксов — только за информацию! За голову командира... сто тысяч не жалко! И в два раза больше, если подскажите, где и когда состоится следующий рейд гэрэушников!

У. — Согласен! Надо их давить! Меня чуть не повесили! Представляете? Да, хотели вздернуть! И кого? Меня! И мою просьбу уважь, дорогой...

Х. — Я подумаю, посмотрю, что можно здесь сделать.

У. — Помнишь, что я тебе говорил? Среди них есть верзила за два метра ростом! Я тебе за один только его домашний адрес «шестисотый» готов презентовать! А за командира ихнего... Не забыл, какую сумму я тебе за него пообещал?!

Х. — У меня хорошая память. Попробуем выполнить и эту вашу заявку, но наперед ничего не гарантирую.

И. — Нюх мне подсказывает, что надо с гэрэушниками разобраться! Хотя бы с этими, о которых мы только что говорили. Их контора пытается сломать наш бизнес! Так что для вас, для вашего ближнего круга, они тоже представляют угрозу... Ну все, кажется? Шамиль пока еще не вернулся, так что переговоришь с ним в следующий раз. Пойдем, Тимур, проводим дорогого гостя...

У. — Мне тоже надо до утра отсюда выбраться.

И. — У меня будет к тебе еще разговор. Потом, когда надумаешь ехать обратно, я дам тебе сопровождение".

* * *

Мокрушин усмехнулся:

— М-да... Дешево эти уроды мою голову ценят. Всего-то сто тысяч?! Интересно, во сколько твой башкарик оценили? Почем нынче такие птички, как Кондор, на чеченском рынке?

— Лучше пусть их вонючие деньги так и останутся при них, — поморщился Бушмин. — А наши головы — на плечах.

Эта история могла бы показаться забавной, если бы речь не шла о драгоценных жизнях двоих сотрудников ГРУ. Еще забавней было то, что очень скоро оба приятеля сами наведались в гости к Исмаилову. Вместе с «верзилой» и другими «вредными» мужичками. Устроили небольшой дебош на Минутке, расфигачили исмаиловский штаб, отобрали у супостата своих ребят, живых и мертвых, после чего убралась восвояси.

«Горец», Славянин, Икс...

«Судьба расставила свои таинственные знаки...»

Обостренная интуиция подсказывала Бушмину, что с этими персонажами ему еще придется столкнуться.

Глава 9

Шувалов вновь наведалься в свой служебный кабинет, но на этот раз он уже был не один.

Бушмин не сразу признал визитера, поэтому поднялся со стула с небольшим опозданием. Как

и Рейндж, которого, видимо, тоже смутил нынешний облик «Мерлона».

— Ну вот, повскакивали, — пряча усмешку, сказал гость из столицы. — Зачем? Что я, генерал вам какой-то, чтобы передо мной по стойке «смирно» стоять?!

— Вы круче любого генерала, Игорь Борисович, — сказал Бушмин, обмениваясь с ним рукопожатием. — Рад вас приветствовать.

— Генералов у нас много, а вы один. — Мокрушин тоже пожал руку гостю. — Думаю, Эйнштейн вам и в подметки не годится.

Это был Мануилов собственной персоной. Игорь Борисович Мануилов, он же И.Б.М., «АйБиЭм», «человек-компьютер», один из лучших системных аналитиков страны, ведущий специалист Информационно-аналитического управления Совета безопасности Российской Федерации, умница, каких поискать.

Ему еще нет сорока. Худощавый, рост немного выше среднего, обычно одет в добротный костюм, носит дымчатые очки.

Потому и не признали сразу, что сейчас он — в армейском камуфляже, правда, без знаков отличия. А вместо очков вставил контактные линзы.

Что ни говори, военная форма может очень изменить облик любого человека, причем в лучшую сторону.

Расселись вокруг стола, после чего три пары глаз уставились на «столичного товарища».

— Понимаю, друзья мои... — Мануилов извлек из кармана белоснежный носовой платок, но, вспомнив, что очки нынче не носит, засунул платок в карман.

— В связи с последними событиями появились вопросы, верно? Лично у меня их накопилась чертова прорва. Начнем, пожалуй, с Умарова... Андрей Михалыч, вы что, в самом деле намеревались вздернуть его на виселицу? В вашем рапорте, кстати, об этом эпизоде нет ни слова.

— Кхм... — Бушмин откашлялся в кулак, пытаясь собраться с мыслями. — Ну как вам сказать, Игорь Борисович...

— Лучше сказать правду. Я все прекрасно понимаю, но в нашем случае рекомендую, и не только вам, говорить всю правду, ничего не искажая и не утаивая. Обещаю, на мелкие ваши грешки мы будем глядеть сквозь пальцы. Если даже что-то было, постараемся прикрыть и покрыть.

— Лучше обойтись без проколов, — позволил себе реплику Шувалов. — А грешки, конечно, у нас есть. Потому что работа у нас такая.

— Согласен, Сергей Михалыч. Но речь сейчас идет о другом. Важно, чтобы вы и ваши сотрудники не утаивали какие-то события. Возможно, те или иные детали и подробности кажутся вам второстепенными, но это не так. Что-нибудь упустим из виду, какую-нибудь важную деталь, потом из-за этого начнутся неприятности. На будущее, раз мы возобновили наше сотрудничество, прошу это учесть... Ну как, Андрей Михалыч? Вы уже прокашлялись?

Бушмин криво усмехнулся. Черта с два от Мануилова что-нибудь утаишь. Мужик с виду

хлипкий, мирной наружности, но кажется, что сквозь стены видит и чужие мысли читает легко, как по написанному.

— Каюсь, Игорь Борисыч, было такое дело. Вешать, конечно, по-настоящему я его не собирался. Действуя по ситуации, решил пойти на имитацию сцены казни. Мне нужно было вышибить из него... Простите, я хотел сказать...

— Не нужно подстраиваться под меня, — усмехнулся Мануилов. — Можете использовать привычную для вас терминологию.

— Да, мне нужно было выбить из него кое-какие сведения. По правде говоря, я и сам не знал, что такого важного он может сообщить. Просто сработала интуиция, понимаете? Поэтому я и дал понять «Горцу»: если он не развяжет язык, вздерну его на осине... А что оставалось делать? Попытки применять нельзя. Женевские конвенции мы свято чтим... Вот и приходится как-то выкручиваться.

Мануилов озабоченно покивал головой:

— Хорошо, что сказали правду. Теперь мы будем знать, что за словами Умарова действительно что-то стоит, что это не пустые угрозы... У него репутация человека, который никому не спускает своих обид. Будем иметь это в виду. Так... Признаюсь, поначалу мы намеревались отправить вас в столицу, подальше от очага напряженности. Но передумали, во-первых, у вас сохранился высочайший статус: «элита» и «неограниченный допуск». У нас таких специалистов, если считать Сергея Михалыча, сейчас только пятеро. Леон и Тихий загружены на других участках работы. Остаетесь только вы, Кондор и Рейнджер, под чутким руководством господина Ланселота. Во-вторых, сразиться всем нам предстоит с многоголовым чудищем, и кое-какие кончики и хвосты этой гидры на ваших глазах уже вылезли наружу.

— Осталось только бошки срубить, — подал реплику Мокрушин.

— Да, именно это от нас и требуется. Вот почему мы не станем вас отзывать. Вы уже в деле, а расширять круг информированных людей нам не хотелось бы.

— А если этого Умарова... Р-раз! — опять вылез Рейндж. — Нет, не то, что вы подумали. В тюрьгу или выслать за кордон!

— Дело, собственно, не в Умарове, — покачал головой Мануилов. — Вернее, не только в нем одном... Что касается «Горца», раз уж мы вернулись к этой персоне, то на него у нас есть подробнейшее досье, с которым вы несколько позднее будете ознакомлены. Вы в курсе, что сейчас идет отбор кандидатов на роль нового чеченского лидера. На виду сейчас Сайгалаев и Кантемиров, и уже сейчас ясно, что обе эти персоны нас не устроят. Тимура Умарова активно продвигает в лидеры московская община, вернее, значительная ее часть, та, что связана с федеральным бизнесом и политикой. Могу также сказать, что Умаров — креатура МВД. И еще тех наших олигархов, кто делал бизнес в Чечне и на Кавказе. Когда прочтете досье, вы поймете, о ком идет речь, и тогда осознаете, что с Умаровым не все так просто.

— Кто-то из федералов наладил измену, — проворчал Бушмин. — Я когда слушал кассету, то собственным ушам не мог поверить...

— Здесь тоже есть нюансы, — с озабоченным видом проговорил Мануилов. — Боюсь, что вы сейчас попадаете со стульев... В Москве знают, что из Джохара есть «коридор». Мало того, частично в его существовании заинтересованы и федералы. В недрах МВД и ФСБ разработана оперативная комбинация, целью которой является уничтожение большей части боевиков,

занявших оборону в городе.

— Чеченов намерены выманить из Джохара? — поинтересовался Бушмин. — Поэтому и держат для них «пролазы»?

— Деталей открыть пока не могу. И если честно, то и сам пока не все знаю.

— Не верю, — хмыкнул Мокрушин. — Чтобы вы — и чего-то не знали?

— Именно так обстоят дела. Ведомство МВД секретит свои операции примерно так, как это делает ваше учреждение. Там даже создали свой секретный аналитический центр. Мы, конечно, требуем от силовых ведомств ставить в известность Совбез обо всех важных оперативных мероприятиях, но наши требования зачастую игнорируют, а проконтролировать все и вся нет никакой возможности.

— Получается, что этот Икс и его партнеры со стороны федералов действуют в рамках какой-то оперативной комбинации? — вмешался в разговор Шувалов. — Лично я в этом сомневаюсь.

— И правильно делаете, — кивнул Мануилов. — Скорее всего некоторые высокопоставленные — и не очень — персоны решили под этой маркой соблюсти свой личный интерес. Но предупреждаю заранее: схватить их за руку будет очень трудно. Не только грузопотоки, но и режим на освобожденных территориях находится под их полным контролем. И плюс к этому, значительная часть грузов имеет на первый взгляд вполне легальное происхождение. Грузы идут в райцентры и крупные села, где мы намерены оборудовать комендатуры и временные райотделы милиции, а также в адрес «ополчения», то есть чеченцев, которые сотрудничают с федералами.

— Еще одна дурацкая идея, — сказал Мокрушин. — На черта их вооружать? Потом они же, эти «ополченцы», в спины нам стреляют.

— Согласен, проблема существует, но сейчас речь о другом. Сергей Михалыч, вам следует почистить местные базы данных. Понимаете, о чем я?

— Да, уже работаем над этим. Часть файлов уничтожили, кое-что перемонтировали. Сведения, касающиеся спецгрупп «Терек» и «Город», убрали вообще. Пусть теперь попробуют найти «Андреева» или «Володина»...

— Да, нужно максимально затруднить поиски такого рода. В Москве над этим тоже будут работать. Законный вопрос: чем вы теперь будете заниматься? Профиль прежний: активная разведка. Но не в тылу противника, а на наших собственных тыловых коммуникациях. Для того чтобы принимать какие-то решения, мы должны иметь перед собой исчерпывающую картинку и в какой-то мере обязаны предугадать дальнейший ход событий.

Воспользовавшись паузой, Бушмин задал вопрос, который уже с добрых полчаса вертелся у него на языке:

— Я не знаю, кто из вас в курсе, вы, Игорь Борисыч, или наш начальник... Меня вот что интересует... Чертова кассета! Ведь Исмаилов и «Горец», когда проводили гостя, вернулись ненадолго в бункер. Мы с Рейнджем промотали запись вперед и своими ушами слышали, как эти двое еще минут пять о чем-то говорили, причем разговор, кажется, был довольно непростым для каждого из них. В отличие от них мы с Рейнджем по-вайнахски «шпрехаем» слабовато, а перевод данного эпизода в стенограмме почему-то отсутствует. Вот народ и решил

поинтересоваться: а о чем, собственно, наши герои там шушукались?

Мануилов и Шувалов обменялись многозначительными взглядами. Аналитик вновь извлек из кармана носовой платок. Казалось, он хотел снять очки, но передумал — утер выступившую на лбу испарину.

— Эту информацию я пока засекретил. Если возникнет необходимость, вы получите подстрочный перевод. Но сейчас это будет вам только помехой.

Он помолчал немного. Потом, глядя на пришпиленную к стене карту Чечни, негромко проговорил:

— Ситуация даже серьезнее, чем я предполагал.

Глава 10

Наступления дня пришлось ожидать бесконечно долго.

В какой-то момент Дольникова стала всерьез опасаться, что длинная декабрьская ночь вообще никогда не закончится. Или, того хуже, что погода вдруг переменится к худшему и тогда из-за плохой видимости ей придется скорректировать план действий.

Определенно, плотный густой туман способен спутать все карты. Если видимость не улучшится в ближайшие два или три часа, придется вернуться на ферму, где в подвале, под разрушенной водокачкой, они с Иваном нашли себе относительно безопасное укрытие. Она не хотела надолго оставлять мальчика одного. Но и вовсе отказаться от задуманного тоже не могла — она больше никому не позволит безнаказанно погибать себя, всему существует предел, в том числе смирению и терпимости.

Развалины молочной фермы находились на некотором удалении от блокпоста внутренних войск, примерно в километре от него, сразу за изгибом шоссе Баку — Ростов. Когда-то сельхозкомплекс окружал высокий забор, но от него почти ничего не осталось, как, впрочем, мало что сохранилось от самих построек. Судя по характеру разрушений, в прошлую войну в этой местности шли ожесточенные бои. Уцелевшие обломки стен несли на себе отметины прямых попаданий из танковых орудий и пушек «БМД», несколько меньших размеров от «мух» и выстрелов «ВОГ-25»; руины даже изнутри оплавлены адским огнем РПО «шмель».

Когда они ночью забрались в подвал — и как только Иван умудряется находить в развалинах подобные убежища? — выяснилось, что предусмотрительный мальчишка натаскал туда невесть где раздобытого сена и пустых картонок и соорудил некое подобие лежанки. Дольникова первым делом обработала ранку йодом и наложила повязку. Затем накормила своего «мужичка», закутала в два одеяла и уложила спать.

Убедившись, что Иван спит крепким сном и что вряд ли он проснется в ближайшие часы, она покинула временное убежище. Не забыла при этом прихватить с собой снайперскую винтовку.

Стрелки часов показывают ровно восемь утра. Светает, но туман все еще не рассеялся: даже в снайперскую оптику блокпост пока не просматривается. Придется набраться терпения и ждать, когда улучшится видимость.

Наручные часы она умыкнула там же, в казарме. Как и бушлат, в который сейчас была одета.

Первым делом спорола все знаки отличия. На всякий случай. Ну а часы ей понадобились для того, чтобы увереннее ориентироваться во времени.

Не помешало бы, конечно, иметь при себе маскнакидку, ну да ладно, обойдется тем, что под рукой.

А под рукой у нее — «эсвэдэшка». Причем не самый худший образец «семейства Драгуновых» — модернизированный вариант «СВД-С» со складным пластмассовым прикладом. Но и не лучший, поскольку по точности несколько уступает винтовкам с продольно-скользящим поворотным запором.

Дольникова выбрала себе позицию с дальним умыслом. Поначалу она собиралась затаиться в лесопосадке, метрах в двухстах пятидесяти от блокпоста, но потом отказалась от этой идеи. Во-первых, оттуда просматривается лишь укрепленная часть «блока»: две огневые точки и небольшое пространство внутри П-образных заграждений из бетонных плит. С этого места она не сможет контролировать передвижения личного состава, а надеяться, что вэвэшники все разом выстроятся в шеренгу подле шлагбаума, было бы глупо и наивно. Особенно после того, как некто неизвестный малость похозяйничал на объекте минувшей ночью — сей прискорбный факт может быть обнаружен гарнизоном в любой момент.

И во-вторых, если ей даже удастся частично либо целиком осуществить задуманное, то могут возникнуть проблемы с отходом — против бронетехники с одной только «СВД» много не навоюешь. А ведь кроме БМП, что стоит в капонире, гарнизон располагает парой-тройкой «РПК», и есть ручные гранатометы. Да хоть те же «калаши»...

Зачем ей так рисковать? Ведь она не одна сейчас и просто обязана свести риск до минимума.

Исходя из этих соображений, Дольникова решила выбрать позицию южнее блокпоста, на склоне одного из ирригационных каналов, проложенных некогда для осушения болот. Траншея, заросшая по склонам ивняком, кустами держидерева и карагача, тянется параллельно трассе. Впереди раскинулась полоса незапаханной земли, она отделяет «позицию» от тыльного участка блокпоста, а позади — заросли кустарника вперемежку с одичавшими фруктовыми деревьями: по-видимому, когда-то здесь были сады и плантации бахчевых культур.

Таким образом, чтобы добраться до места, ей пришлось сделать довольно большой крюк. Для ориентации же держалась траншеи, оставляя ее по левую от себя руку. И при этом молила бога, дабы тот уберег от противопехотных мин и «растяжек», а в том, что окружающая местность изобилует разного рода неприятными сюрпризами, можно даже не сомневаться.

Молочная кисея тумана стала постепенно рассеиваться. Сквозь дымку уже можно было различить темнеющую вдаль полосу лесопосадки, а также размытые очертания укрепленного блокпоста. Пройдет еще полчаса, от силы час, и от тумана не останется и следа.

Значит, нужно уже сейчас выбрать точку, с которой удобнее всего будет «работать». У винтовок семейства «СВД» отсутствуют приспособления, повышающие устойчивость оружия при стрельбе, — те же сошки, к примеру. Но в любом случае — учитывая расстояние — ей придется «работать» из положения стоя, так что лучше всего подыскать подходящее дерево, потому как стрельба с такого расстояния с руки — занятие неблагоприятное и малоперспективное.

Дольникова, перепробовавшая в своей жизни немало оружейных систем — как отечественного

производства, так и зарубежные образцы, — была наделена способностью чувствовать оружие. Осмотрев трофейную «СВД», она многое могла бы уже сейчас, не сделав ни единого выстрела, рассказать как о ее нынешнем, вернее, бывшем хозяине, так и о самой «новой подружке».

По правде говоря, винтовку следовало бы капитально почистить, не говоря уже о том, чтобы по-новому пристрелять в тире или на полигоне. Но такой возможности нет. Остается лишь надеяться, что данный винтарь не наделен какими-нибудь дурными привычками и склонностью к отказам или даже мелким капризам.

Дольникова выщелкнула магазин. В нем помещалось десять патронов, уложенных в шахматном порядке. Еще раньше она переснарядила магазин, заменив бронебойно-зажигательные на патроны серии «СП» (специальный снайперский патрон с улучшенной баллистикой). Штатные снайперы подразделений федеральных сил обычно экономят дефицитный боезапас, но лично ее, Анну Дольникову, это обстоятельство нисколько не заботит.

Извлекла из магазина верхний патрон, как бы взвесила его на ладони — он был длинненький, с ярко выраженной конусностью и фланцем, заметно выступающим у основания гильзы. Достав из кармана чистую тряпицу, еще раз протерла его, вернула обратно. Затем вставила магазин.

Сохраняя расслабленную стойку и используя в качестве упора древесный ствол, принялась наблюдать за объектом через снайперский прицел «ПСО-1». С южного направления блокпост не был прикрыт бетонными заграждениями; правда, не так близко, как ей хотелось бы, но четырехкратная оптика позволяла контролировать значительную часть территории режимного объекта.

В дальнем от нее углу периметра, там, где была оборудована огневая точка для «РПК», уже довольно явственно обозначились четыре фигуры. Гм... По-видимому, солдаты-срочники устроили совещание в узком кругу — им, конечно, сейчас есть что обсудить...

Из вагончика за то время, что она наблюдает за «блоком», наружу никто не выходил.

Теперь, когда видимость улучшилась и стала вполне рабочей, можно внести кое-какие поправки... Что у нас с расстоянием? Дольникова вновь прикинула к резиновому наглазнику «ПСО-1». Сетка прицела имеет специальную дальномерную шкалу, не дающую, впрочем, абсолютно выверенных данных. Так... По шкале расстояние до казармы — около семисот пятидесяти метров. До вагончика — практически столько же. Глазомер подсказывает, что эти данные соответствуют истине — с известным допуском.

Сделав выверку по дальности и направлению, Дольникова решила учесть и погоду — внесла боковую поправку на несильный ветер с юго-западного направления.

«Работать» в таких условиях, с расстояния в семьсот пятьдесят метров, под силу только избранным. Подавляющему большинству снайперов здесь просто нечего делать, разве что такой «спец», израсходовав несколько боеприпасов, может по счастливой случайности зацепить одну из мишеней.

Существуют, конечно, стрелки и покруче Дольниковой, но таких умельцев наберется совсем немного.

Дверь вагончика распахнулась, и наружу выбрался кто-то из вэвэшников. Пока только один...

Давненько Анна Дольникова не упражнялась в стрельбе по «бегущему кабану».

А с трассы тем временем донесся гул мотора, и вскоре из-за поворота показался армейский БМП. Кого это еще черти несут? Так... Кажется, к Завидееву какие-то гости...

Глава 11

В эти минуты на блокпосту внутренних войск царила легкая паника.

— Ну что вы ползаете, как беременные вши! — орал лейтенант Завидеев. — Эй, вы, двое! Сазонов, и ты тоже! Марш в бээмпэшку! Водила, а ты чего чухаешься?! Выводи «лошадку» из стойла! Что, чертяка, опять какие-то проблемы с движком? Ага, завелся... А ты, Сазонов, куда без «калаша» прешься?! Ты в еще голову забыл прихватить с собой, дебил ты драный!

Лейтенант уже был полностью экипирован и теперь с нетерпением ожидал, когда бойцы, которых он решил прихватить с собой в качестве сопровождения, соберутся наконец в путь-дорожку.

Примерно четверть часа назад его вызвал по рации заместитель военного коменданта Надтеречного района. Сказал, что к десяти утра лейтенант должен быть в станице. Завидеев уж было испугался, решив, что вызов к начальству закончится долбежкой по полной программе — грешков за ним числилось немало. Но, услышав, что по УКВ вызывают все «блоки» подряд, врубился: начальник зоны решил созвать по какому-то вопросу всех командиров блокпостов и мобильных групп.

Чертыхнувшись, поймал за шиворот пробежавшего мимо солдата.

— Сазонов! Вижу, что «калаш» взял! А где твоя «броня»?! Теперь беги обратно за бронжилетом!

«Мохоры» сегодня определенно не в себе. Какие-то они заторможенные, да и морды у них бледно-зеленого окраса, как у покойников. Может, ханку по ночам гоняют? Или спирт где-то раздобыли? Да нет, выхлопа от них не ощущается... Надо будет по возвращении шмон устроить и вызнать, кто посмел на «блок» чертово зелье притащить.

— Гонтарь, ты остаешься на хозяйстве! — распорядился он. — Ага, вот и соседи подтянулись!

К ним подошел командир соседнего блокпоста, старлей, которого доставил сюда БТР-80.

Обменялись дружеским рукопожатием, после чего оба отошли в сторонку.

— Вадим, ты слышал последние новости? — поинтересовался сосед. — Перекурим? Время еще есть.

— Держи сигарету... Что за новости?

Старлей прикурил от завидеевской зажигалки, потом, выпустив дым через ноздри, проворчал:

— Вдоль трассы опять начали «работать» чеченские снайперы. Вчера на выезде из Ассиновской на «блоке» двух насмерть завалили, одного подранили. Возможно, это те, что на днях били по бронеколонне возле Горагорского. И еще... На севере ситуация обострилась, как бы «чичики» в нашем тылу мятеж не подняли...

Завидеев бросил на соседа озабоченный взгляд:

— По этому поводу нас всех и вызывают?

— Скорее всего, — кивнул старлей. — Ребята, которых мы подменили, рассказывали, что осенью здесь мрак что творилось. Особенно снайпера досаждали. Внаглую, днем обстреливали «блоки»! Рассказывали, что нос наружу нельзя было высунуть! Так чтобы с ними разобраться, пришлось задействовать сразу несколько контрснайперских групп. Не только наши, но и армейские «работали» по гастролерам...

— Хреново, — подытожил Завидеев. — Считаю, месяц спокойно себе служили, а теперь, как раньше, верхом на броне по трассе уже не прокатись, могут и на ходу сшибить...

К ним подошел Каратаев, штатный снайпер группы Завидеева. Вид у парня был слегка пришибленный. Да и передвигался он странным манером: бочком, бочком, виновато озираясь по сторонам, словно чего-то наперед опасался.

— Товарищ командир, разрешите вас на два слова!

Старлей, затоптав каблуком окурочок, бросил взгляд на часы:

— Пожалуй, Вадим, нам пора трогаться!

— Товарищ командир... — Каратаев почти на шепот перешел. — Разрешите доложить! У нас проблема...

— Отстань, Каратаев, — отмахнулся Завидеев. — Видишь, не до тебя сейчас!

Он направился к бээмпэшке, которую водитель уже выгнал из капонира и припарковал на шоссе.

— Товарищ лейтенант... Очень серьезная проблема!

Завидеев в сердцах закричал:

— Проблема в том, что вы, «мохоры», все как усрались сегодня!

Обычно Завидеев предпочитал передвигаться сверху на броне, но сейчас вспомнил о сведениях, полученных из уст коллеги. А потому полез вслед за солдатами в люк.

— Гонтарь, разберись, что за проблемы у Каратаева! И следи мне тут за порядком!

Он похлопал водителя по плечу:

— Учти, что трассу обстреливают чечены! Поэтому приказываю держать скорость не ниже семидесяти километров в час!

* * *

Дольникова передвинула флажок предохранителя в рабочее положение. Пока она не очень-то понимала, что за суэта на «блоке». Выгнали технику из капонира... Так, трое бойцов забрались в БМП... Что дальше?

Пока из интересующей ее публики на виду был только один замкомвзвода. Еще один из

контрактников, длинный как жердь взвэшник, выйдя из вагончика, направился к дощатой будке — очевидно, у них там устроена уборная.

А где же третий их товарищ, крепыш по имени Толян?

Невозможно держать одновременно под прицелом сразу несколько человек, поэтому все ее внимание сосредоточилось на фигуре замкомвзвода. Похоже, он не собирается оставлять «блок», а «карету» подали для лейтенанта Завидеева.

Если «замок» подойдет к бронемашине ближе чем на два метра, если он попытается присоединиться к своему командиру, то ей придется начать действовать уже прямо сейчас.

Вскоре по трассе Ростов — Баку в направлении станции Ассиновская проследовали на приличной скорости две бронемашины.

О таком подарке она даже мечтать не могла.

Очень хорошо!

...Как насчет того, чтобы «расписать бабца на троих»? Не перевелись еще желающие позабавиться с «чеченской подстилкой»?

Дольникова лишь в самый последний момент убрала палец с курка. Рано! Желательно, чтобы как минимум двое из этой компании оказались у нее на виду.

* * *

Гонтарь ненадолго вернулся в вагончик.

— Значит, так, бойцы... Есть сведения, что чечены на нашей территории готовятся к активным действиям! Их снайпера уже «работают» на трассе. По этому поводу наши начнут предпринимать какие-то свои шаги!

Зачерпнув кружкой из ведра, он напился холодной воды — сушняк еще не прошел. Затем веско добавил:

— Не до забав сейчас, мужики! Как себе хотите, но от снайперши мы должны избавиться!

— А я у соседей две пачки гондонов выменял, — разочарованно проговорил Толян. — Как же так, Петр? Вроде же договорились обо всем?!

— Можешь надеть себе резинку на голову, — проворчал сумрачный Гонтарь. — Потому как мозгов у тебя...

Он осекся. Где ключи? Они висели на гвоздике, два ключа, соединенные проволочной дужкой.

— Что за шутки?! Где ключ от зиндана? Мужики, кто-нибудь из вас брал ключ?

Лица контрактников вытянулись.

— Так-так... — Гонтарь еще больше помрачнел. — Может, летеха что-то пронюхал? Да нет, он сказал бы тогда...

— Петр, а ты заметил, что «мохоры» сегодня какие-то... какдохлые? — в задумчивости проговорил Длинный. — Может, они того... Пока мы здесь «постились», они по очереди в зинданчик ныряли?

— Если наши сопляки такую западлянку решили устроить, — с угрозой в голосе сказал Гонтарь, — то я не знаю, что с ними сделаю!

Крепыш тем временем отыскал в нижнем ящике стола запасной ключ от замка.

— Ага, — удовлетворенно кивнул сержант. — Хорошо, что нашелся запасной. Не то что я боюсь чего-то, но на хрена нам эта головная боль... Значит, слушайте сюда. Не вздумайте «мочить» ее в зиндане! Отведете к ферме, там ее и...

Он выразительно чиркнул ногтем по горлу.

— Толян, там мы ее и оприходуем напоследок, — оживился Длинный. — Я первым забил очередь, о'кей?

Крепыш с довольным видом хлопнул себя ладонью по груди, где у него во внутреннем кармане бушлата хранился «дефицит».

Они живо нахлобучили шапки и, прихватив «калаши», вымелись из вагончика.

— Даю вам час времени! — крикнул вдогонку Гонтарь. — А к ферме лучше идите лесопосадкой, чтобы никому глаза не мозолить!

Представив, как его приятели, прежде чем оформить стриженую снайпершу в расход, будут забавляться с ней, как они будут мять руками ее роскошное тело, как будут тискать грудь и округлые ягодицы, — живо представив все это, Гонтарь едва удержался, чтобы не отправиться за ними вдогонку.

Нет, он не может сейчас оставить «блок». Кто-то же должен следить здесь за порядком?

Кстати, о порядках.

Выбравшись наружу из вагончика, Гонтарь заметил крутившегося поблизости солдата. У того был такой вид, будто он только что зарезал собственную мать.

— Рядовой Каратаев! — рявкнул замкомвзвода. — Ко мне!!

В следующую секунду он схватил парня за грудки и встряхнул с такой силой, что тот едва не выпрыгнул из своего бушлата.

— Ну-ка, давай выкладывай, проклятый «мохор»! Что еще за шкodu вы здесь натворили?!

* * *

— Ее здесь нет, — растерялся Длинный. — Зиндан пуст, кто-то эту тварь выпустил на свободу.

— Ты че, как такое может быть? — изумился Толян. — Слушай, а если она сейчас где-то...

...Задержав дыхание, сосредоточившись на мишени, перечеркнутой слегка подсвеченным перекрестьем прицела, между двумя ударами сердца, как в «школе» учили, она надавила на спусковой крючок.

«Урок первый: тот, кто обирает до нитки беженцев, кто, используя грубую силу, будучи уверен в собственной безнаказанности, отбирает последнее у несчастных, прошедших кромешный ад, да еще с издевкой называет их при этом бандитами, тем самым попирая закон и общечеловеческую мораль, тот и сам оказывается вне закона».

Худощавый и длинный, почти двухметрового роста, контрактник сложился пополам, подобно перочинному ножу. Его словно пронзило раскаленным прутком — чуть пониже пупка! — а следом внутренности взорвались от адской боли. Он медленно завалился на бок, всего метрах в пяти от недостроенного дота, и как-то странно, очень-очень быстро засучил ногами. Затем в уши его оторопевшего товарища ударил нечеловеческий вопль.

И только этот леденящий душу вопль заставил другого вэвэшника сбросить с себя оцепенение. Он крутанул головой, пытаясь определить, откуда, с какой стороны исходит угроза. Затем подпрыгнул, как заяц, готовый дать стрелкача...

«Надо же, какой смешной! И вправду похож на „бегущего кабана“...»

Тяжелая пуля, точно найдя свою цель, проломила височную кость. В отличие от своего приятеля, который еще продолжал сучить от боли ножками, крепыш Толян, спикировав на мерзлую кочковатую почву, дернулся всего несколько раз и затих.

«Урок второй: тот, кто, действуя по беспределу, насилует женщин, калечит людей, травмирует неокрепшую детскую психику, тот в любой момент сам может стать жертвой беспредела».

* * *

Замкомзвода старший сержант внутренних войск Гонтарь был вне себя от ярости.

Даже не дослушав до конца сбивчивый рассказ Каратаева, он одним ударом свалил срочника на землю, разбив парню губы.

— Я же говорил тебе, падла! — Он принялся пинать солдата ногами. — Я ж говорил вам, чтоб стерегли пацана! Предупреждал вас, дебилов, чтоб вы бдительность не теряли!

— Сержант, атас! — раздался чей-то крик. — Ложись!!

— Я ж вас, малолеток, уже устал уму-разуму учить! — Не обращая внимания на крики, Гонтарь продолжал поучать свою жертву. — Чтоб вернул винтарь на место! Хоть из-под земли его доставай, меня не колышет! И остальное, что пропало, тоже на место верните!

— Берегись снайпера! — истошно закричали сразу с двух сторон. — Гонтарь, падай на землю!!

Пнув по инерции корчившегося на земле Каратаева, Гонтарь решил малость передохнуть.

Он утер рукавом бушлата пот с лица.

Затем медленно обернулся, пытаясь понять, что вокруг него происходит, что за странные звуки. Какой-то переполох, крики — зачем, почему?

И вдруг сообразил: сбивчивый доклад Каратаева о пропавшей «СВД», отсутствие одного комплекта ключей, прозвучавшие только что глухие выстрелы и крики.

И уже как бы по инерции в голову пришла еще одна мысль: на реквизированном у снайперши фотоснимке запечатлен — стоит справа от блондинки — не кто иной, как тот генерал в черных

очках, который в компании с большим начальством наведывался недавно на блокпост.

В доли секунды все это промелькнуло — но пуля летит еще быстрее.

Мишень, наблюдаемая в оптический прицел, стала увеличиваться в размерах. Грудная клетка ненавистного ей человека, удерживаемая в перекрестье прицела, заслонила все окружающее пространство... Нажав на спуск, Дольникова плюнула свинцом в поганую черную душу замкомвзвода Гонтаря.

«Урок третий и последний: никогда не говори и не поступай так, будто бога и вправду нет на свете».

Проломив хрупкий тонкий лед, снайперская винтовка бултыхнулась в мутные воды канала.

Воздух над полем вспарывали автоматные и пулеметные очереди, но огонь был беспорядочным, а стрельба суматошной и неприцельной. Продвигаясь по траншее, человеческая фигурка была совершенно неуязвима. К тому же вэвэшники так и не смогли толком определить, откуда по их сослуживцам «отработал» снайпер.

Через четверть часа она вышла к изгибу шоссе. Убедившись, что трасса пустынна и что за ней не наблюдают, молодая женщина перебежала через ленту шоссе и укрылась среди развалин молочной фермы.

Ивана она нашла на прежнем месте.

Ее мальчик крепко и безмятежно спал, подложив под щеку кулачок. Но стоило ей только лечь рядом, как он повернулся на другой бок, прижался к Дольниковой своим худеньким телом и обхватил ее рукой за шею.

Так они и лежали рядышком. И вскоре уже оба спали крепким сном: два человеческих существа, выбравшиеся из грозненской преисподней и прошедшие через российский блокпост.

Часть 3

«Кощеева игла»

Глава 1

Бытует мнение, что В.В.П. вознесся на вершины власти в результате случайного стечения обстоятельств. Говорят и пишут также, что нынешний премьер сам был удивлен и до сих пор продолжает удивляться — ведь так высоко вознесла его судьба. Подчеркивают при этом как бы мимоходом, что популярный нынче в обществе деятель «никогда-ни-у-кого-ничего-лично-для-себя-не-просил». Сами предложили, да еще хорошенько попросили — возьми! Что оставалось делать? Взял, конечно...

Как-то странно все это выглядит.

Русский народ, кажется, все еще продолжает верить в сказки. Или делает вид, что не замечает сказочных мотивов в истории с невесть откуда взявшимся «престолонаследником».

Даже для того, чтобы занять скромный пост супрефекта, не говоря уже о губернаторстве или ключевых министерских постах, необходимо обладать набором индивидуальных качеств, не обязательно позитивного свойства, нужно иметь соответствующие знания и специфический опыт — брать самому и платить другим, стелиться под сильного и нагибать слабого, уметь выживать и сживать со свету конкурентов, интриговать и комбинировать, создавать себе подходящий имидж и врать не краснея — и еще многое-многое другое.

Поэтому было бы верхом наивности полагать, что на должность председателя правительства — накануне судьбоносных избирательных кампаний! — могли назначить «случайного человека».

Другое дело, что «престолонаследник», как только ему удастся укрепить свои позиции во власти, может в любой момент времени начать собственную игру, никоим образом не афишируя данное обстоятельство и не раскрывая своих конечных целей и задач.

Те сто дней и ночей, что В.В. провел в кресле российского премьера, ровным счетом ничего не прояснили. Как и прежде, экс-полковник КГБ оставался для многих «темной лошадкой», «черным ящиком», «чистым листом бумаги». Никто не мог ответить на главный вопрос, не боясь при этом фатально ошибиться: согласится ли В.В. с отведенной ему по сценарию ролью «управляемого» менеджера, марионетки в чужих закулисных играх или же со временем сам превратится в кремлевского кукловода.

Сказки бывают разные: с добрыми и злыми персонажами, скучные и захватывающие дух, назидательные и поучительные и с такими чудесами, в которые почему-то хочется верить.

Но в любом случае они — плод народного творчества.

В отличие от истории, которая свидетельствует, как тяжело достается власть в России, какую цену нужно за все платить и как еще труднее бывает употребить ее с толком, когда окружающие только и знают, что интригуют и комбинируют, топят ближнего, работают исключительно себе на карман и притом врут не краснея, а запуганный народ откровенно уповаet на чудо да на счастливый случай...

* * *

В середине декабря над центральным регионом европейской части страны установилась ясная солнечная погода.

Правительственный лимузин в сопровождении спецтранспорта ГИБДД и джипов с охраной миновал Окружную дорогу и вырвался на пригородную трассу. За окнами поплыли знакомые подмосковные пейзажи. Вскоре на одной из развилок свернули к лесному массиву. По обе стороны шоссе березовые рощи сменились хвойными деревьями, живописно покрытыми бархатистым инеем. При одном лишь взгляде на заснеженные пушистые ели возникают мысли о приближающихся новогодних празднествах и скором наступлении нового тысячелетия — людям свойственно верить в магические числа, знаки и символы, а потому они охотно настраивают себя на ощущение бог знает откуда идущего чуда, существенных перемен в жизни.

Беспрепятственно миновав КПП и невидимые стороннему глазу мобильные группы охраны, вскоре прибыли на место назначения — в «закрытый» город Балашиха-2.

Визит на территорию бывшего городка ОУЦ [10] КГБ СССР, который в настоящее время делят между собой отечественные спецслужбы, в рабочем расписании главы правительства не значился. Уже не в первый раз премьер на какое-то время исчез из поля зрения людей,

отслеживающих его перемещения. Многие уже поняли, что В.В. горазд на импровизации. Он легок на подъем, энергичен, деловит и любознателен: за три с небольшим месяца успел побывать во многих городах страны — желал посмотреть на все собственными глазами.

Поездка в Балашиху, где на одном из учебных полигонов проходил заключительный этап подготовки двух небольших по численности подразделений ГРУ, была отнюдь не случайной, хотя внешне носила характер очередной «импровизации».

В.В., как к нему ни относиться, ничего не делал «просто так». Когда позиция на доске носит неясный и труднопредсказуемый характер, опытный шахматист, если он только не игрок с ярко выраженным авантюрным характером, предпочтет сделать так называемый «тихий», или «промежуточный», ход. И только впоследствии, когда эксперты примутся анализировать весь ход партии целиком, они смогут обнаружить удивительный факт: именно эти труднообъяснимые и внешне малоэффективные перестановки и маневры в конечном итоге позволили осуществить блестящую выигрышную комбинацию.

* * *

Хорошо охраняемый объект, на который в это ясное солнечное утро наведлся сам хозяин Белого дома, был вдобавок обнесен высоким глухим забором. Даже аборигены — а к таковым относились сотрудники различных спецслужб и техперсонал, а также члены их семейств, — в большинстве своем очень смутно представляли себе, к какому ведомству относится данный объект, кого и для каких целей готовят в учебных классах и на полигонах.

Именно здесь, в самом сердце «заповедника спецслужб», весной и летом нынешнего года ударными темпами проходило подготовку сверхсекретное подразделение А-Центра.

После упразднения Антикризисного центра и всех его структур один из объектов в городке Балашиха-2 был передан на баланс ГРУ — стараниями секретаря Совбеза, еще недавно возглавлявшего ведомство военной разведки.

...На заснеженном плацу выстроились в две шеренги шестьдесят бойцов ГРУ — две полностью укомплектованные спецгруппы, призванные сменить на театре боевых действий своих коллег из РДГ «Терек» и «Город». В отличие от обычных мероприятий такого рода — когда отбывающих на чеченскую войну бойцов провожают не только представители властей, но и близкие, — на этих проводах присутствовал очень узкий круг.

10

ОУЦ — отдельный учебный центр.

Но зато какие это были люди!

Сам председатель правительства, секретарь Совбеза, начальник Генштаба и, само собой, начальник ГРУ и его первый заместитель, курирующий части специального назначения Главного разведуправления.

Здесь не было ни одного журналиста, и даже бригаду «Воен-ТВ» не допустили на территорию «закрытого объекта».

В.В. медленно прошелся вдоль строя, сопровождаемый небольшой свитой генералов. Вглядываясь в лица бойцов, он пытался найти ответы на очень важные для себя вопросы, касающиеся перспектив начатой им второй чеченской кампании. И кроме того, он размышлял, вернее, вспоминал...

В начале восьмидесятых, будучи еще совсем молодым сотрудником резидентуры в ГДР, В.В. побывал вместе со своими старшими коллегами в Фюрстенберге. В этом небольшом немецком городке в ту пору дислоцировалась бригада спецназначения ГРУ, элитная часть, о которой даже среди натовцев ходило множество легенд. Эксперты же Альянса дружно сходились во мнении, что «фюрстенбергские головорезы» в случае возникновения «глобальной войны» способны натворить множество бед на территории Западной Европы, и в целом признавали превосходство «спецназа ГРУ» над аналогичными подразделениями натовских армий.

Глядя на бойцов, которых уже ожидали подкатившие к казарме автобусы, В.В. думал о том, что нынешнее поколение «грушников» выглядит столь же убедительно, как и те знаменитые «фюрстенбергские головорезы».

Может, они заряжены внутренней энергией, убеждением, что на этот раз сражавшуюся на Кавказе армию не продадут и не предадут?

И В.В. произнес короткую напутственную речь, которой намеренно, с одной стороны, подчеркивал торжественность момента, а с другой — придавал всему мероприятию если и не семейный, то в определенном смысле клановый характер.

«Мы с вами одной крови» — хотя он и не сказал этих слов, но те, кого это касается, и прежде всего генералы, все поняли именно так, правильно поняли.

Оставалось три дня до выборов в Государственную думу, но этот «фронт» не вызывал ни тревоги, ни опасений.

Лишь немногие в стране знали: дата 31 декабря 1999 года, которую все с таким нетерпением ожидали, может стать вдвойне судьбоносной.

Популярность В.В. в российском обществе продолжала неуклонно расти, но, как и прежде, «кощеева игла» находилась в чужих руках. Военная акция в Чечне стала все заметнее пробуксовывать, и российский премьер отчетливо осознавал: он становится уязвим для своих тайных и явных врагов и недоброжелателей. Было очевидно: две недели двадцатого столетия, этого «века-людоеда», могут стать определяющими в его судьбе.

Глава 2

Российский премьер начинал свой рабочий день с ознакомления с бумагами, которые пересылали ему со Старой площади. Хотя сотрудники группы «Мерлон» тщательно отсеживали «водичку» и отфильтровывали информацию, бумаг в архиве В.В. уже скопилось немало — тех, что с пометкой «ДЛЯ ЛИЧНОГО ОЗНАКОМЛЕНИЯ».

Еще большее количество вопросов появилось у него самого. Какую-то часть из них он задал начальнику Генштаба и главе военной разведки, но большинство приберег для Эма.

Встреча с «партийцами», еще одно сегодняшнее полуофициальное мероприятие, назначена на два часа пополудни. Времени осталось предостаточно, прекрасная погода располагает к

общению на свежем воздухе. Так какой, спрашивается, смысл откладывать разговор с секретарем Совбеза на позднее вечернее время?

— Виктор Константинович, вы не против за компанию со мной подышать свежим воздухом? Заодно и о делах поговорим.

— С удовольствием, — кивнул Эм. — Мне нравятся здешние места. По соседству с объектом неплохой парк. Если вы располагаете, Владимир Владимирович, временем, мы можем пройтись по аллеям.

Начальник «лички» начал было отдавать своим людям какие-то распоряжения, но В.В. попросил его не беспокоиться.

— Здесь ведь «закрытый» город, верно? Не нужно никого гонять, тем более что у нас есть время... максимум для часовой прогулки.

* * *

— Как вы и просили, Владимир Владимирович, я объяснил моим бывшим коллегам...

— "Бывших" в нашем кругу не бывает, — мягко поправил премьер. — Так что вы решили в конечном итоге?

— Решено пока оставить в Чечне те два небольших подразделения ГРУ, о которых я вам докладывал в прошлый раз. По крайней мере, до конца этого месяца.

Вспомнив о «секретной» дате, В.В. утвердительно кивнул.

— Группа «Мерлон» в настоящий момент нуждается в дополнительной информации, — продолжил после паузы Эм. — Речь идет о точно выверенной информации, а также о необходимости учитывать временной фактор. Не секрет, Владимир Владимирович, что наши силовые ведомства разобщены, есть элементарные нестыковки, несовпадения интересов и подходов. Не редкость, к сожалению, и нездоровая конкуренция. И даже должностные преступления... Обе команды доказали, что они способны работать в сверхсложных условиях и при этом эффективно справляться с поставленными задачами. К тому же очень хочется надеяться, что предпринятые нами меры превентивного характера окажутся достаточными для того, чтобы снизить уровень напряженности и в целом удерживать ситуацию в Чечне под контролем.

— Сейчас мы особенно должны опасаться крупного негатива по Чечне, — сказал премьер. — Вы знаете, что за нами пристально наблюдают как внутри страны, так и за рубежом. Чуть что, мигом из мухи слона делают! Не дай бог у нас там возникнут серьезные неприятности! Представляю, какие осложнения тогда начнутся... Что чеченцы будут яростно отбиваться, мы с вами предполагали заранее. Знали и о поддержке, которую им будут оказывать некоторые арабские страны. Но начатое дело мы все равно обязаны довести до конца!

— Я с вами полностью согласен.

— Напомните, кто командует двумя спецгруппами, которые намерены передать в ведение группы «Мерлон»?

— Андрей Бушмин и Владимир Мокрушин. Оба — в майорском звании.

— Знакомые фамилии... Они, кажется, были в команде Шувалова?

— Да, они и сейчас у него в подчинении. А раньше, когда еще существовал «подотдел активных мероприятий», командовали самостоятельными звеньями.

— В Косове они работали?

— Да, обеспечивали рейд на Приштину. Там была конкуренция с подразделением британской «САС», один их самолет, если помните, рухнул еще на подлете... Были и другие нюансы. А в целом... Тогда едва ли не впервые за последние годы наши ребята сработали на «отлично». Мы заставили кое-кого считаться с нами, заодно и сами уверенность заново обрели.

— Очень хороший эпизод, — покивал головой премьер. — Тот памятный рейд на Приштину, что бы потом об этой затее ни говорили и ни писали, принес нам большие дивиденды.

Вот пример того, как можно, действуя грамотно и целеустремленно, с помощью таких вот «точечных» акций кардинально менять в нашу пользу ход событий.

— Эти люди отличились и в ходе проведения памятной вам спецакции под кодовым наименованием «Прибалтийское танго», когда нам пришлось довольно резко отреагировать на недружественные намерения ЦРУ, германской БНД и их сателлитов из спецслужб Прибалтийских стран.

— Тех событий я не забыл, — сказал премьер. — Признаться, я тогда нервничал даже больше, чем сейчас...

— Они неплохо проявили себя и в Дагестане, когда понадобилось выявить, а затем и перекрыть каналы доставки оружия и наемников через Турцию и Азербайджан. Да и в ходе подготовки ввода федеральных сил в северную часть Чечни...

— Виктор Константинович, я ведь почему интересуюсь... Названные вами сотрудники будут находиться... как бы внутри взрывоопасной ситуации. Очень важно, чтобы они не перепутали приоритеты: корпоративные интересы, конечно, важны, нужно уметь оставаться патриотом ГРУ. Можно и нужно защищать армию от многочисленных нападков, но государственный интерес — превыше всего!

— Не сомневайтесь, Владимир Владимирович, все наши сотрудники, от аналитиков до боевиков, вполне зрелые и грамотные люди. Что касается полного доступа к информации, то решено пока ограничиться теми же тремя персонами: командирами спецгрупп, а также Шуваловым, который будет координировать их действия, находясь при этом в плотном контакте с Игорем Борисовичем Мануиловым... Все они еще с прошлых времен сохранили категорию «НЕОГРАНИЧЕННЫЙ ДОПУСК». Если вас интересуют конкретные детали...

— Как раз тот случай, когда знание подробностей не повредит.

— По не подтвержденным пока данным, целый ряд сотрудников МВД, других отечественных спецслужб, некоторые чины военной и гражданской администрации в Чечне и других северокавказских регионах вышли далеко за рамки своей компетенции. Есть подозрения, что существенная часть различных систем стрелкового оружия, вплоть до ручных гранатометов и минометов, боеприпасы к ним, медикаменты, обмундирование и прочее военное имущество каким-то образом попадает в руки боевиков. Под видом сепаратных переговоров со старейшинами тейпов и готовыми вроде бы сложить оружие полевыми командирами идут

настоящие махинации, в которых каждая сторона преследует свои собственные корыстные интересы... Сейчас мы имеем несколько очагов напряженности на уже освобожденной территории, где подразделениями МВД и частями внутренних войск либо вовсе не осуществлялись спецмероприятия, либо проводились «мягкие зачистки»: Гудермес, Аргун, Шали, Урус-Мартан и некоторые станицы Наурского и Надтеречного районов.

— Иными словами, может повториться то, что происходило в марте и августе девяносто шестого в Грозном?

— Да, события могут пойти по столь же неприятному для нас сценарию, — подтвердил секретарь Совбеза. — Предпосылки к этому сохраняются, и мы вам об этом постоянно сигнализируем... Мы не можем проигнорировать весь этот набор угроз, а потому группа «Мерлон», действуя в экстренном режиме, готовит контрмероприятия, осуществив которые мы сможем относительно стабилизировать ситуацию на Северном Кавказе. Для операций «точечного» характера пока вполне достаточно подразделений полковника Шувалова. Они же будут осуществлять активную разведку наших собственных тыловых коммуникаций — мы должны наконец разобраться, что творится с грузопотоками, куда направляются те или иные партии грузов, где они складываются и какова их дальнейшая судьба... В зависимости от требований момента подразделения спецназа ГРУ будут разбиты на несколько небольших по численности групп — от семи до пятнадцати человек. Из тактических соображений, дабы залегендировать характер предстоящей работы, мы передали оба подразделения во временное подчинение военного коменданта Чечни, наделив при этом командиров спецгрупп полной свободой действий. Пришлось как бы заново вводить их в состав комендатур, и теперь места дислокаций — Гудермес и станица Ищерская...

Они ненадолго погрузились в молчание. Сквозь заснеженные кроны деревьев проглядывало почти по-весеннему голубое небо. Легкий морозец пощипывал за щеки, под ногами поскрипывал снег. Все словно украшено алмазной крошкой — солнечные лучи посверкивают и отражаются в мириадах снежных кристалликов.

Парк, примыкающий к окраине «закрытого городка», был в эту пору почти пустынен. Впрочем, он больше смахивал на окультуренный лес, нежели на городской парк. На некотором удалении от беседующих, чтобы не мешать им, находились двое сотрудников ФСО. Еще человек десять охранников контролировали тыл и боковые аллеи, умудряясь при том оставаться практически незаметными.

— В одном из последних докладов группы «Мерлон» я натолкнулся на материал, посвященный полковнику Дольникову, — нарушил молчание глава правительства. — Но, насколько я понял, сам архив отдела спецрасследований сохранился не полностью?

— Это точка зрения аналитиков группы «Мерлон», опирающихся на свои источники внутри МВД, а также отдельных служб и управлений ФСБ и Генпрокуратуры. Алексей Дольников в начале девяносто седьмого возглавил Второй спецотдел Управления внутренней безопасности МВД. Именно этот отдел производил проверку фактов коррупции и различных правонарушений, допущенных сотрудниками МВД в ходе первой чеченской войны. И не только в самой Чеченской Республике, но и в соседних с ней регионах... До прихода Дольникова работа в этом направлении велась формально, ни одно из предпринятых расследований не было доведено до стадии уголовного дела, а деятельность мало-мальски крупных фигур даже не расследовалась. При новом начальнике обстановка в отделе кардинально изменилась: уже к середине девяносто восьмого года были выявлены серьезнейшие аферы и махинации по многим эпизодам прошлой чеченской кампании. В материалах расследования стали фигурировать многие высокопоставленные чины Министерства внутренних дел — от

подполковников до генералов, от командиров частей и подразделений МВД и внутренних войск до начальников отделов и даже управлений южных регионов страны...

— Кто инициировал расследование? — поинтересовался премьер. — Кто, скажем так, дал отмашку?

— Дольников — довольно самостоятельная фигура. Он знаток «кавказского вопроса», потому что занимался данным регионом еще с конца восьмидесятых годов. Но вы правы, без поддержки сверху раскрутить маховик антикоррупционных расследований было бы очень сложно, практически невозможно... Курировал данный «проект» заместитель министра внутренних дел Калинин Федор Дмитриевич.

— Он, кажется, остается в прежней должности?

— Совершенно верно. Как и те высокопоставленные сотрудники МВД, в отношении которых производилось дознание.

— Продолжайте.

— Дольников подключил к расследованию Госбезопасность и Главную военную прокуратуру. Круг посвященных постепенно разрастался, давление на Спецотдел и на его руководителя, соответственно, резко возросло... Когда я знакомился с этим делом, у меня сложилось стойкое впечатление, что...

— Дольникова использовали в каких-то играх?

— Да, именно так, — кивнул Эм. — В ведомстве МВД, как во всяких крупных министерствах, постоянно происходят сшибки интересов, не затихают подковерные сражения между отдельными личностями и группировками. Прошлая кампания велась с такими издержками, что материал для «войны компроматов» можно было добыть практически на каждого.

— Одна группа деятелей таким вот образом надеялась собрать компромат на своих противников или конкурентов?..

— Вы правы. К этому следует еще добавить и сам факт расследования, которое по многим направлениям к лету прошлого года продвинулось настолько, что можно было уже производить превентивное задержание ряда сотрудников — в различных званиях и должностях... Конец у этой истории кошмарный. Пока давление оказывали на Дольникова и других его коллег, полковник ему не поддавался. Но дело, видимо, зашло так далеко, что расследование стало представлять угрозу даже для тех, кто сам его инициировал... В самый пиковый момент неизвестными лицами была похищена молодая супруга Алексея Дольникова, хотя ее, как и самого полковника, вроде бы охраняли. Очевидно, имел место грубый шантаж... Не все детали происходивших тогда событий прояснены, но кое-что установить нам удалось в точности. Очевидно, Дольников был поставлен перед выбором: либо ты прикрываешь расследование и дезавулируешь собственные выводы и предположения, либо... Добавлю, что жена его вот-вот должна была разродиться. Дольников, осознавая нешуточную угрозу, дал, что называется, задний ход. В архиве сохранились два его рапорта: на имя начальника главка и курировавшего «проект» генерала Калининцева. Обе бумаги носят... покаянный характер. В частности, он признал, что в ходе подготовки многих «антикоррупционных» дел имели место фальсификация, служебный подлог и прочее, прочее... Всю вину за случившееся он взял на себя.

— То есть от него добились, чего хотели?

— Очевидно, так, если освободили его беременную жену. Ее попросту выбросили из машины на Волоколамском шоссе, с завязанными глазами и заклеенным пластырем ртом. Очевидно, от всех этих потрясений у молодой женщины — а супруга Дольникова моложе его лет на десять — начались преждевременные схватки. Впрочем, я не специалист в таких вопросах, но, как бы там ни было, Дольникову спешно доставили в ближайший роддом... Сделали кесарево сечение, ребенка спасти не удалось, жена Дольникова тогда тоже едва не умерла. Она находилась в коме, и врачи даже не надеялись, что ей удастся выкарабкаться с того света... На второй или на третий день после операции Дольников застрелился...

— Или ему помогли уйти на тот свет?..

— Да нет, это было чистой воды самоубийство.

Премьер понимал, что группа «Мерлон» неспроста включила «дело Дольникова» в перечень документов по нынешней ситуации в Чечне. Многие ниточки тянутся еще с прошлых времен, преступные связи и используемые схемы во многом остались прежними, а ключевые фигуры сохранили или даже приумножили свои возможности влиять на ситуацию вокруг мятежной республики.

Премьер пока так и не решил для себя: стоит ли сейчас ворошить «осиное гнездо», производить зачистку, причем не только в МВД, но и в других ведомствах? Может, отложить это хлопотное и, пожалуй, небезопасное занятие на неопределенный срок?

— После смерти Дольникова Спецотдел внутренних расследований возглавил полковник милиции Латыпов. Почти все дела были в ударный срок развалены, многие документы, как представляется нашим специалистам, были изъяты и пропали...

— Но ведь копии материалов имелись в ФСБ и в Военной прокуратуре... — проговорил В.В. — Или я что-то не так понял?

— Нет, почему, все вы правильно поняли, — невесело усмехнулся Эм. — «Почистили» не только Спецотдел, но и другие инстанции. Очень характерный штрих: сотрудник следственного комитета ФСБ, курировавший по своей линии расследование, после смерти Дольникова пошел на повышение, его же коллега из Военной прокуратуры вскоре возглавил один из главков, а в настоящий момент исполняет обязанности прокурора Чеченской Республики... Генерал-лейтенант Карабанов, на которого, насколько мне известно, имелся очень серьезный компромат, — вы знаете, какой он занимает пост.

— Его пытаются навязать нам в качестве командующего внутренними войсками, — многозначительно проговорил В.В. — Следующая ступень — министр внутренних дел...

— Латыпов, который, как мы подозреваем, основательно «почистил» архив Спецотдела, был произведен в генеральский чин и в настоящий момент является одной из ключевых фигур на Северном Кавказе по линии МВД.

— Безобразия, — процедил премьер. — Действительно кошмарная история! Если дошло до того, что подняли руку на беременную...

Навстречу им по аллее неторопливо шли две молодые женщины, одетые в нарядные длиннополые дубленки с меховой опушкой; причем одна из дам, судя по характерным очертаниям фигуры, была в «положении».

Когда они сблизились, Эм в изумлении проговорил:

— Надо же... Прямо мистика какая-то...

— Ваши знакомые? — спросил премьер.

Понизив голос до шепота, Эм сообщил:

— Та, что слева, жена Андрея Бушмина. А справа — знаменитая Горгона.

Женщины переглянулись. Причем на их раздуряившихся от легкого морозца лицах разом возникло такое выражение, словно они увидели как минимум инопланетян.

При других обстоятельствах Эм вряд ли стал бы привлекать внимание своего спутника к случайным встречным, пусть даже трижды знакомым. Ограничился бы кивком или коротким приветствием, вот и все. Наверное, сыграл свою роль тот разговор, который они только что вели, а также то обстоятельство, что во время прогулки не раз была названа фамилия Бушмина.

Словно из-под земли выросли двое плечистых охранников, но премьер жестом дал понять, что нет причин для беспокойства.

Несколько мгновений В.В. вглядывался в лица молодых женщин. Причем особое его внимание привлекла жена Андрея Бушмина. Это была на удивление красивая женщина, даже беременность ее не портила, скорее наоборот, подчеркивала ее зрелую красоту. Ее спутница — или подруга? — коротко, почти по-мальчишески стриженная, также была довольно привлекательна. Обеим — лет по двадцать пять или чуть больше. Знаменитая Горгона... Если не знать точно, то ни за что не догадаешься, что эта молодая женщина — ей бы работать фотомоделью или ходить по подиуму на престижных показах мод — вместе с Кондором, Рейнджером, Леоном и другими столь же отчаянными мужиками участвовала в тайных акциях российских спецслужб...

В.В. стащил с руки перчатку.

— Рад с вами познакомиться...

— Елена Владимировна, — подсказал Эм.

— Я уже слышал о вашем муже, — сказал В.В., пожимая изящную женскую руку. — Должен заметить: руководство его очень ценит. И еще мне доводилось слышать, дорогая Елена Владимировна, что у вашего мужа — красавица жена. Не сочтите за комплимент, это действительно так.

«Боже, стою как дурочка... Что же сказать? Сразу же узнала вас? Видела вас недавно по телевизору? Что за чушь...»

— Здравствуйте, Владимир Владимирович, — сказала Лена Бушмина. — Мы с мамой ваши поклонницы.

Пока премьер — неужели и вправду он?! — знакомился с Ольгой Яковлевой, известной в узких кругах как Горгона, Елена успела переброситься несколькими словами с Виктором Константиновичем. Она знала от Андрея, какую роль сыграл этот незаурядный человек в их

судьбе. Он был в числе приглашенных на их свадьбе; правда, пробыл недолго, но она все-таки успела с ним познакомиться и довольно обстоятельно поговорить.

— Мы здесь, в общем-то, случайно, — пряча легкую усмешку, сказал Эм. — Были приглашены на одно мероприятие, заодно решили и прогуляться.

— А мы... подсматривали в щелочку, — неожиданно призналась Бушмина. — Думали, встретим кого-то из знакомых...

— Вот и повстречались, — улыбнулся премьер. — Вы здесь живете, в Балашихе?

— Да, нам здесь дали квартиру.

— А в Москве у вас есть жилплощадь? — поинтересовался В.В. — Все ж не очень удобно вам добираться до столицы...

Не дожидаясь ответа, вернее, предугадав ответ, он бросил взгляд на своего спутника:

— Мы должны решить и этот вопрос... Елена Владимировна, может, есть какие-нибудь проблемы? Просьбы? Пожелания?

— Просьба, наверное, только одна, — уловив заминку, пришел на помощь молодой женщине Эм. — Вернуть поскорее мужа... Я угадал?

Одарив мужчин ослепительной улыбкой, Лена Бушмина утвердительно закивала.

— Гм... — В.В. с озадаченным видом провел ладонью по подбородку. — Непременно вернем! Новый год, Елена Владимировна, будете встречать вместе. Я вам это твердо обещаю! Ну что, договорились?

— Договорились, — снова улыбнулась Елена. — Я буду ждать.

Премьер задумался...

«Что пожелать на прощание? Чем успокоить? Сказать даже толику правды нельзя, ведь нельзя даже по малейшему поводу беспокоить женщину, которая готовится стать матерью...»

— Всего вам доброго, а главное — счастья и здоровья!

Какое-то время Розанова-Бушмина стояла недвижимо, хотя, кроме Ольги Яковлевой, рядом с ними в аллее уже никого не было.

— Ну у тебя и нервы, Ленка, — одобрительно проговорила Ольга. — Будь я на твоем месте, прям сейчас бы и родила!

* * *

Они уже приближались к стоявшему на обочине лимузину, когда В.В. жестом попросил Эма уделить ему еще минуту.

— Поступим следующим образом... Первое. Нужно усилить охрану не только ключевых фигур по линии «Мерлон», но и обеспечить безопасность членов их семей. Второе. Нам следует вернуться к делу Дольникова. Произвести закрытое расследование обстоятельств гибели полковника и той трагедии, что произошла с его женой. Выявить всех виновных и сурово

наказать! А те документы, что удастся отыскать по «антикоррупционным делам», подшить заодно к тем, что расследуют сейчас! И еще... Руководство МВД пригласило меня принять участие в мероприятии, аналогичном сегодняшнему. Предположительно оно состоится в конце этого месяца. Нужно хорошенько подумать: не воздержаться ли мне в известной вам ситуации от участия в акциях такого рода? И, наконец, последнее. Виктор Константинович, вы полагаете, что можно обойтись двумя этими «командами»? Может, есть смысл усилить группу «Мерлон»?

Переважив сказанное, Эм отрицательно покачал головой.

— Вы знаете, Владимир Владимирович, что такое настоящая охотничья собака? Настигнув крупного зверя, пусть это даже лось или медведь, она «сажает» его и ждет охотника... Так действуют и наши люди. Если там возникнет нечто действительно серьезное, они посадят, не дадут уйти — чего бы им это ни стоило!

Глава 3

Крупный населенный пункт Урус-Мартан был освобожден федералами недели две назад. На протяжении последних нескольких лет здесь функционировали учебные лагеря по подготовке «воинов джихада», в том числе печально известная школа подрывников. Нынче райцентр превращен в вотчину гантемировцев, в базу, где под приглядом федералов формируются подразделения так называемого «чеченского народного ополчения».

Почти каждый день в Урус-Мартан из Ингушетии и Северной Осетии шли военные транспорты — грузы самого разного характера: от учебников и тетрадок для местных школ, продуктов для населения и медикаментов для больниц до стрелкового оружия и даже бронетехники. Предполагалось, что местный тейп в ходе нынешней кампании относительно лоялен по отношению к федералам. Лидеры гантемировцев связаны с населением узами родства, поэтому именно в Урус-Мартане решено было обустроить своеобразный «накопитель», откуда грузы по мере необходимости могли бы доставляться в другие освобожденные районы Чечни.

Значительная доля грузов предназначалась непосредственно для нужд «народного ополчения» — ополченцев после соответствующей проверки и регистрации следовало экипировать, вооружить и поставить на «кормление».

Накануне Шувалов, Мокрушин и еще несколько сотрудников ГРУ на борту двух бэтээров посетили этот славный чеченский городок. Они пообщались накоротке с ребятами из подмосковного ОМОНа и двумя офицерами местной комендатуры. Выявили места сосредоточения ополченцев и местонахождение некоторых интересующих их объектов, после чего, незадолго до наступления сумерек, убрались на своих бронемашинах из Урус-Мартана, но не так чтобы насовсем и не очень далеко от городской окраины.

Предпринятая гэрэушниками рекогносцировка помогла им сориентироваться, а сведения, которыми удалось разжиться, еще раз подтвердили, что они на верном пути.

В окрестностях Урус-Мартана дислоцировались две части: бригада внутренних войск неполного состава и мотострелковый полк. Войска развернуты в полевых условиях, передовые посты находились в двух-трех километрах от окраин населенного пункта. В самом городе в настоящий момент — около четырехсот ополченцев, часть из которых командование намеревалось на днях перебросить под Грозный, где им наряду с федералами предстояло

участвовать в штурме осажденного города. Бойцы сводного отряда подмосковного ОМОНа охраняют временную администрацию райцентра — подразделение численностью в полсотни штыков дислоцируется в центре города, занимая два административных здания. Обычно ночь здесь проходит в тревоге и адском напряжении, многие всерьез опасаются, что коварные нохчи лишь прикидываются невинными овечками; если они решатся поднять мятеж, то первым делом постараются истребить ненавистных им омоновцев.

Охрану складов и пунктов боепитания осуществляют совместными усилиями комендантская команда и чеченская «милиция», а если говорить реально, то контролируют складские помещения именно гантемировцы.

Что касается назначенных федералами на различные посты людей, то их поведение — обычное для этих мест. В светлое время суток глава администрации и его заместители, а также мэр, прокурор, судья на своих рабочих местах, что называется, решают вопросы. Ближе к ночи они дружно грузились в собственный или выделенный для их нужд легковой транспорт и убирались вон из города. Как правило, темное время суток они проводили в расположении федеральных войск, и ничто на свете — ни уговоры и разъяснительные беседы, ни даже грубая брань — не могло заставить их остаться на ночь во вверенном их заботам райцентре.

По ночам в Урус-Мартане очень неспокойно...

Руслан Эльбукаев, командир только что сформированного полка народного ополчения, последние несколько суток квартировал у своих дальних родственников. Он и его родной брат Бекмарс получили в свое распоряжение отдельную комнату. Служба у братьев была беспокойная, неотложные дела могли возникнуть не только днем, но и ночью, поэтому, чтобы не тревожить лишней раз гостеприимных хозяев, они заняли ближнюю к выходу комнатушку. По этой же причине четверо вайнахов, неотлучно состоявших при Эльбукаевых в качестве их ближайших помощников, а заодно и телохранителей, спали ночью не в самом доме, а в хозяйственной пристройке.

Тридцатидвухлетний Руслан и его младший брат — авторитетные в этих краях люди. В свое время они собирали «верхушку» на московских рынках, на тех из них, которые прямо или косвенно контролировались чеченскими группировками. Именно с тех пор у Эльбукаевых сохраняются прекрасные отношения со многими известными чеченцами из московской общины. В прошлую войну они успешно маневрировали между двумя силами: федералы, которые были рады, кажется, любому присягнувшему им на словах вайнаху, считали братьев в доску своими; а полевые командиры, приговорившие вроде бы предателей к смертной казни, что-то не очень торопились привести свои угрозы в исполнение, хотя с тем же Русланом общались постоянно.

В действительности же братья работали исключительно на собственный карман: приторговывали оружием, наркотиками и информацией, меняли пленных и заложников — живых на живых, а мертвых на мертвых, словом, посредничали в самых разных делах и обогащались.

Не секрет, что на многострадальной земле Ичкерии такие основополагающие понятия, как тарика, духовное братство, или адат, необходимость свято чтить законы и традиции предков, давно уже не в ходу. Молодежь, которая не знает других орудий труда, кроме автомата, пачками записывается в «гази» и «вахы», повсюду исламская символика, в республику съехались посланцы едва ли не всех стран арабского мира, сотни и сотни моджахедов, повсюду славят господа криками «Аллах акбар!», но по сути — все они бидины, самые настоящие безбожники.

Вот и братья Эльбукаевы жили не по жестким требованиям адата и не по религиозным канонам, а по понятиям.

Естественно, авторитет братьев во многом основывался на силе, которую теперь весьма уважают на Кавказе, — за счет своих средств они всегда могли сколотить «команду» численностью в несколько десятков, а то и сотен бойцов. Но имели значение и связи с московской общиной, через которые они всегда могли выйти на нужных в стане федералов людей; а уж как следует договариваться с подобными субъектами, братьев учить не надо.

С началом новой кампании Эльбукаевы, как и другие подобные им личности, почуяли запах наживы. На штыках федералов они вернулись в Урус-Мартан и принялись спешно сколачивать для себя подходящую «дружину».

Братья были уверены, что им и на этот раз удастся сработать сразу на два фронта.

* * *

Руслан, по праву старшего, устроился ночевать на диване, а его младший брат спал на полу, на матрасе. Они собирались подняться в семь утра, но так уж случилось, что побудку Эльбукаевым устроили пораньше — где-то в третьем часу ночи.

Проснулся Руслан от того, что кто-то невидимый ударил ему в лицо лучом фонаря. Не успел он сообразить, что к чему, как произошло — практически молниеносно! — сразу несколько событий... Чья-то рука коснулась его лица, и Руслан ощутил, как губы ему стянула полоска лейкопластыря. Затем его схватили за руку — он хотел сунуть ее под подушку, куда спрятал на ночь «глок», — и жестко прихватили у запястья. На грудную клетку навалилась какая-то тяжесть, а в висок уперся холодный вороненый ствол.

— Тихо, Руслан, — прошипели над ухом. — Не дергайся и не делай глупостей...

Эльбукаев напрягся, пытаясь сбросить с себя тяжесть и освободиться от болевого захвата. В ответ раздался щелчок взводимого курка.

— Мы от Латыпа, — слышался тихий шепот. — У него есть к тебе разговор, он сейчас ждет нас возле будки на выезде... Извини, что пришли среди ночи, но нам не нужны неприятности...

Эльбукаев-старший при этом известии слегка расслабился, потом слышалось его мычание — очевидно, сигнализировал таким способом, чтобы «гости» разлепили ему рот.

Из противоположного угла комнаты, где ночевал младший брат, донесся какой-то шум, но тут же все и стихло.

— Слушай внимательно, кунак, — услышал Руслан свистящий шепот. — Сейчас ты и твой брат — оба пойдете с нами. Ты нужен Латыпу, понял?

Эльбукаев снова замычал, но, похоже, никто не собирался с ним беседовать.

— Мы не знаем твоих людей, поэтому извини, брат, вынуждены перестраховаться... — раздался тот же шепот.

Тут на мгновение вспыхнул луч светомаскировочного фонаря, но оказалось достаточно, чтобы Руслан зацепил взглядом безрадостную для него картинку: в комнате — трое крепких

мужиков, не то в масках, не то с разрисованными под негров образинами; один из них уже держит за шиворот Бекмарса, приставив к затылку ствол; еще один гость, четвертый, появился в этот момент в дверном проеме.

— А сейчас, Руслан, мы поднимаемся с кровати и спокойно, без шума и пыли, делаем наши дела...

Мокрушин выбрался во двор последним. Заглянув в пристройку, осветил лучом фонаря лежащие в рядок вдоль стены тела трех вайнахов — этих без долгих разговоров отправили на свидание с Аллахом, пристрелив во сне из «бесшумок».

Четвертому из этой компании сохранили пока жизнь — авось и он на что-то сгодится.

Одна из машин, джип с ингушскими номерами, стояла во дворе, почти у самых ворот. Другая тачка, новехонький армейский «уазик», припаркована здесь же, в переулке, сразу за оградой. Ключи от обеих машин взяли у вайнахов и определили пленников в трофейный транспорт. Затем распахнули настежь ворота и выкатили джип в переулок.

Двое бойцов, вооруженные «абаканами» с навернутыми на дуло глушителями, контролировали подходы к дому со стороны переулка. Обитатели жилища уже привыкли, очевидно, к ночным отлучкам своих постояльцев, поэтому никто из них и носа наружу не показал.

Несколько секунд Мокрушин стоял неподвижно, прислушиваясь к ночным шумам. Урус-Мартан, казалось, вымер в эту глухую ночную пору. Лишь с противоположного конца города доносился ленивый собачий перебрех.

Он сам прикрыл створки ворот. Затем уселся вслед за остальными в одну из машин. Заведя движки, без промедления тронулись в путь. Ехали темными переулками, туда, где на окраине их ждали свои.

Мокрушин поднес к губам портативную рацию:

— У нас все нормально. Примерно через десять минут будем на месте.

Троих чеченских «милиционеров», бдивших в вагончике на выезде из Урус-Мартана, взяли, что называется, тепленькими — все дрыхли как сурки. Их даже не пришлось мочить, ограничились тем, что связали по рукам и ногам, да так и оставили валяться в вагончике до утра.

С Шуваловым здесь были четверо — группа управления. Всего же в акции задействовано двадцать бойцов: группа малого боя должна была осуществить захват «полковника» Эльбукаева с братом; пятерка же во главе с Тимофеевым, составлявшая группу прикрытия, находилась в данный момент в районе складских помещений, где нохчи, несмотря на поздний час, развили какую-то бурную деятельность.

«Мерлон» распорядился выяснить нынешнее местонахождение «Горца», а заодно, пользуясь случаем, разведать ситуацию в Урус-Мартане. По имеющимся данным, Тимура Умарова в последний раз видели именно в этом населенном пункте, примерно двое суток назад, когда в вотчину кантемировцев наведались замминистра Калиничев, начальник Оперативного резерва МВД на Северном Кавказе Латыпов и другие столь же приметные люди.

Эльбукаевы, если не брать в расчет обласканного федеральными властями Гантемирова, являлись наиболее информированными личностями в этих краях. К тому же старший из братьев, по не подтвержденным пока данным, был участником состоявшихся на днях двух

сходок чеченских авторитетов.

Что касается информации, которую Бушмин, угрожая расправой, выпытал у Славянина, то, как и следовало ожидать, она была далека от достоверности. Подтвердилось лишь то, что такого рода сходки действительно имели место, но координаты оказались ложными. По агентурным данным, поступившим сразу из нескольких источников, «мероприятия» проводились в Дуба-Юрте и высокогорном селении Шатой.

В отличие от Кондора и Рейнджа их старшие и более опытные товарищи кассету, добытую через продажного журналюгу, прослушали полностью, включая финальный разговор двух авторитетных вайнахов. В связи с этим возникли вопросы к Умарову, а поскольку «Горец» как сквозь землю провалился, требовалось морщить лоб и изыскивать нестандартные ходы и решения — с тем чтобы как можно скорее устроить с ним встречу.

И помочь в решении данной задачи наверняка мог ушлый и хваткий Руслан Эльбукаев.

* * *

— Обошлось без эксцессов? — спросил у Мокрушина начальник. — Обоих приволок? Молодцом! Отгоните кто-нибудь тачки и перегрузите добычу в наш транспорт! А ты, Рейндж, останься пока со мной!

Обе машины, покачиваясь на ухабистой дороге, покатали в сторону «зеленки» — метрах в трехстах от гаишного поста в кустарнике гэрэушников дожидались два микроавтобуса.

Мокрушин в задумчивости смотрел в сторону складов — там отчетливо наблюдалось какое-то свечение, очевидно, нохчи запустили дизель-генератор, чтобы не ковыряться в потемках. Наконец проговорил:

— Михалыч, как там дела у Тимохи? Может, и мне с командой подтянуться к складам?

Шувалов не успел отреагировать, поскольку в этот момент из включенной на прием рации донесся приглушенный голос Тимофеева:

— В общем, так... Два «КамАЗа» они уже загрузили полностью. Стволов в ящиках — немерено... Три, нет, четыре легковушки будут их сопровождать... Момент сейчас удобный, могу их «зарядить»!

Шувалов задумался. В принципе картинка по Урус-Мартану была ясна как в целом, так и в частностях. В данный момент, к примеру, фактически под носом у федералов гантемировцы щедро делились военным имуществом с боевиками. В том, что именно так обстоят дела, можно было не сомневаться.

Куда дальше проследуют груженные оружием и боеприпасами «КамАЗы»? В Джохар по «коридору»? Или же через Дуба-Юрт на одну из баз, расположенных у Волчьих ворот?

Куда именно — не столь важно. Важно другое: уже в ближайшие дни оружие, подловорованное с федеральных складов — в который уже раз не обошлось без измены, налаженной корыстолюбцами и разными иудушками, — будет стрелять в российских солдат и офицеров, убивать наповал и калечить.

Такого рода вопросы Шувалов мог решать вполне самостоятельно, не дожидаясь санкции от

«Мерлона».

— Сколько у тебя при себе «гостинцев»? Тех, что снабжены таймерами?

— Четыре экземпляра, — ответила рация голосом Тимофеева.

— А не засветишься?

— Сейчас момент самый подходящий! Нохчи собрались возле ангара, вроде как пошабашили и теперь ждут команду, чтобы тронуться... Транспорт без присмотра, один только лох крутится на виду...

— "Заряди" тогда оба грузовика, — распорядился Шувалов. — А если получится, то и штабную легковушку. Таймеры установи...

— Полагаю, на девяносто минут, чтобы успели выехать за город.

— Добро, так и действуйте!

В восьмом часу утра за гэрэушниками прилетел борт, они дружно загрузились в вертушку, после чего «Ми-8МТ» взял курс на Гудермес.

Эльбукаевых стали «колоть» сразу же, как только оказались в расположении федералов, еще до того момента, когда за ними прилетел вертолет. Братцы лихо запирались, кочевряжились, старательно изображали из себя наивных ребятишек — короче, вели себя самым неподобающим образом.

Наконец терпение у гэрэушников лопнуло, и случилось это, когда вертолет уже находился в воздухе.

Шувалов и Мокрушин с двух сторон подпирали плечами Эльбукаева-старшего, младший валялся на полу со связанными проволокой руками и ногами. Третий вайнах, тоже связанный, лежал подле люка, лежал еще живой.

Но прожил он недолго — потому что полет со стометровой высоты занимает лишь мгновения.

Пилот даже не сбавил скорость, поскольку чечена вышвырнули из салона на лету. Этот эпизод произвел на братьев тягостное впечатление.

— Следующим полетит твой брат, — бесцветным голосом проговорил Шувалов. — Так что, Руслан, ты и дальше будешь запираяться?

Эльбукаев, лишившийся на время дара речи, энергично замотал головой.

— У тебя есть что сказать по сходкам в Дуба-Юрте и Шатое?

«Полковник» покивал в знак согласия.

— Подскажешь, где обретается сейчас Умаров?

Опять последовал кивок.

— Ну и, само собой, нам понадобятся сведения о ваших общих делах с Латыпом и компанией.

Хотя и с некоторым запозданием, но все же последовал еще один утвердительный кивок.

— Вот видишь, — обратился Шувалов к Рейнджу. — Я ж говорил, что братья Эльбукаевы — умные люди. Они наши братья по оружию. Они очень любят нашу Россию-матушку, а потому, конечно же, не откажутся нам помочь...

Глава 4

Примерно через час после того, как Шувалов и его люди приземлились в Гудермесе, тот же вертолет, дозаправившись и приняв на борт бушминскую команду, вновь поднялся в воздух и взял курс на станицу Мещерская.

Транспортный «Ми-8МТ», загребая воздух своими длинными лопастями, идет на бреющем полете, прижимаясь к правому берегу Терека. На борту, кроме экипажа, находятся полтора десятка бойцов ГРУ, составлявших еще двое суток назад костяк РДГ «Терек». Ныне все они входят в состав контрснайперской команды, находящейся в подчинении, если верить документам старшего группы, военной администрации Чечни.

Пока коллеги орудовали в Урус-Мартане, Бушмин и его люди тоже не сидели сложа руки. Занимались они примерно тем же, что и мокрушинская команда: разведали ситуацию в самом Гудермесе, прояснив некоторые ее аспекты по заданию «Мерлона». А также передали в распоряжение сотрудников ФСБ, которых привез с собой из Москвы Игорь Мануилов, двух местных «товарищей» — коллег братьев Эльбукаевых.

В Гудермесе, втором по величине городе Чечни, ситуация тоже была непростой. Во всяком случае, именно такое впечатление сложилось у Бушмина после того, как он выполнил все поручения «Мерлона» по Гудермесу.

Довольно любопытное открытие сделали сотрудники ГРУ на железнодорожной станции Гудермес. Примерно две недели назад благодаря усилиям федералов удалось возобновить железнодорожное сообщение между Мещерской, куда по рельсам доставлялись различные грузы из России, и Гудермесом. Эшелоны по ветке ходили в сопровождении «бронепоезда». На станции же вагоны либо сразу разгружались, либо их загоняли на запасные пути, где они стояли в отстойнике, дожидаясь очереди на выгрузку.

Доставляемые грузы были как военного характера, так и гражданского назначения, в том числе гуманитарные. Но, каков бы ни был характер грузов, на все в обязательном порядке оформлялись соответствующие документы.

Однако в отстойнике были обнаружены два запломбированных вагона, документы на которые отыскать не удалось. Когда приданные в помощь Бушмину сотрудники военной администрации, несмотря на протесты железнодорожников, вскрыли вагоны, то выяснилось: в бесхозных вагонах находится целый арсенал оружия и боеприпасов.

Последовали сбивчивые объяснения: «сами ничего не понимаем»; «досадная ошибка»; «наверное, коллеги что-то напутали, когда формировали состав в Мещерской...»; «мы обязательно выясним, кто отправитель и кому адресован груз... после чего отправим вагоны по назначению».

Короче — моя хата с краю...

Выяснять и разбираться будут уже «компетентные органы». Ну а если задуматься всерьез, то и эта, и другие подобные «находки» все же наводят на определенные мысли.

Железнодорожный узел и складские пакгаузы охраняются небольшим по численности подразделением внутренних войск. Если нохчи вдруг надумают поднять здесь мятеж и наберутся наглости — в который уже раз! — ударить федералам в спину, то лучшего подарка, чем вот такие бесхозные арсеналы, трудно и пожелать.

Далее следуют аналогии.

Сравнить можно хотя бы с печально известными событиями марта или августа девяносто шестого года — с этими двумя попытками дудаевцев взять обратно штурмом город Грозный. Тогда многочисленным отрядам боевиков удалось свободно проникнуть в чеченскую столицу, беспрепятственно миновав блокпосты и прочие препоны. Это стало возможным в том числе и из-за предательства деятелей из местной администрации и массового перехода на сторону дудаевцев вновь сформированных подразделений чеченской «милиции» — последние вдобавок ко всему стреляли в спину бойцам федеральных сил. Имела место халатность, а возможно, и преступный сговор некоторых армейских и милицейских начальников.

И тогда, в самый канун августовского штурма, кто-то загнал на станцию Грозный вагоны с оружием и боеприпасами, боевики, очевидно, знавшие об этом, реквизировали стволы и тут же принялись обстреливать квартал правительственных зданий, где засели окруженные неприятелем федералы.

И хотя общая ситуация сейчас совсем иная, но и уроков прошлого забывать нельзя.

* * *

Бушмин в задумчивости смотрел сквозь толстое стекло иллюминатора на проносящиеся под брюхом винтокрылой машины местные пейзажи. Пилот по-прежнему прижимался к земле, вернее, к долине реки Терек — это уже стало у военных пилотов профессиональной привычкой. Ведь никогда не знаешь, где, в каком месте тебя могут внезапно обстрелять, поэтому даже над подконтрольными территориями вертолетчики предпочитали летать пониже — по таким целям трудно вести прицельный огонь.

Серо-свинцовые воды Терека во многих местах были расцвечены радужными пятнами — реку сильно загрязняли отходы варварских технологий по переработке нефти. Грозненская нефть, столь необходимая для изготовления «русской смеси», а также и контроль над региональными нефтепотоками — вот одна из главных причин двух последних кавказских войн.

Пока добирались по воздуху до Мещерской, Бушмин обдумывал сложившуюся ситуацию.

«Мерлон» пока что выделил четыре основных персонажа, вокруг которых, судя по всему, в ближайшие несколько суток и будет плестись интрига.

Что касается «Горца» и Латыпа, то про них известно довольно много. Однако до сих пор не вполне ясно, какие цели преследует генерал милиции Латыпов. И как объяснить его причастность ко всем этим делам — сходке чеченских авторитетов, «Энигме», «коридору» в Джохар, внезапное и труднообъяснимое освобождение «Горца» и Славянина из камер изолятора ФСБ в Моздоке?

По Беспалому сошлись во мнении, что под этой кличкой скорее всего скрывается некий

Заруцкий — Николай Романович Заруцкий, взвэшнный полковник, командующий подразделениями оперативного резерва внутренних войск. Именно Заруцкий со своими людьми засветился в Моздоке, когда некая компания во главе с генералом Карабановым попыталась наехать на сотрудников военной разведки. Вот почему голос «дорогого кунака» на пленке Белицкого показался Андрею знакомым... А тут еще Шувалов подсказал, что у этого деятеля поврежден один из пальцев на руке — вполне можно допустить, что именно за эту вот примету он и был удостоен клички Беспалый.

Здесь, в Чечне, у полковника Заруцкого очень серьезные полномочия по линии МВД, как и у другого «фигуранта» — Алексея Латыпова.

Режимные мероприятия, зачистки, «перепись населения», обеспечение безопасности грузопотоков, контакты со старейшинами тейпов и местной администрацией, гантемировцами и даже отдельными полевыми командирами, желающими, на словах или на деле, перейти на сторону федералов, — это лишь краткий перечень акций, в которых они принимают активное участие.

Четвертый персонаж, привлекающий к себе повышенное внимание «Мерлона», — не кто иной, как Славянин, чей облик был запечатлен на пленку Андреем Бушминым. С этой пленочкой теперь работают спецы, и, как сообщил Бушмину Игорь Борисович, «наколка» на Славянина уже имеется, и в скором времени будет установлена не только его личность, но и станет известной биография этого человека.

Не следует также забывать, что, помимо этих четверых, существуют и другие персонажи, люди в масках и без оных, при высоких должностях или при больших бабках, в Джохаре и Моздоке, Лондоне и Москве, и каждый из них не прочь половить рыбку в мутной чеченской воде.

Глава 5

Нынешнее задание заключалось в следующем: под видом контрснайперской группы проехать по тыловым коммуникациям, разведать в целом обстановку на трассе и попытаться выяснить: что за снайперы вдруг объявились в тылу у федералов? какова их тактика? действуют ли в одиночку либо малыми группами?

Едва ли не самые большие потери федералы несут от работы вражеских снайперов. Чечены и сами недурственные стрелки, а вдобавок еще широко рекрутируют профессионалов, высоко оплачивая их услуги — именно поэтому в Чечне нынче обретается немало снайперюг, среди которых встречаются настоящие асы своего дела. Вдвойне опасно, когда такие профи начинают орудовать на тыловых коммуникациях, не говоря уже о том, что в прицел может попасть кто-нибудь из армейских или эмвэдэшных генералов, другие «важняки», вплоть до крупных государственных деятелей, а такие персоны в последнее время стали появляться в этих краях довольно часто.

Имелась и еще какая-то веская причина для того, чтобы заслать команду Бушмина на трассу, — Андрей чувствовал это интуитивно. Ему уже прежде доводилось работать по наводке «Мерлона», и хотя не всегда задумки «группы управления» были ему до конца ясны, но почти каждый раз выяснялось: «Мерлон» идет к известной ему цели кратчайшим путем.

* * *

В Мещерской команда Бушмина пересела на бэтээры. Всего через полчаса они добрались до

одного из тех блокпостов, гарнизоны которых на днях подверглись вооруженному нападению.

Бушмин представился командиру блокпоста — теперь у него была другая легенда: по документам он являлся капитаном Михайловым, помощником военного коменданта Чечни. Андрей вкратце изложил цели своего визита.

— Чушь собачья, — проворчал вэвэшник, едва только врубился, о чем идет речь. — Извини, капитан, к тебе это не относится, но те, кто снабдил тебя такими сведениями... они что-то напутали.

— Так что, выходит, не было никаких снайперов? — удивился Бушмин. — А двое «двухсотых» откуда взялись?

— Тут что-то вроде разборки случилось, — нехотя процедил вэвэшник. — А вообще-то дурацкая история... Парень один тут служил, из контрактников... Еще в августе, когда была заварушка в Дагестане, он попал как кур в ошип... Короче, в плен его «чехи» взяли. Держали, кажется, вместе с другими плененными бойцами в Карамахи, в Чечню точно не вывозили. Несколько недель он там пробыл, потом то ли сам сбежал, то ли его наши вызволили... Я уж не знаю, что там с ним «чехи» вытворяли, но лют он был на них страшно — у него набралась целая коллекция отрезанных у чеченов ушей... Ребята, которые с ним здесь служили, рассказывают, что он частенько какого-то чечена поминал: доберусь, мол, все равно до этого гада, оставлю без ушей.

— И здесь их свела судьба, — догадался Бушмин. — Ну, и кто кого?

— Оба на тот свет отправились, — ответил старлей. — Три, нет, четыре дня назад этот случай произошел... Из Мещерской на Урус-Мартан шла колонна...

— Грузы были для гантемировцев?

— Да черт его знает, — пожал плечами рассказчик. — Слышал только, что водили грузовиков были из ополченцев, а сопровождали их не то двое, не то трое ментов на «уазике». Возле «блока» колонна, значит, тормознула на несколько минут — чисто для проформы, документы показать, то-се... А боец этот, к несчастью, вдруг зацепил взглядом своего лютого врага... Ребята рассказывали, что тот скорее всего тоже признал в нем «знакомого», потому что побледнел и стал лапать свою кобуру... Мать-перемать, трах-перетрах! Окружающие толком не врубились, с какой стати началась пальба, паника, неразбериха... Ну и пошла война... Чечены, когда врубились, что их здесь всех элементарно положат, кто залег, а кто и огрызаться огнем начал. Наши, соответственно, решили, что перед ними ряженые, что это не гантемировцы, а переодетые боевики. Сам знаешь, какой напряг с этими ополченцами. Как увидишь такого, так рука сама тянется за «калашом»... Передний грузовик стоял уже за пунктиром, и водила дал по газам. Ему с огневой вжарили из «РПК», попали в бензобак... Чечен выпрыгнул из кабины, но успел переложить руль. «КамАЗ», говорят, горел, как факел, и проехал по полю еще с полста метров...

Он показал рукой на воронку, возле которой уже суетились подчиненные «капитана Михайлова».

— Вот там он взорвался. А останки и всякое дерьмо — по всей округе разнесло! Пока разобрались, что к чему, и пока сопровождающие матом всех не покрыли, трое чеченов отправились к Аллаху. Ну, и у нас двое убитых и один с легким ранением...

— А где прежний командир? — поинтересовался Бушмин. — Никак его «стрелочником» назначили?

— Ага, — кивнул старлей. — Тут и прокурорские были, и начальство разное...

— Латыпов был? — как бы между прочим спросил Бушмин. — Или Заруцкий приезжал?

— Про первого не знаю, но Заруцкий точно здесь был... Коллегу моего, значит, увезли, а меня вместо него назначили... Так что снайпера здесь, капитан, абсолютно ни при чем.

Бушмин немного выждал, чтобы его сотрудники смогли детально осмотреть воронку и собрать «образцы». Потом жестом показал своим людям, чтобы рассаживались по бэтээрам.

— Командир, ты все же прибери дерьмо, — сказал он на прощание взвэшнику. — Негоже, чтобы патроны валялись по всей округе!

* * *

Пока пылили по трассе до Ассиновской, Бушмин размышлял над этой историей. В комендатуре его снабдили совсем другой информацией; похоже на то, что там сотрудники сами были не в курсе событий. Получается, что кто-то из милицейских начальников дал возможность своим подчиненным ЦУ замять всю эту историю, списать все на неких снайперов...

Командир блокпоста, расположенного между Ассиновской и селом Новый Шарой, был холоден и неприветлив.

— Каратаев, ко мне! — подозвал он одного из бойцов. — Ты присутствовал при перестрелке? Здесь товарищ капитан из комендатуры интересуется. Расскажи, что видел своими глазами.

Бушмин решил пока не возникать: прежнего командира, как и на соседнем «блоке», сняли с поста и увезли, кажется, в Моздок. Назначенный на его место взвэшник то ли сам не хочет распространяться о недавнем ЧП, то ли получил на этот счет вполне определенные инструкции.

Бушмин скептически осмотрел свидетеля — парнишка лет девятнадцати, с фонарем под глазом и незажившей болячкой на губе.

— Что это с вами, рядовой? — поинтересовался он. — Что у вас с лицом?

Каратаев шмыгнул носом, потом нехотя выдавил:

— Упал, товарищ капитан.

— Так я тебе и поверил, — усмехнулся Бушмин. — Не хочешь говорить правду, не надо... Пойдем-ка, Каратаев, отойдем в сторону.

Они обогнули каменное строение. Бушмин помолчал несколько секунд, озирая окрестности — перед ними лежало открытое поле, — потом поинтересовался:

— Ты кто у нас будешь?

— В каком смысле, товарищ капитан?

— Военная специальность у тебя какая?

— Снайпер я, — почему-то вздохнув, сказал Каратаев. — В учебке науки проходил, потом в Чечню направили.

— Снайпер, говоришь? — обрадовался Бушмин. — Отлично! У тебя, значит, наметанный глаз, верно? Можешь показать, откуда по вас работал стрелок?

Парнишка изобразил на лице работу мысли. Бушмин уже обратил внимание, что боец ведет себя как-то странно: старательно отводит глаза в сторону, а временами оборачивается, как будто опасается, что их разговор кто-то подслушает.

В общем, вэвэшник вел себя как нашкодивший подросток, который опасается, что взрослые могут вывести его на чистую воду.

Бушмин без труда раскусил его нехитрую игру. Но для себя решил: пока не следует насаждать на бойца, для начала нужно попытаться установить с ним доверительный контакт, разговорить свидетеля — возможно, тот сам, без угроз и понуканий, вызовется сообщить что-нибудь интересное и полезное для «капитана Михайлова».

— С другого края пустыря стреляли, — Каратаев вытянул руку, показывая направление. — Бац! Потом еще раз — бац! Одного нашего наповал, а другому в живот... А потом и замком взвода попался: он был без «брони», так пуля ему прямо в сердце вошла... Я сам не все видел, потому что...

Каратаев, который явно что-то скрывал, вначале потрогал болячку на губе, потом принялся мучительно скрести в затылке.

— Что мы с тобой руками размахиваем? — усмехнулся Бушмин. — Мы же с тобой профи, верно? Держи инструмент...

Андрей извлек из своей полевой сумки супербинокль «геовид» фирмы «Лейка», доставшийся ему в качестве трофея в деле под Чихи-Юртом. Безупречный дизайн и превосходные характеристики. Даже когда просто берешь такую вещицу в руки, получаешь эстетическое удовольствие, настолько все качественно, продумано и выверено до микрона. Цельный корпус бинокля — он как бы весь сделан из одной заготовки — затянут в черный резиновый корсет с прослойкой из высокопрочного пластика. Вещь исключительно ценная и дорогостоящая, а потому иметь в своих арсеналах подобного класса инструментарий могут только элитные команды — типа «Дельты», «ГСГ-9» или британских «САС». А также некоторые вольные стрелки, асы.

— Вот эт-то да... — На простоватом лице солдата отразилось мальчишеское восхищение. — Я про такие слышал, но в руках держать не доводилось.

Он вскинул бинокль к глазам и стал рассматривать через семикратную оптику противоположный край лежащего прямо перед ними незапаханного поля.

— Я слышал, что вместе с лейтенантом Завидеевым забрали одного вашего солдата, — как бы невзначай заметил Бушмин. — А тебя, Каратаев, дознаватели допрашивали?

— Не-а, со мной до вас никто не говорил. У меня, товарищ капитан, с внешностью... это... был непорядок. Лейтенант Завидеев так и сказал: скройся с глаз, чтобы твою битую... кхм... Короче, приказал, чтобы я не появлялся на виду. Про то, что контрактники снайпериху отловили, все наши пацаны знали. И что они держат ее в зиндане, тоже знали, мы ж не

слепые!

Опустив бинокль, он бросил виноватый взгляд на офицера.

— Я той ночью спал, товарищ капитан! Винтовка с вечера стояла в пирамиде, это могут все наши подтвердить! Я слышал от ребят, что снайперша ночью как-то выбралась на волю из зиндана, может, мелкий пацан ей помог, которого она зачем-то при себе держала... Двое ребят дежурили ночью, они как-то проморгали это дело, недосмотрели, что на пост забрались чужие и что снайперша... Хотя, может, и не она, а кто-то другой. Даже в казарму забрались и много чего унесли, в том числе и мою «эсвэдэшку».

Каратаев совсем по-детски шмыгнул носом, продолжая смотреть своими красными кроличьими глазками на допрашивавшего его офицера. Наверное, пытался понять, как капитан оценивает полученные сведения, особенно эпизод с пропажей «СВД».

— Я ж спал, товарищ капитан, — продолжал оправдываться паренек. — Двое наших ночью бдили на посту, я уже докладывал вам, да? Разве я виноват, что из пирамиды украли мой винтарь? Могли любой ствол забрать, но почему-то именно «эсвэдэшку» мою забрали... Я пытался доложить лейтенанту, а он даже слушать меня не захотел!

Бушмин покачал головой. Форменный бардак! Если лейтенанта отдадут под суд, то правильно сделают. Это не воинское подразделение, а деморализованный сброд — дисциплиной и не пахнет.

Солдатик, видимо, и впрямь чувствует себя преступником. Простодушный парень, видать, еще не испорчен общением с такими личностями, как его бывший командир. Нельзя не заметить, что вся эта история очень его тяготит...

— Об этом поговорим чуть позже, — сказал Бушмин. — Ну что, рассмотрел «поляну»? Определился? Скажи хотя бы примерно, откуда по «блоку» работал снайпер?

— А че примерно, — играя в скромность, сказал солдат. — Могу точку показать, откуда он стрелял... Классный, конечно, бинокль! Вот только не разобрался, как пользоваться встроенным компасом.

— Есть какой-нибудь приметный ориентир?

— Там траншея проходит, а по склону канавы растет кустарник, есть и деревья, видите? Счас... Небольшое такое деревцо, с раздвоенным, как у рогатки, стволом... Как бы мне выставить азимут цели? А то вам трудно будет это самое деревцо отыскать среди зарослей.

— Сверху на бинокле две белые кнопки, видишь? Та, что правее, с треугольником в кружке. Наведись точно на цель... Теперь нажми кнопку и сразу же отпусти...

— Появился красный квадратик... Ага, есть азимут цели, под квадратом вижу... В градусах показания, да? Ух ты! А дальномер лазерный, да? Держите, товарищ капитан, все выставлено...

Бушмин отнесся к информации скептически. Расстояние до полосы кустарника, на которую указывал Каратаев, — под восемьсот метров. Слишком солидная дистанция для выстрела, особенно если учесть, что снайпер бил очень точно. Но и ближе стрелок вряд ли решился бы подобраться, потому как в открытом поле ему попросту негде было бы укрыться от ответного огня.

Он поднес к глазам трофейный «геовид» и без труда, ориентируясь на показания встроенного компаса повышенной точности, обнаружил указанный ему Каратаевым ориентир.

Раздвоенное дерево было отчетливо видно сквозь шестимиллиметровый выходной «зрачок». Встроенный инфракрасный лазерный дальномер показал точнейшую дистанцию до ориентира — 755 м.

Бушмин в изумлении присвистнул.

— Скажи честно, Каратаев, вот ты бы попал с такой дистанции?

Спрятав свой драгоценный бинокль в сумку, Бушмин вопросительно посмотрел на вэвэшника.

— Вы че, товарищ капитан, нет, конечно, — Каратаев вылупил на офицера глаза. — Мы когда в учебке занимались, работали в основном с двухсот метров. Нам даже поправки на такие дистанции не сообщали... Максимум — для расстояния в пятьсот метров. А тут — почти километр.

— То-то же, — хмыкнул Бушмин. — А ты говоришь — могу точку показать...

Андрей задумался. Ну и дела...

В свое время они с Мокрушиным участвовали в ежегодных соревнованиях спецназа, выступая в смешанной команде нынешней Западной группировки и Балтфлота. Многоборье включало в себя и снайперские упражнения. Володя еще в пору курсантской учебы выполнил норматив мастера спорта по пулевой стрельбе из пистолета, а чуть позже пристрастился к стендовой стрельбе. Андрей в тире и на полигонах тоже бил прилично, но поскольку не любил ездить на всякие соревнования, то формального подтверждения своим стрелковым успехам и свершениям так и не получил.

Иными словами, Бушмин не был профаном в этих вопросах. И Каратаев этот, кстати, тоже довольно смысленый парнишка. Очень точно он подал реплику насчет расстояния.

Какие напрашиваются из всего этого выводы?..

Существовало три варианта ответа.

Вариант первый. По «блоку» работал снайпер, имеющий при себе высокоточное оружие класса «AW» или отечественного производства «В-94». И вдобавок укомплектованный классной оптикой.

Вариант второй. Каратаев фантазирует, возможно, даже врет умышленно. В действительности же все произошло как-то иначе.

Вариант третий. Стреляла та самая снайперша, которую трое контрактников — пока непонятно, с какой целью, — держали под замком в зиндане. «Работала» она из украденного ею у местных ротозеев «СВД», с дистанции в семь с половиной сотен, пользуясь при этом штатной оптикой «ПСО-1».

Если это действительно так, то дело худо. Потому что воплотить в жизнь «вариант № 3» способен лишь элитный профи, а таких спецов по обе стороны фронта еще надо поискать.

— А ты, часом, не врешь, Каратаев? Откуда ты вообще взял, что снайпер стрелял с точки,

которую ты мне показал?

— А че мне врать? — пожал плечами боец. — У меня и доказательства имеются.

Покопавшись во внутреннем кармане бушлата, он вытащил три стреляные гильзы. Передав офицеру свои находки, принялся давать объяснения:

— наших подстрелили позавчера утром... В тот же день, ближе к вечеру, увезли командира, одного нашего пацана, ну... и трупы, само собой, забрали... Вчера до обеда появился новый командир, а с ним еще несколько бойцов. Так вот... Командир сказал, что надо вдоль траншеи, откуда снайперша била, выставить противопехотки, чтобы, значит, закрыть этот участок. А мы тут и без того всякого-разного понаставили, так что мне пришлось идти с новенькими как бы проводником. Пока пацаны заряжали мины и сигналки, я... осмотрел местность. Прикинул про себя, откуда снайпер мог по нас лупить. Наверняка с упора бил. Посмотрел там и сям. Потом возле деревца вот нашел три гильзы — они на виду валялись...

Бушмин стал рассматривать стреляные гильзы. Гм... Серия «СП», так что стреляли все же из «СВД». А что, собственно, он хотел увидеть? Гильзу от подкалиберного патрона натовского образца для винтовки «АW»? Неужели и действительно рассчитывал на то, что это работа Славянина, которому удалось вернуть свой «чемоданчик»? И разве есть точная уверенность в том, что Славянин — снайпер экстра-класса? Что кейс, в котором в разобранном виде хранится «АW», принадлежит именно ему, а не кому-то из тех правоверных? Но даже если и ему, то где, спрашивается, сейчас находится Славянин? А кейс? Порознь они обретаются или успели воссоединиться?

— Вот что, Каратаев... Расскажи-ка мне всю эту историю про снайпершу с самого начала! Правду и только правду! А я взамен гарантирую отпущение всех твоих грехов...

* * *

Бушмин и его команда задержались на блокпосту немного дольше, чем предполагалось. Череп с остальными бойцами осмотрел окрестности — без видимых результатов, — а «капитан Михайлов», осмотрев зиндан, взялся вплотную за Каратаева.

Ближе к вечеру из Мещерской на «блок» приехала бригада фээсбэшников. Их прислал «Мерлон», с которым Бушмин поддерживал связь по «Акведуку». Они увезли с собой Каратаева — похоже на то, что этим таинственным снайпером заинтересовался сам АйБиЭм.

Когда «капитан Михайлов» стал прощаться с ввэшным старлеем, назначенным вместо Завидеева командовать «блоком», тот порадовал его еще одной находкой: прибираясь в вагончике, он обнаружил среди чужих вещей записную книжку, принадлежавшую замкомвзвода Гонтарю. А в книжицу была вложена фотография, запечатлевшая снайпершу — Каратаев ее опознал — рядом с двумя мужчинами.

Зачем Гонтарю понадобилось держать фото у себя — возможно, просто понравилась симпатичная стройная блондинка в мини-юбке, стоявшая рядом с мужчинами. Одним из которых был не кто иной, как генерал милиции Алексей Латыпов, важнейший из фигурантов затеянного группой «Мерлон» расследования.

Глава 6

Анна Дольникова и ее маленький молчаливый спутник все это время скрывались в подвале на территории заброшенной фермы.

Наученная чужим и своим горьким опытом, взвесив все «про» и «контра», Анна решила, что благоразумнее всего пока оставаться на месте. Конечно, недолго, потому что у них с собой были весьма скромные запасы еды и питья. Но ближайшие несколько суток им лучше всего переждать здесь, в сравнительно безопасном месте.

Снаружи все это время было беспокойно. На ферму несколько раз наведывались федералы, — Анна слышала шум движков бронетехники и перекличку солдат, осматривающих местность. О том, что их сюда привело, она могла только догадываться. Если даже эти люди здесь что-то, вернее — кого-то искали, то занимались они этим довольно небрежно, потому что им так и не удалось обнаружить среди развалин узкий пролаз, через который можно попасть в подвальное помещение — дырку Дольникова замаскировала сверху ржавым листом жести.

Слава богу, что никто из них не додумался призвать на помощь кинолога с вымуштрованной собачкой.

В принципе время пролетело незаметно, потому что у Анны нашлось что рассказать ее мальчику, а Иван оказался благодарным слушателем. Время от времени Дольникова поднималась на поверхность, чтобы понаблюдать за трассой, заодно — а куда от этого деться? — и свои нужды справить. Потом вновь возвращалась в укрытие.

Утром, уже в светлое время суток, она в очередной раз выбралась из своего укрытия, но не одна, а вместе с Иваном.

Ребенок, которого Анна, пользуясь случаем, привела в более или менее божеский вид в транзитном лагере возле Первомайской, вновь принял свой прежний облик: чумазый, закутанный в бесчисленные одежки — типичное дитя войны.

— Иван, мы с тобой выберемся отсюда в любом случае, — сказала Анна. — Не сегодня, так завтра. Но надо все с умом сделать, понимаешь?

Опасливо оглядываясь по сторонам, они пересекли двор фермы, перебравшись в другой ее конец, туда, где раньше находился коровник, на месте которого теперь сохранилась лишь обгоревшая, в трещинах и провалах, приземистая каменная коробка без крыши и стропил. Сначала надо было освоить это пространство.

Отсюда хорошо просматривалась лента шоссе Ростов-Баку, которая в этом месте изгибалась почти под углом в девяносто градусов и дальше уходила на юго-запад. До границы с Ингушетией — рукой подать, но на трассе выставлены кордоны из милицейских подразделений. Значит, есть строгий контроль за передвижениями местного населения. Она была права. Действительно, всех подозрительных задерживали и отправляли для выяснения личности в ближайший населенный пункт, где функционировали временные отделы внутренних дел. Иногда сразу направляли в село Чернокозово, в печально знаменитое СИЗО, откуда уже мало шансов выбраться целыми и невредимыми.

Встреча с милицией исключалась. У них с Иваном, во-первых, нет абсолютно никаких документов; во-вторых, у нее все еще не сошел синяк на правом плече. Если задержат, то могут опять заподозрить в ней снайпершу, наверняка подумают: раз она блондинка, то приехала из Прибалтики, убивать за чеченские баксы русских парней. В-третьих, из верхней одежды у нее только взвэшны́й бушлат, в таком подозрительном виде ее точно «заметут» на

первом же «блоке». Хотя, в принципе, если уж на то пошло, можно заменить бушлат одеялом, использовав его в качестве пончо.

В дополнение ко всему она не имела ни малейшего представления о том, на кого списали — или же намерены списать — подстреленных ею контрактников. Но если учитывать всю сумму связанных с данной историей обстоятельств и то еще, что отморозки держали ее в зиндане втайне от своих же сослуживцев, даже втайне от командира «блока», то весьма маловероятно, что расстрел контрактников приписывают именно ей, Дольниковой.

Анна ни словом не обмолвилась Ивану о своем «подвиге» — хороша мама, если она, не дрогнув душой и сердцем, замочила пару-тройку неприятных ей личностей!

Но Ваня ни о чем таком и расспрашивал.

По правде говоря, он вообще ни звука не издал, предпочитал играть в молчанку. Анна не раз и не два пыталась разговорить мальчишку; и так пробовала к нему подойти, и этак, порой ей даже казалось, что он хочет что-то сказать, вот-вот...

Он даже губами шевелил, еще мгновение, кажется, и...

Но Иван так и не заговорил. Комплекс Маугли?..

* * *

От ее наблюдательного пункта до трассы — не более сотни метров. Сейчас, когда деревья и кустарники стоят без листвы, отсюда, из развалин фермы, просматривался также и тот участок шоссе, где расположен злополучный блокпост внутренних войск. Не сказать, чтобы движение в этот день было слишком оживленным. Но и безлюдной трассу тоже не назовешь — в обе стороны периодически проезжал разнообразный транспорт: грузовики и бронемшины, автобусы с беженцами и частный легковой транспорт.

Дольникова наблюдала за транспортным потоком не из праздного любопытства. И даже не для того, чтобы тормознуть кого-нибудь из местных и попросить подбросить до следующего «блока». У нее были другие цели.

Ей было доподлинно известно: почти ежедневно по этой трассе перемещается транспорт, приписанный к миссии Красного Креста в Слепцовой. Иногда это грузовик с соответствующей эмблемой на бортах, иногда микроавтобус, а бывает, что из Ингушетии в Чечню выезжают сразу две машины миссии, нагруженные медикаментами и «гуманитаркой».

До того как попасть в Джохар (как она там оказалась, каким ветром Дольникову занесло в «город-призрак» — это отдельная история), Анна около месяца на добровольных началах работала в слепцовском филиале этой гуманитарной организации. Поэтому хорошо знала людей, осуществляющих гуманитарные перевозки. Соответственно, и эти люди ее знали, и в случае необходимости они не отказались бы помочь ей в трудной ситуации, например, доставить в ту же Слепцовскую или подтвердить, что она именно Анна Дольникова.

Поэтому Анна и высматривала на шоссе знакомый транспорт, приписанный к открытым в Ингушетии миссиям МККК [11] или УВКБ [12] — эти тоже периодически снаряжали конвои с гуманитарными грузами. Задумка очень простая: как только к блокпосту с востока подъедут машины с соответствующими отличительными знаками, они вдвоем с Иваном выдвинутся поближе к дорожному полотну, а потом, когда поравняются с ними — со стороны «блока» их тогда не смогут заметить, — тут же «голоснут».

Ну а дальше — как повезет.

...Они наблюдали за обстановкой на трассе около часа, а затем события приняли совершенно неожиданный поворот.

По шоссе, миновав «блок», ехал раскрашенный в камуфляжный цвет джип в сопровождении БТР-80. Навстречу же катил армейский «уазик», за которым следовал «КамАЗ».

Однако машины не разминулись, а почему-то стали притормаживать. А потом и вовсе застыли на ленте шоссе, аккуратно напротив развалин молочной фермы.

Анна сначала наблюдала за ними через пролом в стене. Затем, чтобы ее не заметили со стороны шоссе, переменила позицию: обнаружив узкую щель, согнулась и стала следить за развитием событий.

Неожиданно Иван дернул ее за рукав бушлата. И тотчас же изобразил пальцами бегущего человечка — надо, мол, бежать, пока не поздно, или спрятаться хорошенько.

Дольникова же, наоборот, полагала, что им следует оставаться на месте: если они попытаются спрятаться, их могут обнаружить — ведь придется пересекать двор. Поэтому лучше дожидаться, когда машины разъедутся в разные стороны.

Анна вновь прикинула к щели. Две армейские машины стояли бок о бок. Видимо, встретились знакомые и решили переговорить накоротке. Потому и тормознули. Но что это?..

Джип и «уазик» свернули с шоссе и покатали в сторону фермы, во двор которой можно было проехать по дорожке с остатками асфальтированного покрытия.

В испуге отшатнувшись от стены, Дольникова стала озираться — куда это Иван подевался?

Мальчишка — когда только успел — как сквозь землю провалился!

Между тем машины приближались. Анна заметалась... Потом, забившись под рухнувшую стену, затихла. Будь что будет...

Глава 7

Латыпов первым выбрался из машины. Его водитель тоже покинул «уазик», предварительно взяв из салона «калаш». Обшарив глазами развалины, он забросил автомат за спину и полез в карман за сигаретами.

11

МККК — Международный комитет Красного Креста.

12

УВКБ — Управление Верховного комиссара ООН по делам беженцев (на территории

Ингушетии действует его Европейское бюро).

Джип остановился рядышком. Из него вылез телохранитель Заруцкого, тоже при «калаше». А следом показался и сам вэвэшный полковник — массивный, крепко сбитый, с обветренным лицом, он походил на борца.

Латыпов пригласил своего знакомого отойти в сторонку, где их никто не услышит — иногда даже своим не следует доверять такого рода сведения, которыми он намеревался поделиться с Заруцким. Руки друг другу они уже давно при встрече не подавали: хотя им частенько доводилось сотрудничать по разным поводам, между ними все же существовало соперничество, имелись какие-то разногласия и прошлые обиды.

— Заруцкий, какого черта вы с Карабасом лезете не в свой бизнес? — сказал Латыпов. — Кто тебя просил к Умарову подкатываться? У тебя есть свой...

— Кор-роче! — резко оборвал коллегу Заруцкий. — Меня в Мещерской ждут, нет времени на тары-бары! Что надо?! Зачем позвал?! Говори короче — и разъехались!

— Не хами мне, Николай! — повысил голос Латыпов. — Про то, что в Мещерской творится, я и без тебя знаю! Кстати, это твоя зона, ты за порядок там отвечаешь...

— Все сказал?

— Нет, даже и не начинал. Слушай меня внимательно... Я получил из центра пару-тройку тревожных сигналов. Из Второго спецотдела и еще от своей связи среди фээсбэшников. Кто-то, покамест не очень ясно, кто именно, потихоньку поднимает документы в архивах, интересуется кое-какими прежними событиями, в том числе, представь, известным тебе делом Дольникова.

* * *

...Резкие, властные голоса впивались в мозг раскаленными иглами.

Какое-то время Дольникова отказывалась верить собственным ушам: то, что происходило в эти минуты, разговор, невольной свидетельницей которого она стала, — все это казалось настолько чудовищным и даже неправдоподобным, что Анна едва не лишилась рассудка.

Опомнившись, сунула в рот палец и прикусила зубами — не хватало только сейчас выдать себя!

А ведь она едва не сорвалась с места, стоило ей только услышать такой знакомый голос! И не просто знакомый — почти что родной. Вот кто, казалось бы, может решить все ее нынешние проблемы! Вот кто мог бы помочь, защитить, оказать поддержку...

Дольникова затаила дыхание. Двое мужчин, прохаживаясь по двору, продолжали беседу. Их голоса то становились отчетливыми, то удалялись настолько, что она переставала их слышать.

* * *

— Пойми, Николай, ситуация гораздо серьезней, чем ты думаешь, — в некотором раздражении проговорил Латыпов. Заложив руки за спину, он продолжал развивать свою мысль: — Сейчас положение даже хуже, чем в тот период, когда по Чечне копали Дольников и компания! Ты и твои коллеги под чутким руководством Карабаса тако-ого начудили...

— А ты?! — резко отреагировал Заруцкий. — А твои кореша?! А Калиничев твой, он что, в святые архангелы метит?

— Сто раз было говорено: не связывайтесь с наркотой! Я понимаю, бешеные бабки, то да се... Но надо же и голову на плечах иметь! Да еще Тимура пытаетесь на такие дела подвязать!

— Можно подумать, что через Умарова никогда прежде наркота не проходила. — Заруцкий скривил губы в саркастической усмешке. — Да и вы с Калиной в прошлую войну никаким «бартером» не гнушались... Что, не так? Лучше скажи, какую долю себе требуете? На пару с Калиничевым? Только не вздумай корчить из себя ангела! Я про тебя знаю больше, чем кто-либо другой!

Латыпов помолчал немного, потом сказал с какой-то отстраненной интонацией:

— Обсудим эти дела как-нибудь позже, потому что сейчас лично меня заботит другое... Очень важно, Николай, чтобы ты с ходу врубился в мою мысль. Пойми, ты сейчас находишься в крайне незавидном положении! Абсолютно то же самое я могу сказать о самом себе. Ты не новичок в наших делах, и кашку разжевывать я тебе не намерен. Смотри, что получается... Сейчас наружу много кончиков всяких повывлезало, а климат, сам понимаешь, меняется в худшую сторону. Как бы наши с тобой начальнички не надумали, ради собственного же спокойствия, обрубить в темпе «хвосты»... Учти, мы с тобой идеально подходим на роль «крайнего»!

Они остановились и некоторое время с недоверием разглядывали друг друга, словно раздумывая, стоит ли им дальше продолжать разговор.

— Могу угадать, о чем ты сейчас думаешь, — криво усмехнувшись, сказал Латыпов. — Что это, мол, за подлянку решил скинуть мне Латып? А не маячит ли у него за спиной Калина? Не хотят ли они подставить меня в глазах Карабаса? И не записывает ли, к примеру, хитрющий Латыпов наш базар на диктофон, который он наверняка держит в кармане?

— Не знал, что ты еще и мысли чужие наловчился читать, — ухмыльнулся Заруцкий. — Но, с другой стороны, на черта тебе сейчас устраивать провокации?

— Вот именно! Расклад тебе известен не хуже меня. Проблемы перед нами стоят одни и те же. Сегодня тебя шпалой уложат, а завтра, может, меня... Можно, конечно, по одиночке каждому попытаться выгрести. А если вдвоем?! Дошло наконец, о чем идет речь? Ты же толковый мужик, Николай! Иначе на черта бы я сейчас перед тобой тут стриптиз устраивал?!

Они вновь стали прохаживаться на некотором удалении от своих людей.

— Ты знаешь, Алексей, я обо всем тут сказанном тобою уже не раз и не два размышлял, — в задумчивости проговорил Заруцкий. — В принципе нам с тобой особо делить нечего. Мы всегда сможем договориться, как добазарились по Дольникову...

Заруцкий погрузился в раздумья. Вне всяких сомнений, ситуация у него сейчас такая же примерно, что и у Латыпова. Если Карабанов почует, что дело пахнет керосином, если у него задымится под ногами, он может решиться на самые радикальные меры. Заруцкого тогда точно уберут с доски, причем неважно, кто — свои или чеченцы по наводке «оформят».

Одновременно с этим еще одного или двоих своих приближенных загрызет «людоед Карабас». Ну, и со стороны «контрагентов», то есть нохчей и арабов, тоже пару-тройку подзасветившихся личностей замочат... И тогда Карабанов в очередной раз выйдет чистеньким из всего этого чеченского дерьма. Выйдет при больших бабках и высоких должностях.

Если отшелушить все второстепенное, то надо признать: внутри министерства сейчас остро конкурируют две группировки-, сосредоточенные вокруг личностей Калины и Карабаса. Если кого-то из этих двоих отодвинуть в сторону, не говоря уже о более серьезных вещах, то изменится расклад не только в МВД, но и на всем Северном Кавказе, что может сказаться на ходе «антитеррористической» операции в Чечне.

Но, с другой стороны, если бы оба этих деятеля, допустим на минутку, покинули сей бранный мир, да еще одновременно или почти одновременно, событие это оказалось бы только на руку парочке их особо доверенных лиц. По целому ряду причин. Во-первых, Николай Заруцкий должен уже на днях получить генеральское звание. И тем самым укрепит свое служебное положение и еще больше расширит свои возможности... И хотя они пока не могут претендовать на освободившиеся высокие должности, но все же после ухода патронов прочие автоматом шагнут на новую ступеньку. Во-вторых, некому тогда будет «рубить хвосты», потому что над Латыповым и Заруцким уже никого выше не окажется. А все «завязки» у них сохранятся, и дальнейшее уже будет зависеть от них самих: могут, к примеру, помаленьку свернуть бизнес или же, наоборот, периодически подбрасывать дровишек в чеченский костерок.

— Еще один важный момент, Николай, — с озабоченным видом проговорил Латыпов. — Мало того что в Москве кто-то за ниточки дергает, так еще и здесь по нашему горячему следу кого-то пустили! В Джохаре в ту же ночь, когда вы там с Тимуром за моей спиной о чем-то договаривались, какие-то деятели оч-чень эффектную акцию провернули...

— Я уже над этим думал, — проворчал Заруцкий. — По моим прикидкам — сработали гэрэушники.

— Да, скорее всего, — кивнул Латыпов. — До меня тут слухок дошел... что Карабас и другие начальнички попытались устроить наезд на их контору в Моздоке. И ты, Николай, вроде там засветился...

— К чему ты ведешь?

— Идея в принципе неплохая. Мне эта публика тоже подозрительна, но надо было тоньше действовать, тоньше... Это так, к слову. В Урус-Мартане и Гудермесе кто-то наши дела взялся ворошить, да еще на трассе какая-то странная компания засветилась. Нутром чую: кого-то, скорее всего гэрэушников, пустили по нашему следу!

— У меня есть определенная «наколка» на людей из их круга, — заметил вэвэшник. — Если все хорошенько обдумать, да объединиться ради общего дела, да задействовать наши связи, здесь и в самой Москве, то можем их контору как следует подставить!

— Согласен, — закивал Латыпов. — Вот это, Николай, умная мысль! На хрена нам такие конкуренты!

— Ты думаешь, они хотят убрать нас из «бизнеса»? Чтобы самим потом все захватить, так?

— Вполне возможно, — сказал Латыпов. — Вернемся к нашим баранам...

— Где и когда? — понизив голос, спросил Заруцкий. — Есть какие-нибудь наметки?

— Затягивать с этим делом — не в наших с тобой интересах, — проговорил Латыпов. — Ясно, что не здесь, не в Чечне...

— Логично мыслишь. Наедет свора следаков и прокуроров, начнут копать, где их не просят... «Чехов» на такие дела подписывать не стоит, потому как могут элементарно вложить!

— В последних числах месяца начальство собирается организовать какое-то мероприятие, — проинформировал нового компаньона Латыпов. — По моим прикидкам, там будут и мой Калина, и твой Карабас.

— Я в курсе, позавчера слышал об этом от самого Карабаса. Ориентировочная дата — двадцать седьмое. Что касается координат, то надо уточнить, но я так думаю, что «мероприятие» проведут в Подмоскowie. Как раз в этих числах в Чечню намерены отправить одну из наших бригад. Уже вскорости я все разужнаю.

— Договоримся тогда так, Николай... Каждый пока готовит свой сценарий. Потом сверимся и дальше будем действовать сообща. В Москве, сам знаешь, все схвачено, но дело делать надо с умом.

Заруцкий кивнул в знак одобрения.

— Мы сейчас должны друг за дружку стоять, как те же «чехи», — еще раз уточнил Латыпов. — Нужно по возможности одним выстрелом грохнуть пару баранов... Ну что, кажется, обо всем дотолковались? Тогда по рукам!

Они как-то странно посмотрели друг на друга. После чего направились к поджидавшим их машинам.

Когда Заруцкий уселся в джип, водитель сразу протянул ему рацию; на связи был один из подчиненных полковника — его отправили на «блок» возле Первомайского, чтобы кое-что выяснить.

— Все подтверждается, — донеслось из рации. — Я списал запись по книге регистрации и переговорил с одним сотрудником, который лично оформлял известную вам персону... И еще... Только я закончил, как по тому же делу обратились и другие «товарищи»...

— Я понял, — поморщившись, бросил в микрофон Заруцкий. — Езжай в Мещерскую, я скоро буду.

* * *

Иван появился так же внезапно, как и исчез. Вид у него был немного смущенный, похоже, что он переживал из-за того, что его могут счесть трусом, — мол, сбежал при первых признаках опасности.

Дольникова же сидела, привалившись спиной к кирпичной стене, обхватив колени руками. Она чувствовала себя настолько опустошенной, что не было сил даже пальцем пошевелить, не то что возобновить прежнее занятие.

Иван опустил рядышком на корточки. Порывшись в карманах, нашел там начатую пачку сигарет и спички. Прикурив сразу две сигареты, одну втиснул в пальцы женщине, другую оставил себе. А обгоревшую спичку, как опытный конспиратор, сунул под обломок кирпича.

Анна затаилась сигаретой, не соображая при этом, что делает. Когда дым дернул по горлу, закашлялась. И только сейчас пришла в себя.

Затушив свой окурок, она жестом показала Ивану, что ему следует сделать то же самое. Выпросила у мальчишки пачку с куревом, после чего, стараясь говорить не назидательным тоном, а мягко, по-дружески, сказала:

— Бросаем курить, Иван. Тебе еще рано смолить сигареты, организм должен расти... Ты у меня будешь двухметровым парнем, на голову выше меня... И вообще... Если вокруг нас война, то это еще не означает, что все можно и что нужно следовать разным дурным привычкам.

Тяжело вздохнув, она добавила:

— Наша с тобой задумка переносится на завтра. А пока давай посидим здесь немного. У меня так дрожат ноги, что, боюсь, даже до нашего подвала не смогу сама добраться.

Анна все никак не могла переварить подслушанный разговор — в голове царил полнейший сумбур.

Латыпов, тезка покойного мужа, был долгое время настолько близок к Алексею, что считался его лучшим другом. настолько близким, что Дольников, насколько известно Анне, постоянно держал его в курсе своих служебных дел.

Позже, уже задним числом, Анна узнала, что последние несколько недель, еще задолго до того, как случилась беда, ее негласно охраняли, сменяя друг друга, сразу несколько сотрудников МВД.

Но когда ее перехватили на выходе из поликлиники, куда она регулярно наведывалась для осмотра и консультаций по поводу предстоящих родов, почему-то никого из телохранителей, о существовании которых, впрочем, сама она даже не догадывалась, поблизости не оказалось.

Люди, отвечавшие за ее безопасность, потом, наверное, нашли какие-то оправдания — виноваты, мол, недоглядели...

Но здесь явно не обошлось без предательства.

Анну Дольникову тогда обманно заманили в легковую машину. Потом, в ее-то положении, усыпили — до сих пор из легких не выветрился одуряющий запах хлороформа.

Неделю ее держали где-то за городом, в темной комнате, взаперти. Чудовищное напряжение, неизвестность, нервный срыв, одновременно страх, не столько за себя, сколько за будущего младенца, — все это вместе взятое привело к тому, что у нее уже на третьи сутки заточения начались схватки.

Тем сволочам, что держали ее в заключении, на все это было ровным счетом наплевать.

На четвертые или пятые сутки с ней захотел поговорить какой-то тип — лицо его скрывала маска, а кисти рук обтягивали кожаные перчатки.

«Кор-р-роче, шлюха! — рявкнул он раскатисто. — Счас будем звонить твоему козлу! Скажешь ему, что ты хочешь домой, поняла?! Скажешь, уже рожаешь! Что пацан твой уже сам наружу лезет! И что если твой козел будет дальше продолжать дурью маяться, то и тебе, и твоему выродку будет полный абзац!»

Он набрал на сотовом какой-то номер, но Дольникова отказалась говорить в трубку.

Тогда негодяй в маске ударил ее коленом в живот, а его подручный заснял ее, корчившуюся на полу от боли, на видеокамеру.

А потом ее, едва живую, еще двое суток удерживали взаперти. После чего вывезли куда-то и вышвырнули из машины у обочины шоссе.

Наверное, она никогда не сможет забыть того, что сделали с ней, с ее мужем и с их мальчиком, которого из нее достали мертвым.

Идиотка... Поверила предателю, когда тот заверил ее: «Аннушка, клянусь, я этих сволочей из-под земли достану! Пусть на это год уйдет, пусть даже больше, но я их найду, и тогда пусть не ждут пощады».

У нее, правда, было какое-то подозрение в отношении Латыпова, но она старалась гнать дурные мысли прочь, ведь он был закадычным другом Алексея.

А она, наивная дура, даже фотографию с собой повсюду возила, где они засняты втроем на даче Латыпова. Надеялась, что он и вправду намерен поквитаться за друга и его жену. Его слова: «Анюта, не вздумай только сама что-нибудь предпринимать, эти люди очень опасны, а ты все же не оперативный работник, так что держись от всего этого подальше, постарайся не думать о прошлом, пусть время пройдет, оно лучший доктор. А я буду искать мерзавцев, обязательно найду их со временем, и тогда им конец...» — действительно давали ей надежду.

— Иван, помоги мне встать, — попросила Анна. — Пойдем-ка в наш роскошный «Хилтон»...

Опираясь на худенькое плечо, она заковыляла к развалинам водонапорной башни.

— Иван, скоро мы будем с тобой ходить по Москве. Ты даже не представляешь себе, как сказочно красив мой... наш город. Ты только представь себе: повсюду огни — просто все вокруг залито светом. И целое море нарядных беззаботных людей... Представь себе: дома, похожие на дворцы, стоят целые и невредимые, по улицам можно ходить спокойно и не дрожать, никаких тебе артобстрелов и бомбежек... В магазинах полно всякой-разной еды, мы с тобой обязательно всю эту вкуснятину перепробуем... Метро! Иван, ты даже не представляешь себе, что это за колоссальное сооружение! Под землей ходят поезда, а станции похожи на сказочные дворцы... О-о, а Красная площадь! А Кремль! А Новый год приближается! Ух, Иван, как мы с тобой вместе встретим Новый год, ты даже себе не представляешь...

Она спустилась вслед за мальчиком в подвал и отгородилась от внешнего мира тонкой полоской жести.

— Вот увидишь, Иван, я свожу тебя в Кремль на новогодний детский праздник! Я тебе это твердо обещаю.

Глава 8

Команда Мокрушина упорно шла по следу Тимура Умарова.

Маневры, которые совершал «Горец» несколько последних суток, были пока не очень понятны его преследователям. Но зато они уже сумели на собственном опыте убедиться в том, что «столичный чечен» обладает целым набором качеств: он осторожен, хитер, умеет путать следы, к тому же чрезвычайно мобилен — в населенных пунктах, через которые проходил

известный лишь одному ему маршрут, он задерживался на очень короткое время и ни разу не находился в одном месте дольше двадцати четырех часов.

Уже было достоверно известно, что при Умарове неотлучно находятся пятеро вайнахов, с которыми он не расстанется с того момента, как покинул Джохар в ночь массированного авианалета, проехав через «коридор» в направлении Алхан-Калы. Помимо этого, в каждом населенном пункте авторитетные чеченские командиры выделяли «Горцу» людей для сопровождения, дабы он мог беспрепятственно достичь следующей точки маршрута.

Тимур Умаров отсутствовал в Москве уже почти полтора месяца, и складывалось впечатление: пока делами «общины» заправляют его доверенные лица, ведут от его имени перекачку финансовых средств для ведения войны и их «закладку» в чеченский котел, сам он возвращаться в столицу не торопится.

* * *

База для нужд группы «Мерлон» была оборудована в здании, где некогда размещался Гудермесский райвоенкомат. За последние десять лет данный объект несколько раз менял хозяев: головорезов из дудаевского департамента госбезопасности в девяносто пятом сменили сотрудники временного РОВД, которые делили служебные помещения с командированными в Гудермес фээсбэшниками; спустя год вернулись прежние хозяева, на смену которым вновь пришли «оккупанты».

Оставалось неизменным лишь одно: в подвалах здания, где были оборудованы помещения камерного типа, все эти годы содержали определенный контингент людей. Некоторых из них допрашивали с применением зверских пыток, других пытались расколоть угрозами, с третьими обращались более или менее гуманно, ограничиваясь самим фактом содержания в СИЗО. Но если называть вещи своими именами, то при любой власти данный объект являлся местом, где истязают и калечат людей — короче, это был самый настоящий застенок.

В связи с расследованием, проводимым «Мерлоном», за последние трое суток задержали восемь чеченцев, каждый из которых был довольно авторитетной личностью. Помимо братьев Эльбукаевых, в ходе «тихий» акций были захвачены и доставлены в застенки люди, с которыми контактировал в последнее время либо сам «Горец», либо кто-нибудь по его поручению. Двух чеченцев, посредничающих между гантемировцами и полевыми командирами, задержали сотрудники ФСБ, нагрянувшие под прикрытием спецгруппы в Алхан-Калу. Шестерых взяли сами гэрэушники.

Через Махачкалу в Гудермес добрались двое коллег Игоря Мануилова: вместе с АйБиЭм и под его чутким руководством им предстояло образовать местный филиал группы управления «Мерлон».

С полковником Шуваловым и командирами двух спецподразделений контактировал только Мануилов — он и только он один распоряжался бушминской и мокрушинской командами.

Что касается задержанных (вернее, захваченных) по делу «Горца» нохчей, то, кроме этих восьмерых, других узников здесь не было, а потому с вайнахами работали очень и очень интенсивно.

Мануилов в сопровождении полковника ГРУ спустился в расположенный под зданием изолятор. Коридор, по обе стороны которого располагались двери камер, был погружен в полумрак, лишь у входа тускло горел забранный решетчатым каркасом светильник. Всего

здесь было десять камер, по пять с каждой стороны коридора. Из одной, самой большой по площади «клетки», доносился отборный мат, сдобренный всхлипами и стонами, и слышались еще какие-то хлюпающие звуки, весьма отвратительные для человеческого слуха.

В этом помещении шел допрос парочки, доставленной этим утром из Алхан-Калы; согласно имеющимся данным, они были последними, кто контактировал с Умаровым.

— Как продвигаются дела? — спросил Мануилов у встретившего их в коридоре сотрудника ФСБ. — Есть подвижки?

— В принципе эти двое уже созрели. Хотите с ними поговорить?

— Чуть позже, — сказал Мануилов. — Отведите нас в камеру к Эльбукаеву-старшему.

Визитеры дружно раскатали черные вязаные шапочки, которые тут же трансформировались в спецназовские шлем-маски.

Сотрудник ФСБ, звякнув связкой ключей, нашел нужный, дважды провернул его в замочной скважине и, распахнув дверь, рывкнул: «Встать! Лицом к стене!» — после чего бросил вопросительный взгляд на посетителей.

— Оставьте нас с ними, — распорядился Мануилов. Затем сказал, обращаясь к чеченцу: — Присаживайтесь, Эльбукаев. Есть разговор к вам, нужно кое-что уточнить.

«Полковник», которого почти непрерывно допрашивали последние двое суток, выглядел не лучшим образом. Его лицо превратилось в сплошной кровоподтек, и видел он лишь одним глазом — другой заплыл и не раскрывался. Руки же, когда он послушно уселся на узкий топчан и положил их себе на колени, тряслись, как при болезни Паркинсона.

Мануилов уселся на топчан у противоположной стены, а Шувалов остался стоять; скрестив на груди руки, он пристально наблюдал за узником.

Воздух в камере был тяжелый, к тому же примешивался запах масляной краски, которой сравнительно недавно выкрасили стены в помещениях СИЗО.

— Давайте еще раз уточним ваши показания, — негромко проговорил Мануилов. — Выбравшись из Джохара по «коридору», Умаров и сопровождавшие его лица оставались до конца следующих суток в Алхан-Кале. Вам известно, Эльбукаев, с какой целью он посетил Джохар, с кем там встречался, о чем переговаривался и кто при этом присутствовал?

— Нет, не знаю, — прощамкал разбитыми губами Руслан. — Он мне не говорил, а сам я не спрашивал.

— Тогда двигаем дальше. Тимурkontakчил с вашей «ближней связью» и той же ночью в сопровождении своей гвардии, а также двоих ваших людей перебрался в Урус-Мартан, где спустя несколько часов довольно продолжительное время общался с известным вам Латыпом...

— Они говорили с глазу на глаз, — предупреждая следующий вопрос, сказал Эльбукаев. — Примерно два часа они проговорили. Потом федералы уехали, а с ними уехал и Латыпов. Тимур ночью выехал из Урус-Мартана, с ним было... да, человек десять, в том числе двое моих связников. Они отправились в Шали, а потом... насколько мне известно... должны были вернуться обратно в Алхан-Калу. А вот куда из этого села он собирался направиться... мне абсолютно неизвестно.

— Проясните еще один момент, Руслан. Ваш связник рассказал, что Тимур и его команда доставили из Джохара в Алхан-Калу какого-то человека... Он был не то с мешком на голове, не то ему просто завязали глаза и захомутали по ногам и рукам...

— Ну, не знаю... Тимур мне об этом ничего не рассказывал.

— Выходит, Умаров привез кого-то в Алхан-Калу, там этого человека спрятали, а в Урус-Мартан и Шали Тимур его за собой не возил, так получается?

— Так, наверное, и было. Но это не мой бизнес, а потому я Тимура ни о чем не спрашивал.

Мануилов извлек из внутреннего кармана фотографию, на которой был запечатлен Славянин — спецы пересняли с бушминской пленки, — и, не выпуская из пальцев, сунул ее под нос Эльбукаеву.

— Руслан, вы когда-нибудь встречали этого человека?

— Н-нет.

— Подумайте хорошенько! Среди сопровождавших Умарова людей был хоть один со славянской внешностью?

— Нет... Точно нет! Только вайнахи.

Разочарованно вздохнув, Мануилов убрал фото в карман. Затем, переглянувшись с Шуваловым, продолжил допрос:

— Теперь по сходке в Дуба-Юрте, одним из участников которой являлись и вы, Эльбукаев... Вы утверждаете, что целый ряд полевых командиров пытался оказать давление на Умарова, с тем чтобы он организовал серию крупных терактов в больших городах России. Какова была реакция самого Умарова?

— Резко негативная. Умаров сказал, что Калина и другие милицейские и фээсбэшные начальники очень строго предупредили лидеров московской, питерской и других крупных общин... Мол, если будет взорван хоть один дом или еще что-то... Короче, всем нашим в России будет очень плохо. Тимур сказал, что не надо быть идиотами. Что не надо рубить сук, на котором мы все сидим...

— От Умарова потребовали, чтобы он принял на себя фатву, так? Чтобы то есть поклялся на Коране, что совершит нечто такое, что заставит федералов приостановить военные действия или вообще вывести войска из Чечни. Я правильно вас понял, Эльбукаев?

— Да, предлагались разные варианты... Взорвать крупную электростанцию, желательно атомную... Отравить цианидами водопровод в Москве... Больницу крупную подорвать или нефтетерминалы в Новороссийске разрушить...

— А в отношении руководства России? Были какие-нибудь предложения?

— Да, конечно... Все или почти все говорили, что надо расправиться с Хитмэном. Здесь все поголовно ненавидят российского премьера, считают его врагом чеченской нации «номер один».

Визитеры в этот момент обменялись многозначительными взглядами.

— Кто еще, кроме Хитмэна?

— Командующий группировкой... Два министра — обороны и милицейский... Кто-то предложил убрать одного из олигархов, а подставить российские спецслужбы, чтобы мировая еврейская общественность устроила с Россией по этому поводу суровые разборки...

Мануилов, нахмурившись, покачал головой. Вот тебе задачка со многими неизвестными. Эльбукаев не врет, а если даже передергивает, то лишь слегка, потому что его показания прямо или косвенно подтверждены данными, полученными из других источников.

Кровь из носу, но задачку эту придется решить. Причем в сжатые сроки. Потому что чеченцы шутить не любят, а если и шутят, то юмор у них не то что черный, а с кровавым окрасом и с отчетливым inferнальным душком.

— Скажите, Эльбукаев... А на том «совещании», на котором вам довелось присутствовать, Умаров не говорил что-то вроде того, что выверенные «точечные» акции предпочтительнее крупных, но безадресных терактов?

«Полковник» задумался. Потом с усилием покачал головой:

— Нет, я такого не помню... Многие были недовольны Тимуром и другими авторитетами, из тех, что проживают в России. Ругались, что мы вот джихад объявили, а вы нас не поддерживаете. Мы, мол, сражаемся как настоящие воины, а вы в Москве бизнес делаете и с русскими проститутками развлекаетесь...

— А что Умаров на такие обвинения отвечал?

— Примерно следующее... Если мы свернем бизнес, то и война тут же закончится, потому что нечем будет воевать, да и денег не будет, чтобы наемникам платить... Говорил, что надо не только кричать на всех углах «Аллах акбар!» и резать русских, как баранов, но еще полезно и головой думать. Намекал, что среди федералов есть какие-то разногласия, в том числе и в Москве, на самом вершине, и вот этими разногласиями и надо воспользоваться на всю катушку — так, как это удалось сделать в прошлую войну.

Помолчав немного, Эльбукаев добавил:

— Мне показалось, Тимур был недоволен, что такие разговоры велись в присутствии многих авторитетов. Он так и сказал: "Вы бы еще эти дела на шуре начали обсуждать, как можно о таких вещах заявлять на весь белый свет? Но у нас многие думают по-другому, а потому Умаровым и его речами не все остались довольны... А я могу спросить? Что будет дальше... со мной и с моим братом?"

— Это не мне решать, — сказал Мануилов. — Полагаю, вас ждет отсидка. Если будете и дальше с нами сотрудничать, то года через три-четыре окажетесь на свободе. Хотя, если между нами, Эльбукаев, ваши с братом деяния тянут на оч-чень продолжительный тюремный срок...

Он в задумчивости тербил нижнюю кромку шлема, скрывавшего его лицо.

— Еще раз уточним, Эльбукаев. Очень существенный момент. Давал Умаров фатву или нет? Поклялся он в присутствии полевых командиров и посредников, что выполнит какие-то их требования, или же все закончилось пустыми разговорами?

— Что касается фатвы, то я точно ничего утверждать не берусь, — подумав немного, ответил

Эльбукаев. — Но я сомневаюсь, чтобы все закончилось пустыми разговорами.

— Полагаете, на сходке в Шатое в очень узком кругу было принято какое-то конкретное решение?

Эльбукаев, силы которого явно были на исходе, тихо проговорил:

— Про Шатой ничего не знаю. Если и была там сходка, то таких, как я, туда никто не звал.

Глава 9

Заперев камеру, в которой Эльбукаев дожидался решения своей участи, сотрудник ФСБ, чье лицо также скрывала маска, первым делом сообщил новости:

— Один из «свежих» чеченов согласился ответить на все вопросы. В том числе и по Умарову.

— Надо же... — удивился Мануилов. — Какие разговорчивые вайнахи нам попались.

Они прошли в довольно просторную камеру, которая использовалась в качестве помещения для допросов, поэтому топчаны — или двухэтажные шконки — здесь отсутствовали. Двое сотрудников, осуществлявших «профилактику», даже взмокли от трудов своих праведных. В помещении стоял тяжелый дух, настоящий на запахах блевотины, пота и крови.

Шувалов опасливо наблюдал за не слишком привычным к подобным зрелищам Мануиловым: не укачает ли, не стошнит ли самого с непривычки? Но тот держался молодцом.

Дознаватели подробно рассказали о том, что им уже удалось выведать. После чего по просьбе Мануилова — «перекурите пока, ребята» — покинули ПКТ.

Чечен, которого специально обученные люди довели до нужной кондиции, сидел на полу, привалившись спиной к стенке. Выглядел он лишь немногим лучше, чем Эльбукаев, но можно было не сомневаться: «клиент» вполне созрел для откровенного разговора.

Шувалов передвинул табурет поближе к вайнаху.

— Присаживайся, Рустам.

Когда тот подчинился, полковник выбрал из кучи тряпья чистую ветошь, смочил ее в ведре с водой, после чего передал чечену, лицо которого было в крови.

— Итак, Рустам, ты утверждаешь, что Умаров привез из Грозного в Алхан-Калу какого-то человека, что Тимур и его люди остановились в твоём доме и что ты сопровождал Умарова в его поездках в Урус-Мартан и Шали... Я правильно тебя понял?

Чеченец закивал.

— Они были на двух машинах, так? И с ними был мужчина, которого они держали при себе в качестве пленника?

Допрашиваемый снова кивнул.

— Опиши нам этого пленника.

Чеченец вначале покосился на стол, где были разложены дубинки, и лишь после этого заговорил:

— Он был в камуфляже без нашивок. На голове — черный мешок. Руки связаны за спиной. Рост... Метр восемьдесят или чуть выше... Вот все, что я видел.

— Ты с ним разговаривал?

— Нет.

— А другие?

— Нет, при мне никаких разговоров не было. С этим... пленным никто вообще не разговаривал. Рядом с ним постоянно находились двое, ну... из тех, кто приехал из Джохара. Они от него ни на шаг не отходили. Даже когда Умаров уехал с остальными, эти остались в Алхан-Кале.

— Вы уверены, что Умаров не контактил с пленным? Или как правильнее сказать — заложником?

— Я ничего такого не видел, начальник... Но его, то есть заложника, привезли на другой машине те двое, о которых я вам говорил. Мне даже показалось, что они отдельно от Умарова, что у них какой-то свой бизнес... Но потом сам Тимур сказал, что надо, мол, спрятать одного человека, потому что мне надо съездить в Урус-Мартан, а его я с собой брать не хочу.

— Рустам, тебе фамилия Бегляев что-нибудь говорит? — поинтересовался после паузы Мануилов. — Ты слышал когда-нибудь такую фамилию?

Подумав какое-то время, чеченец отрицательно покачал головой. Мануилов полез было в карман за фотографией, но затем передумал: какой смысл показывать этому типу фото Славянина, если он не видел заложника в лицо? Вероятно, люди Умарова по какой-то причине не хотели светить внешность своего пленника.

Что касается названной только что фамилии, то вряд ли сам Славянин теперь ее помнит. Почти неделя времени ушла на то, чтобы с большой долей вероятности идентифицировать его личность. Под подозрение попали десятки людей, но, учитывая масштабность розыскных мероприятий, удалось все же напасть на след.

Итак, Бегляев Александр Анатольевич, 1967 года рождения, на свет появился в Костроме, русский, семейное положение неизвестно.

В 1989 году окончил Рязанское высшее воздушно-десантное командное училище имени Ленинского комсомола. Увлекался стрелковым спортом, по окончании учебы примерно год служил инструктором по стрелковой подготовке при своей альма-матер. В дальнейшем проходил службу старшим инструктором в «школе снайперов», как называют курсанты Особые учебные курсы снайперов спецназа.

По отзывам сослуживцев, Бегляев был настоящим мастером. Его конек — «дальний бой», то есть точная снайперская стрельба на дальние и сверхдальние расстояния.

Те же сослуживцы рассказали, что Бегляев исчез из виду летом девяносто второго года. Ушел отгуливать положенный ему отпуск, а назад уже не вернулся. А поскольку семьи у старлея не было, а близких дружеских связей он не заводил, то его дальнейшей судьбой никто особо не

интересовался.

Возможно, это случайное совпадение, но именно в те годы возник острейший дефицит таких специалистов, каким, если верить характеристикам, являлся Александр Бегляев.

А вот в его нынешней биографии — сплошные пробелы. В настоящий момент существуют сразу несколько версий того, чем занимался этот человек последние восемь лет. И каждую из версий придется исследовать самым тщательным образом.

— Вы утверждаете, — продолжил допрос Мануилов, — что Умаров звонил кому-то со своего спутникового терминала?

— Звонил. Когда мы вернулись из Шали. У него была с собой аппаратура. Звонил он из соседней комнаты, но говорил по-английски, так что я ничего не понял.

— А потом он попытался связаться с кем-то по УКВ-рации?

— Да, он несколько раз вызывал... кажется, позывной «Энигма».

Мануилов посмотрел на полковника, и тот утвердительно кивнул головой.

— Ну и как, удалось Умарову связаться с «Энигмой»?

— Да, ему в конце концов ответили. Тимур сказал, что посылка при нем, но желательно, чтобы кто-то приехал и забрал. На что «Энигма» ответила, что поездка в Алхан-Калу нежелательна и что он, то есть «Энигма», предлагает встретиться в Мещерской, там он сможет забрать посылку... А на рассвете Умаров и его люди уехали. И этого... заложника они тоже с собой увезли.

— Они не сказали, куда именно, в какой населенный пункт собрались ехать?

— Нет, только поблагодарили за гостеприимство.

Задав еще несколько вопросов, Мануилов прекратил допрос. Чуть позже, когда они уже выбрались из этих жутких подвалов, он, не скрывая озабоченности, сказал:

— Складывается впечатление, что чеченцы задумали что-то серьезное...

— Тот заложник, которого втайне возит за собой Умаров, скорее всего и есть уже знакомый нам Славянин, — проговорил Шувалов. — Он явно хочет перепродать этого типа. Или же обменять его на какие-то услуги либо на информацию. И похоже на то, что потенциальным покупателем является один из наших фигурантов.

— Вот что, Сергей Михалыч... Мне все еще не ясна история с Дольниковой. Как она попала в Чечню? Откуда взялся сын? Хотя отчество сходится... Я же вам рассказывал, что своего ребенка она потеряла, а у Дольникова в первом браке детей вообще не было... Почему вдруг решила продемонстрировать свое мастерство? И действительно ли она подстрелила трех сотрудников на «блоке» у Ассиновской? Короче, вопросов по ней набралась чертова куча. И даже из Москвы — я говорю о нашем дорогом Викторе Константиныче — этой историей заинтересовались...

— А что ответили на ваши запросы? Есть ведь родственники, знакомые, кто-то ведь должен знать, когда и куда она отправилась, где обретается в настоящий момент. Может, здесь ошибка

какая-то?

Мануилов отрицательно покачал головой.

— Уже известно, что Дольникова действительно отправилась на Северный Кавказ, хотя и неизвестно, с какой целью... Предлагаю поступить следующим образом. Часть людей нам все равно нужно перебросить в Слепцовскую. Пошлем туда Бушмина и его команду. А в качестве доверенности попросим Андрея Михалыча лично проверить некоторые сведения по Дольниковой. Раз он раскопал эту историю, пусть и дальше держит все под своим контролем.

— В Мещерскую пошлем Рейнджа?

— Да, причем в срочном порядке. Вряд ли Умаров там задержится, но чем вайнахский черт не шутит...

Глава 10

Около десяти утра в самом центре станицы Мещерская, на рынке, в базарной толкучке, была убита местная жительница, тридцативосьмилетняя Наталья Агафонова.

Наталья, бывшая учительница, мать троих детей, лишилась мужа года два назад. А старшая дочь, шестнадцатилетняя Даша, в один из ноябрьских дней отправилась к подруге, проживающей на другом конце станицы, и с той поры Дашу больше никто не видел.

По поводу пропажи дочери Агафонова не раз обращалась к местным властям. Она написала заявление на имя начальника временного РОВД, несколько раз посетила комендатуру, где просила помощи у военных, даже добилась личной аудиенции у главы местной администрации Ильдаса Искирханова.

Во всех инстанциях пообещали разобраться. Но если сотрудники милиции предположили, что девушка скорее всего находится среди других заложников на занятой боевиками территории, то Искирханов позволил себе еще и грязный намек: «Может, Агафонова, ваша дочь в проститутки подалась? Тогда вам лучше искать ее не здесь, в Чечне, а в Москве, на Тверской...»

Женщина с раннего утра заняла место на бывшем колхозном рынке. Конечно, такой оживленной торговли, как лет восемь-десять назад, сейчас не было и в помине. Хотя военные действия в станице не велись как в первую чеченскую, так и в ходе нынешней кампании, все же у местных с наличностью было туговато — где ж взять живые деньги, если платить пенсии и пособия стали только последние два месяца? Но станица после прихода, вернее, возвращения федералов стала постепенно оживать, поэтому и на базарчике кое-какая торговлишка наладилась.

Агафонова принесла из дома для продажи почти новый ковер, мужнин костюм, который долгое время не решалась продавать — надеялась получить хоть какую-то весточку от мужа, — пять упаковок «сухпая», презентованных ей сердобольными солдатиками на железнодорожной станции, и еще кое-что из «гуманитарки», которую она получала на двух своих младших детей.

Наталья опасалась, что ее девочку похитили местные чеченцы, а затем перепродали в горную Чечню. Там ее могли превратить в рабыню, в наложницу одного из наемников-арабов или

перепродать дальше, в турецкий либо саудовский бордель.

Агафонова решила продать самое ценное из сохранившегося имущества, чтобы выручить хоть какие-то живые деньги. Для начала ей нужна была сумма в четыре тысячи рублей, чтобы заплатить посреднику, одному из чеченцев, который взялся навести справки о судьбе ее пропавшей дочери.

...Женщину несколько раз ударили ножом в спину. Какое-то время она лежала на земле, в жиже из взбитого ногами снега и грязи, напившейся кровью. Ее бледное лицо было запрокинуто к угрюмому свинцовому небу; она лежала недвижимо до тех пор, пока труп не обнаружили омоновцы, появившиеся на рынке, чтобы выяснить, почему вдруг опустела площадь.

Федералы, обнаружив такого рода находку, мрачно переглянулись: еще одно бессмысленное убийство, еще одно жертвоприношение ичкерийскому Молоху.

За несколько часов до этого, в предрассветные часы, неизвестными лицами был открыт огонь по наряду милиции, патрулировавшему железнодорожные пути в районе депо, но, к счастью, на сей раз обошлось без человеческих жертв.

На днях были похищены двое солдат срочной службы из состава комендантской команды. Кто-то зашвырнул в окно райотдела милиции гранату, и лишь неопытность метателя — в корпусе «РГД-5» вместо запала в трубку была ввинчена предохранительная пластмассовая пробка — уберегла жизни трем сотрудникам милиции.

Такого рода ЧП происходили в станице Мещерской, в этой важной для федералов точке на карте Чечни, почти каждый божий день.

Вдобавок ко всему население стало пополняться за счет чеченских юношей призывного возраста и зрелых мужчин. О недавних же занятиях вновь прибывших нетрудно было догадаться по их обветренным лицам, по их глазам с волчьим высверком и по тем отметинам, которые оставляют на коже пороховые газы. Что это за публика, почти всем было понятно, но большинству боевиков, прибывших в эти края на отдых — или с какой-то другой целью, — удалось успешно пройти процедуру регистрации и легализоваться в Мещерской.

В местной больнице почти в открытую проходили лечение нохи с огнестрельными и осколочными ранениями. Как только их раны заживали, как только врачи ставили их на ноги, они тут же куда-то бесследно исчезали, а в больницу невесть откуда прибывали новые «пациенты».

Более половины населения станицы составляют вайнахи, что же касается остальных жителей, то это преимущественно терские казаки, давно уже через смешанные браки породнившиеся с чеченскими кунаками.

Крупный железнодорожный узел был заставлен эшелонами с самым разнообразным грузом, а также топливными цистернами. Именно здесь в последние недели разгружались многие из прибывающих в Чечню частей и подразделений, кроме того, еще немаловажно: через Мещерскую проходит нефтепровод, через который качают не только местную, но и бакинскую нефть.

Напряжение в станице и соседних населенных пунктах нарастало, и не замечать этой опасности мог только дурак или слепец.

* * *

— Надо ср-очно проводить профилактику! — сказал Заруцкий, обращаясь к местной «тройке». — Причем немедленно, потому что завтра уже придется здесь делать жесткую зачистку!

«Тройка», составлявшая местное руководство — военный комендант, начальник райотдела милиции и глава администрации Искирханов, — хотя и понимала правоту взвэшного полковника, но все еще колебалась: стоит ли им принимать сторону Заруцкого, человека очень влиятельного, но склонного к жестким поступкам?

— Мне понадобится от трех до четырех часов, — проинформировал их полковник. — Я гарантирую, что местные нохчи после моей профилактики станут шелковыми! Не то что выстрелов, даже чиха чужого вы в станице не услышите!

* * *

Через два с небольшим часа после начала акции, для проведения которой Заруцкий задействовал батальон внутренних войск, ожидавший погрузки в вагоны на станции, а также подразделение ОМОНа и одну из подчинявшихся ему напрямую мобильных бронегрупп, были созданы все предпосылки для намеченного полковником мероприятия воспитательного характера.

Три десятка нохчей в возрасте от пятнадцати до сорока лет стояли со связанными сзади руками на самом краю глубокой траншеи, которой вскоре предстояло стать могильником.

Кто-то из местных авторитетов явно намеревался присосаться к «большой трубе» и распорядился сделать ответвление для нужд собственного нефтеперегонного заводика, но приход федералов спутал ему карты, а уже вырытую траншею никто не удосужился засыпать.

Пятерых чеченов из числа выздоравливающих выхватили прямо из больницы, остальных брали из домов, в темпе прочесав несколько кварталов. Потом связали руки, охаживая прикладами и дубинками, утрамбовали в старенький «ПАЗ», вывезли за околицу и выстроили на краю траншеи.

Взвэшный подполковник в маске, заместитель Заруцкого, стал проводить с понурившими головы абреками воспитательную работу. Смысл его речей сводился к следующему: если в станице и ее окрестностях произойдет еще хоть одно ЧП, если не прекратятся ночные обстрелы и будет убит еще хоть один человек, тогда все регистрации аннулируются, в населенном пункте будет по-новому произведена зачистка, все мало-мальски подозрительные субъекты будут отправлены в фильтры, а смутьянов, кто по ночам бродит с оружием, а днем прячет его в «нычки», ждет этот вот глубокий ров.

Пока подполковник «воспитывал» чеченов, Заруцкий делал выговор Искирханову в его служебном кабинете, расположенном на втором этаже управы.

Поскольку они общались наедине, то полковник особо не стеснял себя в выражениях.

— Тебя зачем на это место поставили, Ильдас?! Чтобы ты следил здесь за порядком! А ты вконец распустил своих нохчей! Какого лешего?! Зачем пускаешь боевиков в Мещерскую?! Не хрена им здесь делать! Пусть воюют в Джохаре, в горах, а здесь им не место! Почему я должен этим дерьмом заниматься? А ты тогда на что сдался? Думаешь, у меня других забот нет?!

Говорил он медленно и веско, чтобы каждое слово втемяшилось в башку чечена. Да еще вдобавок приставил к его груди указательный палец и долбил, точно дятел, чтобы «управленец» надолго запомнил урок.

Ильдас, крепкий и коренастый мужчина лет тридцати пяти, с хитрющими глазами-буравчиками на смугловатом, выбритом до синевы лице, то пытался что-то сказать, то тут же, словно осознав свои промахи, принимался угодливо кивать головой.

— Должен быть порядок, понял?! — жестко сказал полковник. — Чтобы впредь у тебя здесь было тихо и покойно, как на сельском кладбище! А то твои же кунаки, если ты нам дело сорвешь, из тебя сделают виноватого.

Местный «голова» хотел что-то сказать, но Заруцкий вспомнил, о чем намеревался расспросить Искирханова.

— Ильдас, недавно здесь был Латып, так?

— М-м... Латып? — Искирханов отвел глаза. — Он сам тебе рассказал?

— Я тебе, кажется, задал вопрос.

— Да, заезжал ненадолго. Не знаю, какие-то дела у него здесь были... А что случилось?

Заруцкий еще раз с силой ткнул чечена пальцем в грудь.

— Пока ничего не случилось, Ильдас. Но если ты, дорогой кунак, будешь за моей спиной какие-то козни строить, с тем же Латыпом без моего ведома и согласия какие-то делишки прокручивать, то случиться может всякое и разное...

В этот момент включился «Кенвуд». Заруцкий, выслушав сообщение, которое ему передали по радиации, вполголоса выругался.

Дверь за полковником захлопнулась с такой силой, что с притолоки посыпалась штукатурка.

* * *

«Ми-8 Салон», рассчитанный на перевозку высокого начальства, приземлился на площадку рядом со станцией. Когда к вертолету подкатил пятнистый джип, по площадке уже вышагивал генерал-лейтенант Карабанов, рядом с которым держалась добрая дюжина «навороченных» спецназовцев.

Карабас очень беспокоился за свою драгоценную жизнь, поэтому повсюду, где бы он ни появлялся, даже в Москве, его прикрывала охрана.

Вместо приветствия генерал проворчал:

— Что ты себе позволяешь, Заруцкий? Кто дал тебе «добро» на зачистку?

Наверняка уже кто-то «стукнул», подумал взвэшник. Но сказал совсем другое:

— Да нет никакой зачистки. Небольшая профилактика, не более... Задержали несколько чеченцев, сейчас им прочитают «лекцию», потом отпустят по домам. Так что я не вижу оснований для... беспокойства.

Приблизившись к Заруцкому вплотную, генерал негромко проговорил:

— Я смотрю, ты слишком много стал брать на себя. В последнее время ты уже несколько раз крупно меня подставил. Особенно когда подписал меня на авантюру с наездом на гэрэушников. Смотри, Николай... Мое терпение не безгранично.

Заруцкий молчал, никак не реагируя на выговор начальства.

— Я здесь не задержусь, — продолжал Карабанов. — Мне в Гудермес надо наведаться, но тут услышал о чинимых тобой безобразиях и решил сделать остановку в пути... Вот что, полковник. Все «мероприятия», ну, ты понимаешь, о чем я, временно сворачиваем. Ты меня понял?

Заруцкий, все так же молча, кивнул.

— Не позднее двадцать седьмого чтобы был в Москве, — сказал генерал. — Будем менять одну из наших бригад, так по этому поводу решено в Подмосковье устроить показательное мероприятие.

Бросив пристальный взгляд на подчиненного, он сказал напоследок:

— Что-то, Николай, ты какой-то подозрительный стал... Ладно, не буду больше читать тебе мораль, в Москве обо всем поговорим.

Проводив взмывшую в небо вертушку недобрым взглядом, Заруцкий вернулся в джип, где его дожидался ближайший помощник Авдеенко.

— Я был, товарищ полковник, в Ханкале. Потом проехал по трассе, переговорил с командирами «блоков»... Показывал им фотоснимки, которые нам коллеги передали... — Он вытащил из внутреннего кармана бушлата пачку фотоснимков. Отобрав с полдюжины, передал их Заруцкому, остальные сунул обратно.

— А у этого... у оператора, который на гэрэушников как почтальон работал, кроме этих фото, при себе больше ничего не было? Письма какие-нибудь, видео— и аудиозаписи?

— Да, он вез с собой несколько кассет, — сказал Авдеенко. — Все это дело, конечно, изъяли, но просмотреть записи как-то не было времени... Короче, опознали сразу несколько человек, но главный у них... вот этот!

Внимательно рассмотрев все фотоснимки, в особенности же тот, на который было обращено его особое внимание, Заруцкий удовлетворенно кивнул:

— Я хоть без маски его не видел, но чую хребтом: это он! Оч-чень хорошо...

— Старлей с «блока» возле Ассиновской уверенно его опознал. Они под видом «антиснайперов» там и еще в других местах отирались.

— Борец, говоришь, со снайперами? — в задумчивости проговорил полковник. Затем, немного помолчав, повторил: — Оч-чень хорошо...

Глава 11

День выдался какой-то неудачный, наполненный суетой и неприятностями, так что

Искирханов добрался до дома лишь поздним вечером. Двое вайнахов из числа дальних родственников, которых он временно взял к себе на постой — заодно они охраняли домовладение, — дождались, когда джип проедет во двор. Затем закрыли массивные створки ворот и заперли их на ночь.

Потом один из вайнахов выпустил из вольера свирепую кавказскую овчарку. После чего принялся возле гаража наводить глянец на бока джипа, поскольку машина была заляпана грязью по самую крышу. Другой же вайнах последовал за хозяином в дом.

Хотя еще не все работы были закончены и не все помещения обставили мебелью и украсили коврами и шелками, все же трехэтажные хоромы, которые выстроил недавно для себя Искирханов, уже сейчас казались настоящим дворцом.

Хитрый и осторожный Ильдас не стал строить для себя новый дом в станице, где могут иметь место и зачистки, и все, что угодно, вплоть до артобстрелов и бомбометаний, а возвел свой «замок» километрах в четырех от околицы.

Конечно, по нынешним лихим временам жить в уединенном месте небезопасно, но, с другой стороны, кого ему здесь бояться? Кто посмеет тронуть его хоть пальцем, тот не проживет и одного дня.

Навстречу ему вышла шестидесятилетняя вдова и приживалка тетка Зулейка, обряженная во все черное. Она и стряпуха, и стиркой-уборкой занимается, и за наложницей приглядывает, чтобы та не сбежала ненароком.

Свою семью, жену и двух детей, Ильдас еще пять лет назад переправил к родственникам в Турцию. Там они и прижились.

Поскольку мужчине нельзя без женщины, а старая карга, которую все здесь кличут «женщина», таковой, по сути, давно не является, то Ильдасу приходится содержать еще и наложницу, а случилось и так, что и двух наложниц сразу.

Вот как сейчас, когда у него в доме живут две русские девчонки, одну из которых должны на днях переправить в горы. Днем их держат взаперти в хозпостройке, возле собачьего вольера, а ночью, когда у хозяина есть соответствующее настроение, они делят с ним пустующее в отсутствие жены ложе.

— Я не буду ужинать, женщина, — нахмурился Ильдас. — Приведи девчонок ко мне в спальню. Умар, ты мне тоже не нужен, я устал и хочу отдохнуть.

Старуха, по обыкновению не произнося ни слова, отправилась выполнять хозяйское распоряжение.

* * *

Искирханов был зол и мрачен, как грозовая туча. Сейчас он стал самим собой, ему не было нужды скрывать свое истинное лицо — он не на людях, а у себя дома, где каждое его слово — закон.

Ох как нелегко лавировать между своими братьями вайнахами, среди которых уже давно нет единства и духовного братства, и российскими военными, которые тоже частенько не могут поладить друг с другом — так свора собак грызется за кость! Вот и сегодня ему пришлось

выслушать упреки сразу с двух сторон. Одни попрекают — почему, мол, позволяешь так измываться над нами русским собакам? Другие бранятся: держи своих нохчей в крепкой узде...

Кое-кто забывает, а возможно, просто не знает, что «нохчи» в дословном переводе означает «волки».

В отличие от собачьего племени, к которому принадлежат в первую очередь «русские люди», волки не поддаются никакой дрессуре, их невозможно заставить служить, а вернее, прислуживать, потому что эти гордые и мощные существа признают лишь две вещи — волю и дикую стихию охоты.

Как и все истинные чеченцы, Ильдас в душе люто ненавидел русских, но, вынужденный считаться с реальностью, с выгодой для себя и для своего тейпа сотрудничал кое с кем из них. А когда случались такие неприятные эпизоды, как нынешний, он с огромным удовлетворением отыгрывался на русских наложницах, насилуя их и всячески унижая их человеческое достоинство.

Хозяин взял из бара бутылку и толстостенный стакан — к черту нормы шариата! Налил почти полстакана неразбавленного скоча, затем, запрокинув голову, одним махом опорожнил емкость.

Поднялся по лестнице на второй этаж, ощущая, как по телу разливается тепло, как на смену раздражению и усталости приходит приятная истома. Следом за ним в хозяйскую спальню поднялась и Зулейка, толкая впереди себя двух юных наложниц с заспанными лицами.

— Оставь нас, женщина, — распорядился Ильдас. — Разбудишь в семь утра. Все, иди...

Усевшись на край своего ложа, он вперился тяжелым взглядом в заспанные лица юных наложниц. Той, что уже около месяца находилась в его доме, было лет шестнадцать. Лицо — с россыпью веснушек, вздернутый носик, по-детски припухлые губки, ямочки на щеках. Такой она была раньше... А сейчас на лице девушки застыло выражение тупой покорности. Другая — чуть постарше, ей лет восемнадцать, и у нее уже развитая, как у взрослой женщины, грудь с выпуклыми темно-коричневыми сосками и крутые бедра.

— Что застыли? — проворчал Ильдас. — Раздевайте меня и сами раздевайтесь.

Девчонки стали медленно освобождаться от одежды: вот одна сбросила наброшенное на плечи пальтецо, затем другая. Потом так же неторопливо избавились от остальной одежды. После чего принялись разоблачать строгого хозяина.

— Что вы возитесь! — прикрикнул Ильдас. — Живее! Мне еще нужно время, чтобы выспаться!

Он рывком привлек к себе младшенькую. Для начала больно куснул ее за сосок, а когда она, взвизгнув, попыталась отстраниться, одной рукой облапил ее за ягодицы, а другой забрался в промежность.

— Ну что?! Зажила твоя задница? Нет? Ну так это твои проблемы.

Новенькая, исполняя прихоть хозяина, присела перед ним на корточки и принялась обихаживать его мужское достоинство. Она, хотя возрастом постарше и выглядит, как зрелая женщина, действовала не слишком умело, возможно, сказывался недостаток опыта в таких забавах. Ну да ладно, он и эту обучит, как обучил в своей жизни немало малолетних шлюх.

— Теперь меняйтесь... Вот так... По очереди!

Чувствуя, как подступает миг разрядки, Ильдас Искирханов блаженно смежил тяжелые веки.

— Ну что же вы? Не останавливаться! Кому сказал?!

Он еще не успел раскрыть глаза и понять, что происходит, когда над ухом прозвучал резкий мужской голос:

— Счас, чеченская падла! Счас ты у меня покайфуешь!

Мокрушин, схватив пятерней копну жестких волос, приподнял чечена, а потом коротко, без замаха, треснул другой рукой по роже.

— Уберите девушек, — процедил он сквозь зубы. — А ты, гребаный козел, чего разлегся?! Вставай, сучара!

Он пнул ботинком хозяина, который от полученной затрещины растянулся на полу кверху своей мохнатой, заросшей курчавой шерстью спиной.

Он еще раз пнул хозяина носком ботинка.

— Поднимайся! Я, что ли, одевать тебя должен?! А впрочем, хрен с тобой, не хочешь одетым, так пойдешь с нами голышом!

Мокрушин уже хотел уйти, предоставив одному из бойцов возиться с Искирхановым, но тот вдруг заголосил:

— Я представитель власти! Что вы себе позволяете?! Я...

— Дерьмо ты! — бросил через плечо Рейндж. — А кто мы такие, урод, тебе объяснят уже на том свете.

С минуту Мокрушин стоял посреди просторной гостиной на первом этаже особняка. Потом, плюнув на зеркальный паркет, заявил:

— Ерунда, Тимоха, мы с тобой еще и не такие хоромы видели, верно?

— И не такие крепости брали, — вторил Рейнджу его заместитель. — Сколько у нас времени?

— Пятнадцати минут вполне достаточно. Спросите у девчонок, может, еще кто из заложников в доме обнаружится... Подвалы надо осмотреть... Сейф у хозяина выгрести. Не только бумаги, но и бабки, и прочие ценности — изъять! Чтобы на грабеж и вооруженный разбой смахивало, вкуче с похищением хозяина для получения выкупа. Ясна задача, бойцы? Тогда действуйте!

Мокрушин и сам прошелся по дому. Затем, несколько секунд безмолвно постояв над мертвой чеченской женщиной — старая карга что-то почуяла, выперлась в коридор с охотничьей дувстволкой, пришлось ее застрелить, — вышел на свежий воздух.

Собаку же приговорил одним точным выстрелом снайпер, стрелявший метров с восьмидесяти, взобравшись на высокое дерево, росшее за забором. Овчарка к этому моменту уже несколько раз подала голос, видно, что-то учуяла, и тот чечен, что возился подле гаража, уже начал беспокоиться. Но не очень долго беспокоился: почти одновременно со снайпером, стрелявшим

из малошумного винтореза, сработал боец, вооруженный боевым арбалетом с мощной ночной оптикой.

Еще одного чечена, помимо Искирханова, взяли живьем: видимо, судьба такая у гэрэушников — таскать чеченов не перетаскать, и все парами попадают.

* * *

Вертолет «Ми-8МТ», оборудованный аппаратурой для ночных полетов, спустя час с небольшим доставил всю компанию в Гудермес.

К сожалению, ни Умарова, ни того субъекта, которым так заинтересовался Мануилов, в Мещерской не оказалось — они покинули станицу примерно за сутки до появления там мокрушинской команды.

Понятно, что Искирханова и его дальнего родственника уже дожидались в застенке. На него даже не пришлось особо давить, Ильдас, не чувствуя за собой никакой вины, — ведь он не совершал ничего противозаконного? — согласился рассказать о том, какие гости побывали в его усадьбе прошлой ночью, кто с кем контактил и когда они уехали.

Относительно наложниц он все отрицал: несколько дней назад, мол, подобрал девчонок на улице, приютил-накормил-обогрел, собирался передать федералам, но вот... не успел.

Одну из этих русских девушек звали Дарьей Агафоновой.

Глава 12

После начала боевых действий в Чечне станица Слепцовская превратилась в прибежище для тысяч и тысяч беженцев. Чеченцы, русские, даргинцы, авары, люди других национальностей, кто спасаясь от авианалетов и артобстрелов, жестких зачисток и произвола российских спецподразделений, кто, наоборот, опасаясь массового террора со стороны озверевших «воинов ислама», кто потеряв кров над головой или близких, — вся эта масса бедствующих, смертельно уставших людей была сорвана войной с обжитых мест, и теперь они вынуждены были тесниться на крохотном пятачке ингушской земли.

Они жили, вернее сказать, выживали, где придется и как придется. Беженцы ютились в едва отапливаемых походными печками эмчэсовских палатках, в землянках и поставленных на прикол вагонах, в автобусах и наспех сколоченных бараках, а также в частных домах, если их хозяева соглашались потесниться, в школах, общежитиях и даже в административных зданиях — здесь каждый квадратный метр жилья ценился на вес золота.

Помощник коменданта, сидевший за рулем белой «Нивы», сверился с записанным на бумажке адресом.

— Тут, в этом доме, их контора... Мне дожидаться вас или могу быть свободен?

Бушмин прикинул, что от «Северного», где в одном из плацкартных вагонов разместилась его команда, они проехали всего ничего — минут пятнадцать ходьбы, а потому задерживать местного сотрудника не было особой необходимости.

— Спасибо, майор, что подбросил. Дорогу мы теперь знаем, так что обратно пешим порядком

доберемся.

В двухэтажном здании, некогда занимаемом местным райсобесом, теперь размещались представительства организаций гуманитарного характера: «Врачи без границ», «Хьюман райтс» и миссия МККК. Именно филиал Красного Креста и нужен был Бушмину, надеявшемуся навести здесь справки об одной интересующей его личности. Письмо, отправленное Дольниковой в адрес самой близкой подруги, было послано из Слепцовской 27 ноября, а в качестве обратного адреса указан местный филиал МККК; причем послание шло из Ингушетии в Москву две с лишним недели.

Обнаружилось еще с полдюжины писем, одно из которых было адресовано мачехе, с более ранней датой отправления.

Своему телохрану Ивану Гарасу, дабы тот не смущал местных жителей своей внушительной гвардейской статью, Бушмин велел дожидаться на улице. А самому Андрею, чтобы попасть в миссию, пришлось пройти в здание через двор, воспользовавшись черным ходом.

Поднявшись по лестнице на второй этаж, Бушмин сунулся в первую же дверь. Небольшое помещение было заставлено какими-то ящиками, коробками и упаковками. На краешке стола примостился мужчина лет сорока с небольшим; он, просматривая содержимое одного из разукомплектованных ящиков, что-то отмечал шариковой ручкой в своих бумагах.

— Чем могу быть полезен? — спросил он, глядя на незнакомца — крепкого рослого мужчину лет тридцати, одетого в куртку «пилот».

Продемонстрировав одну из своих ксив, Бушмин сказал:

— Подскажите, где я могу найти Анну Дольникову?

— Дольникова? Гм... — Мужчина на несколько секунд задумался. — Пожалуй, вам лучше по этому вопросу обратиться к Вере Николаевне. Ее кабинет напротив.

Женщине, которая до появления Бушмина рылась в грудe накладных, было лет тридцать пять. Открытое, приветливое лицо, ни грамма косметики, русые волосы собраны на затылке в пучок и туго стянуты резинкой. Письменный стол, за которым она сидела, установлен возле окна. Судя по интерьеру, помещение это является не только кабинетом, но и местом для отдыха и ночлега.

— Старший оперуполномоченный Васильев, — представился согласно легенде Бушмин, подкрепив сказанное демонстрацией служебного удостоверения. — Северо-Кавказский РУОП, отдел по борьбе с бандитизмом и похищением людей.

— Моя фамилия Аксенова, — сказала женщина. — В настоящий момент я исполняю... временно исполняю обязанности руководителя миссии в Слепцовской... Чем могу помочь?

Она указала визитеру на свободный стул.

— Вера Николаевна, скажите, когда вы в последний раз видели Дольникову? — спросил Бушмин. — Вы не против, если я сниму верхнюю одежду?

— Да, конечно. — Женщина кивнула в сторону вешалки у двери. — А что, собственно, случилось?

Бушмин повесил куртку. Затем, поправив наплечную кобуру, опустился на стул, слегка развернув его, чтобы сидеть к даме лицом.

Как всякому мало-мальски информированному человеку, поварившемуся какое-то время в чеченском котле, Андрею было хорошо известно, какие силы и чьи интересы в большинстве случаев стоят за различными «миссиями» и «представительствами», работающими от имени международных гуманитарных и правозащитных учреждений. Многие являются «крышами» для лиц, занимающихся шпионажем в пользу Запада и прочеченской пропагандой. Но правда заключается также и в том, что многие десятки людей приезжают в эти беспокойные края, движимые лучшими побуждениями души и сердца либо потому, что сами потеряли кого-то из близких, а значит, им ведомо и горе, и сострадание.

Интуиция подсказывала Андрею: эта женщина, с которой ему следует установить доверительный контакт, — чистой воды гуманитарий.

— Вера Николаевна... — Бушмин обратил внимание, что и начальница тайком изучает визитера. — Кое-что действительно случилось, в противном случае я не имел бы удовольствия беседовать с вами... Но вначале ответьте, пожалуйста, на мой вопрос. Когда вы видели Дольникову в последний раз, что вам известно об Анне Сергеевне?

— Гм... Сегодня какое у нас число?

Обернувшись, женщина посмотрела на настенный календарь.

— Надо же... — удивилась она. — Двадцать первое число уже... Три недели точно прошло... Пожалуй, в последний раз я видела Анну двадцать девятого ноября. Да, именно так, потому что в этот день мы отправили две наши машины в составе конвоя, который направлялся в Надтеречный и Шелковской районы... Этим рейсом, насколько я помню, в Чечню отправились также Дольникова и еще две женщины из числа солдатских матерей — они искали своих пропавших без вести сыновей.

— Так это ваша организация командировала Дольникову в Чечню? — уточнил Бушмин. — Я вас правильно понял?

— Нет, неправильно, — ответила женщина. — Анна не числится у нас в штате, так что при всем желании мы бы не смогли оформить для нее документы, необходимые для поездки в Чечню. Дольникова около месяца или чуть дольше помогала миссии на добровольных началах, этот факт я подтверждаю. Уехала в Чечню она по своей доброй воле, воспользовавшись какими-то своими связями и возможностями, а заодно и тем обстоятельством, что в республику отправлялся гуманитарный конвой.

— Но вы были в курсе, что Дольникова намеревается отправиться в Чечню? И, должно быть, знаете, *зачем*, с какой целью она туда выехала?

— Только в общих чертах, — после небольшой заминки сказала Аксенова. — Но я до сих пор не поняла, какова причина вашего визита?

— Начиная с конца ноября от Анны Сергеевны нет никаких известий, — пристально глядя на начальницу, сказал Бушмин. — Следы Дольниковой обрываются здесь, в Слепцовской. Теперь вот, благодаря вам мы знаем, что Анна Сергеевна последние три недели находится на территории Чечни.

Отвернувшись, он уставился в окно, за которым уже начали сгущаться вечерние сумерки.

— Вера Николаевна, у нас есть все основания предполагать, что жизни Дольниковой грозит серьезная опасность. Мы с вами, по существу, делаем одно дело: помогаем людям, попавшим в беду. Мы будем благодарны вам за любую информацию о Дольниковой. Поверьте, мы действительно заинтересованы в том, чтобы поскорее ее разыскать и помочь в трудном положении, а если понадобится, готовы осуществить специальные спасательные мероприятия...

Еще не дослушав речь визитера до конца, Вера Николаевна занялась какими-то приготовлениями: включила электрический чайник, выставила на стол кружки, выложила чай в пакетиках, сахар и печенье. Затем достала из нижнего ящика стола пепельницу и начатую пачку сигарет.

— Вы сами курите? — спросила она. — Гм... Как врач, я должна предупредить вас о вреде никотина... И... пожалуйста, откройте форточку, иначе мы здесь угорим.

Передавая Бушмину кружку со свежесваренным чаем, она с озабоченным видом проговорила:

— Признаюсь, у меня у самой душа не на месте... Я уже не раз задумывалась: не приключилась ли с Аней какая-нибудь беда?

* * *

Вера Николаевна действительно оказалась добросердечной и отзывчивой женщиной. К тому же она была наделена такими качествами, как наблюдательность и умение разбираться в людях, поэтому информация, которую она решила доверить собеседнику, носила весьма содержательный характер.

— Честно говоря, если бы не мои собственные дурные предчувствия, я бы не стала ничего этого вам рассказывать, — завершая свой монолог, призналась Вера Николаевна. — Из этических, понятно, соображений. Оправдывает меня лишь то, что на карту сейчас поставлена человеческая жизнь. К тому же, если вы занимаетесь розысками Дольниковой, то вам и без меня многое известно о ее прошлом.

— Вам незачем оправдываться, Вера Николаевна, — сказал Бушмин. — Вот если бы вы отказались помочь нам, к примеру, сделали вид, что незнакомы с Дольниковой, то это действительно было бы «неэтично»... С вашего позволения, я хотел бы задать несколько уточняющих вопросов... Кстати, насколько я понял, вы какое-то время проживали с Анной Сергеевной в одной комнате?

— В этой самой комнате, — кивнула женщина. — Ночевали на раскладушках, сами видите, какая в Слепцовской ситуация с жильем. Да, забыла сказать... Анна взяла с собой только часть вещей, одну дорожную сумку она оставила здесь, в миссии. Я к ее вещам не притрагивалась, а сумку она сама поставила в кладовку...

— Иными словами, Дольникова все же намеревалась вернуться в Слепцовскую? — спросил Бушмин. — Что она вам говорила по этому поводу?

— Сказала, что будет отсутствовать две или три недели, — немного подумав, ответила Аксенова. — Да, она собиралась на обратном пути на день или два завернуть к нам в Слепцовскую. Но если по каким-то причинам не получится, то Аня пообещала позвонить мне.

— Вещи Дольниковой, скорее всего, мы заберем с собой, — сказал Бушмин. — А вам взамен

выдадим официальную бумагу... Но сейчас меня интересует другое. Анна Сергеевна рассказывала вам что-нибудь о тех обстоятельствах, при которых она... потеряла ребенка?

Аксенова с печальным видом покачала головой:

— Подробности мне неизвестны. Сама она ничего об этом не рассказывала, ну а я не решилась беречь ее душевные раны... Аня ведь не сразу открылась мне. Знаете, у нас здесь почти у каждого в жизни что-то случилось, какие-то личные трагедии и переживания, что-то такое, что заставляет людей заново переосмыслить свое прошлое, изменить свое отношение к жизни... Если бы у человека все складывалось благополучно, вряд ли он решился бы сорваться с насиженного места, покинуть, к примеру, благополучную Москву и оказаться здесь, чтобы тратить свои силы, время, зачастую собственные средства, рисковать жизнью — и все ради каких-то совершенно незнакомых тебе людей...

— Дольникова примерно год назад перенесла тяжелую психическую травму, — сделав над собой усилие, сказал Бушмин. — Как вы полагаете, она способна адекватно оценивать действительность? Вы не заметили у нее каких-то... отклонений?

Женщина опять покачала головой.

— Во-первых, я не психиатр, а врач-терапевт. Ну а во-вторых, не всегда мотивы собственных поступков ясны даже тому человеку, который их совершает. Не только женщины, но даже более рациональные мужчины порой решают свои проблемы не серым веществом, а сообразуясь вот с этим...

Она приложила руку к груди.

— Так вот... Конечно, утверждать, что Аня в полном порядке, я не могу, потому что такие трагедии, как случилась с ней, даром никому не проходят. Она очень цельная и достаточно сильная личность, поэтому ей как-то удавалось держать себя в руках и не показывать своего горя на людях... Я заметила почти сразу, что наша новая девочка, извините, что так назвала ее, но она еще очень молода... Так вот, я обратила внимание, что Аня очень и очень переживает по какому-то поводу. Однажды у нее ночью был нервный срыв. Она все плакала, плакала, да так горько-прегорько... Вот тогда она и призналась, что сравнительно недавно погиб ее муж и что она потеряла ребенка на восьмом месяце беременности...

Бушмин с трудом проглотил подступивший к горлу ком. Только сейчас он начал в полной мере осознавать, насколько сильно задевает трагическая история, случившаяся с Дольниковой, его самого, как неумолимо и точно проецируется судьба ранее незнакомого ему человека на те далеко не простые жизненные обстоятельства, в которых существует не только он сам, Андрей Бушмин, но и один очень близкий ему человек.

И даже не один, а два, потому что под материнским сердцем бьется уже сердечко маленького существа — это ведь тоже его родная плоть...

— Даже не знаю, как точно сформулировать следующий вопрос, — продолжил он после довольно продолжительной паузы. — Вы говорили, что Дольникова хотела взять в одном из сиротских приютов ребенка — с тем чтобы усыновить его и в дальнейшем воспитывать как собственного... Я правильно вас понял?

— Да, именно по этой причине, как мне кажется, Аня и приехала в Слепцовскую. — Вера Николаевна задумчиво покивала головой. — Она довольно подробно расспрашивала меня об этом — и в плане юридической процедуры, и просто по-житейски... Например, какого возраста

предпочтительнее брать ребенка, разрешат ли ей взять грудничка или на этот счет существуют какие-то запреты. Намерения, насколько я поняла, у нее были самые серьезные. И еще... Она хотела непременно мальчика.

— А как вы сами оцениваете эту ее затею? — спросил Бушмин. — Что вы сами посоветовали Дольниковой?

Женщина внимательно посмотрела на «Васильева», раздумывая, стоит ли посвящать малознакомого человека в столь деликатные вопросы.

— По этому поводу могу сказать только одно. Если Аня станет заботиться о ком-то, если у нее появится такая возможность, то ей тогда значительно легче будет справиться со своим горем. В противном случае... если она будет жить только прошлым, болью своих утрат, то это прошлое может целиком разрушить ее личность.

— Если я не ошибаюсь, в станице есть Дом малютки... Вы не в курсе, почему она не захотела взять ребенка здесь, где ей проще было бы договориться обо всем, включая и юридические формальности? Зачем она вообще отправилась в Чечню?

— Каждый человек вправе поступать так, как ему диктуют разум и сердце, — на сей раз уклончиво ответила Аксенова. — Что касается поездки в Чечню, то Анна поставила меня перед фактом. Не скажу, что я была в восторге от этой ее затеи, но она сделала выбор, и сделала его сама. Она бы и без нашей помощи попыталась осуществить свои планы, я в этом уверена, поэтому препятствовать ей не было никакого смысла.

Повернувшись к окну, женщина прислушалась к звукам, доносившимся снаружи. Затем поднялась из-за стола и, отодвинув край занавески, стала что-то высматривать, глядя в окно.

— Кажется, наши ребята вернулись из поездки в Гудермес... Пожалуй, я рассказала вам все, что знаю. А теперь, если вы не возражаете...

Она так и не договорила. Дверь распахнулась, и в дверном проеме возник двухметровый богатырь.

— Вот, командир... — Щетинистая рожа Гараса расцвела в улыбке. — Короче, «родственники» сами объявились!

Шагнув в сторону, он поманил кого-то рукой. В следующее мгновение у порога появилась фигура, обряженная в мешковатую эмчезовскую куртку. И тотчас же в комнату заглянула вихрастая мальчишечья голова.

Глава 13

Бушмин дал себе слово, что он сделает все возможное, все зависящее лично от него, чтобы само имя этой молодой женщины нигде и никогда не всплыло в связи с недавним ЧП, имевшим место на «блоке» у Ассиновской. Сама ли Дольникова завалила трех отморожков или все случилось в результате странного стечения обстоятельств — не имеет ровным счетом никакого значения. Убитых взвэшников следует списать на залетных нохчей, а Дольникову и мальчишку оставить в покое.

Эту мысль Андрей Бушмин намерен был при первом же удобном случае донести до сведения начальников, а таковыми для него в настоящий момент являлись Мануилов и Шувалов. А если этого окажется недостаточно, то он дойдет до самого Эма и попытается растолковать самому четырехзвездному «Мерлону», что Дольникова в той истории сама является жертвой, а потому ни о каком наказании даже речи быть не должно.

Но все эти его мысли и намерения имели отношение к ближайшему будущему, а сейчас он вынужден действовать строго по легенде.

...Гарас деликатно переместился в коридор, а Бушмин, испытывающий некоторую неловкость, вынужден был остаться в комнатухе.

Женщины обнялись как подруги, Вера Николаевна даже всплакнула. Она гладила Дольникову то по плечам, то по светлому ежику волос, и это со стороны выглядело так, будто она увидела после длительной разлуки собственную дочь.

Дольникова казалась смертельно уставшей. Под ее воспаленными глазами залегли глубокие тени, на бледном лице резко обозначились высокие скулы, кисти рук, наоборот, красные, словно их обварило кипятком. И было заметно, что она ужасно волнуется.

Мальчишка тоже чего-то опасался. На его чумазом лице контрастно выделялись яркие синие глаза — он не сводил их с Андрея. Точно дикий звереныш, готовый при первом же намеке на опасность юркнуть в какую-нибудь норку...

— Привет, дружище, — медленно присев возле него на корточки, сказал Бушмин. — Я вижу, ты совсем уже взрослый парень... Меня зовут Андрей. Ты слышал историю про Маугли? «Я и ты, мы с тобой одной крови...» Так, кажется... Я свой, вот что ты должен знать.

Дольникова, настороженно следившая за подозрительным незнакомцем, у которого к тому же из наплечной кобуры торчала рукоять пистолета, собралась было сделать ему замечание — кто вы такой, собственно? Оставьте, пожалуйста, ребенка в покое! — но что-то заставило ее промолчать.

Бушмин протянул мальчишке — как взрослому — руку. Тот какое-то время пристально смотрел Андрею в глаза, а затем... вложил свою ручонку в широкую мужскую ладонь.

Андрей не стал говорить, что ему известно имя мальчишки — мнимое оно или настоящее, не так уж важно. Итак, Дольников Иван Алексеевич. На вид ему лет десять, то есть на грудничка парень никак не похож. Но как бы там ни было, этот похожий на Маугли мальчишка, очевидно, и есть осознанный выбор Анны Дольниковой.

Внимание Андрея привлекла довольно глубокая царапина на правой руке Ивана, смазанная вкруговую йодом. Очень характерный шрам — такое впечатление, что какой-то гад хотел отрубить парню палец, но, передумав в последний момент, ограничился тем, что полоснул острым лезвием по коже, оставив как бы зарубку на недобрую память.

Ранка довольно свежая по времени; если это дело рук одного из вэвэшников, то на том свете с них и за это спросится.

— Ну вот и познакомились, — улыбнулся Бушмин. — Что, ручка моя, вижу, понравилась?

Он уже хотел презентовать мальцу авторучку, которую тот приметил острым глазом по колпачку, торчащему из нагрудного кармана, но вовремя опомнился. По виду обычная

авторучка — ею даже можно было писать, — «стрелка» же начиналась парализующим составом.

— Это не совсем то, что тебе нужно, — снова улыбнулся Бушмин. — Вот когда мы переберемся ко мне, а я приглашаю тебя и твою... маму в гости, я подарю тебе ручку, и фломастеры, и альбом, если ты, конечно, любишь рисовать...

— А почему, собственно, мы должны принимать ваше...

приглашение? — довольно резко проговорила Дольникова. — Вы, кажется, из органов? Чем обязана?

Бушмин довольно красноречиво посмотрел на заведующую.

— Ох, Анна, как я рада, как рада, что ты... что у тебя... — Аксенова смущенно улыбнулась. — Какой прелестный у тебя мальчик! Здесь вот товарищ тебя давно дожидается, так я выйду по своим делам, не буду вам мешать... Мы с тобой, Анюта, позже поговорим, но вначале, детки, вас нужно как следует накормить...

— К сожалению, Вера Николаевна, у нас совершенно нет времени, — сказал Бушмин. — Спасибо вам огромное... за мудрость и доброту.

Вежливо выставив за дверь хозяйку кабинета, Бушмин повернулся к Дольниковой.

— Анна Сергеевна, у вас буквально несколько минут на сборы. Вот мое удостоверение, можете с ним ознакомиться... У вас, кстати, сохранились какие-то документы?

Дольникова, даже толком не заглянув в бушминскую «ксиву», вернула ему документ. На вопрос она никак не отреагировала, но так побледнела, что стала напоминать гипсовую маску.

— Уф-ф... — Бушмин, недовольный сам собой, покачал головой. — Кажется, я вас напугал... Анна Сергеевна, я и мои коллеги... мы чертовски рады, что вы нашлись. Вы ведь исчезли так неожиданно... Ну да ладно, не о том речь. Вам ничего не грозит, понимаете? Очень важно, чтобы вы это поняли сразу! Я вижу, что вы устали, голодны, но я не могу сейчас оставить вас здесь, в миссии. И говорить с вами о моем деле, признаться, здесь тоже не очень удобно...

— Вы намерены меня задержать? — безжизненным голосом проговорила Дольникова. — Могу я узнать, за что?

— Да боже упаси, — сказал Бушмин. — Мы просто переберемся в другое место, вот и все! Вы и позвонить оттуда сможете, если будет желание. Там вас накормят, примете душ, спать будете на мягких перинах. А завтра составим несколько бумаг — о том, что вы, во-первых, нашлись, а во-вторых, что утеряли документы. Или... не знаю, как было на самом деле. У вас их отобрали где-то? Короче, уладим бумажные формальности. А если помощь какая-то от нас потребуется, то в стороне, конечно, не останемся.

Впервые за все это время Дольникова внимательно посмотрела на незнакомца, разом оценив и его мужественную и вместе с тем привлекательную внешность, и пронизательный взгляд серых глаз. Заметила она и другое: он явно что-то скрывал от нее, но в то же время всячески пытался успокоить и приободрить.

К тому же Иван, который умел распознавать опасность, в этом незнакомце, кажется, признал «своего».

— И вы нас потом отпустите на все четыре стороны?

— Конечно, отпустим, — пожал плечами Бушмин. — Не понимаю, с какой стати мы должны вас задерживать надолго?

Почти поверив своим словам, он дал женщине немного времени на сборы и вышел в коридор, где его дожидался Иван Гарас.

— Ну что, связался с Черепом? Какие-нибудь инструкции уже получены?

Они прошли в дальний конец коридора.

— Череп зарядил твое сообщение в Гудермес, — вполголоса проговорил прапорщик. — Оттуда велели передать, что «родственников» следует немедленно доставить в комендатуру. Сказали, что примерно через два часа приедут какие-то знакомые тебе сотрудники и заберут их с собой... Сказали еще, что «как только, так сразу» тебе следует самому связаться по «Акведуку» с базой в Гудермесе.

Он в задумчивости смотрел на бушминский «Кенвуд».

— Кажись, все, командир.

— Вот что, Иван... Придется нам в комендатуру еще раз смотаться, доставить туда «родственников». Поэтому свяжись-ка ты по рации с комендатурой, позывной «Рубин», а наш «Сапфир». Скажи, чтоб ср-очно подали «карету»! Микроавтобус, на худой случай сгодится «Нива». И чтобы тачка у подъезда миссии стояла не позже чем через полчаса! Заодно пройдишь вокруг дома, посмотри, все ли спокойно. Так, на всякий случай... А я местному начальству еще словечко скажу...

Прапор быстро спустился по лестнице. Бушмин же наведалься в кабинет, с посещения которого и завязал знакомство с сотрудниками миссии.

Помимо мужчины в очках, он застал там и Веру Николаевну.

— У меня к вам одна просьба, — сказал Бушмин. — Мы стараемся не афишировать работу нашего ведомства, поскольку это связано с необходимостью обеспечить безопасность как наших людей, так и тех, кому мы стараемся помочь. Поэтому крайне желательно, чтобы наш нынешний визит остался в тайне. Договорились, Вера Николаевна?

Аксенова хотела что-то сказать, но ее неожиданно опередил коллега:

— Что мы, неграмотные? То же самое говорили товарищи, которые приходили в миссию сегодня утром...

— Какие товарищи? — опешил Бушмин. — По какому поводу они сюда наведывались?

— Вдвоем приходили, как и вы, — ответил мужчина. — Вера Николаевна отсутствовала по делам, так пришлось мне с ними общаться... А вы разве не из одного учреждения?

Бушмин насторожился. О том, что Дольникову разыскивает еще одно учреждение, ему не было известно ровным счетом ничего.

— Что им нужно было от вас? — спросил Бушмин. — И что именно их интересовало?

— Да то же самое, что и вас, — поправив очки, немного раздраженно проговорил мужчина. — Расспрашивали про Дольникову... Сколько времени она здесь жила, куда и когда уехала, собиралась ли вернуться обратно... Я не знал, что Вера Николаевна вернется из лагеря еще засветло, поэтому посоветовал им прийти к семи часам вечера.

— А почему мне об этих визитерах ничего не сказали? — Аксенова смерила коллегу удивленным взглядом, затем посмотрела на Бушмина: — Я нич-чего не понимаю...

— Надо же, совсем из головы вылетело, — растерялся коллега Аксеновой. — Знаете ли, голова у меня совсем другим занята.

Бушмин хотел обложить «рассеянного» многоэтажным матом, однако удержался. Ведь, по большому счету, мужик ни в чем не виноват. Что же касается всего остального, то дело, кажется, оказалось не таким простым, как думалось.

— Вы запомнили, уважаемый, из какого они ведомства? Они ведь должны были как-то представиться? Заодно вспомните, пожалуйста, как они выглядели.

Рассеянный мужик пожал плечами:

— Признаться, я документы у них не спрашивал. Показали какие-то корочки, но я в них толком и не посмотрел. А выглядят... Да вот примерно так же, как вы с вашим коллегой.

Чертыхнувшись, Бушмин покинул комнату. Тратить время на «штафирку» — дело бесполезное, от такого толку не добьешься.

Вспомнив, что передал свой «Кенвуд» Гарасу, Андрей направился к лестнице. Спускаясь, думал о том, что следует срочно связаться с Черепом, чтобы немедленно выслал людей...

Это была последняя мысль Бушмина. В следующее мгновение его ослепила ярчайшая вспышка. А затем он погрузился в аспидную, как ичкерийская преисподняя, темноту...

Часть 4

Кесарево сечение

Глава 1

Одно из условий, при соблюдении которых в Кремле может уже в ближайшем времени произойти «рокировка», главой кабинета министров было выполнено предельно точно и аккуратно: на выборах он получил лояльную и в значительной степени управляемую, а потому не опасную для Семьи обновленную Государственную думу.

Наряду с другими важными государственными делами и заботами, требовавшими к себе самого пристального внимания, В.В., насколько возможно, старался и дальше отслеживать ход кампании в Чечне. Причем его больше занимали не сколоченные наспех парадные декорации, призванные отвлечь на себя досужее внимание широкой публики — всякая современная война, во многом благодаря усилиям СМИ, частенько смахивает на дурно срежиссированное театрализованное действо, — а то, что происходило за кулисами.

Когда премьер в сопровождении Эма и своего личного помощника спустился в подземный

бункер СЦСБ, до наступления Нового года, если верить обратному отсчету на одном из таймеров Операционного зала, оставалось двести часов с минутами. Предполагалось, что нынешняя полуофициальная встреча главы правительства и секретаря Совета безопасности будет последней в этом году и что контакты будут возобновлены уже после новогодних празднеств.

Если, конечно, не случится ничего экстраординарного.

* * *

После того, как В.В. детально ознакомился с оперативной обстановкой на чеченских «фронтах», они вместе с Виктором Константиновичем перебрались из Операционного зала в апартаменты секретаря Совбеза.

Премьер был в хорошем настроении, на этот раз он приехал на Старую площадь без «матрицы», то бишь без тисненой кожаной папки, в которой хранились подготовленные Указ Президента и Постановление Президиума правительства РФ, а также некоторые секретные акты, позволяющие в случае крайней нужды восстановить либо в полном объеме, либо частично структуры Антикризисного центра.

Словно прочитав мысли своего спутника, В.В. решил для начала высказаться на эту тему:

— Что касается Антикризисного центра... Бесспорно, Виктор Константинович, такая организация нам нужна. Доказательством тому служит развитие ситуации в Чечне и то, насколько оперативно снабжает нас информацией группа «Мерлон». Но давайте все же оставаться реалистами...

Воспользовавшись паузой, Эм заметил:

— Я все прекрасно понимаю, Владимир Владимирович. Для того чтобы легализовать А-Центр, подготовленного нами пакета документов явно недостаточно. Любой правовед скажет, что «закрытый» Указ Президента об учреждении А-Центра с тем объемом функций и возможностей, которые нас устроили бы, может, по сути, расцениваться как антиконституционный акт. Как попытка неких темных сил спецслужб устроить заговор с целью... Да с какой угодно целью — здесь у комментаторов открывается широкое поле для домыслов и предположений.

— Хорошо, что вы это понимаете, — кивнул премьер. — У нас нет недостатка в тайных и явных недоброжелателях. Стоит им только пронюхать о наших «точечных» акциях и мероприятиях...

Они замолчали, дожидаясь, когда миловидная официантка закончит сервировать приставной столик: чай, кофе, сок и минералка, а также бутерброды и печенье. В принципе В.В. не практиковал совместные завтраки и обеды, где зачастую под рюмку решались важные вопросы. В сравнении с другими сановниками его, пожалуй, можно назвать аскетом. Но здесь, на Старой площади, он чувствовал себя почти как дома, даже штат obsługi остался прежний, так что он не стал отказываться от скромного угощения.

Спустя несколько минут, перекусив и выпив чаю с лимоном, они возобновили разговор.

— И все же, все же... — в задумчивости протянул Эм. — Благодаря нашему своевременному вмешательству, какими бы мы средствами при этом ни пользовались, вокруг Чечни вскрыты крупные... недостатки. В Гудермесе, Шали, Ачхой-Мартане и в некоторых других населенных пунктах ситуация была крайне взрывоопасной. Теперь точно установлено, что чеченцы

затевали там оч-чень серьезные акции, призванные дестабилизировать ситуацию во всей республике. Не обошлось без головотяпства и халатности со стороны некоторых должностных лиц.

— Добавьте сюда злоупотребление властью в корыстных целях.

— И даже, давайте называть вещи своими именами, открытое предательство, — сказал Эм. — А почему подобное возможно? Силловые структуры разобщены, каждый начальник ведет «самостийную» политику — практически никому не подотчетен и бесконтролен, — все привыкли валить грехи друг на дружку. Группа «Мерлон» при поддержке сотрудников ГРУ за несколько дней обнаружила массу уязвимых мест. Уже сейчас, по предварительным прикидкам, можно сказать, что в преступные деяния на Северном Кавказе втянуты многие должностные лица, начиная от сотрудников вновь сформированной местной администрации и заканчивая людьми в генеральских папах.

Премьер нахмурился.

— Будем последовательно вскрывать эти нарывы, — сказал он. — И хорошенько вычистим весь накопившийся гной! Уже в январе будет опубликован Указ о восстановлении института Особых отделов. Помимо этого, укрепим кадрами и материально ФСБ, а затем приступим к модернизации и централизации всех силовых структур, включая и правоохранительные органы... Что же касается Чечни конкретно, то мы просто обязаны, во-первых, сломать преступный бизнес, а во-вторых, выявить всех виновных, оценить степень вины этих людей и соответственно наказать: кого-то в дисциплинарном, а кого-то и в уголовном порядке. Я со своей стороны, Виктор Константинович, отдам необходимые распоряжения. Вы же подключите наших правоведов и специалистов Информационно-аналитического управления. Пусть все хорошенько продумают, иначе наша инициатива не даст никаких результатов.

— Либо будет иметь трагические последствия, как это было в известном вам «деле Дольникова».

Премьер озабоченно покивал головой.

— Эту трагическую историю надо расследовать самым тщательным образом! Я прочел сегодня докладную, так что в курсе событий... Теперь что касается группы «Мерлон» и взаимодействующих с ней подчиненных полковника Шувалова. За успешное выполнение задания в Чечне всех премировать из нашего закрытого фонда месячным должностным окладом. А Мануилову, Шувалову и командирам двух спецподразделений ГРУ следует начислить премии в двукратном размере.

— Бушмин пропал без вести, — помрачнел Эм. — Он и еще один сотрудник отправились на свидание с Анной Дольниковой. Двое суток интенсивных поисков не дали результатов. Теперь вся эта компания как сквозь землю провалилась!

Премьер нахмурился. Затем, оставив в сторону стакан с недопитым чаем, укоризненно посмотрел на собеседника.

— Виктор Константинович, я надеюсь, вы не забыли, что я пообещал при встрече одной прелестной молодой особе?

— Вы обещали, Владимир Владимирович, что вернете ей мужа еще до наступления Нового года.

— Вы знаете, я стараюсь держать свое слово. Поэтому нужно сделать все возможное и даже невозможное, чтобы я не выглядел лжецом, если не сказать сильнее.

— Мы своих людей в беде не оставляем, — заявил Эм. — Шувалов и Мокрушин получили соответствующие инструкции. Считайте, что я под свою ответственность выдал им «лицензии». Хотел уже под занавес поднять этот вопрос, но вы сами его затронули.

Глава правительства какое-то время размышлял, затем энергичным жестом руки рубанул воздух:

— Добро, Виктор Константиныч, пусть спецы действуют на полную катушку. Если надо, подключите к этому делу не только «Мерлон», но и всех, кого сочтете нужным! Но учтите: акции ваших архаровцев не должны выходить за определенные рамки, а то, дай им волю, так они до самых министерских верхов дойдут!

Эм бросил на премьера пыливый взгляд.

— Раз уж мы заговорили о министерских верхах... Владимир Владимирович, извините за любопытство. На понедельник намечено мероприятие по линии МВД. На нем, по моим сведениям, будут присутствовать некоторые высокопоставленные фигуранты, проходящие по «коррупционным делам»...

— Вы хотите узнать, намерен ли я в нем участвовать? Кстати, намек я ваш тоже понял.

Эм хотел было дать совет, чтобы В.В. — по крайней мере, в ближайшие дни — избегал участия в подобных делах, но затем передумал. Во-первых, премьер имеет собственную голову на плечах, причем неплохую... Во-вторых, премьер не из тех, кто складывает все яйца в одно лукошко. Он получает информацию сразу из многих источников, в том числе из МВД. И советуется со многими толковыми людьми. И, наконец, в-третьих: как человек с природным даром политика и задатками крупного государственного деятеля, премьер предпочитал использовать на практике принцип симметрии. Если он побывал на коллегии МВД, то уже в ближайшее время его непременно увидят в Минобороны. И коль он посетил Балашиху-2, то вряд ли откажется посетить аналогичное мероприятие по линии МВД — чтобы не давать повода для кривотолков.

К тому же вину «коррупционеров» еще надо доказать. А пока этого не сделано, они остаются при своих высоких должностях и званиях.

Премьер сам ответил на свой же вопрос:

— Меня пригласили, но я еще не определился.

На прощание он произнес странную фразу:

— Очень важно нам сейчас выиграть время...

Но все же самое важное — другое. Именно сегодня, в ходе полуофициальной встречи с секретарем Совбеза, глава российского правительства сообщил «секретную дату»:

31 ДЕКАБРЯ 1999 ГОДА.

Глава 2

Поиски двух пропавших спецназовцев, Бушмина и Гараса, были начаты все же с некоторым опозданием. Помощник коменданта, с которым Гарас предварительно связался по УКВ, почти без промедления выслал к миссии микроавтобус. Шофер, припарковавшись в переулке напротив здания, какое-то время дожидался пассажиров в машине. Затем, дабы выяснить причину задержки, решил заглянуть в учреждение. Одна из сотрудниц подтвердила: двое товарищей из милиции — «вот только что они здесь были!» — действительно собирались забрать Дольникову и «ее мальчика», но вот куда они все делись, она точно сказать не могла.

Шофер уехал несолоно хлебавши, решив про себя, что «менты» либо воспользовались другим транспортом, либо, в силу своей природной тупости, что-то напутали.

Что касается Веры Николаевны, то она, когда ее допросили самым тщательным образом, призналась: ей самой показался странным тот факт, что Дольникова уехала из миссии, так с ней и не попрощавшись.

Первым тревогу забил Череп, то бишь Валерий Черепанов, заместитель Бушмина. Через некоторое время он вызвал по УКВ «Рубин», потому как «Кенвуд» Бушмина почему-то не отвечал. Черепанов решил, что командир все еще находится в комендатуре, и хотел поинтересоваться, когда тот вернется в «Северный» — по правде говоря, ужин уже несколько часов стоял на столе, и Череп с нетерпением ждал двух «чертей», чтобы заморить червячка, а заодно, если нет срочной работы, сделать по «сотке».

Выяснив, что в комендатуре Бушмин и Гарас больше не появлялись, равно как и «родственники», и что в миссии их вроде бы тоже нет, Черепанов насторожился. Для начала выслал гонцов сразу в оба конца, а затем забил тревогу, сообщив о случившемся ЧП на базу в Гудермесе.

Ночью сотрудники ГРУ, осиротевшие без своего командира, рыскали в поисках пропавших по всей станице. На рассвете прилетел «Ми-8» с мокрушинской командой на борту. Прибыли также Мануилов и Шувалов. После чего поисковые мероприятия приняли более осмысленный характер.

Но все усилия поисковиков оказались тщетными. Вера Аксенова и ее коллега, к сожалению, ничем им не смогли помочь. Поскольку в тот момент, когда так неожиданно исчезла вся компания, они были заняты служебными делами. Посторонних личностей они не видели — шофер, естественно, не в счет, — подозрительных звуков, выстрелов, к примеру, или шума схватки, не слышали.

А те два офиса, что размещались в том же здании, уже были заперты; сотрудники же разошлись по домам, где снимали комнаты. И даже с двумя машинами, теми, что привезли в миссию Дольникову и пацана, тоже не повезло — в час "X" они находились возле бензозаправки и лишь затем, загнав в боксы транспорт, вернулись в свою контору.

Что касается людей из близлежащих домов, то они сплошь ингуши и чеченцы, а эта публика, даже если что-то видела, предпочтет ради собственного спокойствия держать язык за зубами.

Если это похищение — а другое объяснение случившемуся очень трудно подыскать, — то следует признать: сработали спецы высокой квалификации.

* * *

Спустя двое суток Мокрушин снова появился в миссии Красного Креста в станице Слепцовской. По лестнице он поднимался точно паралитик: такая усталость вдруг навалилась,

что Рейндж с трудом передвигал ноги. За ним следовал измороженный многодневным недосыпом и бестолковой беготней Череп, винивший себя за то, что не приглядел за командиром.

Вера Николаевна беседовала с двумя женщинами, но, едва завидев визитеров, тут же выпроводила просительниц за дверь.

Гэрэушники плюхнулись на стулья. Рейндж, помассировав пальцами веки, уставился на Аксену покрасневшими от бессонницы глазами.

— Вера Николаевна, я понимаю, что мы вам уже изрядно надоели... И что вас уже опрашивали, наверное, раз сто. Но поймите нас правильно...

Собираясь с мыслями, он полез в карман за сигаретами. Закурил, вдохнул едкий дым, затем продолжил:

— Андрей мне — как брат родной. Я даже не знаю, как объяснить... Мы с ним такое прошли! А у него жена беременная... Что я Ленке скажу?

— Мне он тоже как брательник, — подал реплику стриженный «под ноль» Череп, голова которого была повязана спецназовской косынкой. — Да, старший брат. И я за него...

— Я все понимаю, ребята, — поспешно проговорила женщина. — Мне ваш товарищ тоже сразу понравился, потому что при знакомстве показался глубоко порядочным человеком... Мне очень жаль, что так произошло. Но поверьте, я рассказала все, ну абсолютно все, что знала.

Рейндж затушил окурок в хрустальной пепельнице.

— К вам большая просьба, Вера Николаевна. Перескажите еще раз — слово в слово! — ваш разговор с Андреем. Повторите все, что вы сообщили ему о Дольниковой. А также расскажите о том, что произошло позже, когда здесь неожиданно появились Анна Сергеевна и этот... ее странный мальчик.

...Примерно через полчаса они выбрались на свежий воздух. После разговора с Аксеновой Рейндж должен был признать: поиски зашли в тупик, и он понятия не имеет, что еще можно предпринять в данной ситуации.

Впрочем, у него имелись кое-какие задумки, но его кровожадные планы уже в зародыше были жестко пресечены начальством.

Какое-то время он стоял у парадной двери. Стоял, глядя себе под ноги — где-то здесь обрывались следы Бушмина. И вдруг пнул носком ботинка ни в чем не повинную дверь, которая от его пинка едва не слетела с петель.

— Да уж... — проворчал Череп. — Наших как корова языком слизала.

Они свернули в переулок и направились к лагерю «Северный».

— Не пойму, Череп, на хрена ты косынку носишь? — пробормотал Мокрушин. — Какой ты командос? Купи себе соломенную шляпу! Прошляпил командира...

— И на старуху бывает проруха, — еще больше помрачнел Черепанов. — И вообще, Рейндж... Не доставай, и без тебя тошно!

— Вот что, «корова», — сказал Рейндж, когда они зашагали неспешно вдоль железнодорожной насыпи. — Мы Андрюху обязаны хоть из-под земли достать! Нечего носы вешать! Давай-ка, дружбан, выкладывай: чего вы на пару с Кондором на «блоке» нарыли?! Я ж эту историю даже толком не знаю. Их же всех четверых разом захомутали, так? Просекаешь?

— Ты, конечно, не такой башковитый, как Кондор, — оживился Череп, — но, видать, кой-чего ты у него нахватался. Ну и?..

— Что «ну и»? Какие у нас есть ниточки? Пытать местных деятелей нам не разрешают. Что остается? Дольникова и пацан! Вот единственная покамест ниточка! Так что напрягись и попытайся вспомнить, что сам про них знаешь и что тебе Андрюха по этому поводу говорил.

* * *

Один из вагонов, стоящих на приколе в лагере «Северный», был на время превращен в штаб-квартиру местного филиала группы «Мерлон». Технари подключили в работу спутниковый комплекс «Барьер», позволяющий работать в закрытых сетях верховного командования. Кроме того, у Мануилова и Шувалова имелись личные спутниковые терминалы.

Помимо «режиссера» и дежурного оператора СЦСБ, с которыми существовал постоянный канал связи, Мануилов дважды за последние сутки общался с Эмом.

Пужинав на скорую руку, АйБиЭм и полковник ГРУ решили уединиться в купе Мануилова.

— Давайте еще раз пройдемся по всем основным позициям, Сергей Михалыч, — предложил аналитик. — Вначале по Умарову. Мы проследили его маршрут до Мещерской, где Тимур имел конфиденциальный разговор с Латыповым. Содержание данной беседы для нас пока остается тайной. Там же, в Мещерской, по словам Искирханова, группа Латыпова разделилась. Две машины с федералами уехали почти тотчас же...

— Скорее всего, именно они увезли Славянина, — предположил Шувалов. — Латыпов уехал несколько позднее, а Искирханов утверждает, что с ним остались всего трое. Так что, судя по всему, Бегляева Александра Анатольевича среди них уже не было.

— И вот что любопытно... Бегляев, если можно верить поступающим о нем сведениям, в прошлую кампанию работал по своей прямой специальности. А вот в нынешнюю войну он ограничился созданием засекреченной чеченцами школы снайперов, где уже довольно опытные, я бы сказал, маститые стрелки проходили высшие курсы мастерства...

— Наверное, ему очень неплохо платили, — сказал Шувалов. — Школа размещалась в базовом лагере, который по наводке Кондора разбомбила авиация. Видимо, Бегляев напросился к чеченским зенитчикам в качестве попугайки, чтобы добраться до ближайшего населенного пункта. Тут-то его наши и повязали...

— Скорее всего, Славянин и «Горец» напрямую знакомы не были, — продолжал Мануилов. — Но оба они — личности довольно известные в своих кругах, поэтому наверняка слышали друг о друге. Правда, не знаю, опознал ли Бегляев Тимура в ходе допроса, а это, поскольку мы отследили всю цепочку, единственный эпизод, когда он видел Умарова. В вертолете их уже держали отдельно, с завязанными глазами. А в разведотделе и изоляторе ФСБ они тоже не могли контактировать. Что было потом, нам в общих чертах известно... Беспалый, совершенно не ведая о том, кто оказался у него в руках, уступил ненужного ему человека «Горцу». Уступил со всеми, так сказать, потрохами: с изъятыми в изоляторе документами и — такой поворот я бы тоже не исключил — вместе с кейсом, в котором находится первоклассный инструмент —

снайперская винтовка «AW».

— Такие вещи здесь практикуются, — кивнул Шувалов. — Поменять человека на деньги, оружие или наркотики, а порой и за какие-то услуги считается в порядке вещей.

— Так вот... Нам неизвестно, узнал ли Бегляев «Горца», а если даже узнал, — что ему вообще о нем известно? Зато, если следовать за логикой событий, можно утверждать: Умаров признал в Славянине легендарную личность — чеченского суперснайпера. Иначе не возил бы его за собой, пусть даже со всеми мерами предосторожности. Не думаю, что Умаров вдруг решил делать бизнес на торговле заложниками — это не его профиль.

— Я думаю, что Тимур продал его Латыпову. За деньги или за какие-то услуги. Но не исключаю также, что Латыпов выступал в этой сделке посредником. Бегляева передавали очень четко — как бы по цепочке. Причем сам Бегляев, скорее всего, не ведал, к кому попал, возможно, только догадывался. Латыпов, само собой, с ним вообще не контактировал — Бегляева сразу куда-то увезли. Полагаю, Игорь Борисович, что кое-кто намерен использовать такого редкого спеца, как Бегляев, по его, так сказать, основному профилю. А затем, когда он выполнит то, что от него требуется, его, по всей вероятности, зачистят.

Мануилов утвердительно кивнул.

— Бегляев — очень опасный человек. Но, к счастью, у нас имеется зацепка, и я надеюсь, что в конечном итоге мы сможем его нейтрализовать, прежде чем он успеет продемонстрировать свое мастерство.

— Я не исключил бы также, что его пригласили в качестве наставника, — сказал Шувалов. — Для того, к примеру, чтобы он помог качественно организовать снайперскую засаду.

— Вы полагаете, что и такое возможно? — пристально посмотрел на полковника аналитик. — Хотя... Война многим свернула мозги набекрень. То, что недавно считалось беспределом, сейчас едва ли не обыденность.

— Надо дать прочесть Мокрушину распечатку, — сказал Шувалов. — Андрею мы давали почитать, а вот Рейнджа не успели просветить.

— Добро, — подумав немного, сказал аналитик. — В той части, где Исмаилов и «Горец» спорят, что выгоднее и практичнее — точечная акция или взрыв двух-трех домов... А вот эпизод, где речь идет о фатве, этой пресловутой клятве и какой-то суперакции, — этот эпизод засекречен по личному распоряжению Виктора Константиновича. Но в нашем случае, полагаю, данная информация Мокрушину не сгодится.

Тут в дверь купе постучали. Шувалов повернул защелку и впустил возвратившихся из миссии унылых спецназовцев. Было очевидно: поиски не принесли результатов.

— За ночь их могли вывезти куда угодно, — проговорил хмурый Мокрушин. — В Чечню, в Осетию, в одну из наших южных областей, к черту на кулички...

— Как сквозь землю провалились, — подытожил Черепанов. — В Слепцовской наших точно нет!

— Предлагаю ср-рочно замочить ментов! — выпалил Рейндж. — Латыпа или Беспалого, а лучше обоих! Нюхом чую, что это их работа!

— Согласен! — Череп в задумчивости поскреб покрытый рыжей щетиной подбородок. — Надо их обоих наизнанку вывернуть!

— Товарищи офицеры! — осадил коллег Шувалов. — Вас поставить по стойке «смирно»?! Сначала думайте, что говорите!

— Я все понимаю, ребята, — примирительно, как бы извиняя резкость той и другой сторон, сказал Мануилов. — Но сейчас, пока мы не прояснили детально ситуацию, приближаться к таким персонам, как Латыпов и Заруцкий, крайне нежелательно.

— Если наши у них, могут с перепугу зачистить, — пояснил подчиненным Шувалов. — Надо очень осторожно прощупать эту парочку. Но мы пока только ищем к ним подходы. Опять же, где гарантия, что именно они сработали? А не Умаров, к примеру? А может, еще кто-то, о существовании которого мы даже не подозреваем?

— Игорь Борисыч, вы же толковый мужик! Круче самого Эйнштейна! — Рейндж бросил на Мануилова умоляющий взгляд. — Ну придумайте что-нибудь!

— Уже придумали, — едва заметно усмехнувшись, сказал тот. — Сами же сказали, в Слепцовской их нет...

— А где ж они тогда? — Рейндж обвел взглядом присутствующих. — В то, что их... ну понимаете, о чем я? Так вот, я не верю! Опять же, где трупы?! Нет их! Значит, они живы!

— Согласен на все сто, — заверил аналитик. — Будем существенно расширять зону поисков. А заодно и другими насущными делами продолжим заниматься, поскольку никто за нас их делать не будет.

— Рейндж, отбери из двух команд себе людей, — распорядился Шувалов. — Сформируй два звена по шесть человек. В восемь утра вертолет доставит тебя и людей в Назрань.

— А куда лететь прикажете? — удивился Мокрушин. — Что-то я вас не понял...

— Полетите в Москву, Мокрушин, — сказал Мануилов. — Теперь будем дергать за кончики из Первопрестольной...

Глава 3

Самолеты военно-транспортной авиации перевозят «груз двести» в добротных деревянных ящиках продолговатой формы. Ящики с поперечными планками на торцах, приделанными для удобства грузчиков. «Черные тюльпаны» регулярно доставляют партии скорбных грузов на аэродромы, расположенные вблизи крупнейших городов России. Внутри тяжелых домовин — плоды работы фабрики смерти; конвейеры в Чечне вновь заработали на полную мощность. Иногда в ящиках перевозят «цинки», практикуется такое летом, в душную жару, но чаще всего павших героев сразу укладывают — в Моздоке и Назрани, Владикавказе и Ростове-на-Дону — в деревянные гробы.

«Двухсотых» обычно выгружают в укромных уголках военных аэродромов и гражданских аэропортов, дабы не привлечь внимание зевак. Лица, выделенные для сопровождения, имеют при себе соответствующий набор документов. Встречающая сторона — чаще всего это сотрудники военкоматов, а также представители тех воинских частей или местных органов

внутренних дел, где до отправки на Северный Кавказ проходили службу погибшие, — выступает в качестве «грузополучателя», которому предстоит передавать «двухсотых» родственникам, если таковые, конечно, у покойного имеются. Далее — последнее прощание, гражданская панихида, похороны, скорбь и слезы — живым, вечная память — павшим.

* * *

В одурманенном наркотиками сознании Андрея Бушмина сон и явь смешались воедино. Привиделось ему — причем видение повторялось многократно, так, словно он просматривал закольцованный киноролик, — что находится он внутри домовины, что ему трудно дышать, а на грудь давит какая-то тяжесть; но при том, хотя он упакован в «деревянный бушлат», да и смотрится, по правде говоря, как вылитый жмур, почему-то способен не только слышать, но и видеть то, что происходит вне его нынешнего обиталища.

Возле домовины, которая покоится на ритуальном столе, застыли двое мужчин, спиной к нему, так что видны лишь их крепкие спины и стриженные затылки... Поскольку на архангелов небесных они не походят, а хвосты, рога и прочие атрибуты чертей тоже не наблюдаются, то можно предположить, что уложенный зачем-то в домовину субъект все еще находится на этом свете.

Один из них держит в руке некий список, сверяясь с которым пытается решить некую умственную задачку. Бушмин каким-то образом умудрился оказаться у него... как бы за спиной и, выглянув из-за плеча, попытался украдкой ознакомиться с содержанием документа.

Список, состоящий из имен и фамилий, оказался довольно пространным, причем напротив всех почти позиций уже были проставлены служебные отметки в виде крестиков.

Он попытался найти знакомую фамилию, свою, например, но не успел — в ушах явственно прозвучал грозный окрик: «Не положено! А ну марш на место!»

Беспокойный субъект мигом юркнул в домовину. Залег и с перепугу даже крышкой накрылся.

— Бушмин Андрей Михайлович, — задумчиво говорит тот, что держит в руке бумагу. — Числится пока в «пропавших без вести». Может, переведем его в разряд «двухсотых»?

— Он давненько ходит у нас в «кандидатах», — заметил другой. — Но не стоит торопиться. С этим еще не все ясно...

* * *

Очнулся Бушмин от того, что кто-то залил его личный гроб водой. Этот заливший зачерпывал воду кружкой и плескал ледяную жидкость прямо в суровое и бледное лицо павшему воину, нарушая тем самым его вечный сон и потусторонний покой.

Горсть земли, брошенная безутешными близкими на крышку гроба в час прощания, — это понятно. Но водой-то зачем плескаться?

— 3-зачем? — пробормотал Андрей. — Я ж не сплю... Может, ему только показалось, но определенно где-то рядом прозвучал женский голос:

— Нет, спите! Я вас уже битый час не могу добудиться... Вот, половину ведра воды на вас вылила! Ну же, открывайте глаза!

— 3-зачем? Оставьте меня в покое...

— Поймите, мне скучно, одиноко, страшно... Ну что, очнулись, или мне вылить на вас остатки воды?

Бушмин кое-как разлепил глаза. Чувствовал он себя премерзко, к тому же никак не мог врубиться, что вокруг него происходит и чем, собственно, вызвано его адское самочувствие.

Его подташнивало, в черепашке раздавались какие-то странные шорохи и пощелкивания, в глазах двоилось, а язык едва ворочался.

Постепенно его взгляд стал более осмысленным, удалось даже сфокусироваться на одной точке: света в помещении оказалось вполне достаточно, чтобы разглядеть матрац, брошенный прямо на пол, а на нем некое живое существо, голова которого была стрижена под «ежик». Сосед — в брюках и свитере, в ногах у него валялось скомканное одеяло; одна рука его прикована при помощи браслета и метровой длины цепочки к толстому металлическому кольцу, вмурованному в стену у самого изголовья. Другой же, свободной рукой это странное существо пыталось дотянуться до Буш-мина — тот находился в аналогичной позиции, попросту говоря, валялся на лежаке, прикованный цепью.

Когда не получилось достать рукой — для этого недоставало длины цепочки, — «ежик» как-то изловчился и пнул своего собрата по несчастью носком ботинка, действуя хотя и осторожно — вдруг схватит за ногу? — но весьма настойчиво.

Так и случилось: Бушмин сумел повернуться и сцапал-таки назойливого соседа за ногу, за тонкую лодыжку. Затем, с трудом проталкивая слова сквозь пересохшие губы, поинтересовался:

— Что вы делаете? Я что, по-вашему, похож на труп?

...У одного знакомого парня была такая дурная привычка — шевелить ногой труп. После того, естественно, как сделан контрольный выстрел. Такие вещи происходят «на автомате», иногда человек даже не задумывается над тем, зачем он так поступает... Однажды парнишка доигрался: под одним из дохлых арабов из «Фаттах» оказалась граната с выдернутой чекой...

— М-м... Отпустите немедленно! Я просто боялась, что вы опять выпадете в осадок, вот и решила вас побеспокоить...

— Пожалуйста! — Бушмин великодушно выполнил просьбу соседа. — Зачем мне сдалась ваша нога? Что-то мне ваш голос подозрительно знаком. Кто вы?

— Здр-расте! — возмутился «ежик». — Короткая же у вас память... Дольникова я, Анна Сергеевна. Станица Слепцовская! Ну что, вспомнили наконец?!

Прошло еще несколько секунд, прежде чем Бушмин врубился в ситуацию. Конечно, он вспомнил и Дольникову — вот почему он даже в полубессознательном состоянии общался с этой особой на «вы», — и еще много всякого-разного вспомнил, включая даже тот эпизод, когда в поисках Гараса метнулся во двор и тут-то... Вот с этого самого момента — провал в памяти, ничего не помнил...

Бушмин не без труда уселся на свой тюфяк. Чтобы подтвердить свою догадку, ощупал черепашку и тут же обнаружил требуемое доказательство — шишку величиной с гору Эверест.

Так вот, оказывается, почему у него до сих пор так трещит голова...

— Ну и балбес же я, — констатировал очевидный факт Бушмин. — Так по-глупому влипнуть... Вы извините, Анна Сергеевна... Кстати, вы еще не всю воду на меня израсходовали?

Дольникова, обернувшись, зачерпнула из ведра воды и передала кружку соседу. Пока он пил из кружки, дробно стуча зубами, она поделилась своими наблюдениями:

— Я пока что видела двух тюремщиков. Они, хотя были в цивильном, лица прячут под масками... Возле вас, если потрудитесь обернуться, тоже стоит ведро.

— Да, но почему-то пустое. Ага... Врубился, для чего служит эта емкость. В туалет, надо полагать, они нас водить не намерены.

— Как звать-то хоть вас? — тяжело вздохнув, спросила молодая женщина. — Я помню, вы показывали документ, но я толком его даже не разглядела.

— Можете звать меня кретином, — проворчал Бушмин. — Олух, идиот, недоумок — я достоин любого из этих определений.

— И все же?

Бушмин на секунду задумался. Не прослушивается ли, часом, их разговор? Нет ли здесь, к примеру, «жучка»? Но, с другой стороны, на черта это им нужно?

— Ну хорошо, зовите меня Андреем.

— А я — Анна. Итак, Андрей, вы уже думали, как нам отсюда выбраться?

Для начала Бушмин решил как следует осмотреться. Помещение, в котором их содержат, вряд ли является тюремной камерой. Скорее обычная комната, квадратной формы, четыре на четыре метра, свободная от мебели, если не считать матрацы на дощатом полу. Окна отсутствуют. Над дверью и в центре, под потолком, вполнакала горят забранные решеткой светильники. Стены, кажется, бетонные, но покрыты «шубой». У противоположной стены — радиатор парового отопления; температура в помещении — даже чуть выше комнатной.

Бушмин подергал цепочку. Цепочка оказалась очень прочной, как и браслет. Несмотря на сей атрибут, место, где их содержат, абсолютно не походит на СИЗО или, к примеру, на ПКТ [13] при комендатуре, а тем паче на зиндан или камеру в одном из фильтрационных пунктов.

Скорее всего, их держат в подвале, специально оборудованном под фундаментом какого-то строения; возможно, речь идет о частном домовладении — сейчас наловчились возводить терема, в подвальных помещениях которых свободно разместится средних размеров тьюрга.

— Так что вы намерены предпринять, Андрей? — поинтересовалась нетерпеливая соседка. — Вы же видите, даже гвоздем здесь негде разжиться. Если только попробовать пол взломать... Но доски пригнаны очень плотно, я уже пыталась, но, думаю, бесполезно...

— Что я намерен предпринять? — Бушмин неопределенно хмыкнул. — Счас перегрызу цепи зубами, потом, ясное дело, замочу всех подряд, кто под руку сунется... Как вам такой план?

— Вы все шутите, — помрачнела Дольникова. — А у меня душа болит: что с моим мальчиком, где он, не обижают ли его эти сволочи?..

Бушмин поморщился — понимал, что он пока бессилён помочь чем-либо этой молодой женщине. Равно как не в силах освободиться сам. Он все еще не понимал толком: где он, что с ними произошло, как они вообще здесь оказались и что это еще за наезд? Маловероятно, чтобы они по-прежнему находились в Слепцовской. Наверняка их перевезли в другое место, да и времени, кажется, минуло уже прилично...

Станицу, конечно, ребята перевернули кверху дном.

И еще Бушмин вдруг вспомнил, какие кошмарные видения преследовали его вплоть до того момента, когда благодаря усилиям Дольниковой ему удалось стряхнуть с себя оцепенение. Сам он ни черта не помнит... Как треснули по башке — с тех пор и не помнит. Но вот подсознание... Оно подсуло ему подсказку в виде закольцованного киноролика, где фигурируют «черные тюльпаны» и массивные деревянные ящики.

Если попытаться расшифровать этот полусон-полуявь, а затем принять догадку на веру, то получается: их вывезли за пределы Чечни — вернее, дело происходило на границе с Ингушетией, — замаскировав под «груз 200».

А провал в памяти, скорее всего, вызван тем, что похитители ввели им сильнодействующее снотворное либо накачали наркотой.

— Анна, мы непременно что-нибудь придумаем, — после довольно длительной паузы сказал Бушмин. — Но для этого понадобится какое-то время... Проблема в том, что лично я, представьте себе, ни черта не помню! Кажется, меня ударили чем-то тяжелым по голове, затем, по-видимому, связали. Как мы здесь оказались? Понятия не имею...

Дольникова тяжело вздохнула:

— От себя мне почти нечего добавить. Помните, вы дали мне команду собирать вещички? Вы куда-то ушли, а спустя несколько минут в комнату вошли двое в масках. Сказали, что являются сотрудниками военной комендатуры и что я должна идти с ними. Потом... Запомнился только запах хлороформа. Брр... Ненавижу этот отвратный запах, у меня с этим связаны ужасные воспоминания!

— Значит, вас тоже усыпили.

— Очнулась я уже здесь, может, часа на два раньше вас... Примерно час тому назад приходили какие-то двое, я вам о них уже рассказывала. Один из них остался караулить у двери, у него был автомат марки «АКСУ»...

— Вы так хорошо разбираетесь в оружии?

— Хорошо ли, плохо — какая вам разница? Говорю, что видела.

— Продолжайте.

— Так вот... Другой сделал вам укол в вену, сказав при этом... цитирую дословно: «Этот очухается примерно через час». Другой, его коллега, тоже подал реплику: «Проверь как следует браслеты! Потом надо будет еще амбала проведать, кореша его...» А тот, что орудовал шприцем, сказал, что расслабляться вообще нельзя, потому что если хоть один из «груш», или гэрэушников, я толком не расслышала, освободится, то это будет означать полный... Кхм... Андрей, они почему-то вас опасаются, пожалуй, даже побаиваются.

Бушмин еще раз проверил крепость браслета и цепочки, после чего сказал:

— Вам показалось. Такого кретина, как я, еще надо поискать.

— А еще я у них спросила: «Где мой мальчик?» Ответ таков: «Пацан у нас. Если будешь с нами сотрудничать, то ничего дурного с вами не случится».

Бушмин призадумался. Хотя он был изрядно зол на себя и, чего греха таить, как всякий другой смертный, опасался за собственную жизнь, все же в эти мгновения он испытал чувство огромного облегчения. Во-первых, Иван, тот, что «большой», кажется, не только жив, но и находится где-то неподалеку, возможно, в одном из соседних помещений. Во-вторых, если тюремщики не врут, то «маленький» Иван тоже пока цел и невредим.

— Сдается мне, Анна, что мы, вся наша компания, зачем-то им нужны, — поделился с соседкой своими умозаключениями Бушмин. — В противном случае они бы с нами так не возились. Давно бы... кхм... Ну вы поняли, что имеется в виду.

В этом месте их диалог был прерван скрежетом проворачивающегося в замочной скважине ключа.

— Помните, Анна, — скороговоркой прошептал Бушмин, — главное сейчас — не делать резких движений.

Дверь распахнулась, и тотчас же раздался грубый мужской голос:

— Эй, ты! Джеймс Бонд хренов! Лечь на пол! Лицом вниз, руки положить на затылок! Одно движение, и тут же шмальну по конечностям!

Бушмин, решив не дергаться понапрасну, дисциплинированно исполнил то, о чем его «попросили».

— А вы, барышня, — сказал тот же вертухай, — не суетитесь! Счас я отцеплю браслет... Ну вот! А теперь попрошу следовать за мной!

Глава 4

На голову Дольниковой надели полотняный мешок — наверное, не хотели, чтобы подглядывала. Руки же вывернули за спину, защелкнув наручники на запястьях. Затем выволокли вон из помещения, не забыв запереть за собой дверь.

«Выводной» цепко держал Анну чуть повыше локтя и в то же время не забывал вполголоса отдавать команды: «Поднимаемся по лестнице... прямо... налево... порожек...»

И эта его ментовская хватка, и та сноровка, которую он уже успел продемонстрировать в обращении с пленниками, — все выдавало квалифицированного спеца.

Путь был недолгим. Поднялись, кажется, всего этажом выше, прошли всего каких-то десятков шагов, после чего, как догадалась Анна, оказались уже в другом помещении.

ПКТ — помещение камерного типа.

Плюхнулась на стул, вернее сказать, ее силком усадили, забыв при этом освободить от наручников. Зато сняли с головы мешок, и теперь она могла не только слышать, но и видеть все, что происходит вокруг.

Помещение очень походило на то, из которого ее привели. Окна здесь тоже отсутствовали. После того как конвоир скрылся за дверью, остались трое: Дольникова и двое мужчин, лица которых скрывали шлем-маски.

Анну усадили на стул посередине комнаты. «Гестаповцы», как про себя она окрестила эту парочку, были одеты в штатское. И все же интуиция подсказала Дольниковой: перед ней сотрудники одной из отечественных спецслужб, возможно, из разряда отставников.

Один из них, по-видимому, старший, сидел за однотумбовым столом, на который была навалена чья-то амуниция, в том числе портативная рация и две наплечные кобуры с торчащими наружу рукоятками пистолетов; кроме того, тут были служебные корочки, а также различная мелочь — вроде носового платка, расчески и зажигалки.

Другой «гестаповец», вальяжно развалившийся на стуле, смотрел на молодую женщину сквозь прорези маски, как сытый кот смотрит на глупую мышку, только что загнанную в самый угол, откуда ей уже не выбраться.

— Кто вы? — дрогнувшим голосом спросила «мышка». — Что вам от меня нужно?

Какое-то время на нее попросту не обращали внимания. Только сейчас она заметила, что запястья того типа, который сидел за столом, обтягивали тонкие резиновые перчатки. Кроме того, под рукой у него были два пластиковых пакета, в которые он, предварительно осматривая, укладывал предметы, лежавшие на столе. Закончив свое занятие, он уложил пакеты в разные ящики стола.

— А что, жетонов при них не было? — спросил он вполголоса у коллеги. — Странно...

— Не, точно не было, я заметил... А чего «самописку» не оприходовал?

— А ты уверен, что это их вещица? Черт, я уже все упаковал...

Взяв со стола авторучку, он повертел ее в руках, пощелкал кнопкой, расположенной в верхней части, — обычная шариковая авторучка, типичный ширпотреб. Поразмыслив несколько секунд, достал из верхнего ящика стопку писчей бумаги — видимо, собирался вести протокол допроса, — и положил на нее ручку.

— Дольникова Анна Сергеевна, — прозвучал его глуховатый голос. — Год рождения тысяча девятьсот семьдесят четвертый, русская, прописана в г. Москве по адресу: улица Перекопская, дом двенадцать дробь два, квартира сорок один. После окончания Высшей школы милиции проходила службу в Спортивно-стрелковом центре МВД на Волоколамском шоссе в должностях инструктора и старшего инструктора по стрелковой подготовке. Звание — старший лейтенант милиции.

— Вдова полковника Дольникова, — подал голос другой «гестаповец». — Именно в его квартире в Черемушках вы и прописаны. Новая семья вашего отца проживает в районе метро

«Автозаводская», можем назвать точный адрес...

— Короче, Дольникова, мы знаем о тебе почти все. — Субъект, сидевший за столом, по-прежнему не снимал хирургических перчаток, возможно, опасался оставить где-нибудь свои пальчики. — Если чего-то и не знаем, то нам эти эпизоды твоей жизни попросту неинтересны.

Анна облизала пересохшие губы.

— Кто вы такие?

— Тебе знать об этом не только необязательно, но и вредно. В этом неведении тебе следует оставаться и дальше, если, конечно, ты не намерена поставить на себе крест.

— Не только на себе, но и на мальчишке, — напомнил его коллега. Закинув ногу за ногу, он продолжил вещать: — Пойми, мы не только видим тебя насквозь, но даже и мысли твои читаем. Раз ты смоталась в Джохар, чертовски рискуя при этом, и вывезла оттуда этого пацана, значит...

— Он тебе чем-то оч-чень дорог, — продолжил другой. — Не только ты, но и мы это прекрасно понимаем, так что имей в виду!.. Теперь что касается того, кто мы такие. Знать тебе об этом, как уже говорилось, не следует. Но для собственного, внутреннего, так сказать, употребления ты можешь сама придумать подходящую версию. Мы намерены сделать благое дело, отправив на тот свет пару-тройку отпетых мерзавцев...

— Кстати, может, и это тебе следует знать, — сказал тот, что походил на сытого кота. — Все они прямо или косвенно причастны к смерти твоего мужа.

— Да, это оч-чень существенный момент, — донеслось из-за стола. — Но у этих негодяев на совести и другие тяжкие преступления. Так что не ошибешься, если назовешь нас патриотами.

— Держать женщину в наручниках, а ребенка в заложниках — это, вы полагаете, патриотично? — возмутилась Дольникова.

— Мы вынуждены пойти на это из соображений безопасности. Так будет лучше для всех. Какое-то время, Дольникова, дня три или четыре, не больше, тебе придется терпеть кое-какие неудобства. Но что поделаешь, другого выхода нет.

* * *

Минут на десять они вынуждены были прерваться, потому что Дольникова потребовала привести мальчика. Она хотела убедиться в том, что ее не водят за нос, что с Иваном действительно ничего не случилось.

Перед тем как уже знакомый ей вертухай привел в помещение для допросов мальчика, «гестаповцы», после соответствующего предупреждения, даже решились освободить ее от наручников.

Иван, как это уже с ним не раз случалось, очень умело косил под слабоумного. Судя по всему, даже тюремщики считали, что у парнишки «не все дома». На присутствие Дольниковой он абсолютно никак не отреагировал. Пожалуй, внимание Ивана привлекла лишь ручка, лежавшая на стопке писчей бумаги.

— Ты, пацан, любишь малевать, вижу, — перехватив его взгляд, заметил сидевший за столом

мужчина. — Извини, фломастеров нету, а ручка мне самому нужна.

— У вас что, карандаша или лишней ручки не найдется? — подала реплику Дольникова. — Парню скучно, пусть хоть чем-то себя займет.

Иван тем временем умудрился цапнуть со стола ручку. «Гестаповец» оказался добреньким: вначале привстал, намереваясь отобрать у мальчишки его добычу, но затем, махнув рукой, отвалил ему еще и бумаги.

Вскоре они опять остались втроем. Дольникова призадумалась. Либо у этих деятелей башня съехала, хотя пока не очень понятно, в связи с чем и на какую тему, либо они задумали устроить какую-нибудь крупную подлянку. А коль в разговоре было упомянуто имя ее покойного мужа, то не исключено, что речь идет о какой-то провокации, целью которой является не сама Анна Дольникова, а компрометация имени полковника Дольникова, расследовавшего факты коррупции и предательства во время первой чеченской войны.

Следуя совету Андрея, она пока аккумулировала свои впечатления, накапливала информацию и старалась до времени не лезть в бутылку.

— Что я должна делать? — спросила она. — Чего вы вообще от меня добиваетесь?

— Что делать? — переспросил мужчина за столом. — Да то же самое, в сущности, что сделал стрелок, отметившийся на «блоке» у Ассиновской.

Дольникова пожала плечами.

— Не понимаю, о чем идет речь.

— Ладно, не прикидывайся дурочкой, — подал голос «гестаповец». — Все ты прекрасно понимаешь... Те, за кем мы охотимся, они попросту мразь! Держат при себе охрану, не слишком многочисленную, но достать их все равно непросто... Вот почему мы решили прибегнуть к услугам первоклассных снайперов. Добровольно, Дольникова, ты вряд ли подписалась бы нам помочь. Поэтому пришлось создать такие условия, чтобы ты не смогла нам отказать! Не заставляй нас прибегать к крайним мерам! Пацана хочешь своего живым видеть? Не только свою жизнь сохранить, но и за прошлое отомстить — а это как тебе?! Никуда ты не денешься! Будешь делать то, о чем попросим.

Дольникова молчала, кажется, целую вечность.

— Боюсь, что вы не оставили мне другого выхода.

Ей показалось, что под масками зазмеились довольные усмешки.

— Хорошо, что ты сделала правильный ход, Дольникова. Завтра займемся оружием. Ты и твой новый дружок — он будет у тебя «вторым номером» — должны будете сделать пристрелку. Что касается прочих деталей, то о них мы тебе сообщим чуть позднее.

С Бушминым говорили совсем другим тоном: жестко, по-деловому. Он был готов к чему угодно — к любым формам запугивания, к изматывающей процедуре допросов с применением наркотических средств и богатейшего арсенала пыток и даже к тому, что его жизнь оборвется уже в ближайшие часы. Он понимал: особо церемониться с ним не станут, а потому сразу настраивался на самое худшее.

Но к тому, что произошло, Андрей оказался совершенно не подготовлен.

Нет, его не пытали. Руки, правда, держали все время скованными, а на шею надели короткий поводок, другой конец которого в ходе разговора был прикреплен к трубе парового отопления. И даже особо не допрашивали, потому что поняли: разговорами от него ничего не добьешься.

Ему показали видеокассету, а также с полдюжины фоток — знакомый парень щелкнул Андрея на «Поляроид»; снимки лежали в сумке почти месяц, но, когда случилась оказия, Бушмин решил вместе с посланием жене, записанным на видео, послать и фотографии.

Все это было запаковано Андреем в небольшой пакет, на котором — там, где адрес получателя, — были его рукой написаны два телефонных номера. Коля Лымарь, подписавшийся доставить в Москву не только бушминскую бандероль, но и посылки других ребят, был отнюдь не простым оператором «Воен-ТВ», поскольку уже лет десять был тесно повязан с информационными структурами «Аквариума» и являлся своим человеком в штаб-квартире на Хорошевском шоссе.

Ясно, что ни Лымарь, ни сотрудник ГРУ, которому Коля должен был передать все посылки, не могли потерять бушминский пакет.

То, что бандероль оказалась у людей, прячущих свои личины под масками, означает лишь одно: идет какая-то очень крупная игра, а потому в ход пошли любые, даже самые грязные и подлые приемы.

Только колоссальная выдержка помогла ему в ходе довольно-таки короткой ознакомительной беседы сохранить на лице нечто схожее с маской невозмутимости.

— Слушай внимательно, потому что повторять не буду, — сказала «маска». — Первое. Оба номера, сам понимаешь, мы легко «пробили». Двухкомнатная квартира возле «Планерной», адрес ты и без нас знаешь... Второй телефон — балашихинский, квартира в спецгородке. Попасть нам туда — как два пальца об асфальт... Если позвонить по этим номерам, то за бандеролью кто-то должен подъехать, верно? Теперь второе. У тебя красавица жена в интересном положении, ты ее любишь и переживаешь за ее здоровье. Ну что ж, похвально... Перейдем к третьему пункту. Кто ты на самом деле, мы знаем. Но в принципе нам по хрену, служишь ли ты в ГРУ или, как написано в липовой ксиве, в РУОПе. Кто мы такие — тебе знать не нужно. С твоей помощью мы хотим завалить пару-тройку козлов — это все, что тебе нужно знать. Если сделаешь работу качественно, мы с тобой распрощаемся по-хорошему. Пункт четвертый, на него советую обратить особое внимание! Так вот... Если ты нас огорчишь по какому-нибудь поводу, то у тебя не будет ни твоей красавицы жены, ни ребенка. Дружка твоего, амбала, само собой, замочим, его жизнь тоже зависит от тебя. И последний пункт из тех, что тебе нужно зарубить на носу: тебе еще надо доказать, что ты именно тот специалист, за которого мы все тебя здесь держим...

Чуть позже, когда его вернули на прежнее место, Бушмин очень пожалел, что ему не удалось спровоцировать «маски» на жестокую расправу над ним. Да, лучше бы они его сразу мочканули. Ведь если он перейдет в разряд покойников, то какой им смысл и какой интерес преследовать в дальнейшем его близких?

Дольникова, словно уловив, насколько подавлена психика Андрея, не стала приставать к нему с расспросами. Да она и сама находилась не в лучшем состоянии...

— Напрасно они так поступают, — пробормотал Андрей, как бы размышляя вслух. — Не будет теперь им пощады.

Метаморфоза, которая произошла с Мокрушиным за сравнительно короткий промежуток времени, была удивительной даже для такой личности, как Рейндж.

Двадцать четвертого декабря, в 11.00 по московскому времени, в подмосковном аэропорту Чкаловский приземлился транспорт, прибывший из Назрани. На борту «Ил-76МД» — сотрудники группы управления «Мерлон» во главе с Игорем Мануиловым, а также спецпредставитель ГРУ полковник Шувалов с сопровождением.

За неполные сутки Мокрушин и его заместитель Тимофеев прошли через два «шлюза» — в «Аквариуме» и здании на Старой площади, где размещается аппарат Совбеза. В промежутке между этими событиями они успели принять душ, сбрить бороды и в целом привести себя в надлежащий вид.

Затем последовал сорокаминутный инструктаж в бункере Ситуационного центра Совбеза — причем присутствовал лично Эм.

Дежурное звено, в состав которого вошли шестеро сотрудников ГРУ, осело в офисе «П-ЗР» на Жуковского, — этот объект был законсервирован последние полгода. Вторая бригада находилась в резерве, а местом дислокации для нее выбрали базу ГРУ в городке Балашиха-2.

На сон Рейндж смог выкроить немногим более трех часов. Для того чтобы восполнить как-то недостаток сна, да и в целом повысить жизненный тонус, он «заряжался» каждые шесть часов, глотая быстрорастворимые капсулы стимулятора «Зеро-21».

Двадцать пятого декабря, в половине одиннадцатого утра, служебная «ГАЗ-2410» традиционного черного цвета, приписанная к оперативно-розыскному отделу московского УФСБ, миновала мост со стороны Речного вокзала и вскоре припарковалась на муниципальной стоянке у одного из многоэтажных зданий по улице Автозаводская, недалеко от станции метро.

Из «волжанки» на заснеженный тротуар выбрались двое молодых мужчин, одетых по погоде, похожих как на средней руки ударников капиталистического труда, так и на служащих госучреждений.

Прежде чем пройти через арочный проезд, Мокрушин задержался на несколько секунд у витрины мини-маркета. Он находился посреди шумного мегаполиса, готовившегося к новогодним празднествам — после Чечни Рейнджа здесь многое удивляло, словно он оказался на другой планете.

* * *

Удивляла даже витрина, в которой сейчас отражался.

Но куда более удивительным было то, что в эту минуту в зеркальной витрине отражался федеральный спецагент класса «элита», обладатель «лицензии» и «неограниченного допуска», который появляется в условиях мирной жизни лишь тогда, когда возникает экстремальная ситуация.

Рейндж не забыл о тех выводах, которые они сделали на пару с Черепом. «Дольникова и пацан, — сказал он тогда Черепанову, — вот покамест единственная ниточка...»

Теперь, когда он волею начальства оказался в Москве, грех было не уцепиться за этот самый кончик. Получив от «Мерлона» «добро» и оставив вместо себя на Жуковского Тимоху, Рейндж отправился по тем адресам, где можно было добыть дополнительную информацию, касающуюся Анны Сергеевны Дольниковой, в девичестве Лукиной.

Компанию ему составил Леня Белькевич, который своим обликом и манерами больше всех из гэрэушников смахивал на сотрудника конторы. Оба они, помимо «мобильников», индивидуальных «маячков» и штатного оружия, имели при себе документы сотрудников Федеральной службы безопасности. Действовать под чужой «крышей» им не впервой, поэтому чувствовали они себя в облике чекистов вполне комфортно.

Первым в списке значился адрес, по которому были прописаны Сергей Николаевич Лукин, отец Анны, а также его нынешняя супруга и их девятилетний сын, сводный брат Дольниковой.

Квартира Лукиных находилась на третьем этаже. Мокрушин надавил на кнопку дверного звонка. Затем позвонил еще раз, более настойчиво. Тут же послышалось звяканье запоров — входная дверь была довольно мощная, металлическая, израильского производства, с замками системы «Мультилок», — но открыли лишь на ширину дверной цепочки. Женское лицо, возникшее в проеме, принадлежало экономке, дальней родственнице нынешней супруги Сергея Николаевича.

Чекисты дружно продемонстрировали свои служебные корочки.

— Лукины в отъезде, — сообщила женщина. — Числа двадцать восьмого обещались быть в Москве.

— А вы Лидия Михайловна, верно? — Мокрушин спрятал удостоверение в карман. — Вас должны были предупредить о нашем визите.

— М-м... Да, мне звонили из вашего учреждения. Но я, признаться, не поняла, что вам от меня нужно.

— Вы не находите, что разговаривать через дверь не очень-то удобно?

— Ах да, простите...

Звякнув цепочкой, экономка распахнула дверь настежь:

— Проходите, пожалуйста. Только вам придется разуться и надеть шлепки. Сами видите, у нас здесь натертый паркет...

* * *

Четырехкомнатная квартира Лукиных содержалась в образцовом порядке. Паркет доведен до зеркального блеска, нигде ни пылинки, ни соринки. Сравнительно недавно сделан евроремонт, на кухне, куда провели гэбэшников, установлено современное оборудование. В общем, видно невооруженным глазом: люди имеют неплохой достаток.

Мокрушин располагал информацией, что семья Лукиных в настоящий момент находится в Германии. Сам Лукин — личность довольно известная. Многократный чемпион страны по стендовой стрельбе, победитель четырех мировых первенств, чемпион Московской олимпиады и т.д. и т.п. Нынче он считается тренером высочайшей квалификации.

С Германией его связывает то, что последние годы он консультирует сборную этой страны, а также работает по контракту с германскими биатлонистами. Хорошо знающие его люди утверждают, что Лукин фанатично предан своему делу. Не только в тренерской деятельности, но и в иных сферах он зарекомендовал себя человеком жестким, порой прямолинейным, не лишенным диктаторских замашек. Понятно, что сочетание этих качеств всегда создает проблемы в личной жизни, но вместе с тем позволяет добиваться впечатляющих результатов на избранной стезе.

Квартира отчасти напоминала музей, потому что здесь во множестве были представлены спортивные трофеи главы семейства: кубки и медали различных достоинств, правительственные награды, дипломы, грамоты и т.п. Что касается экономки, то это была женщина лет пятидесяти с небольшим, типичная провинциалка, которую зажиточные родственники выписали в столицу, с тем чтобы иметь домохозяйку и одновременно сторожа, присматривающего за квартирой во время их отлучек. Две присущие ей черты Рейндж подметил уже в первые минуты общения: домовитость и бойкий язычок — таких за их способность сплетничать по любому поводу называют «кумушками».

Только уселись на стулья, как она тут же отпустила язвительную реплику:

— Я так и знала, что у Аньки будут неприятности! Любаша ведь ее предупреждала. Говорила: «Ты че, Анна, дура?! Куда собралась за тридевять земель? И че, спрашивается, тебе дома не сидится?!»

— Откуда вы взяли, что у Анны Сергеевны неприятности? — поинтересовался Мокрушин. — У вас имеется какая-нибудь информация на этот счет?

— Нет, но я подумала... — Женщина действительно на время призадумалась. — Ваши товарищи приходили неделю назад, так? Звонили несколько раз, спрашивали, нет ли новостей... Теперь вот вы пришли, интересуетесь опять же. Ну я и подумала, что Анна, видать, каких-то делов натворила...

Визитеры незаметно переглянулись. После чего Мокрушин взял инициативу на себя.

— Давайте-ка по порядку, Лидия Михайловна... Какие-нибудь еще письма приходили от Дольниковой? Кроме того, что было датировано двадцать седьмым ноября?

— Нет, ни писем, ни телеграмм Анна больше не присылала. Я дважды в день почту изымаю, так что не сомневайтесь...

— Может, звонил кто-нибудь, расспрашивал об Анне Сергеевне?

— Да, звонили дней пять назад. Мужчина какой-то... Спрашивал, где ему найти Анну Дольникову, мол, нужна она ему позарез. Любаша с мальчиком уже улетели в Ганновер, чтобы поспеть к рождественским распродажам, там их Сережа встречал...

— И вы дали этому незнакомому вам человеку адрес в Слепцовской? — догадался Белькевич. — Он хоть представился как-то?

— Сказал, что они с Аней вместе учились... А что, не надо было давать? Ну так откуда мне знать? Я подумала, может, действительно Аня очень нужна этому товарищу... Сказала ему, что вот только что от нее пришло письмо, ну а он, значит, попросил меня прочесть обратный адрес... А потом, вечером того же дня, пришли ваши коллеги, и я им все рассказала...

Мокрушин уже знал об этой истории. Не исключено, что именно тогда некими неизвестными пока лицами был «пробит» адрес миссии в Слепцовской. Попытки же установить, откуда был сделан звонок и кто за всем этим стоит, оказались безрезультатными.

По правде говоря, сам Рейндж даже не ожидал, что Дольниковой в последнее время будет уделяться столько внимания. Этой особой сейчас занимались многие. Телефоны, в том числе и здесь, на Автозаводской, взяты на прослушку, а в тех местах, где можно ожидать ее появления, в частности, возле дома в Черемушках, где у нее квартира, даже выставлены посты наблюдения.

Понятно, что подобная активность связана не только с фактом внезапного исчезновения двух сотрудников ГРУ, контактировавших накануне ЧП с Дольниковой, но и с личностью самой этой молодой женщины, не исключено — с ее покойным мужем.

В принципе московскими связями Дольниковой есть кому заниматься. Можно было, конечно, прочесть отчеты тех сотрудников, кто пашет на этом поле, и тем ограничиться. Но, как и в случае с Аксеновой, Рейндж предпочел углубиться в тему, решил сам наведаться по всем адресам, переговорить с очевидцами, увидеть все собственными глазами. Он надеялся, что ему удастся выведать подробности и детали, не замеченные другими поисковиками.

«Кумушка», притомившаяся, видать, в одиночестве, наконец обрела благодарных слушателей.

— Сергей Николаевич так жалел ее, так жалел... Зачем, говорил, она вышла замуж за этого мен... за этого милиционера? Аня по «юниорам» второе место в стране держала! В шестнадцать уже в мастерах ходила, а с двадцати — в «международных»! Сережа тогда нашу женскую сборную тренировал, так Люба, она еще в ту пору сама в «сборниках» ходила, не раз спрашивала: «Почему, такой-сякой, Анну в состав сборной не вводишь?!» А Николаич наш — мужик крутой, но справедливый. Говорит, выставлю Аньку только тогда, когда она «созреет». Он считал, что его дочь должна быть на голову выше остальных, чтобы никто, значит, не подумал, что знаменитый Лукин своей дочери протезирует...

— Когда в последний раз вам звонили Лукины? — перебил женщину Мокрушин. — И о чем спрашивали?

— Вчера Сергей звонил, во второй половине дня. Беспокоится, конечно, почему от Ани уже две недели нет никаких новостей. Интересовался, кто приходил, что спрашивали... Любаша, он потом дал ей трубку, тоже переживала. Говорит, вечно у Аньки какие-то непонятные дела... Вот уехала куда-то, ни адреса толком не знаем, и сама не звонит... Придумала себе какую-то блажь, слоняется неизвестно где, да еще знать о себе не дает! А теперь вот занятые люди должны все побросать свои дела и заниматься ею, как будто она маленькая девочка...

— Лидия Михайловна, а вы Дольникова-то сами видели? — спросил Мокрушин. — Как он вам показался?

Женщина пригладила свои пережженные перекистью волосы, помолчала немного, а затем ее снова прорвало:

— Анькин-то мужик? А че ж не видела? Был он у нас здесь, раза два или три, но не больше. Мужчина, конечно, он видный. Опять же при звании и должностях, машина была служебная, то-се... Вежливый такой, дурного слова не услышишь. Но, с другой стороны, он ведь на десять с хвостиком лет старше нашей Анюты...

Мокрушин по-прежнему сохранял на лице казенную вывеску — никак не выказывал своего

отношения к услышанному. Но думал при этом всякое-разное. Например, о том, как сложно все-таки устроена жизнь. Тот же Сергей Лукин, безусловно, человек заслуженный, возможно, даже талантливый. И вот он, целеустремленная личность, известный тренер с задатками диктатора, сам угодил под каблук стержозной особы. В принципе картинка была более-менее понятна. Эта самая Любаша, хотя и не ходила никогда в чемпионках, сумела женить на себе известного тренера, который к тому же зарабатывает немалые деньги. Родила ребенка, после чего, как это случается с некоторыми не слишком умными стержозными дамочками, принялась ловко оттирать Анну в сторону. И похоже, что добились-таки своего...

— Милиционер Анькин-то застрелился, — закручинилась вдруг родственница. — Девочка и сама в роддоме чуть не померла, ребенка так и не спасли. Горе-то, горе какое... После этого она долго не в себе была. Любаша очень переживала, ну и отец, само собой... Я, признаться, стала опасаться, как бы Аня в дурдом не загремела. Или в монастырь не ушла. Аня себе места не находила, туда-сюда, туда-сюда... А тут, значит, в сентябре, уже в конце месяца, объявила: еду к знакомым на Северный Кавказ, пробуду там месяц или больше, за меня не беспокойтесь... Вот тогда Любаша ей и сказала: «Ты че, Аня, сдурела?! А если тебя саму там украдут или ненароком убьют?!» Так нет же, не послушалась старших! Усвистала! Теперь вот думай что хошь, переживай за нее, где она, что с ней, почему так долго не дает о себе знать...

Вскоре чекисты вымелись из квартиры. Визит к Лукиным оставил крайне неприятный осадок. Рейндж, например, ощущал себя так, как будто он отведал гнилых яблок.

Когда они уже подходили к «волжанке», Белькевич с мрачным видом изрек:

— За что воюем, Рейндж? Посмотри, сколько гнили наружу вылезло!

— Не суди, да не судим будешь, — предостерег коллегу Мокрушин. — «Пустышку» вытянули, Ленчик! Ну да ладно, может, в других местах повезет...

Глава 6

Прежде чем отправиться небольшой компанией на пристрелку, «маски» решили сделать «второму номеру» словесное внушение:

— Эй, Васильев! Не дергайся, понял?! Шансы у тебя нулевые, а вот близкие из-за тебя могут сер-р-ррезно пострадать!

— А никто и не дергается.

— Захлопни пасть! А теперь марш на выход!

До места добирались где-то минут сорок. Часы у Андрея отобрали, поэтому во времени он ориентировался с трудом. По правде говоря, он даже не знал толком, какой день недели и какое число значатся на календаре.

Транспорт, в который загрузили снайперюг, предварительно надев им мешки на головы, а на руки — наручники, скорее всего был грузовым микроавтобусом. По ходу дела Бушмин пришел к выводу, что везли их проселочной дорогой, в стороне от оживленных автомобильных трасс. Качество полотна было неважным, потому что пассажиров изрядно трясло, а временами водиле даже пришлось сбрасывать скорость.

Предположения Бушмина подтвердились, когда его взяли под руки, вывели из автобуса и сняли наконец мешок с головы — сами же тюремщики остались в шлем-масках. Глухомань — вот подходящее определение для этой местности.

Был день, и в лицо дул слабый влажный ветерок; температура — около нуля градусов. В принципе метеоусловия для пристрелки вполне подходящие.

«Масок», насколько мог судить Бушмин, было четверо или пятеро, причем державшийся рядом с Андреем имел при себе «АКСУ».

Полигон, куда они прибыли, находился в совершенно безлюдной местности. Справа стоит заснеженный лес, до него рукой подать. Слева тоже просматривается протяженный лесной массив, но расстояние до опушки — километра три, не меньше. Впереди, сколько глаз видит, лежит ровная как стол поляна, на которой можно рассмотреть остатки танкодрома, еще какие-то сооружения, по-видимому, составлявшие ранее «полосу препятствий», и, собственно, само стрельбище. Все это хозяйство имело крайне запущенный вид. Судя по первому впечатлению, последние лет восемь-десять здесь, как говорится, не ступала нога человека. Да и нечего тут делать, разве что летом за грибами да ягодами можно наведаться.

И еще одно важное наблюдение сделал Бушмин, когда ему удалось как следует рассмотреть окружающий ландшафт. Он готов был поспорить на что угодно — они находятся где-то в средней полосе России. Но вот где именно, вблизи каких населенных пунктов, в Подмоскovie или на территории одной из соседних областей, определить навскидку ему не удалось.

Дождавшись подходящего момента, он бросил на Дольникову вопросительный взгляд. В ответ Анна лишь пожала плечами, поскольку и ей это место казалось совершенно незнакомым.

Вся компания высадилась возле открытого тира, оборудованного некогда навесами над рубежом огня. С Дольниковой сняли наручники сразу, а вот «Васильева», похоже, «маски» и впрямь опасались: передали ключ от наручников Анне и велели ей самой освободить напарника от браслетов, при этом двое типов, вооруженных «сучками», постоянно держали Андрея на мушке.

Остальные тем временем вытащили невесть откуда стол, на который выложили снайперские винтовки: «ВСС» винторез и две новехонькие армейские «СВД».

— Действовать только по моей команде, — предупредил тот, который, как выяснилось впоследствии, имел навыки инструктора по стрелковой подготовке. — Шаг влево, шаг вправо...

— Ближе к делу, — буркнул Бушмин. — И не сверлите мне затылок стволами, а то буду мазать!

* * *

Снайперские упражнения заняли довольно много времени. Причем условия работы и позиции, лимит времени, не говоря уж о требованиях к меткости при поражении мишеней, — все в сумме дало стрелкам обильную пищу для размышлений.

Все три ствола, с которыми они работали, не имели никаких видимых изъянов. Вначале на стометровом рубеже Дольникова опробовала винторез, используя боеприпасы «СП-5». Затем они поочередно с Бушминым пристреляли обе «эсвэдэшки», израсходовав по половине обоймы, снаряженной 7,62-миллиметровыми снайперскими патронами «7Н1». Причем занятия эти периодически прерывались, одна из «масок» рысцой бегала с мишенями туда-обратно, поскольку мощную стереотрубу захватить с собой они почему-то не догадались, а фиксировать

результат стрельбы как-то надо. Так что атмосфера на стрельбище была довольно нервной.

Как и накануне, когда их таскали на собеседование, Бушмин и Дольникова заранее уговорились не форсировать события. Ну и что из того, что в руках у них на какое-то время окажется боевое оружие? Во-первых, воспользоваться им для отстрела «масок» вряд ли представится возможность — не дураки же они в самом деле? События на полигоне, кстати, показали, что у стрелков в этом плане и впрямь не было никаких шансов, поскольку охранники проявляли предельную осторожность. А во-вторых, там, откуда их привезли, остались два заложника — «Иван-большой» и «Иван-маленький», с которыми в случае малейшей попытки мятежа разделаются самым беспощадным образом.

К тому же Бушмин не мог не понимать: угрозы этих людей в отношении его беременной жены отнюдь не пустой звук.

Поэтому снайперы сосредоточились сугубо на стрелковых упражнениях, хотя работать в условиях, когда твое малейшее движение отслеживает автоматный ствол, крайне непросто. Сама ситуация подталкивала их к тому, что кровь из носу, но они просто обязаны зарекомендовать себя меткими стрелками, стрелками со стальными нервами вдобавок. Причем с первой попытки, потому как второй может и не быть: если их работодателей по какой-то причине не удовлетворят результаты этой поездки, могут «зачистить» всю компанию.

Инструктор, по-видимому, остался удовлетворен первыми результатами, потому что вскоре вся команда с вещичками переместилась на полигон. А Бушмину один из охранников по его просьбе сунул в зубы сигарету, чтобы тот мог перекурить в промежутке между стрельбами.

На полигоне расстреливали неподвижные «ростовые» мишени, всего сделали три серии выстрелов по пять патронов. Мишеней же на всех рубежах также было по пять; установленные вплотную, они напоминали группки людей.

На рубеже «340» Дольникова вначале била по мишеням из малошумного винтореза, а затем, действуя синхронно со «вторым номером», — максимально возможной скорострельностью из «СВД». Анна косила цели слева направо, «косила», условно говоря, поскольку мишени при поражении оставались на своих местах. Андрей же начинал с крайней правой и затем расстреливал остальные силуэты. А чтобы не путались попадания стрелков, их попросили метить в различные места: Дольникову — в грудь, а «Васильева» — в голову.

Затем то же упражнение их попросили повторить на рубежах «510» и «730». Здесь стреляли из «эсвэдэшек», поскольку винторез для работы на таких расстояниях не годится. Точную дистанцию им каждый раз объявлял инструктор, но все поправки приходилось делать самим стрелкам — им оставалось лишь полагаться на собственные опыт и мастерство.

Всего они провозились на полигоне часа четыре, возможно, чуть дольше. Вместо благодарности или приза за меткую стрельбу им вновь нахлобучили на головы мешки и заковали в браслеты. После чего вся компания отправилась в обратный путь.

На основании этой поездки на заброшенный армейский полигон Бушмин сделал для себя два вывода.

Первое: неизвестные лица — о том, кто они, он пока мог лишь догадываться — готовятся повернуть в ближайшее время какую-то крупную акцию, причем готовят ее тщательно, выверяя все до мелочей.

И второе: если судить по тому, что стрельба велась с трех различных дистанций, можно предположить, что «маски» пока еще не определились с точными координатами для организации снайперской засады.

* * *

Дольникову сразу же по возвращении посадили «на цепь», поставив перед ней миски с едой. Что касается Бушмина, то одним испытанием на меткость дело не ограничилось — его поволокли на очередное собеседование.

Опять надели хомут на шею, приковав цепью к трубе. Когда убрали с головы мешок, Бушмин увидел перед собой две «маски»: один тип восседал за столом, другой устроился на стуле с торца.

И еще он заметил черный «кубик», которого здесь раньше не было, а также уже состыкованную с телевизором портативную видеокамеру.

Хотя Андрей никогда не страдал малодушием, а его самообладанию мог бы позавидовать любой, сейчас его почему-то охватила паника — в голове проносились самые мрачные мысли...

В последний раз он звонил жене из Гудермеса числа двадцатого... Лена, как они и договаривались, дождалась его возвращения в Балашихе, где у Бушминых служебная жилплощадь. В их распоряжении находилась еще одна квартира, в районе Тушина, на северо-западе столицы. Парковая зона, Химкинское водохранилище, в плане экологии — очень удачный выбор... И, что немаловажно, — поликлиника, к которой удалось приписать Лену, находится рядышком, а роддом даже виден из окон квартиры. Время от времени ей приходится посещать эту поликлинику, общаться с медиками, которые наблюдают, как протекает беременность. В таких случаях бывает, что Лена остается на ночь в Тушине. А весь ноябрь и начало декабря, когда в столицу из Калининграда приезжала мама Елены, они вдвоем жили именно там, на московской квартире.

Лена, когда он с грустью объявил о небольшой задержке ротации, сказала, что она в полном порядке, находится практически безвылазно в Балашихе, никого из родственников пока на подмогу вызывать не собирается, потому что ждет «своего мужика», и что Андрюша может о ней не тревожиться.

Как же ему, спрашивается, «не тревожиться» теперь, если он не только сам попался по-глупому, но еще и позволяет каким-то сволочам шантажировать себя?!

Бушмину кое-как удалось совладать с эмоциями. Он ведь пока толком даже не знает, что за мерзость придумали «маски». Единственный плюс в его положении — это то, что они явно не врубаются, кого именно им подфартило повязать в Слепцовской. Даже если и просекли, что «капитан Андреев» и «старший опер Васильев» одно и то же лицо, то вряд ли им что-то известно о такой личности, как Кондор. О том, какие друзья имеются у Кондора и какими он связями располагает.

Не может быть, чтобы после ЧП в Слепцовской жену Бушмина оставили без надлежащей охраны. Не только Шувалов обязан за этим проследить, но наверняка и Рейндж не останется в стороне — на своего давнего приятеля, кстати, Кондор крепко надеялся.

Одна из «масок» наконец соизволила оторвать сиденье от стула. Бросив многозначительный взгляд на прикованного к трубе субъекта, она включила аппаратуру на воспроизведение.

Вскоре Бушмина отвели в камеру. Согласно сценарию, придуманному и реализованному кем-то из работодателей, за лояльность «второго номера» после просмотра «кино» можно было не беспокоиться. Андрей сыграл именно те эмоции, которых от него ожидали: тревогу, страх, подавленность и т.д. В действительности же все обстояло с точностью до наоборот — всего несколько минут назад он испытал колоссальное облегчение.

Видеосюжет, по замыслу «масок», должен был именоваться примерно так: «Визит одной молодой дамы в интересном положении в женскую консультацию поликлиники в Тушине». Съемка — это сразу заметно — производилась скрытой камерой из салона легкового автомобиля, припаркованного в числе других авто неподалеку от входа в указанное медучреждение.

В кадре — бушминский джип «Тойота», не новый, но еще в приличном состоянии. За рулем сама будущая мать. Вот она медленно, как и полагается даме в ее положении, выбирается из салона. Затем неторопливо, чуть переваливаясь, как уточка, идет в своей длинной, до пят, дубленке к торцу здания, где, собственно, и находится вход в женскую консультацию.

Но в сюжете, заснятом скрытой камерой, была запечатлена не Елена Прекрасная, а довольно убедительно загримированная под жену Андрея Бушмина некая Ольга Яковлева, сотрудница «П-ЗР», более известная в узких кругах под именем «Горгона».

«Маски» с этим роликом прокололись, притом сами об этом пока не догадываются. Но ясно также и другое: они пока решили ограничиться тайной видеосъемкой. В противном случае, если бы их люди попытались явно обнаружить себя, войти в более плотный контакт с будущей мамой, этих субъектов неминуемо повязали бы, и тогда вместо оператора с отснятым материалом сюда наведалься бы целая компания суровых мужиков.

Так что теперь у Кондора руки были развязаны, в переносном, конечно, смысле, и он мог целиком сосредоточиться на выполнении своих профессиональных обязанностей.

Глава 7

К девяти утра Мокрушин, как ему и предписывалось, явился на Старую площадь. В сопровождении местного сотрудника спустился в кабине спецлифта в подземную часть здания. Привычно прошел процедуру идентификации личности, после чего предстал пред ясные очи старшего дежурной смены Ситуационного центра Совбеза.

«Режиссер», чей рабочий терминал находится у входа в Операционный зал, еще раз внимательно взгляделся в лицо визитера и только после этого нажал на пульте какую-то кнопку.

Часть стены, возле которой стоял Мокрушин, почти бесшумно сдвинулась в сторону — открылся проход в административную часть бункера.

— Первая дверь налево по коридору. Вас ожидают.

Рейндж прошел в тесноватое помещение, напоминающее по форме пенал. Из мебели здесь имелись лишь низкий столик и два кресла. Одно из них уже было занято полковником Шуваловым — он, похоже, безвылазно находился в бункере СЦСБ с тех самых пор, как вместе с группой «Мерлон» передислоцировался с Северного Кавказа в столицу.

Мокрушин прекрасно отдавал себе отчет в том, что сотрудники Ситуационного центра ежедневно вынуждены отслеживать десятки различных событий, решать множество вопросов. То есть наивно было бы ожидать, что сотни и тысячи людей занимаются тем же делом, что и Рейндж.

Но все это нисколько не мешало Мокрушину считать расследование, проводимое группой «Мерлон», делом чрезвычайной важности, государственно значимым.

— Я вижу, Рейндж, ты продолжаешь упорствовать. — Обменявшись рукопожатиями, сотрудники ГРУ опустили в кресла. — Ну и как? — продолжал Шувалов. — Раскопал что-нибудь существенное о Дольниковой?

— Немного прояснил для себя ее личность. Но серьезных зацепок пока не обнаружил. А у тебя, Михалыч, какие новости?

— С Кондором и Дольниковой картинка остается прежней. Мероприятия по их поиску на Северном Кавказе продолжаются, но пока все безрезультатно. После Слепцовской их никто не видел — ни живыми, ни мертвыми. Не было также зафиксировано попыток связаться с федеральными властями и потребовать выкуп за этих людей.

— Что появилось новенького относительно остальных фигурантов?

— "Горец", по некоторым данным, покинул пределы страны. Сейчас эта информация перепроверяется, скоро будем иметь детали.

— А Латыпов?

— Со вчерашнего вечера в Москве. Как и мы, летел транзитом через Назрань. С ним два офицера, его подчиненные.

— Беспалый все еще в Чечне?

— Ожидается, что он с несколькими сослуживцами прибудет в Чкаловский на борту попутного транспорта. Сегодня во второй половине дня. Как и Латыпов, будет немедленно взят под наблюдение.

— Что Славянин?

— То бишь Александр Бегляев? Чертовски опасный тип. Информацию о нем удастся добывать с большим трудом, буквально по крохам. Он не только снайпер элитного разряда, но и чрезвычайно скользкий тип. Мы предполагаем, и тебе это известно, что Умаров передал, продал или обменял Бегляева, и тот сейчас передан в третьи руки, причем, как нам представляется, сделка состоялась с вельможи Латыпова.

Мокрушин полез в карман за сигаретами, но, вспомнив, что курить в бункере запрещено, сунул пачку обратно.

— Михалыч, мы теряем драгоценное время. Предлагаю первым прижать к ногтю Латыпова. Брать его следует уже сегодня. Я готов это дело оформить. Что скажешь?

— Нет.

— Нет?.. — разочарованно протянул Мокрушин. — Какого черта, Михалыч?! Чего они ждут?

Все ж ясно как божий день.

Шувалов пристально взглянул на подчиненного:

— Я хочу, Рейндж, чтобы ты кое-что уяснил... Существуют определенные обстоятельства, о которых мы с тобой можем только гадать. Введен мораторий. Действует запрет... Короче, понимай, как хочешь. Но уясни для себя главное: в течение ближайших нескольких суток мы не можем позволять себе даже громкого чиха!

Они обменялись многозначительными взглядами — не все и не обо всем можно было говорить даже здесь, в звукоизолированном секторе бункера.

— Плохо, — сказал Мокрушин. — Если все завязано на политику — чертовски плохо. Но я могу, по крайней мере, продолжить работать по следу Дольниковой?

— Что именно ты намерен предпринять? — поинтересовался Шувалов. — Учти, некоторые связи по «делу Дольникова» затрагивать сейчас не рекомендуется.

— Я собирался после нашего разговора навеститься в «Грауэрмана», а затем — съездить в стрелковый комплекс «Динамо» на Волоколамском шоссе. Я уже созвонился с людьми, которые меня интересуют, и назначил им время для встречи.

— Добро, — чуть подумав, сказал Шувалов. — И еще одно дельце надо сделать, раз уж ты намерен смотаться в роддом...

Достав из кармана портативную видеокассету, он передал ее Мокрушину.

— Это будет привет от Андрея. Я позвоню сам, скажу, что кассета у тебя, пусть подъедет, заберет. Или, если есть желание, отвези кассету сам и вручи собственноручно. Вначале думали смонтировать пленку, но Андрей оказался умницей — в «запаснике» нашли две кассеты, которые он записал на всякий пожарный...

Мокрушин кивнул и спрятал кассету в карман. Кое-кто из ребят оставляет как бы про запас видео— и аудиозаписи или несколько коротких писем, лишенных конкретики, — остается только запечатать в конверты и проставить почтовые штампы. Работа у них нервная и опасная, случается, что человек тяжело ранен или, как тот же Бушмин, пропал без вести. Для таких случаев и делаются подобные «запасы» — удастся некоторое время поддерживать близких и родственников в счастливом неведении.

— Предпоследняя? — спросил Мокрушин.

— Да. Я надеюсь, что последняя нам не понадобится.

— Я могу быть свободен?

— У тебя есть время до ноля часов. С полуночи засядешь на Жуковского. Проследи лично, Рейндж, чтобы оба твоих звена к началу следующих суток были на «товсь»!

* * *

Спустя четверть часа Мокрушин и следующий за ним по пятам Леня Белькевич вошли в парадное родильного дома № 7 на Арбате, более известного среди москвичей как роддом имени Грауэрмана.

Наведя справки в регистратуре, они набросили белые халаты и в сопровождении молоденькой сестрички направились в общее отделение, где их уже дожидался врач-гинеколог Вячеслав Суменович Севдоян. Это был тот самый врач, который сделал в октябре прошлого года операцию Анне Дольниковой — молодую женщину оперировали именно здесь, в «Грауэрмана».

Мокрушин мог назначить встречу с врачом в любом другом месте, да хоть на самой Лубянке, но почему-то счел нужным навеститься в роддом, хотя здесь до него уже успели побывать другие сотрудники — он по-прежнему надеялся на свое «верхнее чутье».

Севдоян ему сразу понравился. Худощавый, лет тридцати трех, волосы с легкой рыжинкой, неторопливая речь, несколько отстраненное выражение лица. Хотя его и не причисляли к разряду светил, он считался неплохим специалистом.

Чтобы сбить напряжение, Мокрушин в присутствии Севдояна, не очень греша против истины, отвесил сестрице щедрый комплимент. Затем, когда та удалилась, покачивая бедрами, он объяснил врачу, какова цель его визита.

— Вы курите? — неожиданно поинтересовался гинеколог.

— Здесь можно курить? — удивился Рейндж.

— Нет, конечно. — На лице врача появилась едва заметная улыбка. — Но у вас ко мне, кажется, серьезный разговор? Пойдемте, здесь неподалеку есть уединенное местечко, там и побеседуем...

* * *

Мокрушин разговаривал с врачом тет-а-тет, наказав предварительно Белькевичу, чтобы тот находился неотлучно у регистратуры и не упустил Лену, которая вот-вот должна была подъехать в роддом. Расположились они в «шхере» неподалеку от застекленной галереи, превращенной в некое подобие зимнего сада.

— Дольникова Анна Сергеевна, — в задумчивости проговорил врач. — Да, я помню все в деталях. Могу ли забыть этот случай, если меня неоднократно допрашивали... Уже в день операции давал показания каким-то людям из милиции. Потом меня несколько раз приглашали к следователю прокуратуры. Мое руководство так же детально разбиралось во всей этой истории с точки зрения медицины. К нашей бригаде, оперировавшей Дольникову, как и ко мне лично, никаких претензий не было... Я хорошо запомнил ее мужа, он почти двое суток провел в наших покоях... он был так подавлен случившимся...

Севдоян помрачнел и покачал головой.

— По правде говоря, он находился в ужасном состоянии. Несколько позже, не помню уже, от кого, я слышал, что он вскоре покончил самоубийством. Это, конечно, не мое дело, но в таких случаях друзья и близкие не должны оставлять человека наедине с горем.

— Дольникову доставила вам бригада «Скорой»?

— Да, около часа ночи. Сразу же после предварительного осмотра стали готовиться к операции. Вскоре Дольникова вошла в состояние комы, пришлось задействовать системы жизнеобеспечения... Уже после первого осмотра картина была ясна: живот опущен, младенец находится внутри полости матки, но воды уже отошли... Сердце младенца не прослушивалось. На животе у Дольниковой, кстати, обнаружилась гематома, след не то ушиба, не то удара...

Возникло предположение, что ребенок мертв, поэтому мы без промедления сделали операцию, удалив плод через разрез брюшной полости.

— Вы сделали кесарево?

— У нас не было выбора... И заметьте: оперируемая находилась в бессознательном состоянии, поэтому об анестезии даже речи быть не могло.

— Другими словами, вы резали ее без наркоза? Вот так... по живому?

В общем-то, Рейндж чувствовал себя в таких вопросах полным дилетантом. Наверное, он задал врачу чертовски глупый и даже бестактный вопрос, поскольку Севдоян не только не ответил на него, но даже отвернулся.

— Извините, Вячеслав Суменович, я не хотел вас обидеть... Насколько я понимаю... пока Дольникова находилась у вас, ее тщательно охраняли? Вам приходилось слышать хоть какое-то объяснение происшедшему с Анной Сергеевной? До того, как ее доставили к вам в крайне тяжелом состоянии...

— Один из сотрудников милиции сказал, что Дольникову избили какие-то подонки... Других объяснений мне слышать не доводилось. Охрана, кстати, находилась здесь недолго, дней пять от силы. Когда Дольникову перевели в отделение патологии, где я ее не раз навещал, никакой охраны я уже не заметил.

Мокрушин достал из кармана несколько фотографий и показал их Севдояну.

— Взгляните повнимательнее, Вячеслав Суменович, возможно, кто-нибудь из них вам покажется знакомым.

Севдоян некоторое время разглядывал снимки. Затем указал на тот, где был запечатлен мужчина в очках с притемненными линзами. Потом кивнул на другое фото — с тем же человеком, но уже без очков. Сравнив снимки, в задумчивости проговорил:

— Боюсь ошибиться... Кажется, этот мужчина бывал у нас два или три.

— вспомните, когда именно.

— В ночь, когда мы сделали Дольниковой операцию. Он приехал вместе с ее мужем... На следующий день, когда я имел беседу с работником прокуратуры, он, кажется, тоже присутствовал. И еще спустя неделю, когда меня пригласили в кабинет нашего заведующего отделением. Там был этот... в очках и уже знакомый мне следователь. Они предупредили меня, что в интересах следствия я должен молчать о случившемся. И что если кто-то станет меня обо всем этом расспрашивать, то я должен позвонить следователю и доложить ему.

Севдоян криво усмехнулся.

— Признаться, мне все это... очень не понравилось. Вот и ваш сотрудник, с которым я недавно беседовал, предупредил меня о неразглашении...

— Предупреждение остается в силе, — заявил Мокрушин. — Мы вам очень признательны, Вячеслав Суменович. За ту спасительную операцию — ведь вы спасли Анне Сергеевне жизнь. И еще за информацию, которая, мы надеемся, поможет восстановить справедливость.

* * *

Об эпизоде с предупреждением Мокрушину было известно еще до разговора с врачом. Равно как и о том, что вся медицинская документация на Дольникову исчезла с концами. Вернее, бумаги были изъяты некими «сотрудниками правоохранительных органов», а затем пакет с документацией затерялся то ли в прокуратуре ЦАО, то ли в Московской горпрокуратуре. Что касается самого уголовного дела — именно в интересах следствия была вроде бы изъята документация из роддома, — то никаких следов документов обнаружить не удалось.

Но одна существенная деталь Рейнджу стала известна только сейчас, после беседы с Севдояном. Замять дело, изъяв из него львиную долю документов и справок, помог неизвестным не кто иной, как Алексей Латыпов — именно его опознал на фото врач.

Белькевич уже дожидался у входа из галереи.

— Будущая мама здесь?

— Да, только что приехала. Ждет тебя в переходе.

— Смотри, Леня, внимательно по сторонам, чтобы наш с ней контакт никто не засек.

Пройдя через Г-образный коридор, Мокрушин заметил в его конце женскую фигуру. У него даже горло перехватило, насколько точно Горгона скопировала жену Бушмина. Рядом с ней стоял знакомый еще по службе в «П-ЗР» парень, выполняющий, очевидно, функции прикрытия. Кивнув Мокрушину, он направился к запасной лестнице, таким образом оставив их наедине.

— Беременность, Ольга, тебе к лицу, — усмехнувшись, сказал Мокрушин. — Жаль, Леон не видит... Ладно, будем считать это генеральной репетицией.

— Чья бы корова мычала... — хмыкнула Ольга. — Тебе, старому холостяку, надо бы помолчать. Здорово, чертяка!

Привстав на цыпочки, она ткнулась холодной щекой в мокрушинский подбородок. Затем быстро отстранилась, поскольку временем для сантиментов и сколь-нибудь продолжительных разговоров они не располагали.

— У тебя хоть ствол при себе имеется? — спросил Мокрушин. — Тебя, я так понял, как живца используют?

— Периодически свечусь в Тушине, но пока все без толку.

Прежде чем она застегнула сумочку, уложив на дно переданную ей кассету, Мокрушин успел заметить миниатюрный, но притом весьма эффективный в ближнем бою «ПСС»-"вул".

— Я сам кассету не смотрел, — предупредил он Яковлеву. — Прежде чем передать Ленке, просмотрю ее, хотя накладок быть не должно.

Мокрушин изобразил бравый вид, но при этом к горлу его подкатил комок.

— Как там Лена? — пересилив себя, спросил он. — Ее хоть надежно охраняют?

— Круче, чем самого Президента, — заверила Горгона. — Она пока в привычной для себя обстановке, если можно так сказать... Догадывается, конечно, что с Андреем что-то неладно,

но держится молодцом... По легенде, вы с ним все еще в Чечне... Кроме этой «посылки», осталось еще что-нибудь?

— Та, что я тебе передал, — предпоследняя.

— Все будет тип-топ, — заверила Ольга. — Главное — тщательно фильтруй руководящий базар, потому что вытаскивать Андриюху все равно придется тебе, Рейндж...

Яковлева перебросила через плечо ремешок сумочки и, тщательно копируя походку и манеры Елены, направилась к выходу. Спустя несколько минут следом за ней вышли Рейндж и его нынешняя «тень».

После визита в роддом и беседы с Севдояном Мокрушин какое-то время чувствовал себя так, будто ему самому сделали кесарево сечение...

Глава 8

Гарас еще не совсем пришел в себя, хотя с тех пор, как он вынырнул из небытия, прошло не менее двух суток. У него временами кружилась голова, не так сильно, как на момент пробудки, но стоило только напрячь мозговые извилины, как тут же внутри черепа начинало что-то лопаться и взрываться. К этому следует добавить слабость во всем теле, хотя никаких других повреждений, кроме уже затягивающейся раны на темени, он не обнаружил, и еще то обстоятельство, что его почему-то удерживали взаперти, в кандалах, будто какого-то каторжника.

Компанию ему составлял тот самый пацан, которого Дольникова зачем-то вывезла из Чечни. Он-то что здесь делает? Его-то за какие грехи посадили? Непонятно...

Не без усилий, но Гарасу все же удалось усесться на своем жестком ложе. Опорой для спины служила холодная бетонная стена. В очередной раз испытав на прочность железяки, он на какое-то время затих, переживая очередной приступ тошноты и головокружения.

Черт, ну и облажался ты, Иван... Не могли так быстро из комендатуры тачку пригнать! И пяти минут не прошло, как нарисовались! «Мужики, вы из комендатуры?» А сзади кто-то хр-р-рясь чем-то тяжелым по черепу, как только башкарик пополам не раскололся...

Похоже на то, что он несколько суток пребывал в полном отрубле. Не только голову проломили, но еще, кажется, и наркотой пичкали — вот почему он до сих пор такой чумной... Но «маски» его все равно опасаются, иначе не держали бы на привязи, как свирепого цепного пса...

Гарас понятия не имел, что за люди скрывают свои обличья под спецназовскими масками и что за контора наехала на них в Слепцовской. Не знал даже, где нынче находится и что случилось с командиром. Но главное: что намерены предпринять «маски» уже в самом ближайшем будущем? Впрочем, если его удерживают здесь вместе с мальчишкой, то ясно, что это делается неспроста...

* * *

Пацаненок первое время дичился, но Гарасу вскоре удалось войти к нему в доверие. У мальчишки раньше были два занятия: он либо располагался у входной двери, где горел забранный решеткой светильник, и там, растянувшись на дощатом полу, что-то рисовал, благо

ему дали ручку и стопку бумаги; либо подолгу лежал на тюфяке, уставившись бездумно в потолок. Теперь вот появилось третье — дружеское общение с сокамерником.

Однако пацан Дольниковой за все время совместной отсидки не произнес ни единого слова. Грамоте он тоже, кажется, не обучен. Ко всем людям относится настороженно, как будто наперед уверен, что, кроме неприятностей, от них ничего не дождешься. Поэтому общение со столь экзотической личностью было занятием не из легких.

По просьбе Гараса мальчишка набрал из ведра кружку воды. Прапорщик заставил себя съесть несколько бутербродов с колбасой и сыром — «маски» явно не собирались уморить узников голодом — и запил обед водой из кружки. Почувствовав себя относительно сытым, он красноречивым жестом попросил паренька присесть рядышком.

Чтобы закрепить на уже достигнутых рубежах, Гарас начал с простейших вещей.

— Меня зовут Иван. — Для иллюстрации он стукнул себя кулаком в гулкую грудь. — А тебя зовут...

Мальчишка опустил рядом на дощатый пол. Вместо ответа на заданный вопрос он энергично закивал.

— Ты тоже Иван, верно? Мы с тобой тезки, потому что у нас с тобой одинаковые имена... Договоримся, чтобы не путаться: я — Иван Большой, а ты, значит, Иван Маленький...

Малец отклонил это предложение, отрицательно покачав головой.

— Гм... — Гарас бросил на мальчишку озадаченный взгляд. — Не понравилось? Ага, придумал тебе прозвище! Знаешь, кто ты у нас будешь? Иван Грозный!

Поразмыслив немного, мальчишка выдал утвердительную реакцию.

— Иван, ты считать умеешь? — установив доверительный контакт, Гарас решил выведать что-нибудь полезное в плане информации. — Вот тебя недавно водили куда-то, так? Там были люди в масках, верно? Сколько всего ты их видел? Сам, своими глазами... Сколько их там? Трое? Четверо? Пятеро? Или больше?

Иван сжал кулачок, затем медленно, шевеля при этом губами, как будто силился что-то произнести, стал разгибать один за другим пальцы. Потом, подумав немного, продемонстрировал соседу четыре пальца.

— Ясенько, — кивнул Гарас. — Значит, ты видел четверых...

Вскоре Гарас выяснил два важных для себя обстоятельства. Во-первых, Ивана дважды водили на свидание с Дольниковой, а это означает, что Анна Сергеевна находится здесь же, где-то неподалеку. А во-вторых, дядю Андрея пацан не только здесь не видел, но и не знает, где тот сейчас находится и что с ним случилось. Хотя последнее, по мнению Гараса, еще не означает, что командира уже нет в живых. Скорее всего Бушмина тоже повязали и теперь, как и остальных, держат непонятно для какой цели взаперти.

— Иван, ты ведь раньше... умел разговаривать, верно?

Мальчишка едва заметно кивнул головой.

— Так чего же мы с тобой на пальцах объясняемся? Ты ведь толковый пацан, я вижу... У тебя что-нибудь случилось? Ты не можешь разговаривать? Или не хочешь?

Иван напрягся, Гарасу даже почудилось, что тот что-то тихо прошептал. Затем малец неопределенно пожал плечами, показывая тем самым, что не намерен отвечать на заданный вопрос.

— Ладно, Иван, не обижайся, — усмехнувшись, сказал Гарас. — Ты должен понять главное: я, ты, твоя мама и дядя Андрей, если он, конечно, находится где-то здесь, рядом... В общем, все мы — «свои». Ты уже не маленький, должен знать, как устроена жизнь. Есть плохие люди и есть хорошие. Мы, наша компания, — хорошие. А те, что держат нас здесь, они нехорошие люди. Они гады и сволочи. Но мы их все равно перехитрим! Можешь в этом не сомневаться...

Мальчишка неожиданно поднялся с пола и направился в противоположный угол камеры. Гарас уж было подумал, что тот обиделся на что-то, но Иван, захватив с собой рисунки, тут же вернулся.

Прапорщик уже пытался несколько раз выяснить, что пацан изобразил на бумаге, но грозненский мальчишка доверился сокамернику только сейчас. Гарас, ознакомившись с его творчеством, в изумлении присвистнул. Малец рисовал для своего возраста очень даже неплохо. А ведь он делал свои наброски не карандашом или кистью, а обычной шариковой ручкой с черной пастой.

Рисунки эти как бы иллюстрировали некоторые эпизоды из жизни мальчика, которого Дольникова где-то подобрала и привезла в станицу Слепцовская. Очевидно, события в Грозном оставили зарубки в памяти Ивана, изобразившего на бумаге сцены расстрела. Причем в рисунках прослеживалась определенная динамика — по такому же принципу рисуют комиксы или мультфильмы.

Три женские фигуры у стены, причем одна из них прорисована довольно тщательно. Возможно, Иван изобразил свою настоящую маму. Одна из фигур чуть пониже ростом, наверное, девочка-подросток. Кто третья?.. Бабушка? Соседка? Да кто угодно... Далее «в кадре» появились двое мужчин с автоматами; в них угадываются чеченцы: у одного на голове — нечто вроде папахи... На следующем рисунке — те же плюс маленький человечек, наблюдающий за расстрелом через пролом в стене соседней «коробки»... Боевики целятся из автоматов в женщин... Фигурки лежащих у стены людей с разбросанными в стороны руками и сам мальчишка, который в ужасе убегает прочь...

Другая серия рисунков тоже была связана единой темой. Причем Дольникова легко узнавалась с ее стриженной головой. И без труда поддавалось расшифровке содержание рисунков. Гарас пришел к выводу, что Дольникова в какой-то момент была задержана чеченцами. Ее поначалу прислонили к стенке, — возможно, просто имитировали расстрел, — но затем почему-то передумали и сунули в подвал. Человечек, скрывавшийся в руинах, стал невольным свидетелем и этой сцены. Наверное, это Иван освободил свою «вторую маму» из чеченского плена: на последнем рисунке изображено, как два человеческих существа, взявшись за руки, убегают из развалин, а бородатый мужик с автоматом, пририсованный на заднем плане, как бы с недоумением чешет в затылке...

Гарас тяжело вздохнул: так вот что, оказывается, довелось пережить мальчишке! Немудрено, что он после всех этих передряг лишился дара речи.

Он осторожно погладил Ивана по вихрастой голове. Затем, звякнув цепью, погрозил в сторону

входной двери кулаком. Тем самым Гарас как бы объединил чеченских боевиков и подонков в маска, дал понять, что это им с рук не сойдет.

Иван, в свою очередь, показал, что ручка полностью исписалась и теперь ему нечем будет рисовать. В этот момент в голове Гараса словно щелчок раздался!

— Ну-ка, дай посмотреть...

Вне всякого сомнения, это была «стрелка». Из спецназовцев такое тихое оружие имели при себе только командир спецгруппы и его заместитель. Откуда эта штуковина у Ивана? Да черт его знает... Похоже на то, что это бушминская «стрелка». А значит, и сам командир находится где-то поблизости!

Гарас отогнул удерживающую скобку вверх, затем провернул верхнюю часть разделяющегося корпуса на девяносто градусов вправо и тем самым привел «стрелку» в боевое положение. Теперь, если нажать на кнопку, произойдет отстрел стреловидной капсулы с парализующим составом мгновенного действия. Существуют еще шприц-ампулы, но такие вот «стрелки» при тихих разборках более эффективны.

Решив, что сейчас еще не время для активных действий, прапорщик все вернул в исходное положение. Затем, заговорщически подмигнув заинтригованному мальчугану, он прошептал:

— Кажется, у нас появился шанс...

В соседнем помещении, аккуратно за стеной, Дольникова учинила своему соседу форменный допрос.

— Я никак не могу понять, Андрей, кто вы такой? — услышал Бушмин ее свистящий шепот. — Где вы так научились стрелять?! Но вы не из наших! Я хотела сказать, не из «динамовских»... Я почти всех мало-мальски приличных стрелков знаю, и не только из числа спортсменов. А о вас я почему-то никогда ничего не слышала.

— Считайте, что я любитель, — усмехнулся Бушмин. — Вроде самоучки. Да и не такой уж я хороший стрелок. Просто припекло, вот я и стараюсь...

— Нет, вы точно не из МВД. Они говорили: «груши», гэрэушники... Так вы из ГРУ? А почему вырядились ментами? И какого черта, спрашивается, нужно вам было от меня?!

— Кто я на самом деле, объяснять слишком долго. Что касается остального, Анна, то хотите — верьте, хотите — нет, но мы намерены были оказать вам помощь и поддержку.

— Как я могу вам поверить? Вокруг столько лжи и вранья...

Тяжело вздохнув, Бушмин сказал:

— Они шантажируют меня тем, что угрожают расправиться с женой. Она на седьмом месяце. Не хотел вам говорить, но очень важно, чтобы вы мне полностью доверяли.

Последовала длительная пауза. Затем Дольникова проговорила дрогнувшим голосом:

— Простите меня, Андрей. Я всего лишь глупая неврастеничка.

— Ничего подобного, Анна. Вы мужественная и самоотверженная женщина. Вам многое

довелось пережить, но вы красивы, вы молоды, и, я в это верю, у вас еще все впереди.

— Вы так думаете? — с надеждой проговорила Дольникова. — Как нам все-таки отсюда выбраться?

— Отсюда? Не получится. Вот когда они повезут нас на «дело», если не передумают, конечно, то там нам может представиться шанс. Плюс к этому — у меня есть надежные друзья. Думаю, они сейчас не сидят сложа руки. Особенно мой самый-самый близкий друг, он-то уж точно всех на уши поставил! Мы с ним не раз бывали в переделках — то я его выручал, то наоборот. Не знаю, как у него это получается, но он всегда приходил мне на помощь очень вовремя.

— Андрей... Я давно хотела рассказать вам один эпизод. Возможно, это имеет какое-то отношение к нашей истории. Мы с Иваном почти неделю прятались на заброшенной ферме. Это совсем недалеко от известного вам «блока» у Ассиновской...

Кондор слушал Дольникову вполуха, поскольку все последние часы пытался анализировать ситуацию. Ясно, что намечается какая-то крупная провокация. Если пришьют какую-нибудь «шишку», а потом переведут стрелки на ГРУ — на снайперских винтарях отпечатки пальчиков некоего Бушмина, в комплекте два трупа гэрэушников и т.д., — то последствия могут быть крайне неприятными. А тут еще Дольникову подвязали к этому делу; причем расчеты сделаны довольно грамотными и неплохо информированными людьми — они четко все просчитали, стремясь достичь в ходе намеченной акции максимального результата.

Вариантов, в которых могут быть задействованы различные люди и организации, набралось предостаточно. Андрей перебирал в уме все возможные варианты, пытаясь отыскать среди всех существующих единственно верный.

Возможно, состояние мозгового штурма, в котором он пребывал, помешало ему сразу врубиться в то, что решила ему поведать Дольникова. И только произнесенная шепотом фамилия «Латыпов» заставила его целиком сконцентрироваться на словах собеседницы.

— Стоп, стоп, стоп... Анна, еще разок! С самого начала! Итак, вам удалось подслушать разговор двух уже знакомых вам персонажей...

Глава 9

Спортивно-стрелковый центр «Динамо», расположенный в полутора десятках километров от Окружной дороги, представляет собой комплекс сооружений, куда входят четыре бетонированных подземных тира, а также два полигона с открытыми стрельбищами. Ежедневно здесь практикуются в стрельбе из различных систем оружия не только сотрудники многих служб и подразделений МВД, в основном столичной милиции, но и люди из коммерческих служб безопасности, частные охранники, спортсмены и даже обычные граждане, проявляющие интерес к оружию и стрельбе — последние категории обслуживаются на коммерческой основе.

Светлану Полозкову, близкую подругу Дольниковой и ее коллегу по работе в динамовском Центре, Рейндж обнаружил в зале спецтренажеров, где Светлана проводила занятия с группой стажеров, приписанных, судя по нашивкам, к одному из подразделений подмосковного ОМОНа.

Решив, что время еще есть, он не стал срывать занятие — устроился в качестве наблюдателя у

заградительного барьера, проход за который, если внимательно прочесть надпись на табличке, позволялся только с ведома инструктора.

Крепкие стриженные «под полубокс» парни довольно скептически посматривали на хрупкую фигурку молодой женщины в черной униформе. Но лишь до тех пор, пока инструктор не продемонстрировала на практике свое мастерство, ловко, без малейшего напряжения «отработав» по мишени активного атакующего типа.

Рейнджу это упражнение было хорошо знакомо, поскольку аналогичные тренажеры были устроены на стрельбище в Балашихе. Но, в отличие от ментов, сотрудники ГРУ проходили данное испытание в усложненном варианте: точно посреди рельсовой дорожки, по которой горизонтально перемещалась мишень, ставится стул; никаких предупреждающих сигналов, имитатор звуков отключен, «противник» нападет бесшумно; надо успеть вскочить со стула, извлечь пистолет из кобуры, выстрелить и отойти в сторону от стремительно приближающейся мишени. Стоит чуть зазеваться — можно заполнить в память о своей нерасторопности болезненный ушиб.

Полозкова была, судя по всему, толковым инструктором. Двоим парням, которые, очевидно, возомнили себя русскими Рэмбо, она указала на то, что крепить кобуру сзади, у поясицы, не только непрактично, но и вредно. Во-первых, потому, что доставать пистолет из такого положения не очень удобно — так можно потерять контроль над оружием; а во-вторых, недолго получить травму позвоночника, если придется падать на спину. Остальные также получили свою порцию рекомендаций.

Упражнение носило имитационный характер, поэтому занятия оказались непродолжительными. Передав группу омовцев на попечение другого инструктора и проинформировав их напоследок, что на следующем занятии они будут стрелять боевыми патронами, Полозкова направилась к поджидавшему ее у входа рослому темноволосому мужчине в штатском.

— У вас ко мне какое-то дело?

Мокрушин развернул свою фээсбэшную корочку.

— Наш сотрудник недавно разговаривал с вами, Светлана...

— Можно без отчества, — опередила его Полозкова. — Светлана, и все.

— У меня к вам несколько вопросов, Светлана. Нам по-прежнему не удается установить нынешнее местонахождение Дольниковой. Признаться, мы надеемся на помощь тех, кто хорошо знает Анну Сергеевну и круг ее знакомых.

— Давайте продолжим разговор в моем закутке, — тряхнула косичкой инструкторша. — Заодно и по чашке кофе выпьем.

* * *

— Мы с Аней подружились еще на первом курсе, — поставив перед гостем чашку с растворимым «Нескафе», сообщила Полозкова. — Не в последнюю очередь потому, что обе всерьез занимались стрелковым спортом. Профиль, правда, у нас разный: она «стендовик», а я «пистолетчица»... Аня очень красивая девочка, от кавалеров у нее не было отбоя. Даже преподаватели наши за ней пытались ухаживать. Но Лукина, это ее девичья фамилия, как

говорится, поводов не давала, поэтому Аню у нас прозвали «недотрога»... Когда подошло время распределения, у Анны появилось сразу несколько заманчивых предложений: ее приглашали на работу в московский главк, в НИИ МВД, в Объединенный пресс-центр и даже в министерство — в референты к какому-то высокому начальству. Аня решила все по-своему, устроившись на службу в наш Центр. Специалист она классный, вся в своего знаменитого папу. Последние восемь месяцев перед декретным отпуском, — а ушла она, как только узнала о своей беременности, — Анна работала на открытом стрельбище, занималась подготовкой снайперов для спецназа.

— Скажите, Света... как давно Анна познакомилась с Дольниковым?

— С Алексеем? — Полозкова ненадолго задумалась. — Дольников какое-то время вел у нас в школе один из семинаров. Обычное дело, у нас многие практики читали курсантам свой спецкурс. Вот тогда они и познакомились. Не думаю, что между ними в ту пору было что-то серьезное, потому что роман у них начался чуть позже, когда мы с Аней выпустились и пришли работать в Центр. Девяносто шестой год это был, кажется, сентябрь. Дольников после ранения разрабатывал руку и приезжал к нам почти каждый день — с цветами, коробками конфет и разными милыми безделушками. Мужчина видный, в нем бездна обаяния, и закончилось это тем, что они вскоре поженились.

— Вы не в курсе, где и когда был ранен Дольников?

— Почему? Я эту историю хорошо знаю, он при мне ее рассказывал... Год я вам назвала, так? Где-то в начале августа это было, когда боевики предприняли штурм, он находился в Грозном. Ранило его тогда в правое предплечье... Но интересно другое — то, как это случилось и как потом реагировал сам Алексей. Получилось вот что... Дольников и еще несколько его сотрудников — еще только-только началась «заварушка» — решили перебазироваться из райотдела в «правительственный» квартал. По пути они заехали к какому-то знакомому Алексея, чтобы эвакуировать заодно и его вместе с семьей в безопасное место. Даже не знаю, кто они были — русские или чеченцы. Да и не так уж важно... Там они попали под внезапный обстрел, и Дольников, подхватив мальчишку на руки — это был сын его знакомого, — побежал с ним к машине. По ним ударил снайпер: пуля прошила мальчика насквозь и ранила Дольникова в плечо. Так вот... Этот случай, кажется, не давал Алексею покоя. Аня по секрету рассказывала, что ее муж часто вспоминал тот эпизод. Переживал, что мальчишка погиб как бы по его вине. Если бы он не взял тогда его на руки, если бы мальчик бежал к машине сам, то, наверное, с ним бы ничего страшного не случилось... А чуть позже, когда Анна уже была в положении, она призналась, что они с Алексеем намерены усыновить ребенка, желательно из числа тех, которые потеряли родителей во время войны. Собирались они, правда, сделать это чуть позже, когда их собственному первенцу исполнится хотя бы год.

Вздохнув, она в завершение рассказа выдала неожиданный комментарий:

— Вот такие они люди, эти Дольниковы...

Мокрушин задумался. Теперь, после рассказа близкой подруги Дольниковой, многое в истории молодой женщины, потерявшей мужа и отправившейся на Северный Кавказ, становилось более или менее ясным.

Рейндж задал инструкторше еще несколько вопросов, а потом их беседа приняла неожиданный оборот.

— После того, как Аня ушла в «декретный», у нас, по большому счету, работать со снайперами

спецназа стало некому. Дальний полигон, где оборудован восьмисотметровый тир, так тот почти все время пустует...

Она внезапно умолкла и пощелкала пальцами. Затем негромко проговорила:

— Черт, совсем забыла! Надо все же «стукнуть» начальнику...

Заметив вопросительный взгляд визитера, она сказала:

— Да так, это наши дела. Не думаю, что вам будет интересно.

— И все же?

— Гм... Несколько дней назад приезжали какие-то деятели. Производили боевые стрельбы на дальнем полигоне, не поставив нас в известность. Один из наших инструкторов засек это дело, но начальника на месте не оказалось...

— А в чем проблема? — насторожился Рейндж. — Что там было не так?

— У нас два открытых полигона, ближний и дальний. Оба они обвалованы в том месте, где устанавливаются мишени, но все же нужна определенная осторожность. Стоит стрелку взять градусов на десять левее от крайней мишени, и под обстрелом могут оказаться навесы ближнего стрельбища. Поэтому если и случается, что на дальний приезжает потренироваться спецназ, то нас обязательно ставят в известность. А на этот раз приехали какие-то тихарики, никому ни о чем ни полслова. Отстрелялись минут за сорок и укатили восвояси. На тот полигон можно проехать со стороны леса, оттуда, с той стороны, они и нагрянули...

— Кто такие?

— Понятия не имею, — пожала плечами инструкторша. — Мы только засекли, что там крутились какие-то две легковушки. Когда это было? Кажется, двадцать второго... или днем позже. Я еще потому запомнила, что на моей памяти подобных случаев не происходило...

* * *

Леня Белькевич дожидался своего начальника в комитетской «волжанке». После некоторых колебаний Рейндж заявил, что им еще следует смотаться на дальний полигон. На законный вопрос: «Что мы там забыли?» он вначале пожал плечами, затем буркнул: «Так надо...»

Ехали по проселку вдоль опушки леса, повторив маршрут, которым двигались некие деятели, нарушившие несколько дней назад местные порядки, прежде всего существующую здесь систему оповещения и правила безопасности при стрельбе боевыми патронами. До места добрались минут за пять. Когда Рейндж выбрался из машины у ворот проволочного заграждения, он уже жалел, что тратит время на подобные пустыки. Девяносто девять из ста, что они здесь в очередной раз потянут «пустышку». Но если бы он не проверил этот сигнал, то его профессионализм был бы поставлен под сомнение. А в нынешней ситуации Рейндж не простил бы себе даже малейшей невнимательности, не говоря уже о промахах и оплошностях.

Ворота, на которых висел замок с накрученной на него цепью, преградой служить не могли, поскольку проволочное заграждение давно не ремонтировалось и зияло прорехами сразу в нескольких местах.

— Леня, двигай в темпе на огневые. Я здесь посмотрю, что и как, потом догоню тебя.

Дощатый сарайчик, в котором хранился нехитрый инвентарь, в том числе разноформатные мишени, располагался вплотную к насыпи. Рейндж сразу засек, что сарай был взломан — замок сбит на сторону, — и эта деталь заставила его насторожиться.

Осмотрев служебную постройку, он изучил хранившиеся там мишени. Задержался возле лежавших особняком ростовых «силуэтов». Затем обследовал кромку вала, где крепились мишени. На промежуточном рубеже «400» Рейндж обнаружил лежавшие на земле четыре ростовые мишени и их тоже внимательно исследовал. Когда же добрался до навеса огневых позиций, у него уже имелся немалый запас любопытной информации.

Белькевич тоже время зря не терял. К моменту появления Рейнджа он определенно нарыл кое-что ценное, потому что вид у него был такой важный, будто он только что раскопал как минимум царскую сокровищницу.

— Настил как будто подмели, — проговорил он со значением. Затем указал на солнце, уже клонившееся к западу. — Еще бы полчаса, и мы бы ни черта здесь не нашли.

Рейндж взял у него прутик и собственноручно извлек из щели в деревянном настиле закатившуюся туда стреляную гильзу. И как только Белькевич ее заметил?!

Он поднес гильзу к носу, вобрав ноздрями запах пороховых газов. Затем, положив ее на ладонь, стал рассматривать находку в лучах заходящего солнца.

— Леня, попробуй угадать с трех раз. К какому винтарю подходит этот патрон?..

Глава 10

Последние часы выдались нервными.

Выяснилось, что «маски» не собираются брать на дело малолетнего Ивана. Сказали, что «амбала», так и быть, готовы взять с собой для компании, а вот мальчишку намерены держать в заложниках, пока Дольникова не отработает на них по полной программе.

Анна, когда ее в последний раз вызвали на собеседование, решительно отвергла такой вариант. «Или мальчик будет рядом со мной, так, чтобы я могла его видеть и была уверена в его безопасности, или ищите себе другого исполнителя!»

Когда настал черед Бушмина, он, как только его, по обыкновению, привязали к трубе, заявил следующее:

— Мне ваша стриженная телка как-то по фигу! Та мартышка, что с ней, меня вообще не интересует! Амбал? Он мне не брат, не сват и даже никакой не кореш! Мне своя шкура дороже всего! Но есть, господа, одно «но»... У нас был уговор, верно? Не я все это затеял, и если появились какие-то технические сложности, то это уже ваши проблемы! Было сказано: сразу после «дела» вы отпускаете на волю всех четверых! Я ж вас за язык не тянул, верно? А теперь что я вижу? Если вы уже сейчас пытаетесь отойти от взятых на себя обязательств, то чего от вас дальше ждать?! Поэтому вот что я вам скажу... Или мы сотрудничаем строго по контракту, или катитесь вы с вашей затеей подальше...

«Маски» выслушали бушминский спич очень внимательно. Переглянулись. После чего один из них пересек помещение и остановился возле строптивца, посмеявшегося качать права.

Ухватив Бушмина за шиворот, он одним рывком заставил его подняться на ноги.

— Торговаться будешь на базаре! — Кулак точно ударил в бушминское солнечное сплетение. — Если, конечно, выйдешь отсюда живым...

Где-то через минуту, когда Андрей оклемался и его по новой усадили на табурет, второй субъект, коллега «молотобойца», продемонстрировал закованному в кандалы гэрэушнику сотовый телефон.

— Чтоб это было в последний раз! Достаточно мне набрать один номерок, и у тебя больше не будет жены...

* * *

Дольникова едва дождалась, когда «маски» наконец уберутся из камеры, оставив ее наедине с напарником.

— С вами все в порядке, Андрей? Почему вы держитесь за живот? Они вас били, да? Вот же сволочи...

— Пустое, — поморщившись, сказал Бушмин. — Ломать кого-то из нас, причинять серьезные увечья — не в их интересах... Наоборот, они заинтересованы, чтобы мы находились в приличных кондициях.

— Так что они в конечном итоге решили?

— Отправимся всей компанией. Думаю, уже в скором времени они перевезут нас непосредственно на место будущих событий.

— Слава богу, — облегченно выдохнула Дольникова. — Я очень боялась, что они оставят моего мальчика в заложниках... Андрей, что они задумали? У вас, наверное, уже есть какие-нибудь догадки и предположения?

— Вот именно, что предположения, — невесело усмехнулся Бушмин. — Замысел их ясен лишь в самых общих чертах. Что же касается деталей, то все прояснится только в последний момент, когда нас доставят на место. А это означает, Анна, что нам с вами придется действовать, что называется, с листа.

Боль в подвздошь постепенно сошла на нет. Бушмин устроился на тюфяке так, чтобы видеть свою напарницу. За последние несколько суток он очень сблизился с этой несколько... не то чтобы странной, но необычной молодой женщиной. Но многое в ней по-прежнему оставалось для Андрея загадкой.

— Анна, даже не знаю, стоит ли вас об этом спрашивать... Вам и так в жизни досталось, а тут еще я со своими дурацкими вопросами...

— Вас интересует, наверное, почему я вдруг отправилась в Грозный?

— Не совсем... Ваш мальчик по имени Иван.

— Почему именно он? А не кто-то другой? То есть вы хотите понять, чем обоснован мой выбор?

— Да, потому что мы сейчас зависим друг от друга. Но если не хотите, то можете не рассказывать. Я и так против своей воли и без вашего позволения вторгся в вашу личную жизнь. Вы можете промолчать. Пожалуй, так даже будет лучше. Скоро они за нами придут, а спустя еще несколько часов все так или иначе решится.

Дольникова тоже повернулась на бок и теперь смотрела в глаза своему новому другу. Ей нравился этот парень. Честностью и полной надежностью. Никакого намека на иные отношения. Да и какая из нее сейчас женщина? Дело даже не в том, что ее удерживают на цепи, как собаку. И не в том, что в присутствии малознакомого мужчины она вынуждена — а что остается делать? — справлять свои физиологические нужды.

Вот уже два года, как у нее не было месячных. С того самого момента, когда она забеременела. Врачи, правда, уверяли, что в скором времени все у нее наладится и что нет никаких оснований опасаться, что после перенесенной операции она навсегда утратила детородные функции.

Она где-то читала или слышала, что у некоторых женщин, угодивших в жуткие, нечеловеческие условия, например, у брошенных в концентрационный лагерь, подолгу — месяцами и даже годами — не было месячных. Женский организм очень вынослив. Но, по-видимому, всему в природе есть свой предел.

Ей не довелось сидеть в лагере смерти. Но она прошла через смерть — через кошмар нескольких смертей. Умер муж, из ее чрева вынули мертвого ребенка. Его убили не врачи, это сделали люди, чьи имена ей теперь известны доподлинно.

В свои двадцать шесть она превратилась в бесполое существо — лишь внешним обликом еще напоминала молодую женщину.

Иван?.. Разве можно такое рассказать в нескольких словах?

...В конце ноября Грозный еще не был полностью осажден федералами, поэтому попасть в город-призрак для Дольниковой не составило труда. У нее имелось несколько адресов, которые она обнаружила, разбирая бумаги покойного мужа. По одному из таких адресов проживал знакомый Алексея, работавший врачом в некогда существовавшей здесь детской поликлинике. Частный дом в Старопромысловском районе... Занят дом был уже совершенно другими людьми, которые поначалу не проявили к Дольниковой никакой враждебности, даже изъявили желание проводить ее в другой район города.

Только сейчас, когда из глубин памяти всплыли картины разрушенного города и лица незнакомых людей — всплыли не четко и контрастно, а как бы сквозь закопченное стекло, — она стала наконец отдавать себе отчет в том, насколько иррациональным, не подвластным разуму было ее поведение в те дни, проведенные в содрогавшемся в смертных конвульсиях Грозном.

Ее туда проводили...

Она даже не успела испугаться, как оказалась в другом доме, в компании каких-то мужчин, бородачей и безусых юнцов. А на одном из столов, рядом с автоматными рожками, лежали упаковки со шприцами и какие-то ампулы, надо полагать, наркотики. Эти тоже казались поначалу доброжелательными, может, потому, что были под кайфом. Но потом двое чеченцев отвели ее в сторону. Отобрали документы, в том числе и удостоверение сотрудника Красного Креста. Зачем-то побрили налысо. Правда, ночью никто и пальцем к ней не притронулся. А

наутро, когда рассвело, эти же двое, внешне не проявляя ни малейших признаков агрессии, повели ее в развалины...

Почему они тогда ее не расстреляли? Почему передумали в самый последний момент? Наверное, об этом только их Аллах ведает.

Иван... Именно этот мальчик, имени которого, настоящего имени, она тогда не знала, вызволил Дольникову из конуры, куда ее определили чеченцы. И почему-то сразу стал ходить за ней хвостиком, везде и повсюду. Прикипел он к ней, а почему — она не сразу смогла понять. В одном из подвалов Анна натолкнулась на местных — это были преимущественно русские, пожилые женщины и еще беззубый старик. Одна из старушек признала мальчика. Они оказались соседями, жили в одном доме. Оказывается, мать и старшая сестренка мальчика погибли еще в прошлую войну, а других родственников у него здесь вроде бы не было. Парнишка бродяжничал, так ни к кому и не прибился. Фамилию его родителей старушка так и не вспомнила. Имя? «Кажется, его Иваном кличут...»

Почти две недели они бродили по превращенному в жуткие руины городу, что-то искали. Наконец Дольникова осознала простую истину: они ведь уже нашли друг друга!

Тогда она прижала к себе мальчишку и, глотая слезы, сказала:

— Я так рада, так счастлива... А знаешь, почему? Потому что я тебя наконец-то нашла, Иван. И еще потому, что я твоя мама...

* * *

Бушмин понял, что ненароком преступил черту. Разбередил чужие раны. Хотел он этого или нет, но он сделал Дольниковой больно.

Бушмин хотел уж было исправить положение, незаметно перевести разговор на другое, но тут Анна вдруг обратилась к нему с довольно странной просьбой:

— Андрей, переместитесь как можно ближе ко мне. Еще ближе... Насколько хватит длины поводка.

Бушмин, хотя и удивился такой просьбе, все же подчинился. Еще больше он удивился, когда обнаружил, что Дольникова стала зачем-то расстегивать брюки. Вжикнув «молнией», она приспустила их, так что почти целиком стал виден лобок с треугольником светлых коротких волосков.

— Дайте вашу руку, Андрей.

Пальцы у Дольниковой были ледяными. Она потянулась всем телом ему навстречу, затем положила ладонь Бушмина себе на живот, пониже пупка. Кожа у нее тоже была холодной, как отполированная поверхность мраморной плиты.

Зато шрам, этот след, сохранившийся после кесарева сечения, оказался нестерпимо горячим, так что Андрей едва удержался, чтобы не отдернуть руку.

Он уже знал кое-что о Дольниковой. Да и сам не первый день на свете живет. Поэтому сразу же понял: то, к чему он сейчас прикасается, — это нечто большее, чем просто след от хирургического скальпеля.

Неизвестно почему, но ему вдруг вспомнилась акция в Джохаре, когда он с затаенным страхом наблюдал за черной чеченской массой, а потом вдруг увидел адскую воронку — ее круговращение подпитывалось дьявольской энергетикой жертвоприношений и набирающим обороты чертовым колесом жуткого танца «зикр». Андрей вспомнил, как трудно ему было сбросить оцепенение и вновь ощутить себя нормальным, в сущности, человеком, пусть далеким от совершенства, но все же божьим созданием.

В ту ночь он увидел один полюс зла.

Но кроме нохчей, которых Кондор давно не числил среди людей, есть и другие нелюди. До недавних пор они во множестве занимали просторные кабинеты в Кремле, в Белом доме и других государственных учреждениях. Они были — и есть — в силовых структурах, занимают зачастую оч-чень высокие посты. Министры и генералы, банкиры и телемагнаты, председатели думских фракций и нефтегазовые бароны, сотни паханов и шишек рангом поменьше... Немало, конечно, и среди элиты нормальных и порядочных людей. Но все же процент корыстолюбцев и хриstopродавцев среди них неимоверно высок.

Вольно или невольно, но они делают все для того, чтобы в России рождалось как можно меньше детей. Они злы и порочны даже каждый по отдельности, а вместе представляют собой страшное по своей разрушительной мощи зло, его второй inferнальный полюс. А между двумя полюсами — тысячи и миллионы страдающих, зачастую и умирающих людей.

Вот об этом, «втором» полюсе Бушмин и размышлял в те показавшиеся ему вечностью мгновения, когда его пальцы касались шрама на теле Дольниковой.

— Иван для меня теперь родной человек, — сказала Анна минуту спустя. — Так надо, Андрей... А больше мне нечего сказать.

* * *

Не прошло и четверти часа, как пожаловали «маски». Пленников по очереди сводили в душевую кабинку, всех четверых. Затем накормили напоследок, переодели в нормальные гражданские шмотки, загрузили в фургон и уже с наступлением ночи куда-то повезли.

Глава 11

Когда Мокрушин уже второй раз за сутки наведалься в бункер СЦСБ, «режиссер» гостеприимно открыл перед ними проход в административную часть Центра.

В пенале появился еще один стул, третий. АйБиЭм и Шувалов уже успели занять свои места и теперь дожидались Рейнджа, который грозился принести в клюве ценную находку.

Помолчав несколько секунд, чтобы еще пуще заинтриговать начальство, Рейндж бережно передал свою находку Шувалову. Пока тот разглядывал гильзу, Мокрушин сжато рассказал то, что ему удалось вызнать в ходе поездки в спортивно-стрелковый центр «Динамо».

— Что скажете, Сергей Михалыч? — Аналитик, которому Шувалов передал стреляную гильзу, аккуратно завернул находку в носовой платок и сунул его в карман. — Может, дать команду, чтобы эксперта прислали?

Шувалов кивком головы указал на Мокрушина:

— Рейндж в этих делах разбирается не хуже любого эксперта. Вот если бы нам удалось еще и пулю отыскать, тогда да, без хорошего спеца нам было бы сложно обойтись...

— Так пошлите людей на стрельбище, — сказал Володя. — Но я почему-то уверен, без всякой экспертизы, что там отметился именно наш «клиент».

— Подожди, Рейндж, не торопись делать скоропалительные выводы, — предостерег Шувалов. — Ну хорошо... Ты нашел на стрельбище гильзу от натовского патрона европейского стандарта «семь-шесть-два на пять-один». И что из этого следует?

— Как это — что? — Рейндж выпучил глаза. — Я нашел его не где-нибудь, а на динамовском стрельбище! Это же все равно что идешь ты по Африке, а навстречу тебе белый медведь! Ведь тихарики какие-то там пристрелку оружия делали — это разве не подозрительно? Да о чем вообще речь?! Такой патрон используется в английской «AW»! С подкалиберной пулей современных образцов этот винтарь, ежели в умелых руках, бьет на дистанциях даже свыше километра! А оптика?! Семикратный «леопольд», куда уж круче!

Перехватив вопросительный взгляд Мануилова, полковник утвердительно кивнул.

— Речь идет о высокоточной снайперской винтовке, — пояснил он. — Один из лучших в мире образцов оружия такого класса. Что характерно, может переноситься в разобранном виде, для чего британский производитель изготавливает в комплекте специальный металлический футляр.

— Именно такой футляр Кондор доставил вместе с Бегляевым, — в задумчивости проговорил Мануилов. — А потом данный «инструмент» бесследно исчез. А что вы говорили про мишени?

— Насколько я разобрался, по мишеням работали двое, два стрелка. — Мокрушин задумался. Потом, выказывая невольное восхищение, поцокал языком. — Тот, что бил патронами «семь — шестьдесят два», стреляет чертовски кучно. На рубеже четырехста у него кучность, как у приличного стрелка на сотне. А на восьмистах я насчитал пять пробоин в кружке диаметром всего лишь в десять сантиметров.

— Второй стрелок... Как он тебе показался? — поинтересовался Шувалов.

— У него был какой-то серьезный агрегат. — Рейндж поскреб пятерней затылок. — Дырки такие сверлит, что мой палец свободно пролезает... Гильз на стрельбище, кроме натовской, я больше не нашел, но думаю, что у него была отечественная «В-94».

— Час от часу не легче, — проворчал Шувалов. — Что у него с меткостью?

— На четырехста все мишени завалил, а вот на восемьсот — слабовато, кучность уже не та.

Помолчав немного, Рейндж добавил:

— Вы только не считайте меня за дурака, ладно? Так вот... Счас могу признаться, на кого я подумал. Сначала была мыслишка, не наши ли это ребятки... Логика у меня какая? Объясняю. Что Дольникова, что Кондор — оба стрелки, каких еще поискать. Я, конечно, покруче любого из них буду...

— Рейндж, от скромности ты не помрешь, — усмехнулся Шувалов. — Но тему можешь дальше

не развивать. Ты ж сам говоришь, что дело было предположительно двадцать второго числа или днем позже. Даже если допустить, следуя твоей логике, что их каким-то образом переправили в Москву, то к указанной тобой дате вряд ли они уже успели бы оказаться на стрельбище.

— А если их шантажируют? — предположил Мануилов. — Но с датами действительно нестыковка.

— Ну так и я же не тупой, — заявил Рейндж. — Я тоже считать умею. Вот и прикинул про себя: а кто ж такой? Что за меткий стрелок вдруг объявился? Почему тихарились? Да еще после себя постарались прибраться, хотя бесполезняк, я такие дела насквозь вижу... Вот и подумал: а не Андриюшин ли крестник объявился?! Может, думаю, этого Бегляева уже к нам в Москву перевезли? Вроде как экспортный товар из Чечни!

Мануилов между тем снял трубку внутреннего телефона. Жестом попросив гостей помолчать, он дождался соединения, затем проговорил:

— Это Мануилов. Виктор Константиныч, вы можете меня принять? Да, прямо сейчас!

Дав отбой, Мануилов поднялся.

— Сергей Михалыч, я поднимусь к Эму. А вы пока поделитесь с Рейнджем новыми данными, которые нам удалось добыть по Бегляеву.

Когда сотрудники ГРУ остались вдвоем, Шувалов невесело усмехнулся.

— Этот Бегляев — та еще птаха... С девяносто второго по девяносто четвертый «работал» на стороне грузин против абхазов и наших миротворцев. За свои подвиги награжден самим президентом Грузии орденом Вахтанга Горгасали 2-й степени. Примерно в то же время обзавелся дополнительно грузинским гражданством. С девяносто четвертого плотно сотрудничает с дудаевским режимом. Редкий случай, когда наемник-славянин был награжден поочередно двумя главными ичкерийскими орденами — «Честь нации» и «Герой нации»...

— Если не единичный. — Мокрушин в изумлении присвистнул. — Это ж сколько душ он загубил...

— А знаешь, Рейндж, чем Бегляев занимался последние полгода? Помнишь, был разговор, что он создал в горной части Чечни секретную школу снайперов? Так вот... Это был не просто засекреченный стрелковый центр, а самая настоящая «сучья» школа!

— Ну и ну... — протянул Рейндж. — Ни фиги себе Андриюша пленного приволок...

Российские солдаты и офицеры давно уже прозвали женщин-снайперов, воюющих на стороне нохчей, — «суками». Бороться с ними очень трудно, настолько они подлые и хитрые. Куда там мужикам! На долю чеченских снайперов в этой войне приходится, по статистике, до восьмидесяти процентов снайперш. Каждая из них, таким образом, имеет на своем счету до двадцати убитых, не говоря уже о раненых.

И теперь вот выясняется, что подготовкой «сук» занимался не кто иной, как новый знакомый Кондора — Александр Бегляев.

— Я до него доберусь! — Рейндж погрозил кулаком одной из стен. — Командир, надеюсь,

информация надежная?

— В Чернокозове сейчас сидят шестеро женщин, в которых по некоторым признакам заподозрили «сук», — бесцветным голосом проговорил Шувалов. — Раз у нас пошли такие напряжения, то ими занялись соответствующие спецы...

— Надеюсь, им вывернули все, что полагается выворачивать наизнанку в таких случаях?

— Ну а откуда бы нам знать об этой «сучьей» школе? — Шувалов пожал плечами. — Не суть важно. Существенно другое. Именно потому, что Бегляев в последнее время работал исключительно на подготовке «сучьих» кадров, у нас и не имелось на него серьезных «наколов». Сам знаешь, какие порядки. Ежели и отловят снайпершу, то сразу в расход... А те, что в Чернокозове, пока не взялись за них сурово, без всяких скидок на их нежный пол, молчали.

— А не Умаров ли подсуетился? Помнишь пленку Белицкого? Он премию назначил! А тут вдруг Бушмин и Гарас исчезли! Не его ли работа?

— Сомневаюсь... Вряд ли наши у чеченов, нам бы об этом уже было известно.

Полковник поднял руку — как бы предчувствовал, что собирается сказать Мокрушин.

— Учти, дело не только в Латыпове или, к примеру, Заруцком. И даже не в «Горце», который скрылся за кордон...

— И что?! — воскликнул Рейндж. — Так и будем сидеть сложа руки?!

— Отправляйтесь в офис на Жуковского, — распорядился полковник. — Я прикажу, чтобы вам сбросили информацию по ближайшему окружению некоторых людей из МВД. Вы обязаны знать всех их в лицо!

Уже на прощание, понимая, что творится в душе подчиненного, Шувалов вполголоса проговорил:

— Не гони лошадей, Рейндж. Тебя и твою команду будем наводить первыми.

Глава 12

Двадцать седьмого декабря, в канун судьбоносной даты, обстановка в доме на Краснопресненской набережной внешне мало отличалась от всех предыдущих дней.

Когда премьер освободился после встречи с начальниками всех важнейших управлений и департаментов, организованной по его просьбе главой канцелярии, было уже половина одиннадцатого.

Сопровождаемый двумя помощниками, В.В. вернулся в свой служебный кабинет. Уселся в кресло, упершись локтями в стол, положил подбородок на сцепленные пальцы.

И крепко призадумался.

Глава кабинета министров — в силу занимаемого им высокого поста, а также благодаря многим сохранившимся и приумноженным связям с влиятельными людьми из спецслужб —

мог добывать нужные ему сведения из самых различных источников. Он, конечно, чисто физически не мог, да и не хотел вникать в детали всех мало-мальски значительных событий, происходящих в эти дни как в стране, так и за ее рубежами. Это, как нынче стали говорить, не его «бизнес». Но что касается ключевых событий — причем В.В. сам решал, какое заслуживает особого внимания, — здесь он предпочитал вникать лично, понимая, что впоследствии именно он будет в ответе за все — дурное и хорошее, — что произойдет в период его правления, — такова уж специфика Российского государства.

На настоящий момент информации для размышления имелось с избытком.

Например, от своих источников по линии МВД он получил ряд тревожных сигналов о том, что влиятельные руководители (уровня замминистров, начальников главков, крупных региональных управлений, а также командование внутренними войсками) уже почти в открытой форме выражают свое недовольство тем предпочтением, которое премьер отдавал в ходе нынешней кампании армии и армейским генералам. До него даже дошла злая шутка, отпущенная одним из замминистров: «Хотя в нашей армии теперь сплошь одни генералы Ермоловы, „чехам“ на это как-то начхать. А все шишки за неудачи валяются на ментов».

Эти люди недовольны и даже обижены сложившимся положением. Несколько дней назад В.В. осыпал наградами элитных генералов, «герои России» были повышены в званиях, а сама акция носила широкий рекламный характер. Но разве одна только армия воюет в Чечне? А милицейский генералитет? Почему их «обнесли», почему не отметили за успехи, не удостоили званий и наград?

Да, явный перекося.

Из тех же источников стало известно, что у милицейского руководства накоплен серьезный компромат на армейских коллег: как на руководство военной разведкой в целом, так и на спецпредставителя ГРУ на Северном Кавказе в частности. И еще где-то в недрах МВД копится «убойный» материал на неких двух командиров спецподразделений ГРУ: эти вроде бы тесно сотрудничают с чеченскими полевыми командирами, делятся с ними секретными данными и небескорыстно осуществляют прикрытие при проводке бандитских колонн и караванов с оружием. Но самое главное — и это уже тягчайший из сущих грехов: двое гэрэушников и содействующий им спецпредставитель подозреваются в преступной фальсификации поставляемых ими разведданных с целью дезинформации командования ОГФС и даже политического руководства страны.

Премьер не забыл о том завуалированном предупреждении, которое прозвучало из уст секретаря Совбеза. Какое-то время он колебался, не зная, как лучше поступить. Премьер мог отказаться от участия в мероприятии МВД, приглашение на которое он получил еще две недели назад, мог вместо этого отправиться в Барвиху или в Кремль, где его ждут еще не решенные проблемы. Но тем самым он даст новый повод для обид и недовольства, и в конечном итоге все это может отразиться на взаимоотношениях внутри «партии войны».

В.В. вызвал в кабинет своего помощника.

— Я только что связывался с руководством МВД, — доложил тот. — Мероприятие, как планировалось первоначально, состоится все же в Хофрине. Начало — ровно в полдень.

В.В. посмотрел на часы, затем поинтересовался:

— Сколько времени туда добираться?

— До Хофрина примерно сорок минут езды.

— Ну что ж... Предупредите кого следует. Выезжаем... через тридцать минут.

* * *

Бушмин, расслабившись, сидел на полу. Он даже умудрился немного вздремнуть, привалившись спиной к стене. Дольникова, на которую тоже надели наручники, сидела рядышком. А вот Гараса и мальчишку держали отдельно от снайперов, в соседней комнате.

Все, включая боевиков в масках, чего-то дожидались. И у всех имелся свой повод для беспокойства, так что время для них тянулось мучительно долго.

По прикидкам Кондора, путь из точки А, где их держали взаперти последние несколько суток, в точку Б, где, согласно его догадкам, намечено осуществить не то теракт, не то его инсценировку, занял около полутора часов. В отличие от недавней поездки на заброшенный полигон, на этот раз их маршрут пролегал через какие-то населенные пункты. Определенно они добирались сюда по автомобильной трассе, потому что «локаторы» Бушмина не раз фиксировали наличие дорожных шумов.

Примерно с полчаса назад, когда Дольникову и Бушмина поочередно выводили в туалет, с них сняли полотняные маски и потом уже не надевали. Появилась наконец возможность осмотреться и сделать хоть какие-то выводы, пусть даже поверхностные, относительно того, куда их привезли и что должно вскоре последовать.

Они находились сейчас в многоквартирном доме, который либо совсем недавно построили и еще не сдали в эксплуатацию по причине незавершенности отделочных работ, либо вывели на капитальный ремонт. В пользу такой версии — сразу два обстоятельства. Во-первых, ночью, когда они сюда приехали, Кондор засекал целую гамму специфических ароматов. В подъезде еще не выветрились запахи новостройки. Во-вторых, и сама квартира, куда их привезли, еще не была доведена до ума: хотя сантехнику уже установили, в гостиной, где определили место для снайперов, стены еще не поклеили обоями.

О том, сколько этажей в этом здании и заселено ли оно хотя бы частично, Бушмин мог только гадать. Но он точно знал, что сейчас они находятся на третьем этаже. Когда его вели сюда под локотки по лестнице, он сосчитал ступени и количество лестничных площадок. Он вообще старался накапливать информацию всеми доступными ему способами. Хотя и не знал наперед, что именно ему может пригодиться и есть ли смысл трепыхаться.

Андрей скопил глаза на свою напарницу. Дольникова сидела с безучастным видом, обхватив ноги скованными браслетами руками и положив подбородок на колени. О чем, интересно, она сейчас думает? Неплохо было бы как-то приободрить ее — но как? Общаться им запрещено. Одна из «масок» — по голосу это был уже знакомый им инструктор — строго-настрого предупредила, чтобы они не дергались и не создавали проблем ни самим себе, ни охраняющим их боевикам.

Боевиков — трое. Во всяком случае, столько их на виду. Одеты в гражданское. На руках у всех — тонкие перчатки, очевидно, не хотят оставлять свои отпечатки. Вооружены пистолетами. У инструктора, который еще ни разу не отлучался из гостиной, «беретта» с глушителем. У того, что находится преимущественно в коридоре, и у третьего, который приглядывает в соседней комнате за Гарасом и мальчишкой, стволы тоже с глушаками. Располагались они и страховали друг друга пока довольно грамотно. Кондор уже примеривался к ним и пришел к неутешительному выводу: он может нейтрализовать — да и то при большом везении — только

одного из них; но остальные двое при малейших признаках мятежа могут в момент приговорить и снайперов, и удерживаемых в соседнем помещении заложников.

Настроение у Андрея было смутное. Вроде бы надо радоваться, что они все еще живы. Но вовсе не обязательно, что им дадут поучаствовать в «играх патриотов» в их, так сказать, финальной стадии. Дадут в руки винтари, чтобы они оставили на них свои свежие «пальчики», и тут же порешат. А задачу по ликвидации важных персон выполнят совсем другие спецы; после рассказа Дольниковой, сопоставленного с известными ему уже ранее фактами, Бушмин был почти уверен в том, что у них имеется как минимум еще одна снайперская засада.

Да и чему, собственно, радоваться? Допустим, одного из этих хмырей в масках он унесет с собой в могилу. Если очень повезет. Но двое оставшихся элементарно доведут дело до конца. Предположим, в этот самый момент или несколькими минутами позже в непосредственной близости отсюда гремят выстрелы. Покушение на жизнь высокопоставленной персоны — а возможно, под прицелом окажутся сразу несколько таких личностей — может быть удачным или нет, не так уж важно. Важно другое: кто исполнители, что за организация подготовила акцию, кто за всем этим стоит и какие преследуются цели?..

Так вот же они, исполнители! Вот трупы, а вот их оружие, можно даже сличить отпечатки пальцев... И кто же это у нас такие? Ну-ка, ну-ка... Два бойца ГРУ, их пытались арестовать еще две с лишком недели назад, но свои же покрыли этих преступников! А что это еще за стриженная красотка? Гм... никак Дольникова Анна Сергеевна, в недавнем прошлом старший инструктор по стрелковой подготовке, участвовала в подготовке снайперов спецназа... Есть пока не подтвержденные данные — а они таки получают должное подтверждение, — что данная особа в первой половине декабря «гостила» в городе Грозном. Чем, спрашивается в задачке, мог заниматься в осажденной федералами чеченской столице такой ас снайперского дела, как Анна Дольникова? Ответ на этот вопрос напрашивается сам собой. И не она ли, случаем, приговорила у Ассиновской сразу троих сотрудников на блокпосту? Все сходится: описание, внешние данные и даже почерк...

Кто за всем этим стоит?

Так несложно все просчитать! Взять того же Андрея Бушмина, одного из самых крутых бойцов ГРУ. Достаточно только проследить, куда от него тянутся нити, и все станет окончательно ясно.

...Глянув на наручные часы, инструктор подал какой-то знак коллеге, торчавшему в коридоре. Тот на короткое время скрылся из виду, а когда появился в гостиной, в каждой руке у него было по снайперскому винтарю.

Из мебели в помещении имелся лишь устланный газетами стол. Боевик аккуратно разложил на столешнице оружие: две винтовки «СВД» и отдельно — магазины к ним. Продемонстрировав инструктору ключи от наручников, он положил их на стол, после чего вновь переместился в коридор, где занял позицию, позволявшую уверенно контролировать сразу два помещения.

Не успел инструктор раскрыть рот, как откуда-то снаружи, и не сказать, чтобы уж слишком издали, донесся усиленный динамиками хорошо знакомый Андрею мужской голос:

— Раз, раз... Проверка! Раз... Оркестр, готовьтесь сыграть марш "Прощание Славянина"!.. Раз, раз... Проверка слышимости! Отдайте кесарю кесарево... Далеко слышно? Тогда все будет нормально ...

* * *

На заснеженном плацу уже полным ходом шло построение. И тут на трибуну забрался некто и, очевидно, для проверки громкоговорящей системы произнес довольно странный текст. Голос говорившего, усиленный мощными динамиками, эхом прокатился над плацем. Но все по-прежнему занимались своим делом. Засуетился лишь руководитель оркестра, выстраивавший своих музыкантов неподалеку от трибуны. Но и он быстро понял, что это всего лишь чья-то неуклюжая шутка.

Несколько офицеров, стоявших у трибуны в ожидании высокого начальства, с удивлением посмотрели на Мокрушина — в отличие от них он был в штатском. Рейндж с виноватым видом развел руками.

— Гм... я и не знал, что микрофоны уже подключены.

Даже Леня Белькевич и тот бросил на него странный взгляд: мол, ты че, Рейндж?! Никак в черепушке что-то закоротило? Или это у тебя, командир, такая реакция на препарат «Зеро», которого ты уже употребил сверх всякой меры?

Сотрудник ФСО [14] в звании полковника, один из тех, кто отвечал за безопасность в проведении такого рода мероприятий, так тот и вовсе держал Рейнджа за идиота. Они контактировали уже с шести утра. По обыкновению проутюжили всю трассу, по которой вскоре должен проехать правительственный кортеж. Затем проверили ближнюю округу, заблокировали или поставили под жесткий контроль все въезды и выезды из данного населенного пункта и одновременно с этим выставили охрану в северной и центральной части Хофрина, где, собственно, и должно вскорости состояться главное событие.

И все это время «комитетчик» и его подчиненные вели себя самым наглым и бесцеремонным образом. Они совали свои носы повсюду, пытались лично во все вникнуть, дублируя старших групп и подразделений, для которых обеспечение охраны подобных мероприятий являлось рутинной, повседневной работой. Они, эти люди, были какие-то странные... Обзавелись наикрутейшими пропусками и теперь носятся по округе как угорелые. Другим-то, может, это и незаметно, но полковник, подчиняясь приказу своего начальства, вынужден постоянно контактировать с их главным — вряд ли тот в звании выше майора, — однако вот подчиненные «майора» рыщут по поселку, демонстрируя совершенно необъяснимое служебное рвение.

Вопросы же, которые задает «комитетчик», с головой выдают его как дилетанта. Он, например, хотел знать, будут ли привлечены к охране милицейские подразделения, какие именно, чьей принадлежности, кто ими командует. Интересовался и фамилиями старших офицеров, спрашивал, где, в каких конкретно местах будут выставлены посты, в том числе мобильные, и т.д. и т.п. Конечно же, силы милиции и даже внутренние войска неизменно привлекаются к такого рода акциям. Их старшие офицеры постоянно находятся в контакте с представителями ФСО, а как же иначе? Такого рода взаимодействие давно уже отлажено. К началу акции «поляна» будет проверена и оцеплена тройным кордоном охраны. Так чего же, спрашивается, эти ребятки так суетятся? Если есть какие-то напряги, то возникают они из-за того, что кое-кто путается под ногами и только действует настоящим профи на нервы.

Все вышесказанное было написано на лице полковника ФСО, и от внимания Рейнджа, естественно, это укрыться не могло.

Взглянув на наручные часы, он невольно поморщился. Времени до начала мероприятия — с гулькин нос, а ничего стоящего он пока и не нарыл.

Личный состав хофринской бригады внутренних войск уже почти весь выстроился на плацу. Боксы пустуют, поскольку всю технику еще накануне погрузили на железнодорожные платформы. На станции, совсем рядом, хофринцев ожидает состав. Сразу же по окончании торжественной церемонии проводов защитники Отечества погрузятся в вагоны, а через двое суток уже будут ступать по многострадальной чеченской земле.

В поселке городского типа Хофрино, в центре которого находились «красные казармы», как прозвали местные вэвэшную часть, насчитывается без малого пятьдесят тысяч жителей. Место дислокации бригады огорожено забором, частично бетонным, частично изгородью из металлических прутьев. Ворота КПП выходят на одну из центральных улиц поселка. Справа и слева от части — жилые микрорайоны. Здания тянулись как бы уступами: трех-, четырехэтажные, затем стандартные пятиэтажки и крупнопанельные девятиэтажки. С того места, где стоял Мокрушин — а он по-прежнему торчал неподалеку от трибуны, — до ближайших «коробок» было метров триста-четырееста. Жильцы некоторых из этих домов могут при желании, стоя у окон или выбравшись на балкон, наблюдать за действием. Казармы для них не помеха, поскольку находятся слева. Не мешают и боксы для техники, вытянувшиеся вдоль ограды; их высота — чуть выше двух с половиной метров.

Мокрушин сделал поворот на сто восемьдесят. И увидел примерно ту же картинку. С той лишь разницей, что с этой стороны плац граничил с небольшим сквериком. Клумба, низкорослый кустарник, два десятка деревьев. Лишенные листья, они не могут сейчас закрыть обзор (потенциальным зрителям).

Конечно, если здесь появятся высокие гости, за всеми этими зданиями будут приглядывать те, кому положено. В том числе и снайперы. Но Рейндж-то знает, что все это — фуфу. Потому что ежели здесь каким-то образом нарисуетя пара-тройка приличных стрелков, таких, к примеру, как Бегляев, с опытом чеченской войны, то мало никому не покажется.

— Полковник, следует в темпе проверить высотные дома. — Мокрушин показал рукой направление. — Надеюсь, ваши сотрудники нацелены на эту задачу?

14

ФСО — Федеральная служба охраны.

Сотрудник ФСО, который в молодости прошел выучку в знаменитой «девятке», нахмурившись, взглянул на Мокрушина. Он уже успел доложить по инстанции, что «поляна зачищена». Надо же, какой неприятный тип! Тупой служака, да еще, кажется, не шибко умный. Даже не знает, что знаменитый марш называется «Прощание славянки». При чем здесь, спрашивается, какой-то «славянин»?

— Ситуация под контролем, — сказал полковник. — Участковые и привлеченные к охране сотрудники милиции проверили все дома в округе. Наши сотрудники, сами видите, тоже не дремлют...

Рейндж покачал головой. Как и у других сотрудников охраны, коллег этого недовольного чем-то полковника, в ушной раковине Рейнджа был закреплен миниатюрный динамик, соединенный витым шнуром с портативной рацией. Она была настроена на ту же волну, что и рация полковника, так что Мокрушин слышал переговоры, которые велись в УКВ-диапазоне.

Но, помимо «дежурной» волны, его рация дополнительно сканировала еще две частоты. На одной из них работали сотрудники Мокрушина, и когда в эфире звучало какое-либо сообщение, рация мгновенно перестраивалась именно на эту частоту. А на другой волне он мог работать с группой «Мерлон», с тем же Шуваловым, к примеру. Еще одна рация, гораздо более мощная, была оборудована в «волжанке», которую они с Белькевичем оставили у КПП.

Мокрушин посмотрел на небо. Эх, хорошо бы сейчас пошел густой плотный снег! Да еще ветерок чтоб задул как следует! Но нет, погода стоит пригожая, ясно, маловетроно...

А чего он, собственно, дергается? Да хрен разберешь... Просто «верхнее» чутье подсказывает: что-то делается неправильно, что-то не так. Может, он и впрямь стал психом? Может, после очередной командировки крыша съехала? В том же Грозном любая «коробка» казалась ему подозрительной. Что ни дом в Джохаре, так в нем или масхадовская «тройка» засела, или в одиночку тихарится бородатый чувак с гранатометом, а то и «сука» через оптику винтаря выцеливает из укрытия очередную жертву.

Взять, к примеру, его недавнюю выходку, когда он вдруг понес отсебятину в микрофон... А ведь решение поступить именно так пришло к нему спонтанно. Не раз уже случалось, что в сложных ситуациях порой можешь такое отчебучить, что сам потом диву даешься. Как-то они говорили на эту тему с Кондором. «Доверься своему чутью, Рейндж, — сказал ему тогда приятель. — Кто-то, бог или черт, не знаю точно, кто именно, даст тебе верную наводку. Все окружающие могут числить тебя дебилом или кем угодно. А ты плюнь, поступай так, как считаешь нужным в конкретной ситуации...»

За час до начала «митинга» в расположении бригады появился Шувалов. Он прибыл вместе с двумя довольно высокопоставленными сотрудниками ФСО. А к этим двоим немедленно присоединился какой-то крепкий мужичок в камуфляже.

Кто из них кем командует, Мокрушин по причине дефицита времени разбираться не стал — просто попросил начальника «на пару слов».

Шувалов, выслушав доклад, бросил на него задумчивый взгляд.

— Я так понял, Рейндж, что, кроме ничем не подкрепленных подозрений и домыслов, у нас ничего нет... Сорвать мероприятие? А какие для этого есть основания?

— Мне не нравится, что часть функций по охране взяли на себя менты. Я просил, чтобы «поляну» проверили в радиусе до восьмисот метров, но сделано это не было, а у самого людей маловато.

Шувалов кивнул и последовал за Рейнджем к группе сотрудников ФСО. Тот из них, что был в камуфляже, оказался командиром «девятки», секретного подразделения ФСО. Названа его команда так не то в память о некогда существовавшем Девятом управлении КГБ СССР, осуществлявшем охрану высших должностных лиц и важных объектов, не то в связи с почтовым индексом «Кремль-9» — именно по такому адресу и отправляются письма в ФСО.

Мокрушин сразу признал в нем истинного профи, поэтому договориться о совместных действиях удалось очень быстро. Рейндж и его группа отправились уютить «северный» микрорайон, а «девятка» — в полтора десятка человек — должна была еще раз осмотреть ближайšie к «красным казармам» дома с южного направления.

По одной из центральных улиц поселка в сопровождении ГИБДД проехала колонна машин, оснащенных мигалками и спецсигналами. Кое-кто из солдат стал оборачиваться. Над

застывшими на плацу шеренгами пронесся легкий шепоток. Кого это еще черти принесли?

В поселок Хофрино прибыло высокое милицейское начальство.

* * *

Александр Бегляев был наркоманом. В переносном смысле, конечно, потому что зельем он никогда не баловался. Просто испытывал ни с чем не сравнимый кайф от своего занятия. Его будоражила как присущая его ремеслу опасность, так и то, что он сумел достичь вершин в своем мастерстве. Более трехсот раз он взбирался на самый пик, испытывая при этом ни с чем не сравнимое наслаждение. И каждое такое «восхождение» помнил до сих пор, до малейших деталей.

Да, Бегляев порешил уже более трехсот человек, преимущественно солдат и офицеров некогда родной ему армии. Он не жалел ни об одном из произведенных им выстрелов. За редким исключением, он не работал в условиях ближнего боя. Слишком велика опасность угодить под шальную пулю, разрыв мины или сгореть в адском огне РПО «шмель». Зачем так рисковать своей единственной жизнью? Поэтому он предпочитал действовать из засады, работал исключительно в одиночку, цели поражал на больших дистанциях. И все ему сходило с рук, поскольку он редко повторялся, предпочитал каждый раз изобретать какую-нибудь новую хитрость.

Несколько раз Бегляев пытался «завязать». Он давно уже мог назвать себя состоятельным человеком. Даже не потому, что ему хорошо платили за каждого убитого им солдата, сержанта и офицера. Хотя и поэтому тоже. Но все же основу его состояния, которое сам он оценивал цифрой, близкой к пяти миллионам долларов, составляли другие деньги. Те, что удалось выручить за поставки оружия в Чечню транзитом через Грузию. Бегляев создал несколько каналов для поставки стрелкового оружия, и деньги до сих пор исправно капали на его счета в кипрских оффшорах. Он мог бы значительно увеличить масштабы такого бизнеса, но не делал этого сознательно, ибо был осторожен и предпочитал особо не светиться.

Так что средства у него для безбедной жизни имеются. Позаботился он вовремя и о греческом гражданстве, это помимо давно уже ставшего «родным» грузинского. И кроме того, Бегляев инвестировал необходимую сумму в экономику Виргинских островов, что позволило ему получить паспорт этой экзотической республики, с которым он мог беспрепятственно перемещаться почти по всему миру.

Он точно знает: его данных в Интерполе пока нет. Поэтому ему нет необходимости менять внешность, просто следует, как и прежде, проявлять осторожность.

Да, он не раз пытался уйти, что называется, на заслуженный отдых. Перебирался на остров Крит, где у него есть небольшая скромная квартирка. Но уже через неделю, максимум через две, начиналась крутая «ломка». И тогда он вновь возвращался на Северный Кавказ, в тот знакомый ему уголок земли, где людей теперь убивают почти безнаказанно.

И вот — угодил в западню.

Что из того, что с ним вроде бы играют по правилам? Чем он сейчас отличается от того парня из «РОСы», бывшего сотрудника ГРУ, которого, как признался один из работодателей, они намерены по окончании акции приговорить здесь же, в «адресе»? Может, отличается тем, что его последние дни не держат в наручниках? Или тем, что они перевели на один из его счетов задаток в размере ста тысяч долларов и даже предъявили соответствующий банковский

документ?

Все это фуфло! Он ведь не пацан, а потому понимает: их обещания вернуть его в привычную среду обитания, то бишь в Чечню, всего лишь маскировочный маневр. Деньги истрачены? Ну так для них это не такая уж крупная сумма, эти люди такими деньжищами ворочают, что для них это пустяк.

Экс-гэрэушника, которому вместо «В-94» выдали «СВД», определили в соседнюю комнату, причем охраняют его крепко. Что касается Бегляева, то он, несмотря на относительно вольный режим и показное радушие его новых работодателей, отлично понимал: стоит ему сделать один неосторожный шаг, попытаться бежать, к примеру, не подготовившись заранее, и все закончится для него весьма плачевно.

— Александр, держи свой инструмент, — один из боевиков положил на стол футляр с родимой «АВ». — Времени осталось немного, так что начинай готовиться помаленьку к работе.

Глава 13

Игорь Мануилов, ведущий аналитик Совбеза, время от времени бросал тревожные взгляды на изумрудное табло электронных часов. Из демонстрационного зала СЦСБ ему удобнее всего осуществлять мониторинг текущих событий. В этом же помещении расположились и двое старших сотрудников Центра — они осуществляют функции «режиссера», то есть координируют работу всего штата операторов.

Московское время — 11.30.

Глава правительства все еще находится в Белом доме. У служебного подъезда припаркован спецтранспорт. На трассе — сотрудники ФСО, милиция и немалый штат людей из ГИБДД. Поездка в Хофрино официально пока не отменена. Но несколько задержалась: когда В.В. в сопровождении чиновников и охраны уже готов был проследовать к ожидавшему его бронированному лимузину, неожиданно попросили срочной аудиенции секретарь Совбеза и директор Федеральной службы охраны.

И вот уже около получаса идет беседа в служебных апартаментах главы российского правительства.

В отличие от многих других чиновников, Мануилов мог с наибольшей степенью достоверности судить о предмете нынешнего разговора. Сегодня в восемь утра здесь же, на Старой площади, состоялось совещание сотрудников группы «Мерлон». Сразу по окончании Мануилов на короткое побеседовал с Эмом, после чего секретарь Совбеза отбыл на Краснопресненскую набережную — в Доме правительства, как и в Кремле, у него имелись собственные апартаменты.

Хотя группа «Мерлон», располагающая своими возможностями для получения разведанных, выдала тревожные сигналы в адрес соответствующих служб и учреждений, должной реакции от них не последовало. Ругать руководителей этих служб либо сомневаться в их компетенции не было серьезных оснований. По очень простой причине: та же группа «Мерлон» до сих пор не смогла раздобыть конкретные доказательства того, что в Москве в канун Нового года следует ожидать террористических актов. Имелся только ряд гипотез, но ни одна из них не получила реального подтверждения.

Жизнь высших государственных лиц постоянно находится под угрозой. Соответствующие службы получают десятки и сотни сигналов, каждый из которых проверяется тщательным образом. Но это еще не повод для того, чтобы в связи с той или иной гипотетической угрозой теракта ломать распорядок дня руководителей государства или пытаться корректировать их планы.

Мануилов в своем утреннем конфиденциальном разговоре с Эмом высказал предположение, что В.В., руководствуясь политической целесообразностью, может проигнорировать те тревожные импульсы, которые генерируют Совбез и группа «Мерлон». Сейчас, когда до «рокировки» осталось несколько суток, желательно избегать малейшего риска. На мероприятии в Хофрине будет присутствовать множество вооруженных людей. Ни сотрудники ФСО, ни особая спецгруппа, которая замыкается непосредственно на группу «Мерлон», не смогут в полной мере контролировать ситуацию. Поэтому желательно все же отговорить В.В. от участия в действе. Либо попытаться добиться переноса мероприятия на более поздние сроки.

Ход мыслей нарушил «режиссер»:

— Игорь Борисыч, вас к телефону.

В трубке послышался голос помощника Эма. Причем в голосе его отчетливо звучали тревожные нотки.

— Какие у вас новости? — спросил Мануилов.

— Они все еще совещаются. Подробности мне пока неизвестны... А что у вас появилось нового?

— Пока ничего существенного. Как только закончится совещание, дайте мне знать.

Мануилов дал отбой. В принципе он догадывался о том, что сейчас происходит на Краснопресненской набережной. Эм пытается всеми силами воспрепятствовать поездке премьера в Хофрино, где того уже ждет руководящий состав МВД. Еще неизвестно, как отразится данный эпизод на дальнейших взаимоотношениях главы правительства с секретарем Совета безопасности. В.В. самодостаточен и, что бы о нем ни говорили, вполне самостоятелен как политик. Он не любит, когда ему пытаются что-либо навязать.

После телефонной беседы с помощником Эма Мануилов вновь погрузился в размышления.

Нет оснований предполагать, что уже в ближайшее время может случиться ЧП. И нет серьезных оснований считать, что некие злоумышленники готовятся осуществить теракт в ходе торжественного мероприятия в Хофрине либо где-то на трассе, по которой в этот подмосковный поселок должен проследовать правительственный кортеж. Неизвестно даже, кто именно является мишенью — то ли одно из высших должностных лиц государства, то ли кто-то из руководства МВД.

И в этой ситуации Мануилову, кроме «натовского» патрона, вернее, стреляной гильзы, обнаруженной Рейнджем на динамовском стрельбище, да еще кое-каких собственных предположений, нечего предъявить!

И все же, все же... Слишком много скопилось тревожных сигналов.

Умаров, его фатва, тайный и внезапный отъезд за кордон, его секретные контакты с Заруцким

и Латыповым, одному из которых он передал или продал некоего субъекта. Скорее всего, это бушминский Славянин, он же Александр Бегляев, информация о котором носит крайне тревожный характер.

Захлебнулась пока что раскрутка похороненного было «дела Дольникова». В махинациях, связанных с первой чеченской кампанией, участвовали десятки высокопоставленных чиновников, в том числе из администрации Президента, а также кое-кто из МВД, некоторые военные, крупные предприниматели и сотрудники спецслужб. Но и сейчас, когда свет увидело второе, несколько исправленное, «издание» кавказской войны, злоупотребления продолжают. И не следует заблуждаться: масштаб таких деяний по-прежнему внушителен. Действуют преимущественно те же персонажи, разве что ведут себя более осторожно, уже не прокручивают свои аферы так нагло и бесцеремонно, как это делалось в прежние годы.

Весьма сильны противоречия внутри МВД. Такие влиятельные фигуры, как Калинин и Карабанов, судя по накопленным сведениям, серьезно конкурируют между собой. На обоих при этом уже имеется убийной силы компромат. Помимо этих двоих, на самостоятельные роли претендует целый ряд личностей, среди которых особо выделяется Латыпов.

Латыпова в Хофрине нет. Не исключено, что его попросту туда не пригласили. После появления в Москве милицейский генерал безвылазно находится в элитном поселке Жуковка-3, где у него имеется собственный дом. Вчера вечером у него гостили генерал-майор милиции Черноусое, занимающий должность первого заместителя начальника Управления собственной безопасности МВД, и бывший подчиненный Латыпова, нынче сменивший его на должности руководителя Второго спецотдела, тоже в звании генерал-майора. Пробыв там около часа, они уехали в столицу. Что касается телефонных разговоров, которые прослушивались специалистами ФАПСИ, то ничего существенного из них почерпнуть пока не удалось. К тому же сам Латыпов разговаривал только с женой, которая вместе с дочерью сейчас находится в туристической поездке по странам Западной Европы.

Около десяти утра в Жуковку вновь приехал Черноусое. Поселок охраняется силами милиции, поэтому вести визуальное наблюдение за домом Латыпова крайне сложно. С ним вообще все не просто, поскольку он и его ближнее окружение сами являются крупными специалистами в подобных делах.

Заруцкий также проигнорировал мероприятие в Хофрине. Недавно был перехвачен его телефонный разговор с Карабаноевым. Полковник сказал, что болен, высокая температура, на фоне болезни «барахлит что-то мотор». Исполняющий обязанности командующего внутренними войсками, судя по тону, был оч-чень недоволен странным заболеванием своего доверенного лица...

Этих двоих, а также некоторых их коллег решено до Нового года не трогать. Чтобы не обострять ситуацию в самый канун судьбоносной «рокировки». Потом, когда в стране не только формально, но и де-юре произойдут перемены во власти, ими займутся ФСБ и Генеральная прокуратура.

Крайне подозрительной также представляется история, случившаяся несколько суток назад в станице Слепцовская, когда внезапно исчезли Анна Дольникова и двое сотрудников ГРУ, в том числе Кондор. Судьба этой троицы — загадка. Их нынешнее местонахождение, если, конечно, они живы, до сих пор остается неизвестно.

Все это наряду с другими уже известными фактами на манер мозаики складывается в единую картинку. Собственно, этим и занимался Мануилов все последнее время. Многих фрагментов

мозаики все еще недостает, но уже сейчас заметно, что конфигурация вызывает весьма тревожное ощущение.

Московское время — 11.45.

Вновь дал знать о себе помощник Эма.

— Игорь Борисыч, они только что вышли! — раздался в трубке торопливый голос. — Направляемся к машинам...

Мануилов подумал, что вряд ли Виктор Константинович сможет сейчас проинформировать его о происходящем.

— Как только определится маршрут следования, поставьте меня в известность.

* * *

Мануилов знал о местонахождении Латыпова. Знал он и то, с кем проводит время генерал в своем особняке в Жуковке. Однако ему не было известно, о чем думает этот человек, какие планы строит.

— Обкладывают, как волков, — процедил Латыпов. — Пока не вернулся из Чечни, даже не осознавал, что дела обстоят так хреново...

Заметив, что его гость потянулся к сотовому телефону, Латыпов отрицательно покачал головой.

— Не слишком ли круто берем, Алексей? — В голосе Черноусова прозвучала тревога, даже страх. — А если Сам пострадает?

— Ну и что из того? — после тягостной паузы произнес Латыпов. — Кто его просил по-новому лезть в Чечню?! Он заварил эту кашу, пусть теперь сам и расхлебывает... Если все произойдет согласно нашему сценарию, то стрелки будут переведены совсем на других людей. А мы в темпе подчистим кончики и выйдем сухими из воды.

— Гм... Похоже, что ты прав, Алексей. Сколько уже лет прошло с того дня, как в Далласе грохнули президента? А тех, кто организовал покушение на Кеннеди, до сих пор так и не выявили.

Латыпов, нахмурившись, кивнул.

— Чем хуже, тем лучше для нас. Пусть все идет своим чередом...

* * *

Наконец «режиссер» связал Мануилова и с самим секретарем Совбеза.

— Игорь Борисыч, мы направляемся на Старую площадь, — сказал Эм. — Приготовьтесь сделать краткий доклад по известному вам кругу вопросов.

Мануилов сразу же попросил оператора, чтобы тот связал его с Шуваловым и старшим спецгруппы, приданной «Мерлону». Рука его как бы сама собой потянулась к внутреннему карману пиджака, где находилась завернутая в носовой платок стреляная гильза. Что он

сможет предъявить высокопоставленному визитеру? Никогда еще не доводилось чувствовать себя столь неуверенно, как сейчас.

— Продолжаем работать, — донесся из динамика голос Мокрушина. — Новостей пока для вас нет.

Шувалов же сообщил, что милицейскому руководству уже известно о том, что глава правительства не примет участия в их мероприятии. Все руководство собралось на трибуне и подле нее, церемония проводов вот-вот должна начаться и, судя по всему, будет непродолжительной.

Когда Владимир Владимирович в сопровождении Виктора Константиновича вошел своей энергичной поступью в Операционный зал СЦСБР, куранты на Спасской башне пробили полдень.

Глава 14

Переговорив с «Мерлоном», Мокрушин вставил микрофон рации в гнездо на панели. Затем подал знак Белькевичу, сидевшему за рулем «Волги», чтобы тот свернул в переулочек, на правой стороне которого в ряд выстроились три пятиэтажных здания.

Третьим пассажиром «Волги» был временно прикомандированный к спецгруппе Мокрушина сотрудник Федеральной службы охраны. За ними следовал джип с четырьмя переодетыми в штатское бойцами. Еще одно звено, которым командовал Тимофеев, передвигалось сейчас по параллельной улице.

Рейндж обращал внимание на все мелочи и детали, которые могли бы вызвать подозрение. Еще он надеялся на свое «верхнее» чутье, развитое не хуже, чем нюх у породистой охотничьей собаки.

Они еще находились в начале переулочка, когда Мокрушин положил глаз на вторую по счету пятиэтажку. Здание это уже было целиком отстроено, но если его и сдали в эксплуатацию, то лишь на днях. Свидетельством тому являлось наличие возле дома строительного вагончика и бетономешалки. В нескольких квартирах окна уже занавешаны; остальные, кажется, пока никем не заселены.

И тут же Рейндж засек две машины, расположившиеся в просвете между двумя пятиэтажками: защитного цвета «уазик» и «Форд» с милицейской символикой.

— Леня, видишь две тачки? Остановишься вплотную к ним.

Он обернулся к сидевшему сзади сотруднику «девятки».

— Для начала предъявишь им свою ксиву, потом попросишь их сделать то же самое.

— Так это ж милиция.

— Не слепой, вижу!

Рейндж поднес к губам свой портативный «Кенвуд».

— Внимание, в джипе! Будете нас страховать.

* * *

После неожиданного «объявления», разнесшегося благодаря громкоговорителям по всей округе, Бушмин ощутил бурный прилив адреналина в кровь. Он знал, что его коллеги не будут сидеть сложа руки. Оправдались также надежды, которые он возлагал на своего давнего напарника и самого близкого друга.

Осталось только расшифровать текст неожиданного послания.

«Прощание Славянина»... Так-так... Похоже на то, что одна из догадок самого Бушмина может вскоре подтвердиться. Относительно наличия еще одной снайперской засады. Сейчас сложно сказать, кому именно Володя адресовал свое предупреждение. Может, почувствовал, что кореша где-то поблизости держат? Или его слова предназначены кому-то другому? Не столь важно. Главное другое, то, что где-то поблизости может находиться «суперстрелок» Бегляев и этого гада нужно во что бы то ни стало «погасить».

«Отдайте кесарю кесарево...» Знакомая цитата из Библии. Но Володя наверняка имел в виду нечто другое. Кесарь... Если принять во внимание, что «маски», судя по приготовлениям, намерены приурочить свою «патриотическую» акцию к одному из важных мероприятий, то выводы напрашиваются сами собой. Кесарь — это владыка, цезарь, император. В данном конкретном случае речь, скорее всего, идет о молодом перспективном премьере. Потому как нынешний Президент вряд ли соизволит посетить подобное мероприятие.

М-да... Не слишком ли круто берут эти псевдопатриоты в масках? И кто, хотелось бы знать, за ними стоит?

«Все будет нормально...» Здесь даже нечего морщить лоб. Почему-то эти слова чаще всего звучат на войне. В Чечне их повторяют как заклинание: «Все будет нормально, брат», «Да, брат, все у нас будет хорошо».

...Тем временем близилась развязка. Голос Рейнджа на какое-то мгновение возродил надежды, но все же ситуация была катастрофической. Один он мог бы в порыве отчаяния сигануть в окно — с третьего этажа, ежели грамотно приземлиться, до смерти не убьешься. А так... Инструктора, если повезет, он подловит и тут же заломает, попытается завладеть его «береттой». Если тот не предоставит такой возможности, придется дожидаться, когда им выдадут заряженные «СВД». Для ближнего боя винтарь не слишком подходит, но альтернативы, как говорится, нет. Кондор первым устроит мятеж, отвлекая на себя внимание «масок», а Дольникова попытается тут же пустить в ход свою «эсвэдэшку».

Но все это — почти неосуществимая затея. Суета сует... По правде говоря, их шансы на спасение все еще близки к нулю.

— "Номерные", марш к столу! — скомандовал инструктор. — Ключи от браслеток видите? Сейчас вы поочередно снимете друг другу наручники. Только без фокусов, ясно?! «Работать» по трибуне будете с лоджии, она длинная, с высокими перилами. Табуретки для вас я уже поставил, так что стрелять будете из положения сидя... Дистанция до трибуны... Метеоусловия... На трибуне пятеро... нет, уже шестеро! «Первый номер», пойдешь слева направо. Ты, Васильев, начнешь выбивать «мишени» начиная с крайней справа... Мы вас постоянно контролируем, так что без глупостей! Стрелять начнете, когда в дело вступит оркестр...

* * *

— Звуки марша должны заглушить хлопки ваших винтарей, — сказал один из боевиков, высматривая что-то в окне. — На трибуне шестеро. Желательно, Александр, всех их положить. Ты будешь «работать» по ним с балкона, а тот, другой, через окно в спальне.

Бегляев, как и прежде, находился у стола, стоявшего в центре комнаты. Винтовка дремала у него на сгибе локтя. Раскрытый футляр лежал перед ним. В нишах футляра разложены надульные колпачки, снаряжение для чистки, запасные магазины — два для боевых и еще два, розоватого цвета, для холостых патронов — и еще кое-какие причиндалы.

Магазины были пусты, винтовка тоже пока не заряжена. Снаряженная обойма — того корешка, что крутится возле балконной двери. А в правой руке у него ствол с глушаком. Хотя договорились играть по-честному, эти хмыри все время располагаются так, чтобы хотя бы один из них, если вдруг Бегляев вздумает брыкаться, мог без промедления пустить в ход свой ствол.

Боевик одним глазом поглядывал в окно, а другим косил на Бегляева. Тот тоже задействовал боковое зрение, наблюдая за типом, почти постоянно торчавшим в коридоре.

Ага, передвинулся чуть дальше. Наверное, хочет подстраховать своего коллегу, который нянчится с экс-гэрэушником.

Продолжая попеременно коситься то на дверь, открытую настежь, то на окно, на фоне которого контрастно выделялся мужской силуэт, Бегляев приступил к реализации своей задумки. Нет, футляр его не интересовал. Эти деятели тщательно все осмотрели и даже изъяли из комплекта шомпол, чтобы «брат Александр» ненароком не проткнул кого-нибудь этой штуковиной. Спасение следует искать в другом месте...

Бегляев загадал: если ему удастся и на этот раз выйти сухим из воды, тогда он окончательно уйдет в «завязку». До конца жизни больше не притронется к снайперскому винтарю! Выйдет на пенсию, поселится на солнечном острове Крит или в любом другом благодатном уголке земли, а на Северный Кавказ больше ни ногой!

Но прежде чем это случится, он стребует кое с кого должок. Он просто обязан разыскать типа, с подачи которого, собственно, и начались все его нынешние злоключения. Того гада, который отловил его в компании с зенитчиками в районе Аргунского ущелья, а затем доставил в Моздок.

Если Александр Бегляев не найдет командира гэрэушной спецгруппы и лично не отправит его на тот свет, то ему всю оставшуюся жизнь будут сниться по ночам кошмарные сны — как он едва не завершил свою блестящую карьеру на куче собственного дерьма.

...Стараясь не делать резких движений, он подцепил кончиками пальцев резиновый «затыльник». Потянул на себя... Из высверленного в ложе приклада отверстия на ладонь Бегляеву скользнул патрон. Действуя так же осторожно и размеренно, зарядил винтовку, мягко дослав патрон затвором. Вот и сгодилась одна из его заначек!

В этот момент боевик, занявший наблюдательный пост у окна, повернул к нему голову.

— Александр, слышишь? Министр речь начал толкать. Придется обождать какое-то время...

Бегляев посмотрел на него со странной усмешкой.

«Один в стволе».

Он лишь чуть переменял позу, после чего осторожно надавил на спусковой крючок.

* * *

Белькевич вполне осознанно припарковал «Волгу» таким образом, что его машина теперь ограничила возможность для маневра водителям ментовских тачек. Джип остановился чуть дальше, метрах в десяти, причем одновременно с этим вниз скользнули стекла с его правой стороны.

— Леня, следи за водилой «уазика», — шепнул Рейндж. — А мы пока займемся «Фордом».

На виду были четверо сотрудников милиции, причем трое из них в данный момент находились в салоне бело-голубого «Форда». Туда сразу же и направились Мокрушин и «прикомандированный». Белькевич, также выбравшийся из «Волги», занял позицию таким образом, чтобы надежно контролировать водителя «уазика».

Тем временем из «Форда» выбрался мужчина лет тридцати пяти, в милицейской форме, с погонами полковника на плечах. Он явно был чем-то недоволен и, похоже, взволнован.

Сотрудник «девятки» вначале представился, предъявив свой документ, затем попросил сделать то же самое милицейского полковника. Тот, хотя и с видимой неохотой, достал из нагрудного кармана служебное удостоверение. «Прикомандированный» проверил ментовскую ксиву. Наметанным глазом он сразу определил, что документ отнюдь не липовый, а настоящий, причем полковник этот занимал довольно высокую должность в одном из подразделений МВД — в Управлении собственной безопасности.

«Прикомандированный» уже хотел вернуть документ владельцу, но, подчиняясь жесту командира спецгруппы, передал ему служебное удостоверение.

— Полковник, попросите ваших коллег выйти из машины, — распорядился Мокрушин. — И побыстрее!

— Да кто вы такие, чтобы мною командовать?! — резко отреагировал милицейский полковник. — У вас в руке мое удостоверение! Вы что, читать разучились?!

Он ошибался. Его ксива была уже не в руке Рейнджа, а во внутреннем кармане куртки. А под полкой куртки затаилась рука, уже лежавшая на рукояти «тихого» спецназовского «вула». Мокрушин, чуть наклонившись, заглянул в салон «Форда».

Полковник явно держит его за кретина. Сегодня многие поглядывали на Рейнджа так, будто другого такого идиота на всем белом свете не сыщешь. Возможно, потому, что у него измочаленный вид. За последние несколько недель он устал как бобик. У него и сейчас башка трещит, как с бодуна. А причина в том, что вечер и почти всю ночь он вместе с Тимохой штудировал справочный материал, подготовленный для них «Мерлоном». Почти три десятка ментов в званиях от майора до генерал-лейтенанта! И каждого из этих субъектов вместе с его фото, фамилией, званием и должностью следовало надежно разместить в своей и без того отягощенной информацией памяти!

Поэтому Рейнджу не было нужды знакомиться с ксивой. Он и без того знал, кто перед ним: полковник милиции Феклистов, правая рука генерала Черноусова, давнего приятеля и подельника Алексея Латыпова.

Заглянув в салон, Мокрушин узнал и того, кто сидел на заднем сиденье. Надо же...

Подполковник внутренней службы Авдеенко, главный подручный Заруцкого — Беспалого.

Но удивительно, что тот тоже, судя по резкой реакции, его узнал — хотя откуда, казалось бы, ему знать о существовании майора ГРУ по прозвищу Рейндж?

Водитель «Форда» незаметно — но не для Рейнджа! — переложил укороченный «АКСУ» из ниши между двумя креслами себе на колени. Рука Авдеенко нырнула под полу бушлата. Кроме того, Мокрушин следил еще и за Леней Белькевичем — тот, судя по всему, тоже приготовился действовать.

Белькевич стоял в расслабленной позе, заложив руки за спину. Хотя это и не по форме, он предпочитает носить тихий спецназовский ствол у копчика. В наплечной кобуре у него закреплен «ПММ», но в таких ситуациях сподручнее действовать «вулом».

Водитель «уазика» потянулся к «калашу», лежавшему на переднем сиденье, но в последний момент взял не автомат, а портативную рацию.

— Какого чер...

Феклистов не успел договорить — сгустившееся до предела напряжение полыхнуло раздавшимися почти одновременно частыми хлопками спецназовских «вулов». Оба водителя легли сразу же, не успев оказать сопротивление. Мокрушин, не теряя времени, мощным толчком убрал с дороги полковника и, обогнув с кормы «Форд», переместился к дверце, через которую выскочил Авдеенко. Последний, судя по анкетным данным, числился в крутых спецназовцах, но Рейндж не позволил ему открыть пальбу — сбил одним ударом на асфальт.

А потом все закрутилось с бешеной скоростью. Четверо боевиков ГРУ вылетели из джипа. Вооружены они были новейшими «ПП» «каштан» с глушителями. Двое заняли позицию так, чтобы контролировать округу, остальные двое занялись плененными ментами.

Прикомандированный сотрудник ФСО от такого зрелища попросту выпал в осадок. Помертвев лицом, он превратился в каменную статую.

— Феклистов! И ты, Авдеенко! — Мокрушин решил внести ясность: — Жить из вас останется тот, кто заговорит первым!

Прежде чем они хоть как-то отреагировали на призыв, в голове Рейнджа промелькнула одна интересная мыслишка. Если он что-то неправильно просчитал и если он проколется с этими ментами, то не то что погоны, голову ему снимут долой с плеч!

Снаружи доносился усиленный динамиками голос министра внутренних дел. Бушмин и Дольникова стояли по обе стороны стола, на котором лежали две винтовки «СВД» и отдельно — полностью снаряженные магазины к ним. Инструктор, переместившийся к окну, наблюдал оттуда за развитием событий на плацу — выжидал удобный для начала акции момент. Боковым зрением он по-прежнему следил за «стрелками», а его правая рука, как и прежде, сжимала рукоять «беретты».

Команда «заряжать» пока не звучала. Боевик, занимавший позицию в коридоре, уверенно контролировал снайперов. Третий работодатель находился в соседней комнате, где следил за заложниками.

Бушмин подумал о том, что мальчишка проживет чуть дольше остальных, здесь его убивать не

станут — труп десятилетнего мальчика, если его обнаружат на месте снайперской засады, может вызвать ненужные вопросы.

— Эй, пацан, ты куда?! — неожиданно прозвучал в коридоре мужской голос. — Вернись на место!

И тут Бушмин увидел кое-что интересное... Малец проскользнул в гостиную, ловко уклонившись от громилы, который пытался поймать сорванца за шиворот. Но при этом Иван почему-то смотрел не на Дольникову, а прямо в глаза Бушмину. Кондор, в свою очередь, смотрел уже не на мальчика, а на знакомую ему авторучку, которую мальчишка держал перед собой в вытянутой руке.

Сглотнув подступивший к горлу комок, Бушмин взял протянутую ему «стрелку». После чего бодрым голосом изрек:

— О-о-о! Ручка очень кстати... Сейчас чертежик набросаем! Есть у вас бумага?

— Какого... Какой еще чертежик?! — заорал инструктор. — Почему пацан здесь?! Уберите отсюда чечена!

— Да ладно, чего ты разоряешься? — Кондор незаметно активировал «стрелку». — Не надо обижать нашего мальчика.

— Эй ты, щенок чеченский! — выверился боевик из коридора. — Иди сюда!! А то я сейчас твою мамашу пристрелю!

Мальчишка, казалось бы, послушно поплелся в коридор. Но уже спустя мгновение случилось нечто такое, чего никто из присутствующих никак не ожидал.

— Р-русский я! Р-р-русский!! — Мальчишка набросился на опешившего громилу с кулаками. — Не тр-рогай маму!!!

И тут случилось совсем уж неожиданное.

Заостренная ампула с парализующим составом вошла в горло инструктора чуть ниже левой скулы. Его всего передернуло — словно ударило мощным разрядом тока. Инструктор стал медленно заваливаться на бок. Тяжелая «беретта» выпала из его ослабевшей руки.

— Ложись, Анна! Падай!!

Иван впился зубами в левую руку боевика. Тот все же умудрился открыть стрельбу, но цель, в которую он метил, находилась не в гостиной, а в другом, в соседнем помещении, где тоже началась какая-то возня.

Пуля, выпущенная из «беретты», проломила височную кость боевика.

Кондор рывком втащил мальчишку в гостиную, передал его на попечение Дольниковой, а сам переместился в коридор. Третья «маска» почему-то никак не отреагировала на случившееся. Лишь заглянув в соседнюю комнату, Бушмин нашел этому обстоятельству внятное объяснение.

Одна рука Гараса была прикована к батарее у окна. Боевик, очевидно, неосторожно приблизился к окну, — возможно, хотел посмотреть, что происходит на плацу. В этот момент из комнаты выскользнул мальчишка, а прапорщик тем временем как-то изловчился и

дотянулся до проявившего беспечность боевика.

Теперь голова бедняги находилась почти под мышкой у прапора. Судя по красному от напряжения лицу и бугрящимся бицепсам, Гарас все еще душил свою жертву. Но в этом уже не было надобности: в трех или четырех местах туловище бойца было пробито пулями — свой же ненароком наспиговал его свинцом.

Молодчина Гарас! Не только заломал этого субчика, но и грамотно прикрылся им на манер щита...

— Молодчина, Гарас! — уже вслух похвалил Бушмин прапора. — Все, хватит... Брось, он уже труп!

— Не я молодец, а Ваня Грозный, — отдуваясь, сказал прапорщик. — Слышал, как он голос подал?! Это ж для меня сигнал был!

— Сейчас я сниму наручники... А, черт, да ты ранен...

Бушмин только сейчас разглядел, что на штанине у Гараса, чуть выше колена, — рваное отверстие, материя вокруг которого уже успела пропитаться кровью.

Но ни освободить Гараса от наручников, ни перевязать его Андрей не успел, поскольку у входной двери раздался какой-то грохот.

Кондор мигом подхватил «беретту» и переместился к дверному косяку. Похоже, извне выставили входную дверь. Кто бы это мог быть?

После нескольких секунд напряженного ожидания по гулким помещениям разнесся знакомый голос:

— Эй, есть здесь кто живой?

* * *

Грохота особого не было. Патрон дозвуковой, малоимпульсный и малозвучный. А потому выстрел получился негромким — так хлопает, когда лопается электрическая лампочка.

Бегляев завладел пистолетом, прежде чем в дверном проеме появился привлеченный странным звуком боец. Этот так и не врубился, что произошло, потому что размышлять с дырой в черепе трудно. Только вывалился Бегляев в коридор, как навстречу ему третий. Этого пришилил тремя выстрелами к стене — точно бабочку.

Отодвинув ногой труп, Бегляев прошел в комнату. Ветеран гэрэушного спецназа, который оказался здесь из-за обещанных ему денег или по какой-то другой причине, был бледен, как покойник.

— Вот что, дружок... — Бегляев в задумчивости почесал дулом пистолета кончик носа. — Будешь делать то, что я скажу. Договорились?

Экс-гэрэушник медленно и как-то с опаской кивнул.

— Надо рвать отсюда когти! — заявил он. — Прямо сейчас!

Сохраняя на лице странную усмешку, Бегляев отрицательно покачал головой.

— Сначала мы должны выполнить свою работу.

Глава 15

Кондор и Рейндж вели себя так, словно ничего особенного не произошло, а все эти наполненные тревогой и переживаниями дни они находились где-то рядышком, занимаясь одним общим делом.

Стоило Мокрушину убедиться, что приятель цел и невредим, как он тут же обрел свой прежний невозмутимый вид.

— В принципе я знал, что все так и будет. — Он хлопнул друга по плечу. — Кондор, думаю, сам разберется с этими волками погаными. Тем более что у него теперь такая команда...

— Не скажи, Рейндж. — Андрей решил выдать ответный комплимент. — Ты очень вовремя нагрянул! А твоя подсказка в микрофон... Ну это, знаешь, уже высший класс!

Они вышли в коридор. Мокрушин, присев на корточки подле лежащего навзничь «жмура», сдернул с его головы маску. Двумя пальцами взялся за подбородок, покрутил туда-сюда, глядя в лицо, отмеченное уже печатью смерти.

Рейндж впервые видел этого типа. Как и других свежее испеченных покойничков.

— Слушай, Андрей... Бегляева с вами, часом, не было?

— Нет, мы с ним не пересекались. Но я почти уверен, Володя, он где-то здесь, поблизости. Должна быть еще одна засада, надо быстро шевелить мозгами!

— Я уже дал команду, чтобы осмотрели все здание. Мужики из «девятки» тоже работают в поселке... Представляешь, Андрей, никак не можем этого гада отловить!

Тем временем каждый из мокрушинской команды был занят каким-то делом.

Тимоха, как только получил сигнал по рации, мигом нарисовался вместе со своим звеном на месте событий. Все хорошо понимали, что такого рода инцидент афишировать не стоит. В первую очередь следовало убрать трупы и милицейский транспорт с продырявленными выстрелами стеклами. Следы надо замечать, пока они свежие.

Тимофеев, оставив себе троих ребят, взял решение этой задачи на себя. Шестеро бойцов, разбившись на пары, взялись осмотреть все здание. Маловероятно, чтобы в этой же пятиэтажке решились разместить еще одну снайперскую засаду, но кто знает, что у заговорщиков на уме?

Белькевич сразу занялся раненым. Для начала наложил на ногу тугой жгут, чтобы остановить кровотечение. Отчасти Гарасу повезло, потому что пуля прошла мышечную ткань, не задев кость. Когда подоспел Леша Подомацкий с аптечкой, Белькевич сделал прапору укол промедола.

— Все будет нормально, брат, — сказал он. — До свадьбы точно заживет!

Леший сиял, как новенький пятиалтынный. Он едва ли не больше других радовался, что с его командиром не случилось ничего дурного. Но сейчас не время выражать свои чувства, На задании следует заниматься своим делом. Коль он числится штатным снайпером, то его задача быть «глазами» команды, иными словами, осуществлять наблюдение за местностью.

Снайперский винтарь — с учетом специфики их нынешней работы — иметь при себе ему сейчас не положено. Но Леший, как верный оруженосец Кондора, сохранил все его вещи, в том числе бинокль «геовид».

Вооружившись мощной оптикой, Подомацкий выбрался на балкон. Заснеженный плац, на котором для участия в торжественной церемонии проводов был выстроен личный состав хофринской бригады внутренних войск, просматривался почти весь. Выстроенных в шеренги вэвэшников он видел со спины. А вот тех, кто находился возле трибуны и на самой трибуне, Подомацкий наблюдал анфас. Причем расстояние до трибуны — около четырехсот метров.

* * *

Мокрушин заговорщически подмигнул мальчишке, подмигнул так, будто они старые знакомые.

— Все в нашей команде называют меня Рейндж... А ты, Иван, оказывается крутой парень. Молодец! Когда маленько подрастешь и закончишь школу, мы тебя с Кондором к себе возьмем.

Иван, сохраняя серьезный вид, кивнул в знак согласия. Дольникова, одной рукой обнимавшая мальчика за плечи, растерянно улыбалась. Она все еще не пришла в себя после столь бурных событий. Особенно ее поразило то, что Иван, ее мальчик, — заговорил.

— Анна, это и есть тот самый человек, о котором я вам рассказывал. — Спohватившись, Бушмин решил представить даме своего приятеля. — Я же говорил, что он придет нам на выручку!

Дольникова уже успела заметить, что друг Андрея, такой же рослый и даже привлекательный мужчина, смотрит на нее как-то странно, и в этом взгляде было не только дружелюбие, но и еще что-то...

— Анна Сергеевна, — глядя ей в глаза, проговорил Мокрушин, — могу я просить вас об одном одолжении?

— Конечно. — Дольникова в смущении улыбнулась. — Почему нет?

Рейндж обнял молодую женщину за плечи и расцеловал ее в обе щеки.

— Вот... Рад с вами познакомиться.

Идиллию нарушил Подомацкий, стоявший на балконе.

— Отцы-командиры! Подойдите кто-нибудь! Я тут кое-что странное засек...

Бегляев, которому удалось-таки завалить всю троицу, прекрасно понимал: сделан лишь первый шаг на пути к спасению. Где-то поблизости должны находиться дружки боевиков. Они, конечно же, наблюдают за домом и, скорее всего, контролируют парадное. Нет, так просто они не позволяют ему уйти...

«Пора рвать отсюда когти...»

Да кто же против?! Но надо ведь головой соображать, а не другим местом! Особенно сейчас, когда его плотно обложили со всех сторон...

Когда он учил «сук» своему ремеслу, то прежде всего говорил: они везде и повсюду должны придерживаться целого свода неписанных законов. И объяснял при этом, что нарушение любого из них влечет за собой смерть стрелка.

«Неправильно выбрал позицию — умрешь!»

«Не замаскировал свои действия — умрешь!»

«Не подготовил себе отход — умрешь!»

«Не обманешь противника — помрешь сам!»

Подобных правил существует превеликое множество, но основными являются именно эти четыре золотых правила снайпера.

Учитывая всю сумму обстоятельств, с которыми ему приходилось сейчас считаться, Бегляев решил довести дело до конца даже в отсутствие «работодателей», вернее, тех, кому было поручено приглядывать за снайперами.

План его был довольно прост, пожалуй, даже слишком прост для такого человека, как Бегляев. Но другого выхода не существовало.

Часть плана он уже осуществил, когда разжился у одного из «жмуров» курткой и у него же изъял спецназовский ствол и маску. Остальные стволы перенес в одно место, дабы экс-гэрэушник не питал на сей счет иллюзий. Последнему Бегляев вкратце объяснил свой замысел — чтобы у парня сохранялся стимул для дальнейшего сотрудничества.

Как только они начнут расстреливать из винтарей ментовское начальство, неизбежно начнется паника. Израсходовав по обойме, они бросают «инструмент» и рвут когти с места событий. Паника тем временем будет неизбежно разрастаться. Они спускаются вниз, где должен дожидаться предназначенный для отхода транспорт. В поднявшейся сумятице их либо примут за своих, либо, если распознают подмену, придется боевиков замочить и воспользоваться их «колесами».

Несмотря на риск, такой замысел все же давал определенные шансы. Бегляев утаил лишь одно: оставлять в живых ветерана ГРУ после такой акции он не собирался.

Под его приглядом напарник, уже освобожденный от наручников, приоткрыл одну створку окна, и Бегляев стал разглядывать через оптику снайперской «СВД» затылки и спины милицейского руководства.

— Пошла последняя минута, — проговорил он. — Можешь начинать про себя отсчет!

* * *

Шувалов, находящийся в самой гуще событий, вынужден был в эти тревожные минуты довольствоваться ролью наблюдателя.

На просторном плацу ровными шеренгами выстроился личный состав бригады внутренних войск, почти полторы тысячи солдат, сержантов и офицеров. В мыслях своих они уже были

далеко от подмосковного Хофрина, на земле Северного Кавказа, в непримиримой и непокорной Чечне.

На трибуне же расположилось руководство МВД: министр, двое его заместителей, включая генерал-полковника Калиничева, начальник штаба МВД, и.о. командующего внутренними войсками генерал Карабанов, а также командующий внутренними войсками Московского округа.

Церемония, в которой должен был принять участие глава российского правительства, заняла чуть более четверти часа и уже подходила к концу. Но никто из участников мероприятия даже не подозревал о том, что весь плац — в том числе трибуна — в эти мгновения просматривается через прицелы снайперских винтовок.

Когда министра под каким-то благовидным предлогом попросили сойти с трибуны — его тут же прикрыли своими телами сотрудники «лички», — Шувалов с облегчением перевел дух.

Но уже в следующее мгновение в ухе зазвучал миниатюрный динамик.

— Мы засекли снайпера! — раздался голос Мокрушина. — Нет, их двое! Попробуем аккуратно убрать...

* * *

Пятиэтажный дом, на который обратил внимание глазастый Леший, находился по другую сторону «бригадгородка», в соседнем микрорайоне. Он был точь-в-точь такой же, как тот, где расположились Кондор и его команда. Вероятно, эти два здания стали возводить одновременно, как бы для симметрии. Судя по всему, тот дом также не был заселен, потому что у торца стоял башенный кран, а на окнах, хотя и застекленных, никаких тюлей и занавесочек не наблюдалось.

В одной из обращенных в сторону плаца квартир третьего этажа были почему-то открыты окно и балконная дверь. Рейндж, которому Подомацкий передал «геовид», сумел вслед за Лешим разглядеть в мощную оптику два силуэта: один отчетливо просматривался в оконном проеме, другой вскоре обнаружился на балконе. И не столько просматривалось, сколько угадывалось: эти двое вооружены снайперскими винтовками.

Вот так «симметрия»...

— Занимайте позиции! — не оборачиваясь, скомандовал Мокрушин. — Нет ни секунды времени! Андрей, бери на себя того, что вышел на балкон! Леший, будешь давать целеуказания, ая...

Он не успел договорить, потому что внезапно раздался голос:

— Я держу другого!

— Анна...

— Не Анна, а старший лейтенант милиции!

Рейндж не стал спорить. Сам он накачан «Зеро» по уши и наверняка будет мазать. Подомацкий считается хорошим снайпером, но для дистанции, на которой предстоит «работать», нужно быть не просто хорошим снайпером, а суперстрелком.

В следующее мгновение Рейндж уже определил дистанцию до «целей»: семьсот двадцать пять метров — именно такие показания выдал дальномер принадлежавшего некогда Бегляеву «геовида».

— Готовы? Начинаю отсчет! Десять... Девять... Восемь...

Дольникова держала в перекрестье прицела «своего» — он выделялся на фоне оконного проема. Ей чертовски хотелось чуть опустить ствол — линия огня проходила практически над головами милицейских генералов, стоящих на трибуне. Кто-то из «масок» сказал ей, что на трибуне и люди, повинные в ее несчастьях. Может быть, и так... Скорее всего, так оно и есть. Но она еще раньше решила: мечь — не для нее. Анна знала, хотя и неизвестно откуда, что существует закон возмездия и что все, кто этого заслуживают, будут так или иначе наказаны.

Поэтому и сделала для себя такой выбор.

«Семь... Шесть... Пять...»

* * *

...Бегляев принялся выцеливать крайнюю слева мишень на трибуне. В обойме его снайперского «AW» десять патронов. Это десять чьих-то смертей. Они будут валиться с ног, как кегли в кегельбане! Да, такой охоты у него еще никогда не было!

Но что-то все же неладно...

— Четыре! Три! Два!

Над плацем раздался марш «Прощание славянки». В голове же Кондора выстукивало только одно — попасть!

Может, ему только показалось, но «стрелок» целился уже не в трибуну, а именно в него, в Бушмина. Поэтому, чуть опережая события, он надавил на спуск...

Мокрушин в оптику «геовида» четко зафиксировал оба попадания. Кондор попал стрелку в голову. Выронив винтовку, снайпер рухнул как подкошенный. Дольникова тоже не промахнулась. Ее «клиент» исчез из своей амбразуры, — похоже, тоже был мертв.

У людей, находившихся в это время на плацу, возникло какое-то неприятное ощущение — словно ледяным ветерком просквозило по спине. Но никто ничего не заподозрил.

Исключение составлял лишь Шувалов. Хотя оркестр заглушил выстрелы, он каким-то шестым чувством распознал зловеющий посвист — пули прошли метрах в четырех над трибуной.

— Не расслабляйтесь, — сказал Рейндж. — Держите оба объекта под прицелом!

Спустя несколько минут сотрудники «девятки» выломали двери квартиры, где была оборудована основная снайперская засада. И, выйдя на связь по рации, доложили результаты обследования: обнаружено пять трупов, в том числе двое снайперов.

Двое мужчин и молодая женщина обменялись многозначительными взглядами. Итог всему эпизоду подвел Кондор. Он утер пот со лба и веско произнес:

— Прощай, Славянин!

* * *

Московское время — 15.30.

Только что бункер СЦСБР покинули министр внутренних дел и его первый заместитель. Оба были потрясены случившимся. По результатам инцидента в Хофрине следовало сделать неординарные выводы. Предстоит нешуточное разбирательство. Но все присутствовавшие на совещании должностные лица дружно сошлись во мнении: при существующем на сегодня раскладе следует по мере возможности сохранить случившееся в тайне.

«А ведь я мог угодить под пули снайперов, — в который уже раз подумал В.В. — Хорошо, что доверился интуиции и в последний момент все перерешил. Еще надо сказать спасибо Эму, сотрудникам „Мерлона“, в частности, Мануилову, а также ребятам из спецназа... Вот была бы глупость... Всего четыре дня осталось! И погибнуть в какой-то ментовской разборке...»

— Десять трупов, — в задумчивости проговорил В.В. — Не слишком ли много?

— Наши люди вынуждены были действовать в форсмажорной ситуации, — сказал Эм. — Все они обладают «лицензиями». Их действия я считаю грамотными. Или я что-то неправильно понял, Владимир Владимирович?

— Особо стоит отметить Бушмина и Мокрушина, — подал голос Мануилов. — Не знаю, как им все удастся, но эти двое всегда оказываются в нужном месте в нужное время.

— Операция проведена на грани фола, но результат ее успешен. — На губах премьера заиграла улыбка. — А победителей, как известно, у нас не судят.

Глава 16

Дальнейшее Андрей представлял себе примерно так... После акции в подмосковном Хофрине боевиков ГРУ, по идее, должны вернуть на «базу» в районе Чистых прудов. На пару с Рейнджем они осядут на какое-то время в бывшем офисе подразделения «П-ЗР». Распакуют свои персональные ноутбуки и примутся составлять докладные начальству. По обыкновению какие-то эпизоды придется опустить, а некоторые события, участниками которых им довелось быть, изложить в собственной интерпретации.

Потом они приведут себя в «уставной» вид и в сопровождении своих замов Тимохи и Черепа, то есть майора Тимофеева и капитана Черепанова — последний со своими ребятами находился уже в Москве, — отправятся на «ковер» к начальству. В «Аквариуме» их надолго не задержат, потому как руководство ГРУ еще раньше передало две свои спецгруппы в аренду одному из управлений Совбеза. С Хорошевского шоссе они переберутся на Старую площадь, где им могут устроить уже настоящий «разбор полетов». Бушмину наверняка достанется за то, что он так позорно лопухнулся в Слепцовой. Рейнджу еще раз напомнят, что не следует мочить народ без разбора, даже если это заговорщики и коррумпированные менты. И уже обоим попеняют за их склонность к импровизациям: «Здесь вам не Грозный! Не Чечня! Что это еще за снайперские поединки?»

Но чтобы так уж очень ругаться... нет, не должны. Скорее всего, пронесет и на этот раз.

Ну а дальше... Пулей, молнией — в Балашиху! Где Андрея Бушмина ждет самая красивая женщина в мире. К черту всех остальных, даже лучшего друга и кореша Вову Мокрушина! Они

встретят Новый год вдвоем, Кондор и Елена Прекрасная. А с ними будет праздновать круглую дату и третий член семьи — ему суждено родиться уже в новом веке...

События развивались бы именно так, будь Андрей Михайлович Бушмин обычным офицером Главного разведуправления, пусть даже временно прикомандированным к Совбезу. Но он являлся сотрудником спецслужбы разряда «элита», обладал «лицензией» и «неограниченным допуском». Никого сейчас по большому счету не интересовали планы Кондора. Потому что в стране назревало что-то по-настоящему серьезное...

* * *

Вечером 27 декабря команда Мокрушина была передана в оперативное подчинение руководству Федеральной службы охраны. Фактически же Рейндж в эти наполненные скрытым напряжением предновогодние дни сотрудничал с группой «Мерлон», а также находился в постоянном контакте с людьми, обеспечивающими охрану председателя правительства России.

Полтора десятка сотрудников Главного разведуправления, сплошь опытные, обстрелянные офицеры, наряду со спецгруппой ФСО, закодированной как «девятка», составили подразделение силового прикрытия, сформированное на тот случай, если вдруг повторится нечто схожее с инцидентом в поселке Хофрино.

Таким образом, вплоть до полудня 31 декабря Рейндж и его люди неизменно появлялись в тех местах, где в эти дни могли видеть российского премьера. Они не были на виду, держались в тени, но в любой момент готовы были прийти на помощь личной охране премьера.

Тем временем подразделение под командованием майора Бушмина, носившее ранее наименование РДГ «Терек», было задействовано в силовом обеспечении «тихой» акции, проводимой в эти дни совместными усилиями ФСБ и оперативно-следственной бригады Генпрокуратуры. Хотя спецоперация федеральных сил в Чечне носит кодовое название «Охота на волков», события последних дней показали: эти хищники водятся не только в горах Северного Кавказа, но и в российской столице.

На первом этапе были задержаны и отправлены в следственный изолятор семеро офицеров МВД, в званиях от подполковника до генерал-майора, в том числе глава Второго спецотдела и заместитель начальника УСБ МВД. Из Чечни доставили еще пятерых, причем один из них являлся полковником ФСБ, а двое были видными чинами из Военной прокуратуры (Северо-Кавказского управления).

Полковник внутренней службы Заруцкий во время событий в Хофрине находился в Главном госпитале МВД. Таким образом он намеревался «откосить» от участия в мероприятии, которое вместе с коллегами планировал превратить в мясорубку для своего начальства. Заодно и алиби себе обеспечивал.

Хотя Заруцкий не был болен, он все же умер 28 декабря, во второй половине дня. Полковник скончался в палате, которую занимал единолично и которую негласно охраняли двое офицеров внутренней службы. Умер он от сердечного приступа. Причем незадолго до того, как он покинул этот мир, его в палате посетили три «ангела» в белом. Один из них, сняв с лица марлевую повязку, дабы «больной» смог получше разглядеть, кто стоит перед ним, внятно и четко произнес:

— Я предупреждал, полковник, что буду за вами следить!

Латыпова брали в поселке Жуковка-3. Генерал, очевидно, внутренне был готов к аресту, хотя до последнего момента на что-то надеялся. На то, чтобы пустить пулю в лоб, у него не хватило духа, хотя в момент задержания его штатный «ПСМ» лежал перед ним на столе.

Как только Латыпов увидел перед собой сотрудников в штатском, он впал в протрацию. По дороге в Москву, когда его везли в микроавтобусе в следственный изолятор в Лефортово, он не то что не произнес ни слова, но даже никак не реагировал на происходящее. В лице его не было ни кровинки, глаза пустые и безжизненные.

Какой-то проблеск мысли появился в его взгляде лишь в тот момент, когда спецтранспорт ненадолго притормозил у ворот изолятора. В салоне появилась молодая женщина с короткой мальчишеской стрижкой. Она с презрением посмотрела в глаза Алексею Латыпову, которого когда-то считала порядочным человеком.

— Предатель!

И плюнула ему в лицо.

Что касается самых матерых вожаков волчьей стаи, то их отстрел, насколько мог разобраться в ситуации Бушмин, перенесли на более поздние сроки.

...31 декабря, в полдень, полковник Шувалов выстроил личный состав обеих спецгрупп на базе в районе Чистых прудов. Поблагодарив подчиненных за службу от себя и от имени командования, он поздравил всех с наступающим Новым годом. Потом поманил пальцем сотрудника Финуправления МО, которого привез с собой. Тот оказался кем-то вроде Деда Мороза. В итоге каждый получил премию в размере двухмесячного оклада, за что и расписался в ведомости. Вот так, с денежками в кармане и с мыслями о предстоящем отпуске в целый календарный месяц, сотрудники ГРУ разъехались по домам, где их уже ждали наряженная елка, праздничный стол с закусками и близкие люди.

Но не все разъехались по домам.

— А вам, отцы-командиры, — Шувалов сделал загадочное лицо, — придется поехать со мной!

* * *

Вскоре они уже стояли на взлетном поле аэропорта Шереметьево-1, где по какому-то поводу собралось немалое количество народа.

— Все очень круто, — негромко сказал Мокрушин, повернувшись к приятелю. — Я, Андрюша, своими глазами все видел! И в Кремле утром тоже был! Когда телевизионщиков пригласили, чтобы они засняли для истории процедуру передачи «чемоданчиков», мы с Михалычем и с мужиками из «девятки» рядом стояли, вроде как на стреме. Представляешь?!

— Да, будет о чем вспоминать, — усмехнулся Бушмин. — Кажется, Рейндж, дела наши скоро пойдут на поправку.

Мокрушин кивком указал на лайнер, к которому уже подъехал трап.

— Ты как, Андрей, просекаешь фишку? Понимаешь, куда он собрался лететь?

— Тсс... Это пока государственная тайна.

Их разговор неожиданно прервался. Двое уже знакомых им сотрудников ФСО привели с собой женщину и ребенка.

— Надо же, — обрадовался Мокрушин. — Опять вся наша компания в сборе!

Со вкусом подобранный наряд и толика косметики буквально преобразили Анну Дольникову. Бушмин раньше видел ее в лохмотьях беженки и еще в гражданке, которую им выдали накануне акции «работодатели». Тем разительнее оказался эффект. Сейчас перед ним была молодая красивая дама. У Вовы Мокрушина, смотревшего на Анну во все глаза, даже челюсть отвисла.

— Ну как я вам?

Впервые за долгое время она по-настоящему улыбалась. И на ее зардевшихся не то от смущения, не то от волнения щеках появились симпатичные ямочки.

— Нет слов... — пробормотал Рейндж. — Анна, ты выглядишь просто потрясающе!

Он посмотрел на Ивана, крепко державшего за руку свою новую маму. Надо же, парень хоть куда! Особенно сейчас, когда его отмыли, подстригли и нарядили, как лондонского денди. Но глазки все равно настороженные. Видно, не забыл еще парень о пережитых ужасах.

Мокрушин протянул ему свою широкую ладонь:

— Держись и за меня, Иван. Ничего не бойся! Здесь — твои друзья.

Бушмин заметил, как из здания аэропорта вышла группа людей.

— А вот и начальство!

* * *

Исполняющий обязанности Президента России должен был вылететь через несколько минут в Махачкалу. Вместе с супругой, поскольку Новый год принято встречать в семейном кругу. Но лишь единицы знали, что высшее должностное лицо государства намерено посетить Чечню.

Он знал, что от него ждут многого. И прежде всего ждут выполнения своих обещаний.

Обычная в таких случаях церемония проводов не заняла много времени. Правда, на несколько минут В.В. задержался — перед ним стояли двое рослых мужчин, молодая женщина и ребенок.

— Анна Сергеевна... — В.В. смотрел прямо в глаза Дольниковой. — Благодаря вам я на некоторые вещи стал смотреть по-другому. Если угодно, я научился чему-то важному... Увидите, дела у нас наладятся. С Новым годом вас, и счастья в новой жизни.

Когда он посмотрел на мальчишку, на его губах появилась едва заметная улыбка. Ваня попытался юркнуть за спины взрослых, но Рейндж пресек его попытку.

— Я вижу, ты серьезный парень, — одобрительно кивнул В.В. — Как звать-то тебя?

И тут неожиданно раздался звонкий голос:

— Дольников я! Иван... Алексеевич.

— Вот что, Иван Алексеевич... Приходи ко мне в гости. В Кремль. Я приглашаю тебя на кремлевскую елку. Договорились?

Теперь глава государства смотрел на сотрудников ГРУ, лица этих двоих, как и их деяния, были ему уже известны. Премьер прекрасно понимал: перед ним стояли люди, на которых можно положиться. И таких в богатой талантами России найдется немало. Они всеми силами поддержат любое благое начинание, но не дай бог им и на этот раз обмануться в своих ожиданиях.

И вот еще о чем подумал В.В. Только недавно они с Эмом обсуждали один важный вопрос. Речь шла о злополучной Чечне и об Умарове, которого в последнее время упустили из виду. «Горец» сейчас находится в Лондоне. А в Чечне удалось наконец добыть разведанные по сходке в Шатое. Информация была весьма тревожная, к тому же полностью совпадающая с «засекреченной» частью разговора Исмаилова с Умаровым.

«Горец» и еще два влиятельных чеченца — втроем они контролировали российскую и западноевропейскую «общины» — вынуждены были поклясться на Коране, взять на себя фатву. У них — четыре месяца на подготовку. А задуманное ими должно коренным образом изменить положение дел в Чечне, и это, конечно же, больно заденет Россию.

Не исключено, что противодействовать зловещим планам придется и этим двоим парням. Но вначале нужно дать им возможность как следует отдохнуть — они заслужили.

— Благодарю вас за службу, товарищи офицеры.

— Служу Отечеству! — по уставу ответили друзья.

Когда самолет взмыл в воздух, оба перевели дух.

— Знаешь, Андрюша... Я до последнего момента боялся, что он заберет нас с собой.

— Типун тебе на язык, Рейндж! Все, все... Поехали домой! С нами встретишь праздник, о'кей?

— Спасибо, друг, за приглашение, но ты опоздал. — Широкая улыбка украсила физиономию Рейнджа. — Мы встречаем Новый год своей компанией. Так что давай поручкаемся, брат, а Лене я сам позвоню...

* * *

Когда Андрей направлялся к стоянке, где его ждал служебный транспорт, неожиданно выяснилось: предновогодний день преподнесет еще один сюрприз.

— Андрей Михалыч, вам придется пройти с нами.

Немного удивленный таким поворотом, Бушмин посмотрел на двух крепких мужчин в штатском. Оба — сотрудники охраны и.о. Президента. И что, спрашивается, им от него нужно?

— У нас приказ, — сказал один из сотрудников. — Исполняющий обязанности Президента страны приказал срочно доставить вас домой к жене!

Когда бронированный представительский лимузин выруливал в сопровождении машины ГИБДД с площадки перед зданием аэропорта, Бушмин, которого бережно усадили в салон, заметил еще один президентский «мерс» — из открытого окна машины ему помахал ручкой

ухмыляющийся до ушей Рейндж.

Озабоченный, Андрей почесал в затылке. Они с Рейнджем втайне опасались, что за последние «подвиги» начальство может настучать им по черепушкам. А тут оно видишь как повернулось.

* * *

Роскошный «членовоз» мчался по трассе, а впереди, рассекая густеющие сумерки всполохами мигалок, по зеленому коридору шла машина ГИБДД.

— Командир, — обратился к водителю Мокрушин, — ты можешь проложить маршрут так, чтобы был виден Кремль?

— Нет проблем, — отозвался шофер. — Сделаем!

Вся троица — мужчина, женщина и ребенок — удобно устроилась на заднем сиденье правительственного лимузина. Анна Дольникова прислушивалась к переменам, происходившим в ее душе. Она опять стала женщиной. В полном смысле этого слова. Теперь у нее есть сын. И есть рядом такие люди, с которыми интересно жить, а Володя даже... Ей трудно было еще додумать эту мысль до конца.

А Иван во все глаза смотрел на сверкающую новогодним нарядом и залитую морем огней Москву. После развалин Грозного ему казалось, что он попал в сказку. Кремль походил на волшебный дворец. А в том дворце, он это точно знает, живет человек, который пригласил их с мамой к себе в гости, на новогоднюю елку.

Рейндж был доволен, как никогда. Будет что в старости вспомнить! Эх, сейчас бы поставить любимую «Охоту на волков» Высоцкого! Да, славно они с Андрюшей поохотились...

Или «Статус-кво», знаменитую «Ты в армии — сейчас!». Так и распирает от избытка энергии!

Мокрушин осторожно обнял за плечи своих спутников.

— Что ни говорите, а жизнь, братцы, все же отличная штука...

* * *

В предновогоднюю ночь порой случается так, что сказка становится явью.

Не удержавшись, Лена Бушмина и ее «компаньонка» Ольга Яковлева набросили дубленки и выскочили из подъезда на улицу.

До наступления Нового года оставалось чуть более шести часов. Елка украшена, стол накрыт, оставалось только дожидаться обещанного сюрприза.

Несколько минут назад в квартире Бушминых раздался телефонный звонок. Лена, конечно, была в курсе последних новостей. Знала и о самой важной из них: в стране сменилось политическое руководство. Но все равно растерялась, когда ей сказали: «С вами будет говорить исполняющий обязанности Президента России».

«С наступающим Новым годом, Елена Владимировна! Помните, я вам кое-что пообещал при встрече? Так вот, встречайте...»

Последние трое суток Андрей ей звонил несколько раз в день. Она сердцем чуяла: он где-то

рядом. Но, наверное, занят каким-то важным делом, а потому не принадлежал самому себе.

Яковлева первая заметила всполохи мигалок. Разглядев, в какой машине везут домой Андрюшу Бушмина, она, изумленная, ахнула. Это ж каких дел наворотил Кондор?! Это ж сколько бусурман и прочих недобрых людей порешил, если сам глава государства дал ему прокатиться на своем «мерсе»?!

Лимузин мягко притормозил у дома. И тут же открылась задняя дверца, и из машины выбрался Кондор с роскошным букетом роз в руке. Рядом с Кондором шел незнакомый мужчина с празднично украшенными корзинами — новогодними подарками и гостинцами к столу от исполняющего обязанности Президента.

— С возвращением тебя, Кондор, — сказала Яковлева. — Вот твоя жена! В целости и сохранности! Получи и распишись...

Но Андрей Бушмин уже не видел ни Ольги, которой был обязан за сохранность жены, ни ребят, доставивших его домой с новогодними гостинцами, — он ничего вокруг не замечал. Видел только любимую, ее сияющие, мерцающие слезинками глаза. Видел, как она тянется к нему...

Он обнял жену и крепко поцеловал ее в соленые от слез щеки и губы и вдруг произнес слова, которые сами собой сорвались с языка:

— Все будет нормально, Лена. Все у нас будет хорошо.